

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ
В ОСВОБОДИВШИХСЯ
СТРАНАХ АЗИИ
И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ПУТИ РАЗВИТИЯ ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАН ВОСТОКА

Редакционная коллегия

Г. Ф. КИМ (председатель), *А. В. БЕЛЕНЬКИЙ* (ученый секретарь),
К. Н. БРУТЕНЦ, *Ан. А. ГРОМЫКО*, *А. Б. ДАВИДСОН*,
А. В. КИВА, *В. Ф. ЛИ*, *Л. Р. ПОЛОНСКАЯ*, *Е. М. ПРИМАКОВ*,
В. Г. РАСТЯННИКОВ, *Н. А. СИМОНИЯ*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ
В ОСВОБОДИВШИХСЯ
СТРАНАХ АЗИИ
И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987

Ответственный редактор

А. В. Кива

Авторский коллектив

В. П. Байдаков (глава VI), *В. В. Баранов* (глава VII), *С. В. Воронин* (глава II), *Ю. Н. Гаврилов* (Введение), *А. Ю. Другов* (глава V), *А. В. Кива* (Введение, главы I, III, IV, Заключение), *Г. Ф. Ким* (Введение), *В. П. Кудинов* (Введение), *И. Н. Куранов* (глава VII), *П. М. Пак* (глава VIII), *С. А. Панарин* (глава III), *Л. А. Фридман* (глава III), *Л. В. Хлебников* (глава VI), *И. Е. Хоменко* (глава IV), *Ф. Н. Юрлов* (глава VI).

В монографии использованы материалы *Г. А. Воскресенского*, *Э. Н. Комарова*, *П. В. Куцобина*, *Н. Г. Лозовой*, *А. М. Мельникова*, *А. О. Филоника*, *Л. А. Фридмана*. Научно-техническая подготовка рукописи осуществлена *В. Х. Васильевой*, *Г. А. Воскресенским*, *А. Б. Крыловым*.

Рецензенты: *В. Ф. Васильев*,

Г. И. Левинсон, *В. А. Трофимов*

В книге рассматриваются вопросы зарождения, становления и современного положения партий пролетарского авангарда в странах Азии и Африки. Особое внимание уделено специфике развития коммунистического движения в этих странах, обусловленной их колониальным прошлым, уровнем экономического развития и массового сознания. Исследуются проблемы стратегии и тактики, выясняется место коммунистического движения афро-азиатских стран в мировом коммунистическом движении, рассказывается о практической деятельности коммунистов в массах.

П 030202000-125 КБ-9-68-87
013(02)-87

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1987.

ВВЕДЕНИЕ.

Коммунистическое движение в странах Востока, возникнув под непосредственным воздействием Великой Октябрьской социалистической революции, стало затем неотъемлемой составной частью международного коммунистического движения. В ходе становления и развития молодые компартии Востока проходили школу Коминтерна, и этапы их пути во многом сходны с этапами развития компартий в странах других континентов.

Афро-азиатские компартии — важный фактор национально-освободительной революции, ее активная сила. Они внесли достойный вклад в дело политического освобождения народов своих стран. В ходе борьбы за достижение этой цели коммунисты проявили себя как наиболее последовательные и решительные борцы, что способствовало росту их популярности среди широких масс, укреплению авторитета и влияния коммунистического движения. Стремясь остановить этот процесс, реакционные силы часто прибегали к таким мерам, как запрещение деятельности компартий, использование жесточайших репрессий против коммунистов, применение методов террора и физической расправы, провокаций и клеветы. В отдельные периоды правые силы и реакция, используя те или иные ошибки компартий, наносили им серьезные поражения, однако прервать закономерный исторический процесс развития коммунистического движения в бывших колониях и полуколониях им никогда не удавалось.

Компартии афро-азиатских стран и сейчас сталкиваются с немалыми трудностями. Не все они стали влиятельной силой в общественно-политической жизни своих стран. «Коммунистические и рабочие партии несоциалистического мира действуют в сложной и противоречивой обстановке. Весьма широк диапазон условий и форм их борьбы»¹.

Говоря о сложности развития коммунистического движения в этих регионах, следует учитывать своеобразные социально-экономические и политические условия, а также психологическую атмосферу, в которой приходится действовать компартиям. На их пути стоят враждебные силы империализма и местной реакции, широко прибегающие к репрессиям, террору, политическому шантажу, идеологическим диверсиям и другим подрывным действиям в целях расправы с коммунистами, их дискредитации, а также изоляции от масс. Коммунистам афро-

азиатских стран приходится преодолевать глубоко укоренившиеся в сознании масс отсталые формы идеологии и социальные стереотипы поведения, устаревшие традиции и обычаи. Нельзя упускать из виду и то, что рабочий класс в большинстве этих стран молод, в ряде случаев еще не выделился из непролетарских и полупролетарских трудящихся масс, являясь носителем их мирозерцания и социальной психологии.

В этих условиях исключительное значение для марксистско-ленинских партий приобретает правильное решение таких проблем, как отыскание подхода к широким массам, которые пока находятся под сильнейшим влиянием традиционализма во всем его многообразии, применение форм и методов распространения идей научного социализма, доступных пониманию трудящихся, причем без упрощения и вульгаризации великого учения. Завоевать доверие широких масс, которые находятся сейчас (и, по-видимому, еще долгое время будут находиться) под сильным воздействием традиционной идеологии, в частности религии (в первую очередь ислама), — одна из важнейших стратегических задач коммунистов Востока.

Бурный рост городского населения, все ускоряющийся процесс политизации крестьянства и повышение уровня грамотности трудящихся создают объективные предпосылки для расширения влияния идей научного социализма в освободившихся странах. О том, что коммунисты превращают эту объективную возможность в реальность, говорит рост численности марксистов-ленинцев в развивающихся странах, а также переход на позиции марксизма-ленинизма многих представителей непролетарских общественных движений.

В то же время исторический опыт показывает, что от партий пролетарского авангарда требуются напряженные и длительные усилия для того, чтобы в ходе повседневной и кропотливой работы подвести трудящихся к пониманию ими коренных целей и задач, обеспечить воспитание широких масс в духе революционных традиций пролетариата. Решить эту задачу в полном объеме оказалось делом чрезвычайно трудным, и в этом, как представляется, состоит одна из причин того, что многие афроазиатские партии научно-социалистической идеологии еще не стали массовыми и вне их влияния остается пока значительная часть рабочего класса, крестьянства, непролетарских трудовых слоев города, интеллигенции.

Очень трудной задачей для многих партий оказалось достижение прочного союза рабочего класса и крестьянства, хотя необходимость такого союза общеизвестна. Без этого пролетариат крестьянских стран не сможет выполнить свою историческую миссию. Компартии освободившихся стран сделали немало для привлечения трудового крестьянства на свою сторону, на путь установления союза между пролетариатом и крестьянством. В целом эта проблема, однако, еще далеко не решена, во многих странах с преобладанием крестьянского населения позиции

компартий в деревне пока недостаточно прочны. Об этом, к примеру, говорилось на XII (1983) съезде Компартии Шри-Ланки², на съездах и конференциях ряда других партий.

Подчеркивая в целом правильное положение о специфических особенностях развития коммунистического движения в бывших колониях и полуколониях, о преобладании в них крестьянства, непролетарских слоев населения, а также об относительной узости и слабости пролетарской базы, в то же время было бы неверно все это абсолютизировать и не замечать крупных перемен, которые постоянно в наши дни происходят и в базе, и в надстройке развивающихся стран.

Реальность такова, что к 80-м годам в афро-азиатском регионе произошли серьезные изменения в социально-экономической, политической и духовной сферах, которые требуют пересмотра ряда представлений, сложившихся как о странах этого региона, так и о проблемах, стоящих перед революционными силами. Так, за несколько десятилетий отдельные афро-азиатские государства превратились из аграрно-крестьянских в страны, где большая часть населения занята вне сельского хозяйства. Увеличилось число государств, в которых преобладает городское население. Практически в афро-азиатских странах существенно расширилась сфера применения наемного труда, а во многих рабочие и служащие составляют 70—80% всех занятых в промышленных отраслях и в третичном секторе экономики.

Естественно, что такие сдвиги способствовали трансформации социальной структуры населения, росту в ней доли современных классов.

В ряде афро-азиатских стран сформировались крупные отряды рабочего класса, причем, что очень важно, в передовых отраслях экономики, т. е. фабрично-заводского пролетариата, а также сельскохозяйственных рабочих. Так, к началу 80-х годов общая численность рабочего класса в Индии достигла почти 12 млн. человек, причем промышленные рабочие госсектора составили 6774 тыс. человек, или 58,2% промышленных рабочих организованной сферы экономики³. Нарастающими темпами растет численность фабрично-заводского пролетариата в Индонезии (свыше 1,5 млн. только в крупной и средней промышленности)⁴, Шри-Ланке (более 1 млн.), Египте (свыше 1,5 млн.), Иране (3,5 млн., по данным 1975 г.), Турции (свыше 4 млн.)⁵ и т. д.

Ныне рабочий класс и примыкающие к нему слои в немалом числе афро-азиатских стран составляют уже значительную часть, а иногда и самый крупный отряд самостоятельного населения.

Поэтому для правильного понимания проблем рабочего движения в зоне национально-освободительного движения весьма важен анализ социально-классовой структуры развивающихся стран, и прежде всего современного этапа формирования и развития самого рабочего класса.

Не затрагивая основных сторон этого явления, укажем лишь на то, что в современных условиях существуют благоприятные объективные и субъективные условия для ускоренного роста его классового самосознания, что решающим образом сказывается на выполнении трудной исторической задачи превращения его из «класса в себе» в «класс для себя».

Этот сложный и противоречивый процесс наблюдается во всех странах Азии и Африки. «Класс в себе» и «класс для себя» — эти определения принадлежат К. Марксу и Ф. Энгельсу. Ими они различали степень зрелости рабочего класса. С учетом новой общественной практики можно сказать, что как «класс в себе» пролетариат выступает за частичное улучшение своего экономического положения или участвует в политической борьбе, но под руководством других социально-классовых сил. Только становясь «классом для себя», пролетариат четко разграничивает собственные интересы и интересы других классов общества, он становится уже достаточно подготовленным для понимания своего положения в качестве политического авангарда общества. Обязательным условием для полного и окончательного превращения пролетариата в «класс для себя» является соединение научного социализма с рабочим движением, поднятие стихийной активности до уровня сознательной организованности. Разумеется, все это связано с формированием самостоятельных политических рабочих партий, их систематической организационной и идейно-политической работой в массах. Хотя этот важнейший процесс, обусловленный в конечном счете реальными организационными, политическими и идеологическими возможностями коммунистических партий в странах Азии и Африки, еще далеко не завершен, он успешно развивается, набирает темпы. «Нелегкие задачи стоят перед молодым и быстро растущим рабочим классом в странах Азии, Африки, Латинской Америки,— говорится в Программе КПСС.— Ему противостоят как иностранный капитал, так и местные эксплуататоры, в борьбе повышаются его политическая зрелость и организованность»⁶.

Проблема определения классовой и политической зрелости пролетариата вообще и в развивающихся странах в частности достаточно сложна. При рассмотрении этого вопроса следует отказаться от абстрактных схем и строго исходить из исторических реальностей, учитывая, конечно, при этом историческую перспективу. Иными словами, не следует переоценивать реальную общественно-политическую роль рабочего класса в тех странах, где он находится еще в стадии формирования, не имеет сильных классовых организаций и подвергается существенному воздействию со стороны непролетарских идеологий. В равной степени было бы ошибкой игнорировать быстро растущую идейно-политическую роль пролетариата во многих развивающихся странах.

При рассмотрении этого вопроса следует иметь в виду сле-

дующее. Практически во всех развивающихся странах сейчас развернулось большое промышленное строительство, что требует притока рабочей силы. В результате ядро пролетариата, которое олицетворяет его классовые качества, постоянно подвергается своеобразному «разрыхлению». Это явление влечет за собой уменьшение удельного веса кадровых промышленных рабочих — естественных носителей революционных традиций и опыта классовой борьбы, снижение, особенно в первое время, его «качественного» уровня. Положение осложняется еще и тем, что у молодого пролетариата пока не созданы традиции революционного рабочего движения. В период антиколониальной борьбы он не смог приобрести достаточного опыта классовой борьбы против «своей» буржуазии. А после завоевания независимости национальная буржуазия, опираясь на свое государство, прибегает к репрессиям и мерам идеологического воздействия для того, чтобы помешать росту классового сознания пролетариата.

Наряду с этим важнейшей чертой освободившихся стран остается глубокая дифференциация по степени развитости экономики и социально-классовой структуры, валютно-финансовому положению (прежде всего как следствие наличия или отсутствия дефицитного минерального сырья, особенно нефти), по материальному и социальному положению широких народных масс и т. д. Что касается основных показателей развития производительных сил, структуры народного хозяйства, то в наиболее крупных по численности населения государствах — Индии, Индонезии, Бангладеш и др. — крестьянство по-прежнему составляет большинство населения; в городах сосредоточено лишь 20—30% всех жителей; сфера наемного труда охватывает меньшую часть, а иногда около половины занятых в промышленных отраслях экономики и торговли.

Таким образом, с одной стороны, в 60—70-е годы в освободившихся странах произошли крупные социальные сдвиги, сказавшиеся на изменении соотношения сил в пользу укрепления основных классов современного несоциалистического общества — пролетариата и буржуазии; с другой — усилилось разнообразие уровней социально-экономического развития, национально-специфических условий. Дальнейшая дифференциация условий революционной борьбы поставила перед компартиями задачу внесения соответствующих изменений в политику.

В то же время, указывая на серьезные перемены в социально-экономической и общественно-политической структуре азиатских стран, следует учитывать, что общественное сознание имеет тенденцию отставать от изменений в материальном производстве и в сфере социальных отношений. В наибольшей степени это относится к вчерашним колониям и полуколониям с крупными пластами традиционализма в общественном сознании. И по сей день в жизненном укладе этих стран огромную роль играют традиционные формы общественных отношений и

массового сознания, а в ряде случаев и традиционные типы хозяйствования.

Тем не менее сдвиги в социально-классовой структуре афро-азиатских стран, в первую очередь, конечно, наиболее развитых, ставят перед марксистско-ленинскими партиями ряд новых и сложных проблем. Это, в частности, проблема завоеваний той части рабочего класса, которая формируется в наиболее современных секторах экономики. Создаваемые в ходе индустриализации капиталоемкие промышленные предприятия нуждаются в рабочих с высоким уровнем образования. В бывших колониях и полуколониях, где подавляющее большинство населения неграмотно, таким образовательным цензом обладают главным образом выходцы из имущих слоев города и деревни⁷. Значительная часть нового пополнения рабочих сохраняет патриархальные и мелкобуржуазные пережитки в психологии, подвержена воздействию непролетарской идеологии. Кроме того, буржуазия стремится направить политическое развитие новых квалифицированных рабочих по реформистскому пути, предоставляя им сравнительно высокие заработки и социальные льготы, старается заразить их частнособственнической психологией. Все это, естественно, затрудняет работу компартий среди новых пополнений квалифицированных рабочих и требует особых усилий в деле их идейно-политического воспитания.

Привлечение на свою сторону квалифицированных рабочих передовых отраслей экономики, значительной части пролетариата в целом — также задача, поставленная многими компартиями с целью постепенного изменения их социального состава в пользу увеличения прослойки пролетариата и трудового крестьянства. То обстоятельство, что большинство афро-азиатских компартий первоначально формировались в основном на базе городской интеллигенции и других представителей средних слоев, имеет свое историческое объяснение. Оно — прямое следствие отсталой социально-классовой структуры бывших колониальных и полуколоний, неразвитого общественного сознания трудящихся масс, включая молодой пролетариат.

Укрепление позиций компартий в рабочем классе способствовало бы созданию и упрочению их массовой независимой социально-политической базы. Такую цель ставят перед собой практически все партии пролетарского авангарда афро-азиатских стран.

Сельскохозяйственный пролетариат, в особенности те его отряды, которые выросли на базе современной машинной техники, — это тоже объекты пристального внимания компартий афро-азиатских стран. Известно, что в последние десятилетия в сельском хозяйстве ряда азиатских стран в результате сравнительно широкого применения машин произошли крупные изменения, наблюдался быстрый рост армии сельскохозяйственных рабочих.

Жизнь выдвинула в последние годы перед политическим

авангардом пролетариата, по существу, новую проблему — необходимость сформировать позицию в отношении так называемых маргинальных слоев. Это — огромная армия низов городского и сельского общества, насчитывающая в афро-азиатских странах десятки миллионов человек. Неимоверные трудности сопутствуют работе с маргинальными слоями, для которых характерны неустойчивые социальные ориентиры, большая подверженность шатаниям, колебаниям, шараханьям из стороны в сторону в своих действиях. Эти слои, а точнее говоря, значительная их часть, таящая в себе огромный социальный взрывной заряд, часто подпадает под влияние религиозно-коммуналистских сил, правой реакции, экстремистски настроенных, анархистско-террористических деятелей. Вырвать эти слои из-под такого влияния — большая и сложная задача, стоящая перед коммунистами.

Можно было бы указать еще на ряд актуальных проблем, подлежащих решению коммунистами афро-азиатских стран, но все они, как и названные выше, будут предметом рассмотрения в этой коллективной монографии.

Монография является очередной книгой серии «Пути развития освободившихся стран Востока», в которую вошли работы по современным проблемам развивающихся стран, подготовленные Отделом общетеоретических проблем социально-политического развития стран Азии и Северной Африки Института востоковедения АН СССР.

При рассмотрении деятельности компартий в отдельных странах и регионах авторами ставится ряд важных теоретических вопросов. Афро-азиатские страны обладают во многом сходными чертами, что придает выводам о деятельности отдельных компартий широкое значение. В книге не рассматривается специально идеологическая борьба компартий. Тема эта еще недостаточно разработана и требует отдельного исследования. Наряду с этим борьба компартий в сфере идеологии показывается всякий раз, когда идет речь о реализации их стратегии и тактики.

Работа компартий среди сельскохозяйственных рабочих анализируется в главе III («Коммунисты и крестьянство») потому, что сельскохозяйственные рабочие (за исключением небольшой их части, а именно рабочих плантаций, госферм, а также механизаторов) по своему общественному положению, особенностям социального облика и поведения, а также вследствие сохранения многими из них собственного мелкого хозяйства тесно связаны с крестьянством.

Совершенно очевидно, что ряд поставленных в работе теоретических проблем требует дальнейшего развития, уточнения и углубленной разработки. Это относится прежде всего к таким вопросам, как борьба за создание массовой базы компартий, работа коммунистов по расширению своего влияния в сельской местности, завоеванию на свою сторону рабочих современных

отраслей промышленности, а также тех слоев трудящихся, которые находятся под воздействием традиционализма; сюда же относится проблема выработки коммунистами политической линии по отношению к городским низам и другим обездоленным массам (хариджане, «списочные племена» и т. д.).

Что представляется бесспорным, так это потребность в работах, посвященных рассмотрению наиболее злободневных вопросов теории и практики коммунистического движения развивающихся стран. Не в последнюю очередь такая потребность вызывается тем, что по мере развития коммунистического движения, усиления его влияния на ход общественной эволюции бывших колоний и полуколоний появляется много новых сложных проблем, поиски решения которых требуют коллективных усилий. Но это, разумеется, задача, выходящая далеко за рамки одной работы или возможностей одного авторского коллектива. С ней могут справиться лишь общими усилиями марксисты-обществоведы различных стран.

Дальнейшее изучение этих проблем позволит лучше понять чрезвычайно сложный и многогранный процесс развития коммунистического движения в освободившихся странах.

Если авторы данной книги хотя бы частично способствовали достижению этой цели, то они будут считать, что их усилия не пропали даром.

В. И. Ленин и Коминтерн о некоторых вопросах стратегии и тактики компартий стран Востока

Зарождение и первые годы становления коммунистического движения в странах Востока проходили, как известно, под непосредственным воздействием гения В. И. Ленина. Вождь мирового пролетариата поставил перед коммунистами Востока с учетом специфики условий колониальных и зависимых стран важнейшие задачи, многие из которых не потеряли актуальности и в наши дни⁸. Подчеркивая своеобразную социальную структуру обществ экономически отсталых стран, где основная масса населения не рабочие, а трудовое крестьянство, подвергавшееся по преимуществу докапиталистическим формам эксплуатации, В. И. Ленин на II съезде коммунистических организаций народов Востока говорил: «Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекоммунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков. Это трудная и своеобразная задача...»⁹.

В ходе подготовки ко II конгрессу Коминтерна и в период его работы В. И. Ленин разрабатывает политику коммунистов применительно к условиям колониальных и зависимых стран. Он указывает, в частности, что возникающие в этих странах компартии должны помогать буржуазно-демократическому освободительному движению колониальных народов, а поддержки коммунистов заслуживают лишь движения, выступающие против эксплуатации и угнетения. Причем подобные движения, если коммунисты сумеют придать им подлинно революционный характер, могут открыть перспективу развития отсталых в социально-экономическом отношении стран к социализму в обход капитализма. В. И. Ленин обращает внимание на необходимость воспитывать коммунистические элементы на Востоке в духе осознания ими своих особых задач. Он решительно предупреждает против перекрашивания буржуазно-демократических освободительных движений, партий в цвета коммунизма.

В. И. Ленин призывает коммунистов заключать временные союзы с буржуазной демократией колоний и зависимых стран в интересах антиимпериалистической, антиколониальной борьбы, но при этом выступает за сохранение самостоятельности коммунистического движения даже в зачаточных его формах. Понимая, какое значение в странах Востока имеют традиции, В. И. Ленин требует от коммунистов бережного отношения к ним¹⁰.

В молодом коммунистическом движении получили в то время сравнительно широкое распространение левацко-догматические взгляды на развитие революционного процесса. Так, часть коммунистов Востока считала, что раз мир вступил в эпоху революционного перехода от капитализма к социализму, то это значит, что любая колониальная и зависимая страна находится накануне социалистической революции. Из такого утверждения логически следовало, что пролетариат стал уже повсеместно гегемоном революции. Причем поскольку под пролетариатом понимались все неимущие, то пролетарии, согласно такой логике, составляли большинство населения азиатских стран. Утверждалось также, что политическое сознание масс, втянутых в революционную борьбу, выросло настолько, что они не признают иного руководства, кроме как пролетарского в лице его партии; что местные национально-буржуазные деятели утратили способность руководить массами, вступив в сговор с буржуазией метрополий; что революция в колониях — непременное условие ликвидации капитализма в метрополиях, а непосредственной задачей коммунистов в колониях является борьба за власть¹¹.

Анализируя конкретную обстановку, В. И. Ленин доказывает, что основное противоречие между колониальными и зависимыми странами сводится к конфликту между подавляющим большинством их населения и империализмом метрополий, а в

разрешении последнего заинтересованы не только трудящиеся, но и значительная часть местных имущих элементов. В. И. Ленин отмечает, что поскольку в колониальных и зависимых странах основную массу населения составляет крестьянство, то без взаимодействия с ним, без выработки правильной политики по аграрно-крестьянскому вопросу коммунистические партии развития не получают, «если они вообще могут возникнуть в таких странах...»¹².

Поэтому В. И. Ленин решительно выступает против форсирования революционного процесса. Он неоднократно подчеркивает, что предстоящий этап революции в колониальных и зависимых странах — не социалистический, а антиколониальный, антиимпериалистический.

Состоявшийся в июле—августе 1920 г. II конгресс Коммунистического Интернационала принял на вооружение идейно-теоретические, тактико-стратегические и организационные установки В. И. Ленина, что явилось большим вкладом в дело сближения марксизма-ленинизма с международным рабочим и антиимпериалистическим движением трудящихся и угнетенных масс колоний.

II конгресс Коминтерна исходил из того, что первоочередной задачей революции в колониях должна быть ликвидация иностранного господства. Для достижения этой цели, как отмечалось в его решении, «Коммунистический Интернационал должен вступать во временные соглашения, даже в союзы с буржуазной демократией колоний и остальных стран...»¹³. Обязанностью коммунистов, выразителей коренных и перспективных интересов пролетариата и всех трудящихся, должна быть всемерная поддержка прогрессивных начинаний национально-революционных партий. Коммунисты должны при этом способствовать упрочению связей этих партий с трудящимися массами своих стран и антиимпериалистическими силами на международной арене, помогать им осознать, что подлинное освобождение народов можно осуществить, лишь опираясь на прочный фундамент научного социализма. Деятельность мирового коммунистического движения должна быть направлена на установление прочных связей с трудящимися и эксплуатируемыми массами, на пробуждение их общественной активности. Подчеркивалась необходимость находить пути и методы перевода стихийного протеста трудящихся масс против колониального рабства в русло целенаправленной, организованной борьбы за ликвидацию всех форм эксплуатации и угнетения.

Разработанная В. И. Лениным политика коммунистического движения в колониальных и зависимых странах может быть определена как политика союзов и блоков с силами, заинтересованными в ликвидации империалистического угнетения, и прежде всего с крестьянством, при обязательном условии сохранения самостоятельности коммунистического и рабочего движения.

Важно отметить также, что на II конгрессе Коминтерна В. И. Ленин обосновал выдвинутый в свое время К. Марксом и Ф. Энгельсом научный прогноз о возможности перехода к социализму, минуя капитализм. В. И. Ленин, защищая этот гениальный прогноз основателей научного коммунизма от нападок социал-демократических реформистов и ревизионистов, сделал вывод, что в новых исторических условиях капиталистическая стадия развития не является неизбежной для стран, в которых господствуют докапиталистические отношения. Далее он уточняет, что они придут к социализму с помощью пролетариата передовых государств, минуя определенные ступени развития.

Состоявшийся в 1922 г. IV конгресс Коминтерна, в работе которого принял участие В. И. Ленин, признал «знаменательным фактом» образование самостоятельных пролетарских партий, стоящих на классовых позициях. Вместе с тем Конгресс указал на то, что пролетариату Востока предстоит проделать предварительную работу над самим собой и смежными с ним общественными слоями, чтобы быть готовым к роли политического вождя. В этой связи подчеркивалась ленинская мысль о важности борьбы за крестьянство, поскольку «революционное движение в отсталых странах Востока не может иметь успеха, если оно не базируется на действиях широких крестьянских масс»¹⁴.

Конгресс расценил как «оппортунизм худшего вида» попытки части молодых коммунистов отказаться от участия в общей антиимпериалистической борьбе под предлогом «защиты» самостоятельных классовых позиций. Подобный подход, указывалось в тезисах по «Восточному вопросу», может «лишь дискредитировать» саму идею пролетарской революции в колониальных и зависимых странах. Не менее вредной была признана и политика, которая во имя ложно понятого национального единства вела на практике к отказу от борьбы за насущные нужды и повседневные интересы рабочего класса. «Перед коммунистическими и рабочими партиями колоний и полуколониальных стран,— говорилось в тезисах,— стоит двойная задача: с одной стороны, они борются за наиболее радикальное решение задач буржуазно-демократической революции, направленной на завоевание государственно-политической независимости; с другой стороны, они организуют рабочие и крестьянские массы для борьбы за их социально-классовые интересы... Рабочий класс колоний и полуколоний должен твердо знать, что лишь расширение и углубление борьбы с великодержавным империалистическим гнетом может выдвинуть его на роль революционного вождя. И наоборот, лишь экономическая и политическая организация и политическое воспитание рабочего класса и допролетарских слоев способны увеличить революционный размах борьбы с империализмом»¹⁵.

Поэтому главная задача политических организаций проле-

тариата, подчеркивалось далее в тезисах, состоит в борьбе за массы путем защиты их повседневных интересов и участия в движениях, открывающих доступ к массам.

На основе анализа ситуации в колониальных и зависимых странах Конгресс сделал ряд важнейших выводов, прежде всего о качественном отличии революционных битв в колониальных и зависимых странах от буржуазно-демократических революций в Европе. Суть этого отличия состоит в том, что буржуазно-демократические революции в европейских государствах были направлены исключительно на утверждение капитализма как социально-экономической системы, а «объективные задачи колониальной революции,— отмечалось в тезисах по „Восточному вопросу“,— выходят из рамок буржуазной демократии уже потому, что решительная победа ее несовместима с господством мирового империализма»¹⁶.

В колониальных и зависимых странах в первой четверти XX в. основными носителями капиталистических производственных отношений были империалистические монополии. От их гнета страдали трудящиеся массы не только колониальных и зависимых стран. Они же были главным препятствием на пути развития также местных предпринимательских элементов, что объективно приводило основную их часть на позиции антиколониализма, создавало реальную базу для объединения различных социальных слоев и групп местного населения на основе общности борьбы против империалистического угнетения.

Исходя из этого, IV конгресс Коминтерна выдвинул лозунг о необходимости создания единого антиимпериалистического фронта в колониальных и зависимых странах. Перспектива длительной и затяжной борьбы с империализмом, говорилось в тезисах по «Восточному вопросу», требует «мобилизации всех революционных элементов... Этот лозунг также поможет развитию революционной воли и прояснению классового самосознания трудящихся масс, вводя их в передовые ряды борцов не только против империализма, но и против всяких пережитков феодализма»¹⁷.

Одной из важнейших задач такого фронта провозглашалась необходимость установить тесный союз между трудящимися массами колоний и полуколоний и Страной Советов, нацеленный на борьбу против империализма и феодализма, на внесение в массы идеологии антиимпериалистического интернационализма, на укрепление тесной взаимосвязи между антиколониальными революциями и борьбой пролетариата развитых капиталистических стран. Так Конгресс внес реальный вклад в борьбу за сплочение трех потоков революционного обновления мира — республик победившего пролетариата, рабочего класса капиталистических стран и борцов против колониального угнетения.

Ленинская оценка национально-освободительного движения как союзника социализма и революционного рабочего движе-

ния развитых капиталистических стран по антиимпериалистической борьбе определила стратегию и тактику коммунистов на целую историческую эпоху — эпоху осуществления революционного перехода к социализму в мировом масштабе.

Верность ленинской политике единого антиимпериалистического фронта в колониях и полуколониях была подтверждена и V конгрессом Коминтерна (1925). В его решениях подчеркивалась необходимость оказания всесторонней поддержки движениям угнетенных национальностей, ставящим своей целью борьбу против империализма. Конгресс приветствовал появление в колониальных и зависимых странах рабоче-крестьянских партий со сравнительно радикальной программой борьбы против империализма и поставил вопрос о том, что в странах со слаборазвитой социально-экономической структурой коммунисты должны выступать инициаторами создания подобных партий, а там, где они уже существуют, наладить с ними практическое сотрудничество¹⁸.

Народно-революционные, рабоче-крестьянские партии рассматривались международным коммунистическим движением как его ближайшие соратники по антиимпериалистической борьбе, как важный фактор политического просвещения и организационного объединения масс. При этом Коминтерн исходил из ленинской оценки исторической роли такого рода партий. В. И. Ленин рассматривал образование пролетарских партий как крупнейшее завоевание трудящихся. В то же время он считал, что в странах, где не сложился местный пролетариат, роль революционного авангарда, привлекающего на свою сторону крестьянство, интеллигенцию и местную буржуазию, могут выполнять народно-революционные, или, по современной терминологии, революционно-демократические, партии. При условии, что они будут последовательно защищать интересы трудового большинства и следить за тем, чтобы их ряды не были засорены чуждыми элементами¹⁹.

Коммунистический Интернационал считал, что существует хорошая основа для единства действий пролетарских и рабоче-крестьянских партий. И заключается она в том, что те и другие выступают в защиту коренных интересов и непосредственных требований трудящихся масс, в том числе демократических прав и свобод. Их борьба справедливо рассматривалась как средство политизации масс и постепенного их подведения к пониманию необходимости борьбы против всех видов эксплуатации и угнетения.

Развивая идеи конгрессов Коминтерна, его пленумы уделяли большое внимание проблемам антиимпериалистических, освободительных революций. Так, в 1926—1927 гг. руководящие органы Коминтерна в связи с обсуждением проблем развития революционного процесса в Китае, Индонезии и других странах вели большую работу по преодолению левацко-догматических тенденций у молодых коммунистов. В частности, подчеркива-

лось, что главной их задачей является не форсирование свершения революции, а подготовка к ней путем создания единого антиимпериалистического фронта.

VI конгресс Коминтерна (август—сентябрь 1928 г.), так же как и предыдущие, исходил из объективной непримиримости противоречий между национальной буржуазией колониальных стран и империализмом, из того, что городская мелкая буржуазия и значительная часть мелкобуржуазной интеллигенции наряду с крестьянством «смогут еще играть значительную роль в национальном движении»²⁰. Однако эти положения дополнялись другими, которые во многом их перечеркивали. По ряду важных аспектов национально-колониального вопроса Конгресс принял, как отмечается в советской литературе, ошибочные решения²¹. Так, в его документах говорилось, что «национальная буржуазия не имеет значения силы, борющейся против империализма»²². Задачу компартий колониальных и зависимых стран Конгресс видел в борьбе против национально-революционных партий с целью их разоблачения в глазах трудящихся масс. «Правильная тактика в борьбе против таких партий, как свараджисты и вафдисты²³, на этой стадии, — говорилось в тезисах VI конгресса „Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах“, — заключается в успешном разоблачении их подлинного национал-реформистского характера. Эти партии уже не раз предавали национально-освободительную борьбу, но они не перешли еще окончательно в контрреволюционный лагерь, подобно Гоминьдану. Без всякого сомнения, они еще сделают это впоследствии, но в настоящее время они именно потому так опасны, что их подлинное лицо еще не разоблачено в глазах широких трудящихся масс»²⁴.

Конгресс сделал также вывод о необходимости «отвергать какое бы то ни было блокирование коммунистической партии с национал-реформистской оппозицией» и заявил, что развитие мелкобуржуазных партий, «как общее правило, проходит путь от национально-революционной к национал-реформистской позиции» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Конгресс рекомендовал отдельным партиям колониальных стран выдвинуть явно преждевременный лозунг завоевания диктатуры пролетариата и крестьянства путем вооруженного восстания, сосредоточить огонь на национальной буржуазии, хотя в этих странах в то время не было революционной ситуации, а национальная буржуазия в общем и целом принимала участие в антиимпериалистическом движении. Задача освобождения колоний от политического господства империализма ошибочно связывалась с задачей установления гегемонии рабочего класса, который в большинстве случаев еще оставался «классом в себе». «Выдвижение для отсталых стран лозунга непосредственного установления Советской власти как формы диктатуры рабочего класса и крестьянства, — отмечал А. Б. Резников, —

явилось попыткой перешагнуть через незавершенный этап движения, то есть отклонением от ленинской концепции мирового революционного процесса»²⁵.

Решения VI конгресса по национально-колониальному вопросу отражали в известной степени сложность и противоречивость развития революционного процесса в странах Востока. В частности, мелкобуржуазные слои и прослойки проявляли часто непоследовательность и колебания в проведении антиимпериалистического курса. Еще в большей степени это касалось крупной местной буржуазии, не раз демонстрировавшей готовность к компромиссам с колонизаторами. Но в массе своей эти социально-классовые силы были настроены антиимпериалистически, и не в последнюю очередь потому, что видели в колониальном господстве главное препятствие на пути укрепления собственных позиций. На антиколониальные позиции, в основном по тем же соображениям, перешла и существенная часть представителей традиционной знати и феодалов.

На изменение позиции Коминтерна по национально-колониальному вопросу оказали, несомненно, сильное влияние поражение революции в Китае в результате предательства Чан Кайши, склонность к беспринципным компромиссам, проявленная националистическими партиями в Индии и Египте, и некоторые другие факторы. Отсюда рождались настроения рассматривать указанные события как результат неправильной оценки национально-революционных сил в предшествующий период.

Решения VI конгресса Коминтерна по национально-колониальному вопросу объективно способствовали усилению сектантского уклона в коммунистическом движении стран Востока. На рубеже и в начале 30-х годов он приобрел опасный характер и широкие масштабы, что помешало молодым и не всегда опытным компартиям совершить прорыв к массам, превратиться в авангард национально-освободительного движения. Как писал Р. А. Ульяновский, «в конце 20-х — начале 30-х годов в деятельности Коминтерна и его секций на Востоке проявились элементы сектантства. Это разомкнуло на время единый фронт пролетарских и буржуазно-демократических сил в национально-освободительном движении. Вредное, тормозящее влияние сектантства в тот период было преодолено лишь к середине 30-х годов»²⁶.

В то же время Коминтерн был и продолжал оставаться генератором идей, освещавших путь трудящимся и эксплуатируемым к социальному и политическому освобождению. Так, в связи с обсуждением проблем и перспектив развития китайской революции 1925—1927 гг. Коминтерн пришел к важнейшему теоретическому выводу о том, что в результате победы антиимпериалистической, освободительной революции в странах Востока сложатся объективные возможности для возникновения государства нового типа. Оно будет уже не буржуазно-демократическим, а демократической диктатурой пролетариата,

крестьянства и других слоев эксплуатируемого населения. Правительство подобного государства может начать развитие страны по некапиталистическому пути. Коминтерн считал, что молодые компартии азиатских стран должны «приложить все усилия к тому, чтобы реализовать в конечном счете эту революционную перспективу перехода на рельсы некапиталистического развития»²⁷.

В 1930 г. Коминтерн указывал, что специфика исторического развития колониальных и зависимых стран (с учетом тесного переплетения демократических и социальных задач) при переходе их к социализму потребует гораздо большего числа промежуточных ступеней, чем это было в свое время в России. Некапиталистический путь развития означает постепенное и последовательное, через ряд промежуточных ступеней, перерастание национально-демократической революции в социалистическую.

Важно отметить, что процесс избавления компартий от груза сектанства и догматизма постепенно, но неуклонно набирал силу. Поворотным пунктом в выработке новой стратегической линии международного коммунистического движения стал VII конгресс Коминтерна (июль—август 1935 г.). Его исторические решения открывали новый этап в развитии мирового коммунистического, рабочего и антиимпериалистического, антиколониального, освободительного движения.

Конгресс отверг получившие распространение в коммунистическом движении европоцентристские представления о возможности освобождения колоний лишь после победы пролетарской революции в метрополиях. Конгресс исходил из ленинского положения о том, что антиимпериалистическая революция в колониальных и зависимых странах может добиться успеха при условии сплочения всех сил, заинтересованных в государственной независимости. «Исключительную важность в связи с изменившейся международной и внутренней обстановкой во всех колониальных и полуколониальных странах,—отмечалось в докладе Г. Димитрова,—приобретает вопрос об антиимпериалистическом едином фронте.

При создании широкого антиимпериалистического единого фронта борьбы в колониях и полуколониях необходимо прежде всего учитывать разнообразие условий, в которых протекает антиимпериалистическая борьба масс, разную степень зрелости национально-освободительного движения, роль в нем пролетариата и влияние коммунистической партии на широкие массы»²⁸.

VII конгресс Коминтерна с особой силой подчеркнул, что для создания антиимпериалистического народного фронта коммунисты стран Востока, как наиболее последовательные борцы за национальное освобождение и социальное раскрепощение трудящихся, должны сосредоточить свои усилия на вовлечении широчайших масс в антиколониальную борьбу. Конкретной

платформой такого фронта Конгресс считал лозунги борьбы против растущей империалистической эксплуатации и жестокого порабощения, за изгнание чужеземных монополий, за независимость страны. Коммунисты стран Востока призывались к активному участию в массовых антиимпериалистических движениях, к организации совместных действий с национально-революционными и даже с национально-буржуазными движениями на основе борьбы за достижение общих конкретных целей²⁹.

VII конгресс Коминтерна вновь подтвердил теснейшую взаимозависимость борьбы угнетенных народов против колониализма с борьбой пролетариата ведущих капиталистических стран за торжество идеалов социализма. «Пролетариат империалистических стран в интересах своей освободительной борьбы,— подчеркивалось в резолюции Конгресса,— должен всемерно поддерживать освободительную борьбу колониальных и полуколониальных народов против империалистических захватчиков»³⁰.

Решения VII конгресса Коминтерна по национально-колониальному вопросу сыграли выдающуюся роль в мобилизации коммунистов и всех революционеров на борьбу против империалистического угнетения. Они в значительной степени способствовали переводу общетеоретических положений марксизма-ленинизма на язык угнетенных империализмом народов, намечали конкретные пути подготовки к решающим битвам армии борцов против национального и социального угнетения.

Однако осуществление принципиального поворота в стратегии коммунистов в освободительной, антиколониальной борьбе не означало, что все коммунисты и партии сразу же приступили к проведению новой, подлинно марксистско-ленинской политической линии. Вокруг решений VII конгресса, как и последующих решений Коминтерна, и в международном коммунистическом движении, и внутри отдельных компартий развернулась серьезная борьба.

Главным предметом разногласий были определение этапа борьбы, союзников, вопрос о соотношении национального и социального в деятельности компартий. Далеко не сразу вырабатывалось представление о том, что такие проблемы, как национальное и социальное, национальное и интернациональное, находятся в диалектическом единстве, и забвение этой истины, перекося в ту или другую сторону либо вели к сектантскому отрыву от подлинной массовой борьбы, либо обрекали партию на хвостизм в антиколониальном движении, на сдачу своих классовых позиций.

В частности, процесс избавления отдельных компартий от налета сектантства и догматизма протекал противоречиво, болезненно и занял немало времени. Вплоть до XX съезда КПСС, пишут авторы коллективной монографии Института востоковедения АН СССР «Зарубежный Восток и современность», в коммунистическом движении стран Востока преобладала точка

зрения «о невозможности использования национальной буржуазии в освободительных революциях. Этим выводом руководствовались вплоть до 1956 г. многие коммунистические партии Азии и Африки»³¹.

Вместе с тем в годы второй мировой войны коммунисты стран Востока на основе тактики антифашистского единого фронта активно включились в общенациональную борьбу против германского фашизма и японского милитаризма, и это, несомненно, содействовало активному претворению в жизнь линии VII конгресса Коминтерна, линии, направленной против сектанства, на сотрудничество со всеми антиимпериалистическими и национально-патриотическими силами.

Изменение внешних и внутренних условий борьбы компартий

Главным итогом второй мировой войны явилось поражение ударных отрядов империалистической реакции — немецко-итальянского фашизма и японского милитаризма.

Советский Союз выдержал величайшие испытания войны, вышел победителем из смертельной битвы с врагом, использовавшим промышленный потенциал и людские ресурсы почти всей Европы. Мировая реакция не добилась уничтожения СССР. Вырос авторитет первого в мире социалистического государства, внесшего основной вклад в военно-политический разгром гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Советский Союз стал центром притяжения антиимпериалистических, прогрессивных сил всего мира. В тщетной попытке перечеркнуть итоги второй мировой войны, повернуть колесо истории вспять империализм стремился помешать послевоенному развитию СССР, ставил перед собой цель «отбросить коммунизм». Ему удалось навязать миру «холодную войну».

Империализм во главе с США стал проводить откровенно враждебный, агрессивный курс в отношении национально-освободительного движения. После окончания войны метрополии делали все для того, чтобы сохранить свои колонии. Голландия и Франция, опираясь на поддержку своих империалистических союзников, стремились силой оружия восстановить колониальные порядки соответственно в Индонезии и Индокитае. Англия развязала колониальную войну в Малайе. Империалисты не раз прибегали к грубой силе, чтобы восстановить или сохранить свои позиции в странах Азии и Африки.

Однако изменить направление развития мировых событий империализм был уже не в силах. В результате разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии, отпадения от системы капитализма ряда стран Европы и Азии, усиления классовой борьбы пролетариата в странах-метрополиях, образования и неуклонного укрепления мировой системы социализма

произошло общее ослабление позиций империализма. Соотношение сил в мире стало меняться в пользу социализма. Для борьбы угнетенных народов объективно складывалась благоприятная обстановка.

При этом хотелось бы подчеркнуть следующее. С одной стороны, в борьбу против германского фашизма и японского милитаризма прямо или косвенно втянулись миллионы людей из колоний и зависимых стран. Многие из них, научившись владеть оружием, получили боевой опыт, выросли политически. Таким путем в колониях и полуколониях множились ряды тех, кто мог с оружием в руках бороться за изгнание чужеземных поработителей, за национальную независимость. С другой стороны, позиции колониальных держав (Англии, Франции, Бельгии, Голландии) резко ослабли в колониях, особенно оккупированных Японией, где национально-освободительное движение, в том числе вооруженное, приобрело широкий размах.

Таким образом, всемирно-историческое значение победы советского народа в Великой Отечественной войне состоит и в том, что она сказалась на судьбах народов бывших колоний и полуколоний. Полностью подтвердились сказанные В. И. Лениным после победы Великого Октября слова о том, что «революционное движение народов Востока может сейчас получить успешное развитие, оно может получить разрешение не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской республики против международного империализма»³².

В то же время развертывание антиколониальных революций в Азии и Африке, укрепление антиимпериалистических сил в Латинской Америке содействовали дальнейшему ослаблению позиций империализма, развитию мирового революционного процесса. Практически начало складываться взаимодействие различных потоков революционного преобразования мира, в ходе которого успехи каждого из них способствовали достижению общей цели.

Оценивая воздействие второй мировой войны на обострение кризиса колониальной системы, следует учитывать также морально-психологические факторы. Быстрое падение колониальных режимов западных империалистических держав под ударами японского милитаризма, режимов, которые еще недавно казались прочными, вселяло в поработенные народы уверенность, что колониализм можно победить. В этом смысле годы второй мировой войны для азиатских и североафриканских стран, оказавшихся втянутыми в нее, явились годами усиления и укрепления антиколониальных борцов.

В итоге второй мировой войны сложилась ситуация, в которой сочетались предсказанные В. И. Лениным еще в дооктябрьский период все условия для успешной антиимпериалистической, освободительной борьбы народов Востока. Обосновывая право колониальных народов на борьбу против импе-

риализма, объявляя ее прогрессивной и революционной, В. И. Ленин считал, что для ее успеха «требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран..., либо *особо* благоприятное сочетание условий интернационального положения (например, парализованность вмешательства империалистических держав их обессилением, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо *одновременное* восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии...»³³.

В подавляющем большинстве колониальных и зависимых стран антиимпериалистическая борьба, в которой активно участвовали трудящиеся города и деревни, поднялась на качественно новую ступень в послевоенный период. Нарушение сложившихся в предвоенные годы межхозяйственных связей, а также осуществлявшееся в ходе войны дорожное и фортификационное строительство, обслуживание войск и вспомогательных отрядов привели к росту числа местных предпринимателей — в большинстве случаев мелких и средних. Этот широкий и политически активный социальный слой видел в сохраняющемся колониализме главное препятствие на пути укрепления своих экономических позиций.

Непосредственным следствием войны и послевоенной разрухи в густонаселенных районах Востока было ускорение процесса имущественной дифференциации, утрата земельных наделов мелкими и средними землевладельцами в более широких масштабах, чем в предвоенные десятилетия. Это повлекло за собой обострение классовый борьбы в деревне, укрепление левых, оппозиционных течений в общекрестьянских организациях. Азиатская деревня превращалась в очаг недовольства, бунта, протеста против действующей системы налогообложения, землевладения и т. д.

Для первых послевоенных лет стран Азии характерно превращение крестьянских движений в мощную силу. Практически все без исключения политические партии и организации вынуждены были усилить внимание к аграрной проблеме, чтобы оказывать влияние на крестьянство, которое в Восточной и Юго-Восточной Азии в конце 40-х годов стало главным объектом политической борьбы.

Нельзя, однако, не отметить, что наряду с благоприятными факторами для развития коммунистического движения, революционной борьбы существовал ряд негативных обстоятельств. Прежде всего речь идет о том, что после окончания второй мировой войны во многих колониях в результате оттока капиталов и ряда других причин начался процесс относительного, а кое-где и абсолютного сокращения численности пролетариата, причем главным образом фабрично-заводского.

Повышение в социальной структуре населения удельного веса промежуточных, маргинальных слоев не могло не сказаться на характере и формах политической жизни. В частности, оно вело к неустойчивости многих политических партий и орга-

низаций, к частым расколам вследствие принципиальных расхождений и идейной борьбы, отражавшей политические интересы различных социальных слоев и групп. Нередко к этому примешивались различные симпатии или антипатии тех или иных политических деятелей, их нежелание подчиняться партийной дисциплине, стремление возглавить собственную организацию, которая провозглашалась единственной выразительницей национальных и социальных интересов. Своеобразие социально-психологической ситуации в афро-азиатских странах порождало соответствующую форму политического поведения, когда основным критерием принадлежности к той или иной организации являлись подчас межличностные отношения, на которые слабо влияла либо не влияла совсем эволюция политической платформы руководителя.

Коммунисты вырабатывают новую стратегию и тактику

После окончания второй мировой войны по-разному сложились объективные условия для деятельности компартий афро-азиатских стран. Соответственно менялись их стратегия и тактика. Для компартий стран, в которых независимость еще не была завоевана (например, Малайя), важнейшим вопросом стратегии и тактики был вопрос о выборе путей и методов борьбы за достижение политического суверенитета. В странах, добившихся политической независимости (Индия, Шри-Ланка и др.), на первый план выдвинулись такие проблемы, как оценка компартиями факта обретения страной независимости, определения, насколько она реальна. Надо было также оценить социально-классовые силы, пришедшие к власти, и соответственно выработать к ним свое отношение. Иначе говоря, речь шла о том, чтобы определить этап борьбы, основных классовых союзников и противников пролетариата, сформулировать ближайшие задачи с учетом стратегических целей борьбы.

Иные задачи тактико-стратегического характера стояли перед компартиями стран, остававшихся в полуколониальной зависимости, где правили проимпериалистические буржуазно-помещичьи автократические режимы (Египет, Ирак и др.). Свои особенности имели стратегия и тактика компартий ряда других стран, причем сообразно их национально-специфическим условиям.

Напомним читателям, что коммунистам стран Востока принесла успех стратегическая линия на предыдущем этапе борьбы — их активное участие во второй мировой войне на стороне антигитлеровской коалиции, против японской оккупации³⁴. Коммунисты выступали инициаторами и организаторами движения сопротивления оккупантам, сплочения национально-освободительных сил. При активном участии коммунистов, а в ряде случаев и под их руководством развернулось широкое

движение сопротивления японским оккупантам в Индокитае, Бирме, Малайе, Индонезии, на Филиппинах. Это позволило компартиям укрепить свои позиции в массах, стать серьезным фактором в политической жизни своих стран. Некоторые компартии стали к концу войны хорошо организованными и сплоченными. О влиянии коммунистов в массах говорят, в частности, такие примеры, как их вхождение в первые правительства Республики Индонезии. В Бирме коммунисты были в составе руководства Антифашистской лиги народной свободы (АЛНС), объединявшей силы, заинтересованные в достижении страной национальной независимости. Представитель компартии занял второй по значению пост — генерального секретаря АЛНС. Коммунисты стали признанным лидером национально-освободительного движения во Вьетнаме, в Китае, на севере Кореи.

Что касается решения тактико-стратегических задач нового, послевоенного этапа развития, то здесь ряд партий допустили серьезные просчеты. Их истоки, по-видимому, многообразны, но сказалась прежде всего застарелая левацко-сектантская болезнь, поразившая коммунистическое движение стран Востока еще в 20-е годы. В послевоенный период некоторые компартии (например, Индии) оценили факт завоевания своей страной политической независимости как фикцию, как обман и попытку империалистов в сговоре с местными эксплуататорами под вывеской формальной независимости сохранить, по существу, колониальный режим. Исходя из этого, принимались решения о необходимости вести борьбу за свержение национальных правительств как марионеток империализма, причем под лозунгами борьбы за «народную демократию».

Некоторые компартии (Малайи, Филиппин) в условиях ужесточения политики колонизаторов, стремившихся подавить укрепившееся в годы войны освободительное движение в своих колониях, сделали ставку на вооруженные, в частности партизанские, методы борьбы. Покинув города, они постепенно утрачивали связь с массами, прежде всего с рабочим классом, а также с международным коммунистическим движением.

При оценке возглавляемых коммунистами неудачных выступлений второй половины 40-х годов нельзя игнорировать тот факт, что на такой шаг руководителей компартий толкало революционное нетерпение, искреннее стремление сразу покончить и с национальным, и с социальным гнетом. Нельзя не учитывать также и то, что первоначально их действия отвечали настроениям широких слоев населения, которые в условиях послевоенной разрухи и маневров внутренней и внешней реакции видели единственно возможный выход из кризисной ситуации в вооруженной борьбе как против колонизаторов, так и против местных ставленников. Причем получило широкое распространение убеждение в том, что революция назрела. Да, она действительно назрела. Только назрела антиимпериалистическая, национально-освободительная, а в ряде случаев нацио-

нально-демократическая революция. При благоприятном стечении обстоятельств такая революция, например, во Вьетнаме переросла затем в народно-демократическую.

Другое дело, что руководство некоторых партий, возглавивших вооруженную борьбу масс под флагом народной демократии, не сумело изменить тактику даже тогда, когда оно должно было убедиться в бесперспективности вооруженных методов борьбы в изменившихся условиях.

Продолжение вооруженной борьбы имело негативные последствия как для партий, так и для развития революционного процесса в соответствующих странах. Во-первых, в отдельных случаях, как в Бирме, борьба велась уже не против колонизаторов или местных реакционеров, а против национально-патриотических сил, возглавивших национально-демократическую революцию. Естественно, что это не способствовало эволюции их взглядов в сторону научного социализма. Во-вторых, продолжение вооруженной борьбы против национальных правительств в таких условиях быстро разрушало ту широкую социальную базу, на которую могла опираться компартия, влекло за собой ее изоляцию от масс, еще не созревших для борьбы под народно-демократическими лозунгами.

В конце 40-х годов непросто было оценить обстановку, понять, что в результате второй мировой войны и подъема революционного и национально-освободительного движения в мире произошли необратимые исторические изменения. Они-то фактически и предопределили крах колониализма как системы, открыли дорогу победоносным национально-освободительным революциям. Нелегко было понять, что поведение тех или иных социально-классовых сил, в том числе национальной буржуазии, во многом определялось именно этой новой обстановкой.

Сложной для решения была проблема соотношения национального и социального и производная от нее — отношение коммунистов к национальной буржуазии, к партиям, выражающим интересы непролетарских трудовых слоев. Дело в том, что наряду с главным противоречием — между империалистической метрополией и подавляющим большинством населения прежде колониальных и зависимых стран — обострялись противоречия на местной почве: между предпринимателями и трудящимися. Поскольку в мелкой промышленности и торговле, где занята основная масса работающих по найму, дольше сохранялись докапиталистические отношения, постольку эксплуатация со стороны местных предпринимателей принимала наиболее тяжелые формы. Местный предприниматель или торговец часто был и ростовщиком, опутывавшим труженика еще и долговой кабалой. Следовательно, партии, выражавшие интересы пролетариата, не могли не бороться против эксплуатации со стороны «своей» буржуазии.

В тех условиях для понимания неразрывной связи между национальными и социальными задачами в странах Востока и

выработки научно обоснованной, отвечающей коренным, перспективным интересам трудового большинства политики в отношении буржуазии и непролетарских слоев необходимо было осознать тот факт, что колониализм в азиатских и африканских странах был главным эксплуататором, носителем и представителем капиталистических отношений и что ликвидация политического господства метрополии ведет к существенному ослаблению позиций капитализма в каждой, отдельно взятой стране.

Борьба против чужеземного господства была в то время не только наиболее доступной массам формой политического действия, но и школой их социально-политического воспитания. Это был объективно необходимый этап в процессе становления пролетариата и других слоев трудящихся. Иными словами, борьба за достижение и упрочение политического суверенитета в странах Востока не только ставила национальные и социальные задачи, но и создавала предпосылки для их решения в дальнейшем.

В тот период часть активных борцов за интересы трудящихся и эксплуатируемых масс не поняла ленинского положения о том, что путь от колониальной зависимости к социализму лежит через ряд промежуточных этапов и ступеней развития. Положение о промежуточных этапах нередко упускалось из виду, и ставилась задача непосредственной борьбы за социализм. Иначе говоря, стратегическая цель движения объявлялась ближайшей.

Противоречивая политика местной буржуазии мешала молодым коммунистам стран Востока правильно и обоснованно оценить ее роль в борьбе за достижение независимости и упрочение обретенного суверенитета, а также выработать принципы взаимоотношений с ней.

Помощь международного коммунистического движения, собственный опыт политической борьбы привели большинство коммунистов азиатских и африканских стран к пониманию того, что борьба против империализма, за достижение и укрепление государственной самостоятельности — доминирующий фактор во всей их деятельности. Осознание этого обстоятельства убеждало коммунистов в правоте ленинского вывода о том, что политика единого антиимпериалистического фронта — это стратегическая линия на весь исторический период перехода от капитализма и докапиталистических отношений к социализму.

В результате большинство коммунистических партий стран Азии и Африки сделали правильный вывод: несмотря на колебания и непоследовательность, национально-буржуазные силы, за исключением монополистической и компрадорской буржуазии, могут сыграть прогрессивную роль в укреплении политического суверенитета и в процессе решения задач национального возрождения.

Вслед за осуждением в 1951 г. компартией Индии левосек-

тантской политики, нанесшей ей немалый ущерб, со сходными заявлениями выступили почти все компартии стран Азии и Северной Африки. Важно и то, что за этими заявлениями последовали практические шаги, которые свидетельствовали о повороте в политике компартий. В 1952 г., когда в Индонезии было сформировано правительство, выражавшее интересы национально-буржуазных слоев, компартия заявила, что она будет поддерживать прогрессивные стороны его политики³⁵. Так началось практическое осуществление политики «сотрудничества и борьбы» с национальной буржуазией, означавшее на деле признание компартиями освободившихся государств способности национально-буржуазных правительств предпринимать действия, отвечающие в той или иной степени потребностям национально-независимого развития.

Важным шагом на пути изживания сектантства компартиями азиатских стран явился пересмотр ими своего отношения к участию в парламентских и местных выборах. Принятие решения об участии в выборах означало, что компартии перестали рассматривать независимость своих стран как фикцию, а их представительные органы — как марионеток империализма.

Курс на единство действий коммунистов с прогрессивными, национально-патриотическими силами, их активная борьба за насущные интересы трудящихся принесли успех компартиям. Это показали, в частности, результаты выборов в Индонезии (1955) и в Индии (1957)³⁶.

Таким образом, рассматриваемые коммунистические и рабочие партии, руководствуясь принципами марксизма-ленинизма, стали более реалистично оценивать положение в своих странах, уровень развития революционного процесса, соотношение классовых и политических сил. Они стремились выдвигать программы, нацеленные на достижение и упрочение государственной самостоятельности, на защиту интересов трудящихся масс города и деревни, программы, в которых сочетались классовые и общедемократические требования.

Новые тактико-стратегические установки приносили успех партиям, способствовали росту их рядов, признанию со стороны других партий в качестве весомого фактора национальной политической жизни. Как следствие, национально-прогрессивные партии и организации начали вступать в той или иной форме в соглашения с коммунистическими партиями.

Выработка коммунистическими партиями стран Востока политической линии, учитывавшей задачи общедемократического этапа борьбы, явилась важной вехой в развитии коммунистического движения в этих регионах.

* * *

В послевоенный период сложной проблемой как стратегического, так и тактического характера стал поиск альтернатив-

ных капитализму путей общественного развития, учитывая отсутствие в большинстве афро-азиатских стран объективных и субъективных предпосылок социалистической революции. В связи с этим чрезвычайную актуальность для революционных сил зоны национально-освободительного движения приобрела теория некапиталистического развития, социалистической ориентации. Выдвинутая классиками научного социализма, разработанная КПСС и международным коммунистическим движением, она дает ответ на вопрос о том, как отставшая в социально-экономическом отношении страна с преобладающими докапиталистическими укладами может развиваться к социализму, минуя капитализм. Проблемы социалистической ориентации и революционной демократии — это тема большого самостоятельного исследования. Здесь же мы обратим внимание читателей лишь на некоторые моменты.

Во-первых, перед компартиями афро-азиатских стран встала задача определить, в какой мере концепция некапиталистического пути развития применима к тем или иным странам, имея в виду различный уровень их экономического, социально-классового и культурного развития.

Во-вторых, развитие революционного процесса в своеобразных условиях стран зоны национально-освободительного движения (с учетом крепнущего день ото дня реального социализма) выдвинуло революционную демократию (прежде всего в странах с неразвитыми буржуазией и пролетариатом) в качестве ведущей революционной силы исторического этапа. Осознание этого факта в коммунистическом движении афро-азиатских стран произошло не сразу. К тому же требовались внесение соответствующих корректив в стратегию и тактику компартии и выработка взаимоотношений с революционной демократией.

Первая проблема в целом решилась успешно. Некапиталистическое развитие стало рассматриваться коммунистическим движением афро-азиатских стран как одно из важнейших направлений социального прогресса. Что же касается второй проблемы, то ее решение встретило на своем пути немалые трудности. Не всегда вовремя давалась правильная оценка исторической роли революционной демократии, что, в свою очередь, относилось отношения с ней коммунистов. В других случаях отношение революционных демократов, точнее сказать, какой-то их части к коммунистам отнюдь не всегда диктовалось интересами революционной борьбы — борьбы за реализацию провозглашенных целей ориентации на социализм.

Некоторые вопросы борьбы коммунистов с левачеством

В 40—60-е годы компартиям стран Востока пришлось вести напряженную борьбу против левачества. «Левый» оппортунизм,

левацкий революционаризм в 60-е годы, а отчасти и позже получили широкое распространение вследствие существования в развивающихся странах социальной базы для этого: городской и сельской мелкой буржуазии, растущего слоя маргиналов, пауперов. В условиях «периферийного» капитализма и продолжающейся эксплуатации освобожденных стран международным империализмом происходят одновременно два процесса — рост армии наемного труда и массовая пауперизация, носящая застойный характер. Во многих районах Азии и Африки миллионы людей выбиты из традиционных для них сфер занятий и образа жизни — обезземеливающиеся крестьяне; нищающие городские кустари и ремесленники; не имеющие устойчивых доходов мелкие торговцы; страдающая от двойной эксплуатации — со стороны империализма и местных предпринимателей — значительная часть интеллигенции; выпускники школ и вузов, отчаявшиеся найти работу.

Эти люди, скапливаясь в городах и не имея работы, служат благодатной социальной средой для носителей бунтарских настроений, особенно в моменты обострения экономического положения. Следует добавить, что радикально настроенные представители этих же слоев часто полагаются только на насилие, причем немедленное и вооруженное, стремятся подтолкнуть революцию в то время, как условия для нее еще не созрели.

Опасность для революционной борьбы пролетариата, исходящая от левацких элементов, состоит в том, что они стремятся воздействовать на рабочих, подтолкнуть их на экстремистские действия. Все это происходит в условиях, когда пролетариат еще слабо организован и к тому же лишен руководства со стороны классового авангарда.

Таким образом, левацки настроенные политические представители маргинальных социальных групп, выйдя на авансцену исторического действия, с одной стороны, в какой-то мере усилили потенциал мирового революционного движения, а с другой — стали серьезной помехой на пути развития его авангарда и главного выразителя антикапиталистической, антиэксплуаторской тенденции — коммунистического движения. Наряду с этим ко всему, что можно условно назвать левачеством, необходим дифференцированный подход. Вряд ли было бы оправданным ставить знак равенства между оппортунизмом, атакующим марксизм-ленинизм «слева»³⁷, и ультралевой революционностью³⁸, стихийно проявляющейся в действиях широких масс в качестве их реакции на империалистический или национальный гнет и насилие эксплуататоров.

Мелкобуржуазная революционность, анархизм нередко были своего рода «наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения»³⁹. Другими словами, революционаризм может быть и реакцией (пусть уродливой) на правооппортунистические ошибки руководства тех или иных отрядов революционного движения, на преувеличенное представление о возможно-

стях буржуазных и мелкобуржуазно-националистических партийных лидеров, реакцией на закостенелый догматизм, теоретический застой, уход от постоянного поиска ответов на вновь возникающие сложные проблемы общественного развития, революционной борьбы, реакцией на недостаточно активную борьбу в защиту жизненных интересов трудящихся.

Философская, гносеологическая основа всех ультралевых везде и всюду — субъективизм. Политическое кредо — «прямое действие» (как основной его вариант — вооруженное насилие), при помощи которого якобы только и возможно разрубить социальные противоречия. Независимо от конечного результата идейной и политической эволюции все они начинали в основном как выразители стихийного, реже — сознательного протеста *труда* против *собственности*, против *капитала*, протеста эксплуатируемых против эксплуататоров. В революционном разрешении социально-экономического кризиса они были носителями крайних тенденций, чем зачастую объективно наносили вред революции, но в то же время многие из них являлись неустрашимыми разрушителями старого общества. Разрушителями, увы, и только.

Возникает вопрос: каковы же пути, методы и средства завоевания масс, подверженных влиянию «левых» экстремистов, а в ряде случаев и преодоления вызванного левачеством кризиса в коммунистическом движении отдельных развивающихся стран?

Поиск ответа на этот вопрос ведут сами коммунисты этих стран, и только они и могут его дать. Вместе с тем очевидно, что для этого требуется учет как конкретно-исторических условий, в которых протекает революционная борьба, так и общих закономерностей развития мирового революционного процесса и его ведущей силы — международного коммунистического движения. Как показывает практика, этот поиск тем плодотворнее, чем полнее пролетарский авангард использует опыт братских компартий — опыт революционной борьбы, партийного строительства, борьбы с оппортунизмом и сектанством, опыт политики союзов на демократическом и социалистическом этапах революции. В этой работе для коммунистов, для авангардных партий трудящихся немаловажен учет богатого опыта социализма, правящих компартий социалистических стран.

Чрезвычайно ценен опыт революционной борьбы, в том числе борьбы за сплочение масс, против критиков марксизма справа и «слева», накопленный правящими партиями Вьетнама, Кубы, Лаоса, а также МНР, т. е. стран, где существовали или существуют сходные экономические и социально-политические условия, похожая социально-классовая структура. Этот опыт все шире используется компартиями и другими революционными организациями развивающихся стран.

Чем рельефнее обозначается решающее преимущество мировой системы социализма в социально-экономической и полити-

ческой областях, в решении национальных и культурных проблем, чем выше уровень развития международного коммунистического движения, тем большее воздействие оказывает на массы освободившихся стран социалистическая идеология, тем уже становится после деятельности для оппортунизма — как «левого», так и правого.

Преодоление правого оппортунизма и «левого» экстремизма тесным образом связано с борьбой коммунистов за превращение в жизнь принципов пролетарского интернационализма. Известно, как пагубно сказывается изоляция отдельных партий научного социализма от международного коммунистического движения. «Наша партия считает, — говорилось в приветствии ЦК Компартии Филиппин XXIV съезду КПСС, — что одной из главных причин нашего поражения в 50-х годах явилась самоизоляция КПФ от международного коммунистического движения. Идеологически мы всегда были вместе с международным коммунистическим движением, однако мы вели вооруженную борьбу в отрыве от главной базы и других отрядов всемирной революционной армии. Наш собственный опыт подтверждает правильность вывода международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. о том, что освободительное движение в отдельной стране может добиться успеха только в тесном союзе с социалистическими странами, международным рабочим классом и национально-освободительным движением в других странах»⁴⁰.

Наконец, успех в борьбе против всех разновидностей оппортунизма предопределяется во многом организационным и идейным укреплением самих компартий, расширением их рядов, превращением в реальную политическую силу общества, в центр притяжения подлинно революционных элементов.

Превращение компартий в важный фактор политической жизни освободившихся стран, расширение и углубление их связей с рабочими, крестьянами, интеллигенцией, учащимися, их умение понять настроения масс, черпать их опыт, учить их и одновременно учиться у них — это не только ключ к преодолению сектантства, догматизма, левацкой псевдореволюционности, но и важнейший вопрос их стратегии и тактики.

В поисках путей к широким массам, перспектив развития революционного движения коммунистам Азии и Африки, несомненно, оказывает огромную помощь глубокое изучение и творческое усвоение теории научного социализма, опыта международного коммунистического движения. К. Маркс и Ф. Энгельс писали в Манифесте Коммунистической партии, что у коммунистов «нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. Они не выставляют никаких особых (в английском издании 1888 г. — „сектантских“.— *Ред.*) принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение»⁴¹. И далее: «...коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существую-

щего (эксплуататорского.— *Ред.*) общественного и политического строя»⁴².

Этот программный завет основоположников научного социализма может быть понят сегодня и как указание на тактику коммунистов: научиться не отталкивать, а объединять вокруг себя тех участников революционного движения, которые идут отличным от коммунистов путем. Именно в этом свете, на наш взгляд, следует рассматривать часть ультралевых элементов, групп и организаций, выступающих принципиальными противниками капитализма в специфических условиях бывших колоний и полуколоний.

Развивая марксизм в эпоху империализма и социалистических революций, в исторических условиях, более приближенных к нашему времени, к современной борьбе компартий развивающихся стран, В. И. Ленин указывал на чрезвычайно богатую социальную палитру общества стран капиталистического развития, наличие в нем множества социальных слоев и прослоек, в том числе в рядах рабочего класса. «А из всего этого необходимость — и безусловная необходимость для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии,— подчеркивал В. И. Ленин,— прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков вытекает с абсолютной необходимостью. Все дело в том, чтобы *уметь* применить эту тактику в целях *повышения*, а не понижения, *общего* уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и к победе»⁴³.

В. И. Ленин в приведенном фрагменте из книги «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» употребил слово «*уметь*». Уметь применять тактику. Предостерегая коммунистов от «левизны» и обращаясь к историческому опыту партии большевиков, вождь мирового пролетариата вновь и вновь повторяет требование — уметь работать с массами, правильно руководить ими. Говоря о руководящей роли партии коммунистов, В. И. Ленин писал, что кроме своей сознательности и преданности делу революции, героизма подлинно революционная партия сильна «*умением* связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, *но также и с непролетарской* трудящейся массой»⁴⁴. Он подчеркивал, что партия должна быть сильна правильной политической руководств, правильностью своей политической стратегии и тактики, «при условии, чтобы самые широкие массы *собственным* опытом убедились в этой правильности»⁴⁵.

Мы видим здесь, как В. И. Ленин обуславливает правильность действий компартии требованием связи ее с массовой борьбой. И затем ниже он вновь пишет, что и правильная революционная теория, без которой нет дисциплинированной и крепкой партии, чтобы не быть просто догмой, должна разви-

ваться «лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения»⁴⁶.

Практика революционной борьбы сегодняшнего дня, в том числе в освободившихся странах, подтверждает выводы В. И. Ленина, сделанные им на основе опыта деятельности нашей партии в трех революциях: успеха в своей борьбе достигают те революционные партии, которые правильно применяют тактику массовой борьбы, умеют бороться за массы.

Ценный опыт борьбы против левачества различного толка накопили коммунисты Индии, Индонезии, Филиппин, Кампучии, Шри-Ланки и ряда других стран.

Ныне коммунистическое движение на Востоке в основном преодолело ультралевацкое влияние, наносившее ему, как отмечалось, немалый ущерб в недалеком прошлом. В. В. Загладин, касаясь вопроса о распространении в странах Востока авантюристических, антиленинских по своему существу революционаристских концепций (когда в 50-е и 60-е годы за сторонниками этих концепций пошли такие партии, как кампучийская, филиппинская, бирманская, тайландская, малайская; когда отдельные компартии раскололись, что привело к поражению ряда компартий, прежде всего индонезийской, обернулось широко известной трагедией для народа Кампучии, нанесло огромный ущерб коммунистическому движению), пишет: «В 70-е годы этот процесс, однако, отступил. Компартии Кампучии, Филиппин, Индонезии, Японии избавились от этого влияния. Можно считать с учетом сказанного, что 70-е годы обозначили в жизни азиатских коммунистов важный рубеж. Достижение ими этого рубежа дает основание предположить, что в 80-е годы они добьются дальнейшего продвижения вперед»⁴⁷.

Однако «левоэкстремистские» ошибки и уклоны возникают и, вероятно, будут появляться в рабочем и общедемократическом движении освободившихся стран, поскольку еще существует массовая и устойчивая база ультралевой революционности — как социально-экономическая (о чем речь шла выше), так и политическая (в частности, политика насилия со стороны правящих классов, которая провоцирует ультрареволюционность, с одной стороны, и относительная малочисленность и идейно-организационная слабость некоторых коммунистических партий в этих регионах, еще не всегда являющихся центрами притяжения всех революционных сил, — с другой).

Партии пролетарского авангарда вынуждены считаться с этими объективными условиями, и они стремятся действовать так, чтобы не восстановить против себя те слои населения, которые сама жизнь подталкивает к экстремистским формам борьбы.

Опыт коммунистов социалистических и освободившихся государств свидетельствует о том, что борьба за единство революционных сил, особенно в странах, где существует массовая социальная база для постоянного «воспроизводства» мелкобур-

жуазного и пауперского революционаризма, есть в то же время борьба за массы, участвующие в революционном движении и оказавшиеся в плену ультралевых идей.

Для коммунистов это не просто проблема тактики, а коренной вопрос революционной борьбы, решение которого требует объединения всех революционных, всех левых и демократических, вообще всех антиимпериалистических сил, не выступающих против коммунизма. «Коммунистические партии не рассматривают как антикоммунистов всех, кто не согласен с их политикой или выступает с критических позиций по отношению к их деятельности»⁴⁸, — записано в итоговом документе Берлинского совещания коммунистических и рабочих партий Европы 1976 г., где содержится призыв к единству в борьбе против антикоммунизма.

Марксисты-ленинцы исходят из указания В. И. Ленина о том, что революция — это всегда движение широчайших масс. А широкие народные массы в освободившихся странах все активнее включаются в борьбу против империализма, феодализма и капитализма, в практике которой они только и достигают единства действий, преодолевают свои ошибки и отклонения от магистрального пути революционной борьбы.

ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

Глава I

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ
АФРО-АЗИАТСКИХ СТРАН
(70-е — первая половина 80-х годов)

Успехи и трудности сил
национального и социального освобождения

Соотношение сил между капитализмом и социализмом, сложившееся в условиях разрядки международной напряженности в 70-е годы, благоприятствовало развитию революционного процесса в зоне национально-освободительного движения. Именно в эти годы прогрессивные силы нанесли серию тяжелых ударов по позициям империализма и его местных ставленников. Причем эти удары пришлись на районы, которые империализм — американский прежде всего — рассматривал как сферу своего влияния: Индокитай, юг Африки, Средний Восток, Центральная Америка. Поражение американского империализма во Вьетнаме ускорило революционные изменения в других странах Индокитая. Крах португальского империализма в Африке в результате многолетней вооруженной борьбы африканских патриотов, а также свержение фашистского режима в метрополии расчистили путь для возникновения ряда независимых государств прогрессивной социальной ориентации, в том числе Анголы и Мозамбика. Это означало не только потерю позиций империализма в важном со всех точек зрения районе на юге Африканского континента. Ухудшилось стратегическое положение расистско-колониального режима в ЮАР, где со второй половины 70-х годов наблюдается резкий подъем освободительной борьбы. Продолжала нарастать вооруженная борьба сил национального освобождения в Намибии. Еще одна африканская страна, Эфиопия, после революции 1974 г. покончила с зависимостью от империализма, влилась в ряды борцов за социальный прогресс. Положен конец расистско-колониальному режиму в Зимбабве, власть в этой стране также перешла в руки прогрессивных сил.

Произошла революция в Афганистане, открывшая перед народами этой страны дорогу к свободе и социальному прогрессу. И хотя империализм вкупе с региональной и местной реакцией развязал против молодой республики необъявленную войну, афганский народ, опираясь на помощь и поддержку друзей, преисполнен решимости защитить завоевания революции, довести до победного конца прогрессивные социально-экономические преобразования.

Американский империализм потерпел поражение в Иране, где был свергнут реакционный шахский режим. Он был вооружен до зубов Вашингтоном, и США рассматривали его как надежного союзника в регионе. Правда, дальнейшее поправление нового режима, укрепление позиций сил, развязавших в стране террор против патриотов и демократов, всех инакомыслящих, породили в империалистических кругах надежду на восстановление своего влияния в Иране. Широкий размах приобрела борьба трудящихся стран Центральной Америки и района Карибского бассейна.

Становились все более глубокими и широкими по масштабу социальные изменения в зоне национально-освободительного движения. Находил новое подтверждение вывод КПСС, международного коммунистического движения об усилении социального содержания национально-освободительных революций. Борцы за национальное и социальное освобождение стали более зрелыми и опытными в идейно-политическом отношении. Усилилась тенденция к взаимодействию прогрессивных сил зоны национально-освободительного движения с миром социализма, международным революционным движением. Наглядным свидетельством упрочения союза между реальным социализмом и национально-освободительным движением стало развитие договорных отношений между СССР и рядом молодых государств.

Укрепились позиции стран социалистической ориентации. Выросло их число, и более глубокими и последовательными стали в ряде из них социально-экономические преобразования, расширились их связи с реальным социализмом. В целом же страны социалистической ориентации, ведя нелегкую борьбу за ликвидацию тяжелого колониального наследия, давая отпор непрекращающимся проискам внешней и внутренней реакции, продолжали решать сложную задачу выработки путей, методов и форм революционных преобразований, которые в наибольшей степени соответствовали их национально-специфическим условиям и положению в системе международного разделения труда.

В 70-е годы продолжало сохранять антиимпериалистическую направленность движение неприсоединившихся стран. При всем различии позиций его участников оно выступало фактором мобилизации народов молодых государств на борьбу за окончательную ликвидацию остатков колониализма и расизма

ма, против навязываемых империализмом неокOLONиалистских форм эксплуатации и подчинения освободившихся стран. Апологеты империализма настойчиво стремились навязать движению неприсоединения, с учетом происходящей в его рядах дифференциации, ложный тезис «равной удаленности» от капиталистических и социалистических стран. Однако эта политика не имела успеха; изоляция освободившихся стран от СССР, социалистического содружества в условиях, когда империализм все еще занимает сильные позиции в их экономике, оказывает существенное влияние на многие стороны их жизни, лишь способствовала бы политике нажима и диктата империализма в отношении указанных стран. Закономерно, что антиколониализм и антиимпериализм как важнейшие принципы внешней политики молодых государств, как отражение ее независимого характера способствовали росту авторитета этих стран на международной арене.

В эти же годы организационно окрепло и политически возмужало, расширив сферу своей деятельности и влияния, движение солидарности народов Азии и Африки. Оно превратилось в крупный отряд антиимпериалистических, демократических и антивоенных сил современности.

Можно без преувеличения сказать, что не было ни одного сколько-нибудь актуального и важного вопроса современной жизни молодых национальных государств, который остался бы вне поля зрения Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА).

В то же время для развития национально-освободительного движения в этот период были характерны противоречивость и неоднозначность. Ускорившаяся в 70-е годы вследствие притока огромных средств от реализации нефти экономическая и социально-классовая дифференциация среди молодых государств привела к появлению режимов и социально-политических сил, проявивших заинтересованность в укреплении связей с ведущими капиталистическими странами, прежде всего с США. Как раз в эти годы «богатые» страны консервативной социальной и политической ориентации превращаются в крупных экспортеров капитала. К началу 80-х годов они вывезли за пределы своих стран около 350 млрд. долл.¹. Основная часть этих средств пришла на развитые капиталистические страны, но немалая доля — и на развивающиеся.

Причем «богатые» государства с консервативными режимами, предоставляя «бедным» развивающимся странам кредиты и субсидии, стали пытаться оказывать на них политическое воздействие с целью не допустить или затормозить развитие национально-демократических революций. Не без их воздействия в 70-е годы сошли с курса социалистической ориентации Египет и Сомали. В те же годы, в основном на дрожжах нефтедолларов, в зоне национально-освободительного движения прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке выросли ло-

кальные «центры силы», субимпериалистические очаги, например шахский Иран².

Консервативные режимы стали проявлять стремление к экспансии в соседние молодые государства. На многих антидемократических событиях, происшедших в развивающемся мире или только наметившихся в 70-е годы, видна печать не только империализма, но и «богатых» консервативных режимов. Империализму США удалось навязать Египту при президенте Садате кэмп-дэвидскую сделку, вывести эту страну из числа государств, активно противодействовавших агрессивному курсу Израиля в регионе.

К концу 70-х годов стало нарастать вмешательство империализма, в первую очередь американского, в дела молодых независимых стран. Началась необъявленная война против революционного Афганистана; развернулась подрывная деятельность в отношении народной власти в Кампучии; участились вооруженные акции расистско-колониального режима Претории против Анголы и Мозамбика; усилились агрессивные действия Израиля против его арабских соседей.

Из сказанного видно, что события и процессы, наблюдавшиеся в 70-е годы в зоне национально-освободительного движения, нельзя оценивать однозначно. И тем не менее это были годы крупнейшей побед сил национального и социального освобождения. «70-е годы,— отмечает Г. Ф. Ким,— займут особое место в летописи борьбы человечества за освобождение от всех форм рабства и угнетения именно потому, что социальный аспект национально-освободительного движения проявился в этот период наиболее полно, рельефно, убедительно»³.

Основные тенденции развития национально-освободительного движения 70-х годов продолжали действовать и в первой половине 80-х годов. Наряду с этим развивающиеся страны стали объектом резко усилившейся агрессивности империализма: в правящих кругах Вашингтона одержали верх наиболее реакционные, антикоммунистически и антисоветски настроенные группировки, тесно связанные с военно-промышленным комплексом. Взяв курс на изменение сложившегося между двумя общественными системами примерного равенства сил и создание материальных предпосылок для развязывания новой мировой войны, они взвинтили гонку вооружений, обострили международную обстановку, что резко усилило опасность термоядерной катастрофы. Эти группировки стремились использовать развивающиеся страны в интересах достижения военно-стратегического превосходства США и НАТО над СССР и странами Варшавского Договора.

События в зоне национально-освободительного движения начали рассматриваться ими исключительно через призму глобального противоборства с Советским Союзом, мировым социализмом. Вашингтон задался целью нанести поражение передовым отрядам национально-освободительного движения, об-

ратить вспять процессы, ведущие к национальной реконструкции, к социальному обновлению.

Сформирование Пентагоном «корпуса быстрого развертывания» и центрального командования (СЕНТКОМ); модернизация существующих и создание новых военных баз в освобожденных государствах; военное присутствие США и ряда других империалистических стран в Индийском океане, в районе Персидского залива — все эти и подобные им акции империализма поставили под угрозу безопасность и национальный суверенитет многих молодых государств.

В 80-е годы агрессивность американского империализма, авантюризм его внешней политики, наглые претензии играть роль мирового жандарма проявились с особой силой. Достаточно вспомнить вооруженное вторжение США на Гренаду и свержение прогрессивного режима этой страны, интервенцию в Ливане, попытки свергнуть народную власть в Никарагуа и подавить революцию в Сальвадоре.

Усилившаяся агрессивность империализма, возрастание угрозы термоядерной катастрофы потребовали от партий пролетарского авангарда новых усилий для развертывания массового антивоенного движения.

Коммунисты в первых рядах борцов за интересы трудящихся

Подъем освободительной борьбы в 70-е годы в условиях изменившегося соотношения сил в мире в пользу социализма создал благоприятные условия для развития коммунистического движения в афро-азиатских странах.

В начале 80-х годов в освобожденных (несоциалистических.— *Ред.*) странах Азии и Африки действовало 30 марксистско-ленинских партий, причем 20 из них вели революционную работу в Азии, 10— в Африке⁴. В 1975 г. была возрождена Египетская коммунистическая партия, в том же году образовалась Коммунистическая партия Саудовской Аравии, а в 1982 г.— Палестинская коммунистическая партия.

О растущем влиянии компартий в странах Востока свидетельствуют такие объективные показатели, как их численность, позиции в рабочем движении, в частности в профсоюзах, среди крестьянства, интеллигенции и других слоев общества, представительство в парламенте (при наличии, разумеется, парламентской системы правления), а также способность партии влиять на общественное развитие страны, на формирование в ней идейно-политического климата. Важно и то, насколько с компартией считаются другие левые, национально-патриотические и демократические силы, вынуждены ли они сопоставлять свою позицию с позицией пролетарской партии, какое воздействие, прямое или косвенное, она оказывает на них своей марксист-

ско-ленинской программой, политической практикой. Не такое уж редкое явление, когда непролетарские (чаще всего мелкобуржуазные) партии под влиянием коммунистов корректируют свою политическую линию, берут на вооружение отдельные лозунги, выдвигаемые компартией, и стараются с той или иной мерой последовательности претворять их в жизнь. (Конечно, попытки мелкобуржуазных партий «перехватывать» у коммунистов лозунги, отражающие насущные требования трудящихся масс, имеют неоднозначные последствия.)

Что касается вопроса о представительстве пролетарских партий в парламенте, то и здесь надо учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, лишь в очень малом числе освободившихся стран капиталистического пути развития сложился буржуазно-парламентарный строй. В большинстве же из них утвердились авторитарные режимы. Нередко буржуазно-парламентарный строй на практике серьезно ограничивает реальные возможности партии пролетарского авангарда иметь свое представительство в центральных и местных законодательных органах, вести политическую работу в массах, в профессиональных союзах, пользоваться средствами массовой информации и т. д.

Во-вторых, во многих освободившихся странах с еще не сложившейся окончательно социально-классовой структурой, неразвитостью демократических институтов, своеобразием массового сознания слишком узки и немногочисленны каналы парламентской деятельности, а сама она во многом носит формальный характер, в то время как основная политическая борьба идет вне парламента (в том числе в армии, традиционных политических и социальных институтах и т. д.).

В-третьих, для стран с авторитарными режимами представительство тех или иных политических партий в парламенте зачастую не столько отражение их реального влияния в массах, сколько умение правящих кругов добиваться желаемых для себя результатов на выборах (именно этим, в частности, объясняется тот факт, что одержавшая «полную победу» на «выборах» правящая партия такого режима нередко оказывается в политической изоляции в период революционных выступлений масс).

И еще один важный момент следует иметь в виду. На результатах парламентских выборов порой сказывается глубоко укоренившаяся в массах практика отдавать голоса по сословно-клановому, религиозно-общинному принципу, или, условно говоря, согласно семейной традиции, — за ту или иную, уже давно существующую (часто правящую) партию, за которую голосуют старшие члены семьи. Тем более это касается «старых» партий, под руководством которых завоеван политический суверенитет и которые в глазах масс выступают как бы гарантом национальной независимости и единства страны. Подобная практика приводит к тому, что партия пролетарского авангарда на парламентских и во время местных выборов лишается части голосов тех избирателей, включая рабочих, которые сим-

патизируют коммунистам, выступают с ними вместе и даже под их началом в борьбе за удовлетворение экономических и социальных требований трудящихся.

В афро-азиатских странах реальна ситуация, когда относительно небольшая, не представленная в парламенте партия марксистов-ленинцев пользуется значительным влиянием в массах, играет заметную роль в политической жизни страны, оказывает существенное воздействие на духовную жизнь общества. Вопрос о месте компартий в афро-азиатских странах, их роли в общественной жизни будет обстоятельно рассмотрен во второй части работы. Здесь же лишь вкратце проиллюстрируем сказанное.

Начнем с Индии, страны, коммунисты которой накопили богатый опыт борьбы в различных условиях, прошли через труднейшие испытания, познав горечь поражений и радость побед. В 1974 г. Коммунистическая партия Индии (КПИ) насчитывала в своих рядах 355,5 тыс. человек, а в 1982 г. — 466 тыс.⁵. Численность Коммунистической партии Индии (марксистской) возросла со 106 тыс. человек в начале 70-х годов до 368 тыс. в первой половине 80-х годов⁶. Важным успехом коммунистического движения в Индии 70-х годов явилось постепенное сближение позиций двух компартий по ряду внутренних и международных проблем.

КПИ, будучи одной из крупнейших политических партий страны, руководит такими массовыми организациями, как Всеиндийский конгресс профсоюзов, Всеиндийский крестьянский союз, Индийский союз сельскохозяйственных рабочих, Всеиндийская федерация молодежи (ВФМ), Всеиндийская федерация студентов, Национальная федерация индийских женщин. КПИ(м) также руководит деятельностью многих массовых общественных организаций, возглавляет правительства левого, демократического фронта в штатах Западная Бенгалия и Трипура. Действующие под эгидой КПИ и КПИ(м) массовые организации насчитывают свыше 15 млн. человек. Индийские коммунисты имеют десятки своих представителей в национальном парламенте и сотни депутатов в законодательных собраниях штатов.

Конечно, развитие коммунистического движения в Индии идет не только по восходящей линии, оно встречает на своем пути немало трудностей, сталкивается со многими нерешенными проблемами⁷. Влияние коммунистов Индии в обществе — и в этом состоит их уникальное положение в афро-азиатском мире — зиждется не только на том, что они выросли в крупную политическую силу; компартии участвуют в качестве оппозиционных партий в решении общенациональных проблем. КПИ и КПИ(м) в то же время являлись и (или) являются правящими партиями в отдельных штатах. Правительства с участием коммунистов функционировали в Керале почти 17 лет, а в Западной Бенгалии и Трипуре (к 1986 г.) — соответственно 12

и 9 лет⁸. В марте 1987 г. левые силы вновь пришли к власти в Керале.

В 70-е годы значительно окрепли марксистско-ленинские партии в ряде других освободившихся стран. Как признание силы и влияния коммунистов в массах следует рассматривать создание в начале 70-х годов с участием коммунистов и революционных демократов национально-патриотических фронтов в Сирии и Ираке. В первой (1972) он получил название Национальный прогрессивный фронт (НПФ), во второй стране (1973) — Прогрессивный национально-патриотический фронт (ПНПФ). Руководящие документы фронтов (хартия НПФ и программа ПНПФ) предусматривали широкие прогрессивные социально-экономические и демократические преобразования в интересах трудящихся масс.

Однако силам, враждебным социальному прогрессу, удалось сорвать сотрудничество между Иракской компартией (ИКП) и правящей Партией арабского социалистического возрождения (Басс). Причиной явилась боязнь роста авторитета ИКП в народных массах, усиления ее влияния на ход общественного развития страны. С конца 1977 г. против компартии была развязана кампания репрессий; в мае 1978 г. по надуманному обвинению в политической деятельности в вооруженных силах была казнена группа иракских коммунистов и их сторонников (31 человек). Одновременно коммунистов начали изгонять из государственных и общественных организаций. В результате вокруг Иракской компартии создалась нетерпимая обстановка. Это вынудило руководство ИКП принять в мае 1979 г. решение о выходе партии из ПНПФ, об отзыве своих представителей из правительства и переходе на нелегальное положение. Июльский (1979) пленум ЦК ИКП подтвердил решение о переходе партии в оппозицию нынешнему иракскому режиму⁹.

Национально-патриотический фронт Сирии продолжает успешно функционировать. Правда, в сирийской Партии арабского социалистического возрождения также сказались правые тенденции, однако Сирийская компартия считает, что в стране сохраняются силы, способные вернуть Сирию на путь социального прогресса¹⁰.

Стратегия и тактика коммунистов в различных политических и социальных условиях

Стратегию и тактику коммунистов определяют конкретные условия, в которых протекает их деятельность. Компартии, действующие в странах социалистической ориентации, борются за распространение в массах идей научного социализма, за расширение своего влияния среди рабочего класса, крестьянства и средних городских слоев, разъясняют трудящимся сущность социалистической ориентации, особенности ее претворе-

ния в жизнь в национально-специфических условиях, укрепляют свои организационные и идейно-политические основы. Они поддерживают осуществляемые под руководством революционной демократии прогрессивные социально-экономические преобразования и независимую внешнюю политику страны, направленную на упрочение ее политического суверенитета, достижение экономической самостоятельности, на борьбу против империализма и неокOLONиализма, на развитие дружественных связей и всестороннего сотрудничества с прогрессивными силами мира, и прежде всего с социалистическими странами — естественными союзниками государств социалистической ориентации.

Поддерживая в целом внутреннюю и внешнюю политику правящей революционной демократии, коммунисты в то же время указывают на недостатки этой политики, обращают внимание на ее непоследовательность, приводящую подчас к замедлению темпов социального прогресса, к укреплению позиций эксплуататорских классов и прослоек — бюрократической, торговой и посреднической буржуазии и кулачества, а также к ослаблению связей с прогрессивными силами мира¹¹.

Но конструктивная критика со стороны коммунистов нередко воспринимается болезненно, рассматривается как нелояльность по отношению к правящему режиму, как попытка поставить под сомнение ведущую политическую роль правящей национально-революционной партии, составить ей конкуренцию. Между тем на международной арене революционные демократы борются с империализмом, проводят политику дружбы и сотрудничества с социалистическими странами. Как же оценивают такое противоречие сами коммунисты развивающихся стран? Преобладает точка зрения, что надо проявлять классовую выдержку, не поддаваться эмоциям и оценивать деятельность тех или иных режимов, партий и социальных сил, исходя из долговременных интересов классовой борьбы пролетариата как внутри страны, так и на международной арене¹².

В странах, где утвердились или утверждаются капиталистические отношения, коммунисты проводят работу по организации и идейно-политическому воспитанию пролетариата с целью превращения его из «класса в себе» в «класс для себя», по подготовке его к выполнению своей исторической миссии; они уделяют большое внимание работе также среди других отрядов трудящихся — средних слоев, сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян. В то же время марксисты-ленинцы считают своей важнейшей задачей борьбу за ликвидацию всех форм неокOLONиалистской зависимости, достижение страной реального политического суверенитета и экономической самостоятельности.

Коммунисты придают большое значение борьбе за улучшение — пусть даже незначительное или временное — положения трудящихся масс, за решение задач, которые носят общедемократический характер и, казалось бы, непосредственно не за-

трагивают или затрагивают в малой степени интересы пролетариата. Опыт компартий афро-азиатских стран показывает, что борьба только за коренные, перспективные интересы рабочего класса, всех трудящихся и пренебрежение политикой «малых дел», борьбой «за мелкие уступки» со стороны эксплуататорских классов, борьбой за общенациональные требования могут обернуться для партии пролетарского авангарда серьезными политическими потерями. Империализм, вкупе с местной реакцией ведущий оголтелую идеологическую борьбу против компартии, стремится использовать любой предлог, чтобы дискредитировать коммунистов в глазах народных масс, обвинить их в классовом эгоизме, в пренебрежении национальными интересами.

Обвинение в пренебрежении национальными интересами применительно к коммунистам лишено всяких оснований. Но проблема диалектического сочетания социально-классового и национального была и остается актуальной, требующей самого пристального внимания, поскольку любой исторический этап борьбы, условия каждой, конкретной страны вносят своеобразие в решение тех или иных вопросов.

Специфика ситуации в развивающихся странах состоит в том, что здесь все еще немало нерешенных общенациональных, общедемократических задач. Их решение в иных исторических условиях (например, в странах Западной Европы) брала на себя национальная буржуазия, выступавшая в эпоху буржуазно-демократических революций революционной силой общества. Она была тогда кровно заинтересована в устранении всего, что мешало быстрому капиталистическому развитию.

В условиях молодых государств решение общедемократических, общенациональных задач (ликвидация засилья в экономике страны филиалов транснациональных корпораций, проведение антифеодальных реформ, упразднение архаичных социальных структур в деревне и т. д.) не только создает благоприятные условия для деятельности коммунистов, для распространения их влияния в массах, но и расчищает дорогу более быстрому росту капиталистических отношений, упрочению позиций национальной буржуазии.

И тем не менее активное участие компартий молодых государств в решении общедемократических задач открывает перед ними широкие возможности выхода в массы, их классового воспитания.

Недавнее прошлое освободившихся стран, непреодоленная еще зависимость от империализма, эксплуатация со стороны ТНК породили в народных массах обостренное чувство национального, чем неизменно пользуются эксплуататорские классы в борьбе против марксизма-ленинизма как интернационального учения, против его носителей. Коммунистов реакция обвиняет в следовании «курсу Москвы», в забвении национальных интересов в угоду интересам «международного коммунизма», в им-

порте и распространении «чуждой идеологии». (Заметим, что, когда реакция готовит расправу над коммунистами, она почти всегда лживо обвиняет их в измене национальным интересам и даже в шпионаже. Так было, например, в Иране.)

Коммунисты, как известно, интернационалисты и ни от кого этого не скрывают. Но, будучи интернационалистами, они в то же время беззаветно преданы родине, являются выразителями подлинных национальных интересов, что убедительно было доказано на протяжении всей истории мирового комдвижения.

«Не существует конфликта между подлинным патриотизмом и интернационализмом,— говорится в программе Коммунистической партии Бангладеш.— Подлинный патриотизм означает борьбу за независимость, мир, за свободу от эксплуатации и социальный прогресс, то есть борьбу за подлинное освобождение своих соотечественников. Эта борьба является составной частью всемирной борьбы против империализма и капитализма. Эксплуатируемые, обездоленные люди и угнетаемые нации всего мира объединенными усилиями ведут эту борьбу. Коммунистическая партия считает своим долгом провозгласить свою солидарность с этой всемирной борьбой, не нанося ущерба своей организационной самостоятельности, своему идейно-политическому облику. С этой точки зрения наша партия будет делать все от нее зависящее, чтобы крепить солидарность международного коммунистического движения»¹³.

Итак, суть проблемы состоит в следующем: как донести до широких масс правду о том, что интернационализм коммунистов органически слит с патриотизмом, с любовью к своей родине, своему народу? Как считают коммунисты развивающихся стран, решение этой проблемы в немалой степени зависит от правильной расстановки акцентов в соотношении «национально — классовое — интернациональное» на каждом этапе развития национально-освободительного движения и собственно революционного процесса.

В странах капиталистического пути развития с реакционными диктаторскими режимами, зависящими от империализма, коммунисты считают своей первой задачей борьбу на основе широкого блока сил за свержение этих режимов, завоевание элементарных демократических прав и свобод, за создание предпосылок для дальнейшей борьбы за углубление демократии и социальный прогресс. Коммунисты Саудовской Аравии, кстати сказать, задачу свержения монархии и передачи власти в руки национально-демократических сил сформулировали еще на I съезде (август 1975 г.) как ближайшую¹⁴. Египетская коммунистическая партия на I съезде, в условиях саатовского режима (сентябрь 1980 г.), также поставила перед собой цель заменить антинациональный режим властью всех социальных сил, заинтересованных в победоносном осуществлении национально-демократической революции¹⁵.

Определение этапа борьбы, проблема единого фронта

Молодым компартиям афро-азиатских стран приходится действовать по преимуществу в весьма сложных условиях, причем решать проблемы, которые либо не вставали перед другими отрядами международного коммунистического движения, либо возникали в иной социально-классовой и идейно-политической среде и в другой исторической обстановке. Различие в условиях деятельности компартий велико не только в масштабах регионов огромного афро-азиатского мира, но даже в пределах одних и тех же регионов и стран, если говорить о таких, скажем; государствах, как Индия в Азии или Нигерия в Африке.

Важнейшие проблемы, стоящие перед революционерами афро-азиатских стран,— определение этапа революции, своих целей на этом этапе, путей и методов их достижения, выбор союзников. Учитывая уровень экономического и социально-классового развития своих стран, особенности массового сознания, социальной психологии, степень зрелости субъективного фактора революции и ряд других моментов, компартии приходят к выводу, что социалистическая революция не является непосредственной задачей их борьбы. Такой целью преобладающее большинство из них считает национально-демократическую революцию¹⁶.

Такова самая общая постановка вопроса. Конкретизируется же она применительно к национально-специфическим условиям. В Индии, например, КПИ выдвигает программу борьбы за левую, демократическую национальную альтернативу¹⁷. Ее осуществление предполагает создание широкого фронта левых и демократических сил, с помощью которого можно было бы добиться изменения соотношения классовых сил в стране в пользу рабочего класса и рабоче-крестьянского союза, осуществить структурные реформы. Все это должно расчистить путь для создания национально-демократического государства, которое выведет страну на некапиталистический путь развития¹⁸.

С точки зрения коммунистов ЮАР, предварительным условием осуществления задач национально-демократической революции, как и любых прогрессивных изменений в стране¹⁹, является уничтожение расистско-колониального режима.

Согласно программе Палестинской компартии, нынешний этап борьбы палестинского народа считается этапом «национального освобождения, осуществления задач национально-освободительной революции»²⁰. Как отмечал член Политбюро ПКП Наим Ашхаб, «содержащееся в программе научное определение характера переживаемого этапа и его задач помогает партии, палестинскому национальному движению в целом избежать выдвижения преждевременных лозунгов, постановки недостижимых на данной стадии целей, что могло бы затруднить

привлечение самых широких сил к совместной борьбе против израильской оккупации»²¹.

В странах с относительно низким уровнем развития капитализма осуществление национально-демократической революции означает выход этих стран на рельсы социалистической ориентации, причем оно может начаться без промежуточных ступеней, сразу же после прихода к власти прогрессивных сил.

Программа национально-демократической революции Компартии Бангладеш предусматривает решение таких задач, как укрепление национальной независимости, внедрение в общественную жизнь страны принципов демократии, удовлетворение насущных требований сельских тружеников, рабочего класса, развитие национальной экономики, всеобщего образования и культуры, планирование семьи, раскрепощение женщины, проведение внешней политики в национальных интересах и т. д.²².

Если национально-демократическая революция рассматривается коммунистами как стратегическая цель, как возможность решить многие общедемократические задачи в интересах большинства народа и в то же время открыть перспективу развития к социализму, то широкий фронт демократических, национально-патриотических сил — как средство реализации национально-демократической революции. Создание такого фронта — это тоже важнейшая стратегическая задача, и она стоит практически перед всеми компартиями освободившихся стран. Ни один революционный отряд не может рассчитывать в одиночку на успех, в частности, в условиях развивающихся стран с незавершенным в них процессом классового образования. «Относительная слабость отдельных классов выдвигает необходимость классовых и политических блоков»²³. Тактика единого фронта одинаково актуальна для коммунистов как стран капиталистического пути развития, так и государств социалистической ориентации, хотя понятно, что цели единого фронта, социально-классовый состав, формы и методы их деятельности различны. Единый фронт в зависимости от этапа революции и характера решаемых им задач может быть различным и по составу участников²⁴.

Национальный антиимпериалистический, антиколониальный фронт, призванный обеспечить завоевание независимости страны, создавался на основе широкого союза социальных и политических сил. Таким же широким составом характеризуется единый фронт, образуемый для решения общедемократических, общенациональных задач в условиях независимого развития страны. В его задачу входит проведение глубоких социальных преобразований (например, в странах социалистической ориентации) или осуществление национально-демократической революции (взятие политической власти), открывающей путь таким изменениям. В числе его потенциальных участников — рабочий класс, крестьянство, патриотические средние слои, мелкая и частично средняя буржуазия. Советские исследователи подчер-

квивают, что основу такого фронта «должен составить союз рабочего класса и крестьянства»²⁵.

Практически во всех случаях единый фронт отличается широким спектром социально-политических сил. Но он не статичен. По мере углубления социального содержания революции он сужается, как, впрочем, и расширяется в случае усиления попятных, ретроградных тенденций (если, конечно, в этих условиях он сохраняется) или резкого изменения обстановки в стране (скажем, агрессии или угрозы агрессии) или когда в революционный процесс втягиваются новые мощные отряды трудящихся масс. Вариантов или, точнее сказать, подвариантов единых фронтов, нацеленных на реализацию национально-демократической революции, в афро-азиатских странах может быть много хотя бы уже потому, что чрезвычайно разнообразны в них условия.

Остановимся подробнее на проблеме союзников пролетариата и его партии в единых фронтах, ибо проблема единого фронта — это в то же время и проблема союзников. Союзниками коммунистов по единому фронту могут выступать левобуржуазные и мелкобуржуазные партии. С этими силами отношения у коммунистов складывались подчас весьма сложно.

Ранее отмечалось, что коммунистическому движению стран Востока немалый ущерб нанес левосектантский подход к непролетарским классовым силам, к определению их революционных возможностей на этапе борьбы за политический суверенитет и в условиях национально-независимого развития. Последствия ошибочных теоретических установок, просчетов в стратегии и тактике, которые проявились в комдвижении ряда стран Востока как в довоенный период, так и в первые годы после достижения ими политической независимости, долго давали о себе знать²⁶.

Методологический подход коммунистов к выработке тактики в отношении национальной буржуазии, как уже говорилось, был разработан В. И. Лениным; этот вопрос постоянно находился в центре внимания Коминтерна.

Проблема союза коммунистов с национальной буржуазией (временного или продолжительного на основе совпадающих интересов), совместных действий, выступлений и т. д., конечно же, не проста. С одной стороны, национальная буржуазия — антипод пролетариата, всех трудящихся, их эксплуататор. Она стремится утвердить себя в качестве ведущей политической силы общества, нанести поражение партии научного социализма, разоружить трудящихся идейно, повести их за собой, навязывая политику, направленную в конечном счете против их коренных интересов. Стало быть, национальная буржуазия выступает классовым противником пролетариата и трудящихся.

С другой стороны, в развивающихся странах национальная буржуазия зачастую еще окончательно не сформировалась как класс. Не переставая быть эксплуататором, она сама является

объектом грабительской политики со стороны империалистической буржуазии. Но даже если она и сформировалась как класс, то при определенных условиях способна осуществить прогрессивные действия. Пусть временно и по узкому кругу проблем. Поскольку во многих из этих стран еще не произошла консолидация основных классов общества и задача социалистической революции не поставлена в повестку дня, политической реальностью в них, как ранее отмечалось, являются сравнительно широкие классовые коалиции. Их уже не раз создавали буржуазия и пролетариат — союзники безусловно временные и относительные. При этом в их деятельности на первый план выступали главным образом не узкоклассовые интересы, а цели общенационального, общедемократического характера.

Наряду с этим совпадающие общенациональные, общедемократические интересы, хотя и могут быть присущи тому или иному историческому этапу, измеряемому десятилетиями, не снимают вопроса о национальной буржуазии как об эксплуататоре трудящихся, как о силе, враждебной классовым интересам последних. Вот почему проблема вхождения революционной партии в коалицию с национальной буржуазией, ее партиями никогда не однозначна. По отношению к буржуазии коммунисты применяют тактику «единства и борьбы». Именно «единства и борьбы», причем в условиях, когда действительно налицо совпадающие интересы. Крен в ту или другую сторону может нанести только ущерб революционным силам.

Но в реальной жизни, как известно, диалектический подход к национальной буржуазии не всегда удастся применить, во всяком случае с необходимой последовательностью. Национальная буржуазия не довольствуется ролью объекта, в отношении которого применяется тактика коммунистов «единства и борьбы». Она стремится сама захватить инициативу, установить политическую гегемонию в коалициях, навязать волю ее участникам.

Если буржуазия идет на сотрудничество с пролетариатом и его партией, то делает это лишь тогда, когда действительно обнаруживаются совпадающие интересы и когда она уверена, что от такого сотрудничества получит политические дивиденды.

Буржуазию следует рассматривать дифференцированно как на страновом уровне, так и с учетом различных ее слоев, часто представленных различными партиями. В одних странах национальная буржуазия уже превратилась в реакционную силу и служит опорой неокOLONиализму; в других государствах она проводит независимый внешнеполитический курс и в той или иной мере играет позитивную роль в национально-прогрессивном развитии страны. Однако следует подчеркнуть, что курс этого отряда буржуазии крайне противоречив, особенно во внутривполитической сфере, где последняя, как правило, высту-

пает в качестве силы, классово враждебной пролетариату и его политическому авангарду.

Если говорить о буржуазии в целом и независимо от страновых отличий, то следует сказать следующее. Одни слои национальной буржуазии, чаще всего ее верхушка, нередко стремятся к союзу с феодальными элементами, ориентируются на неокOLONиалистское сотрудничество с транснациональными корпорациями (ТНК). К ним примыкают неоконпраторы, процветающие на посреднических операциях с иностранной буржуазией, часть бюрократической буржуазии (представители государственно-партийного аппарата, связанные с частным предпринимательством), прозападные, проимпериалистические круги технократии и буржуазной интеллигенции. Эти социально-классовые силы, как показывает опыт, не только тяготеют к союзу с империализмом, делают на него ставку, но и нередко видят в нем гаранта своего положения в обществе.

Иное дело — средний и мелкий капитал, или «демократический капитал», как называл его В. И. Ленин²⁷. Он способен решиться при определенных условиях на революционные действия, во всяком случае на шаги исторически прогрессивного характера. «Демократический капитал» стоит ближе к народу, ибо он вырастает из мелкого предпринимательства города, рассеянного повсюду в развивающихся странах, из преуспевающих крестьянских хозяйств. «Демократический капитал» выступает, как правило, против феодалов, крупного предпринимательства и ТНК, которые сковывают его развитие. В последние годы «демократический капитал» усилил свои позиции в освободившихся странах, что явилось естественным результатом политики национальных правительств, направленной на деколонизацию. Сила «демократического капитала» состоит в его обширной социальной базе, в том, что он политически зачастую широко представлен в национальном государстве²⁸.

Вместе с тем и «демократический капитал» в соответствующих условиях может быстро укрепить свои позиции, обнаружить тенденцию к смыканию с крупной местной буржуазией, иностранными монополиями, а представляющие его политические партии способны в короткий срок совершить эволюцию в сторону усиления реакционных черт²⁹.

Суть проблемы состоит поэтому не столько в том, как относится компартия к тем или иным слоям (эшелонам) национальной буржуазии, сколько в выявлении таких конкретных буржуазных (пробуржуазных) партий (разумеется, если они существуют), с которыми марксисты-ленинцы могут пойти на сотрудничество. Но как раз в этом и заключается сложность проблемы.

Единый антиимпериалистический, демократический фронт, как подчеркивалось ранее, не статичен, и коммунисты пристально следят за динамикой его развития, за тем, какие тенденции в нем набирают силу и в чьих классовых интересах.

Современная практика развивающихся стран неоднократно давала примеры того, как политическое лицо национальной буржуазии, определяющей стратегическую линию ее верхних эшелонов, менялось за весьма короткий срок (в худшую сторону для пролетариата), что вызывало потребность изменить тактику революционеров либо по крайней мере внести в нее существенные коррективы. В тех случаях, когда этого не происходило или осуществлялось с запозданием; победителем оказывалась буржуазия, а проигрывали пролетариат и его политический авангард, терялось, в частности, влияние в массах, которые негативно оценивали непопулярный курс правительства объединенного фронта, где решающую роль играла национальная буржуазия. Негативную оценку в таких случаях массы распространяли и на входивших в него коммунистов.

В последние десятилетия практика обогатилась опытом участия марксистов-ленинцев афро-азиатских стран в единых фронтах с буржуазией и мелкобуржуазной демократией. Сюда относится в первую очередь опыт коммунистов Индии, Шри-Ланки и ряда арабских стран. Он требует отдельного обстоятельного рассмотрения. Мы же выскажем здесь лишь некоторые соображения.

Единый фронт в Индии как явление представляет своего рода феномен. В отличие от западных буржуазных государств и ряда освободившихся стран, в коалиционных правительствах которых коммунисты не играли ведущей роли, в трех индийских штатах коммунисты не раз имели и сейчас имеют решающее слово. Иначе говоря, здесь они преобладают в правительственных коалициях и располагают большинством мест в законодательных собраниях штатов. Но леводемократические и левые правительства³⁰ в Западной Бенгалии, Трипуре, а также в Керале³¹ действуют в условиях государства, идущего по капиталистическому пути развития, и к тому же в рамках буржуазной конституции. Все это серьезно ограничивает возможности коммунистов при осуществлении прогрессивных преобразований.

Центральное правительство может ограничить или блокировать преобразовательную деятельность местных правительств и даже сместить их. В ряде важных областей принятые в штатах законы могут вступить в силу только после одобрения их президентом страны. В ведении центрального правительства находятся основные финансовые ресурсы, запасы продовольствия, предназначенные для оказания помощи штатам; оно же контролирует важные рычаги административного аппарата штатов, может ввести в тот или иной штат подчиненные ему полицейские силы и войска. Другими словами, зависимость штатов от центра реальна и многопланова. Все это, безусловно, не может не накладывать отпечаток на всю деятельность леводемократических (левых) правительств.

И тем не менее опыт Кералы, Западной Бенгалии и Трипу-

ры, где функционируют леводемократические (левые) правительства, доказал, что, несмотря на ограниченность возможностей этих правительств, коммунисты не только успешно отстаивали и отстаивают жизненные интересы трудящихся (вопросы заработной платы, условий труда, сдерживания роста инфляции, безработицы и т. п.), но и добивались осуществления в интересах трудящихся ряда демократических и социально-экономических преобразований. Это прежде всего аграрная реформа и меры, направленные на ликвидацию кабальных форм эксплуатации в городе и деревне³².

Естественно, возникает вопрос: как стал возможен приход коммунистов к власти в отдельных штатах страны капиталистического пути развития? Причем не только завоевание коммунистами и их союзниками большинства в законодательных собраниях штатов и формирование правительств единого фронта, но и активная преобразовательная деятельность этих правительств.

Как представляется, это произошло благодаря завоеванному коммунистами влиянию среди трудящихся, опоре на массовые организации, находившиеся под их руководством, а в определенных случаях и прибегавшие к массовым действиям³³. В то же время коммунисты проводили гибкую тактику, старались не конфликтовать с центром. Они использовали прямые массовые действия лишь в исключительных случаях, хорошо понимая, что беспорядки, которые провоцируют в таких случаях враждебные им силы — как буржуазные, так и левоэкстремистские, — могли послужить поводом для смещения центром лево-радикальных (левых) правительств.

Правительства единого фронта считали забастовку единственным методом разрешения конфликтов между трудящимися и их работодателями. Тем не менее в штатах, руководимых этими правительствами, трудящиеся с их помощью добивались реализации своих законных требований.

Был ряд и других факторов, способствовавших успешной преобразовательной деятельности возглавлявшихся коммунистами правительств в индийских штатах. Так, правительства единого фронта добивались осуществления провозглашенной правящей партией ИНК аграрной реформы. Заслуга коммунистов состояла в том, что они приложили максимум усилий, чтобы претворить ее в жизнь. Между тем в штатах, где правили буржуазные партии, ее осуществление в лучшем случае застревало на полпути. Примечательно, что осуществляемые в названных штатах преобразования происходили в рамках действующей в стране конституции.

Подводя итоги, заметим, что тактика единого фронта позволяет компартии объединять усилия прогрессивных, демократических и национально-патриотических сил для противодействия нажиму империализма и местной реакции, добиваться осуществления социально-экономических и демократических преоб-

разований в интересах широких народных масс, более успешно бороться за мир, против угрозы ядерной войны. Она открывает перед компартией также новый важный канал для усиления своего воздействия на массы, способствует ее превращению во влиятельную политическую силу общества.

В то же время, как показывает опыт, тактика единого фронта налагает огромную ответственность на коммунистов, требует от них политической зрелости, умения отстаивать классовые интересы при любых обстоятельствах, добиваться усиления своего влияния в массах. Если ведущей силой фронта являются буржуазные, вообще непролетарские партии, то коммунистам приходится постоянно взвешивать последствия своего участия в едином фронте и в его правительствах, чтобы не принести в жертву перспективные интересы движения ради сиюминутных выгод, не дать буржуазии использовать завоеванный коммунистами авторитет в массах для прикрытия своей антинародной политики. А это далеко не просто. Входя в правительство, компартия принимает тем самым на себя часть ответственности за его политический курс, который формирует в основном национальная буржуазия. Причем отмечается такая закономерность: национальная буржуазия, укрепив свои позиции, старается подорвать влияние коммунистов вплоть до отказа от участия с ними в едином фронте.

Национальная буржуазия (как, впрочем, и другие непролетарские силы), сотрудничая с коммунистами в рамках единого фронта и в его правительстве, стремится одновременно порой их дискредитировать, показать якобы их несостоятельность при решении трудных практических вопросов общенационального характера, поручая им наиболее сложные участки работы, часто в условиях, когда остается в основном нетронутым старый, коррумпированный, погрязший в бюрократизме, антидемократически настроенный госаппарат. При этом хорошую работу коммунистов, их успехи буржуазные и другие непролетарские партнеры по правительственной коалиции нередко стараются приписать только себе.

В отдельных случаях компартии приходят к выводу об ошибочности вхождения в правительство с участием буржуазных партий. Например, Компартия Шри-Ланки, которая в 1970—1977 гг. вместе с буржуазной Партией свободы (ПСШЛ) и Социалистической партией (СПШЛ) входила в правительство объединенного фронта, на X съезде (март 1978 г.) и на XI съезде (март 1980 г.) дала отрицательную оценку своему участию в этом правительстве. В документах XI съезда, в частности, отмечалось: «Анализ объективных и субъективных факторов существовавшей тогда обстановки показывает, что вхождение коммунистов в правительство объединенного фронта ПСШЛ—СПШЛ—КПШЛ в 1970 г. и данное нами в 1968 г. согласие сформировать правительство трех партий было ошибочным»³⁴. И далее констатировалось: «В условиях того периода правиль-

ным и более благоприятным решением был бы отказ от участия в правительстве, так как при существовавшем тогда соотношении классовых сил полученная свобода действий давала возможность использовать независимость партии в интересах рабочего класса и народа»³⁵. Указывалось также, что партия не сумела применить тактику «единства и борьбы» в отношении руководства ПСШЛ, допустила ошибку в том, что отождествляла объединенный фронт с правительством; на практике это привело к отрыву от масс³⁶.

XI съезд КПШЛ выработал новую политическую линию партии — линию борьбы за левую альтернативу на основе единства левых и демократических сил. Она направлена на то, чтобы создать условия, необходимые для перехода страны на путь социалистической ориентации.

Таким образом, тактика единого фронта не всегда реализуется в интересах развития революционной борьбы, ради чего, собственно, она и проводится. Но значит ли это, что буржуазия не может более выступать в качестве силы, в сотрудничестве с которой на той или иной основе заинтересован пролетариат? Конечно нет³⁷. Сотрудничество пролетариата и его партии с буржуазией и представляющими ее партиями, как отмечалось ранее, возникает на почве совпадающих интересов. А они имеются и, вероятно, будут существовать до тех пор, пока будет сохраняться экономическая зависимость освободившихся стран от империалистических государств, пока первые будут объектом эксплуатации со стороны последних. Следовательно, совместные выступления (союзы) коммунистов и буржуазии необходимы и возможны, во-первых, для ликвидации колониального наследия, во-вторых, для свержения репрессивных диктаторских режимов, в-третьих, для отражения угрозы суверенитету страны со стороны империализма или региональной реакции и, в-четвертых, для совместной борьбы против угрозы новой мировой войны.

Коммунисты афро-азиатских стран подчеркивают, что участие компартий в коалициях с буржуазными силами не должно приводить к забвению классовой природы их временных союзников и пренебрежению массовой политической борьбы. При этом совершенно недопустимо, как указывали, в частности, ланкийские коммунисты, отождествлять национально-демократический фронт с предвыборной или правительственной коалицией: «Фронт, как правило, создается на определенный, довольно длительный этап развития, например на этап борьбы за осуществление задач национально-демократической революции, тогда как создание той или иной предвыборной коалиции — дело временное, определяемое конкретным соотношением сил на данном этапе этой борьбы»³⁸.

Функционирование единых фронтов с участием пролетарской и мелкобуржуазной демократии в странах социалистической ориентации (там, где есть компартии) также связано с

немалыми трудностями. Такой фронт создается для того, чтобы содействовать успешному продвижению прогрессивного режима по избранному пути, усилению позиций сторонников социализма, демократическому решению насущных проблем. Национально-патриотический фронт — фактически одна из важнейших предпосылок развития страны по пути социалистической ориентации.

Коммунисты развивающихся стран считают, что находятся в одном лагере с революционными демократами в борьбе против империализма, неокOLONиализма, проимпериалистически настроенной буржуазии и феодально-помещичьих сил. В то же время коммунисты отдают себе отчет в том, что они и революционные демократы по-разному представляют себе социализм, а также пути и методы продвижения к нему. Но они исходят из того, что это обстоятельство не имеет решающего значения на этапе борьбы за общедемократические преобразования. В ходе такой борьбы и при условии, что она ведется сторонами последовательно, позиции коммунистов и революционных демократов постепенно должны сблизиться и открыть перспективу совместных действий в пользу социализма.

В документах V съезда Сирийской коммунистической партии записано: «Сотрудничество между ПАСВ, СКП и другими прогрессивными силами в рамках Национального прогрессивного фронта, постоянное развитие и углубление этого сотрудничества — важный фактор движения Сирии по пути прогрессивного развития. Укрепление этого союза открывает новые перспективы преодоления шатаний и тормозящих развитие факторов, создаваемых эксплуататорскими классами и слоями внутри власти. Это укрепление постепенно может привести к тому, что массы рабочих, крестьян, всех трудящихся станут главной социальной опорой режима. При этом следует подчеркнуть, что деятельность коммунистической партии во всех областях, в том числе сотрудничество в Национальном прогрессивном фронте, участие в правительстве, имеет целью борьбу за обеспечение дальнейшего прогрессивного развития и переход к строительству социализма. Наша партия считает, что союз между ПАСВ и СКП в Национальном прогрессивном фронте — это не вопрос тактики, не вопрос, характерный для определенного этапа, а жизненно важный стратегический вопрос, имеющий объективную основу не только на нынешней стадии развития, но и на этапе перехода к строительству социализма»³⁹.

Подтвердив курс сирийских коммунистов на сотрудничество с Партией арабского социалистического возрождения, V съезд СКП подчеркнул необходимость углубления прогрессивного характера ее внутренней политики, усиления борьбы с реакцией, особенно с паразитической буржуазией.

Оценка деятельности национально-патриотических фронтов была дана на совещании представителей коммунистических и

рабочих партий арабских стран (апрель 1978 г.). «Необходимость создания патриотических и прогрессивных фронтов, появившихся в ряде арабских стран,— отмечалось в его итоговом документе,— уже подтверждена жизнью. В их состав входят национальные и прогрессивные партии, в том числе коммунистические; что является отражением объективной реальности. Сотрудничество в рамках этих фронтов позволило добиться определенных успехов в политической, экономической и социальной областях. Кроме того, они сыграли свою роль в мобилизации масс на борьбу против империализма и его пособников. Важные задачи современного этапа арабского национально-освободительного движения диктуют необходимость дальнейшего развития этих фронтов, совершенствования отношений между их участниками в духе более глубокого демократического сотрудничества, активизации их деятельности при опоре на массовое движение»⁴⁰.

Показательно, что даже после известных трудностей и неудач в деятельности национально-патриотических фронтов в документах совещания коммунистических и рабочих партий арабских стран 1981 г по-прежнему проводится линия на поддержку курса сотрудничества между коммунистами и революционными демократами в интересах национально-независимого и прогрессивного развития молодых государств. В них говорится, в частности: «Важную роль играют классовые и политические союзы между национально-патриотическими и революционными силами. Мы стремимся к созданию национальных фронтов в каждой стране и в масштабе всего арабского мира в соответствии с национально-демократической программой, мобилизующей народные массы на решительную борьбу против империализма, сионизма и реакции, за демократию и социальный прогресс, за укрепление сотрудничества с международными революционными силами, в авангарде которых идут Советский Союз и другие страны социалистического содружества. Такие фронты должны создаваться при взаимном уважении политической, организационной и идеологической самостоятельности его участников»⁴¹.

Акцент на условия, на которых должны создаваться национально-патриотические фронты или союзы, закономерен. В ряде случаев предпринимались настойчивые попытки изначально поставить компартию в неравноправное положение, навязать ей запрет или ограничения в работе среди тех или иных слоев трудящихся, в различных областях человеческой деятельности; искусственно создавалось положение, когда у партии научного социализма не было бы иного выбора, кроме как согласиться с позицией партии непролетарских революционеров. Ситуация складывалась подчас так, что компартия должна была либо вступить в единый фронт на предложенных ей условиях, либо конфликтовать с правящей революционной демократией. В отдельных случаях непролетарские революционеры от-

кровенно добивались роспуска компартии. Но, как известно, последствия самороспуска отдельных компартий в развивающихся странах лишь подтвердили ленинское положение о необходимости сохранять самостоятельность компартий. Самороспуск под давлением непролетарских революционеров не оказывал сколько-нибудь заметного воздействия на эволюцию в пользу научного социализма той революционно-демократической организации, в которую вливались коммунисты, утратив свою организационную самостоятельность. Более того, он отрицательно сказывался на политическом развитии пролетариата как революционного класса общества.

Наряду с этим известны случаи, когда организация марксистов добровольно сливалась с непролетарскими революционными организациями на принципах научного социализма. Так, в частности, произошло в демократическом Йемене, где Народно-демократический союз (южнойеменские марксисты) слился с ведущей политической силой страны — революционно-демократической организацией Национальный фронт и Партией народного авангарда (левые баасисты). Организационное единство марксистов и непролетарских революционеров, заявивших о признании научного социализма своей идеологией, оказалось перспективным. Оно создало более благоприятные условия для перехода революционных сил страны на позиции научного социализма.

Часть правящей революционной демократии, занимающей ключевое положение в структуре политической власти, видимо, полагает, что не она, а другие левые силы, в частности марксисты, должны проявить интерес к сотрудничеству с нею, поступившись при этом своими классовыми интересами. Но такие расчеты ошибочны. Мелкобуржуазная демократия как промежуточная сила без союза с пролетарской демократией может оказаться объектом атак со стороны прокапиталистических сил. В обстановке, когда ориентация на социализм не отличается последовательностью, эти силы относительно быстро растут, укрепляют свои экономические и политические позиции и поднимают голову именно в момент раскола революционных, национально-патриотических сил.

Конечно, на отношениях между коммунистами и непролетарскими революционерами могут сказаться ошибки той и другой стороны, в том числе левосектантского, догматического характера, а также межпартийное соперничество и разные подходы к таким вопросам, как классовая борьба, религия, демократия и т. д. Как подчеркивает Р. А. Ульяновский, «некоторые представители прогрессивных сил не поняли временного, преходящего характера возникших противоречий, не осознали объективной необходимости скорейшего преодоления недопонимания и разногласий. Иногда наблюдалось стремление возвести разногласия в систему непреодолимых принципиально враждебных отношений, что неизбежно вело к расколу и противоборству.

Некоторые деятели в освободившихся странах, отдавая дань давно отброшенным сектантским заблуждениям, говорят о невозможности совместной работы коммунистов и национальных демократов, представляющих якобы только антикоммунистическое крыло мелкой буржуазии. В свою очередь, кое-кто из национальных демократов иногда занимает откровенно антикоммунистические позиции, выражает недоверие последовательно демократическим силам»⁴².

Разные подходы пролетарской и мелкобуржуазной демократии к актуальным проблемам теории и практики революционных преобразований являются в конечном счете следствием их принадлежности к различным социально-классовым и идейно-политическим отрядам мирового революционного процесса.

Многие аспекты деятельности национально-патриотических фронтов, в том числе условия их создания, принципы функционирования и положение партий-партнеров, требуют разработки, во всяком случае, глубокого осмысления. Сотрудничество с революционной демократией как правящей силой, имеющей прочные социальные корни в переходном обществе, для марксистов-ленинцев развивающихся стран, по существу, новая проблема. И коренной вопрос для них состоит в том, к каким долгосрочным последствиям приведет сотрудничество в рамках единого фронта с теми непролетарскими партиями, которые, хотя и заявляют о приверженности социализму, на деле не обнаруживают тенденции к эволюции в сторону научного социализма и проводят политику, которая, будучи в целом прогрессивной, вместе с тем не отличается последовательной антикапиталистической направленностью. И может ли быть в этих условиях разумная альтернатива политике союзов с точки зрения интересов развития революционного процесса?

В среде коммунистов развивающихся стран преобладает мнение, что борьба за создание национально-патриотических фронтов на основе союза рабочего класса с крестьянством, мелкой и отчасти средней буржуазией, патриотической частью средних слоев, фронтов, в которых рабочий класс играл бы действительную роль, остается одним из основных направлений в деятельности коммунистов, всех левых и демократических сил⁴³.

Характерно, что коммунистам Сирии даже в собственных рядах не раз приходилось отстаивать интересы союза с ПАСВ как важнейшее условие сплочения прогрессивных, патриотических сил страны в борьбе против империализма и реакции, за социальный прогресс. СКП вынуждена была даже исключить из своих рядов группу лиц, возглавлявшихся бывшим членом Политбюро М. Юсефом, за сектантскую линию, направленную на разрыв союза с ПАСВ. V съезд СКП подтвердил правильность такой позиции руководства партии⁴⁴.

Политика союзов, построенных на подлинно демократических началах, способствуя вовлечению в борьбу за насущные

требования широких народных масс, помогает им приобрести политический опыт, лучше понять свои коренные интересы, политику классовых противников и союзников. В конечном счете тактика единого фронта призвана подвести трудящиеся массы к пониманию необходимости вести борьбу за социалистический путь развития.

Проблема политических союзов — это, безусловно, одна из наиболее крупных и сложных проблем, сердцевина стратегии и тактики компартий как развивающихся, так и развитых стран. Об этом говорит, в частности, пример французских, итальянских и финских коммунистов, активно разрабатывавших в последние годы политику союзов. Проблема союзов, будучи актуальной, всегда в чем-то нова и диалектически противоречива на всех этапах борьбы партий пролетарского авангарда за социалистическую перспективу.

Поскольку общество как социальный организм развивается, происходят сдвиги в его социально-классовой структуре, внутри классов и социальных слоев; поскольку происходят политические изменения, эволюция общественного сознания, совершенствуются приемы и методы борьбы враждебных пролетариату социально-классовых сил, усиливается интернационализация общественных процессов; иначе говоря, поскольку постоянно меняются внутренние и внешние условия борьбы революционного пролетариата, постольку должны постоянно претерпевать изменения, обогащаться опытом международного коммунистического движения и в то же время дифференцироваться соответственно национально-специфическим условиям политика и тактика компартий. Как подчеркивал В. И. Ленин, применение общих принципов революционной борьбы должно осуществляться таким образом, чтобы оно *«правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»*⁴⁵.

Некоторые другие вопросы борьбы компартий стран Востока

Рассмотрев проблему создания единых фронтов как одну из наиболее сложных, которые приходится решать коммунистам афро-азиатских стран, обратимся к другим крупным и актуальным задачам, стоящим перед ними.

Анализ документов съездов братских партий, состоявшихся в 70—80-е годы, и выступлений их руководителей и теоретиков позволяет составить достаточно полное представление об этих проблемах⁴⁶. К ним относится, в частности, вопрос о борьбе марксистско-ленинских партий за привлечение на свою сторону широких слоев трудящихся, за создание прочной, устойчивой и независимой социальной базы. На пути достижения этой цели

коммунистам освободившихся стран приходится решать также ряд других сложных задач, включая поставленную еще В. И. Лениным перед коммунистами Востока проблему перевода научного социализма, возникшего в условиях развитого, капиталистического общества, на язык, понятный трудящимся стран с низким уровнем социально-экономического и культурного развития.

Решение этой задачи оказалось настолько трудным делом, что многие коммунистические организации Востока, не сумев найти дорогу к широким массам; долгое время оставались группами, состоящими по преимуществу из интеллигенции и находящимися на стадии «кружковщины». И до сих пор, по признанию коммунистов развивающихся стран, задачи применения «коммунистической тактики и политики» к национально-специфическим условиям Востока до конца не решены. В наименее же развитых молодых государствах их реализация зачастую находится в начальной стадии.

Путь к созданию социальной базы компартий лежит также через завоевание на свою сторону максимально возможной части нового отряда фабрично-заводского пролетариата. В результате относительно быстрого роста промышленного производства во многих молодых государствах в последние 20—30 лет появилось новое поколение рабочих — выходцев большей частью из обеспеченных мелкобуржуазных слоев, имеющих среднее, а подчас и высшее образование, хорошо оплачиваемых, зараженных собственнической психологией и подверженных реформистским иллюзиям.

Актуальной является проблема сплочения всех левых и демократических сил, достижения единства тех, кто стоит на платформе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, преодоления раскола в коммунистическом движении отдельных стран, который существенно препятствует сплочению трудящихся масс перед лицом усиливающегося давления империализма и местной реакции. Пример Индии показывает, что там, где достигается единство действий двух партий, совместные выступления на платформе борьбы против реакции, за сохранение и расширение демократических прав и свобод, за осуществление социально-экономических преобразований в интересах трудящихся, а также в ходе парламентских выборов и выборов органов местной власти оно дает положительные результаты⁴⁷.

Коммунисты афро-азиатских стран ставят вопрос о необходимости глубоко изучать важнейшие тенденции в развитии революционного процесса, происходящие в обществе изменения, связанные с новыми явлениями в социальной сфере, умонастроения масс и политику классовых противников пролетариата. На этой основе и должны строиться правильная стратегия и тактика, соответствующие уровню развития объективных и субъективных факторов революции.

Развитие революционного процесса в странах со слаборазвитыми социально-экономическими и политическими структурами оказалось настолько своеобразным, что не всегда удавалось дать верную оценку надвигающимся политическим изменениям⁴⁸.

Борьба за повышение теоретической вооруженности партийных кадров стала важным направлением в деятельности компартий Востока.

Высокая теоретическая подготовка партийных кадров, глубокое знание ими основ научного коммунизма, трудов его классиков диктуются и условиями современной классовой борьбы, несущей на себе печать глобального противоборства двух противоположных общественных систем. «Сейчас, если кто-нибудь из наших партийных пропагандистов,— писал член политбюро ЦК Партии независимости и труда Сенегала (ПНТС) С. П. Гей,—выступает с публичной лекцией или публикует статью по тому или иному вопросу марксизма, он не может позволить себе приблизительное знание предмета, иначе обязательно появятся хулители, размахивающие той или иной главой или цитатами из произведений классиков, чтобы попытаться убедить общественное мнение в невежестве оратора или поднять его на смех и тут же высмеять нашу партию. Наши публичные выступления проходят в атмосфере настоящей интеллектуальной корриды»⁴⁹.

В документах XII съезда Компартии Индии отмечалось, что хотя в некоторых штатах представители сельскохозяйственных рабочих составляют более 50% членов партии, только незначительное их число являются руководящими работниками. «Партия должна уделить особое внимание проблеме подбора подходящих кадров из числа сельскохозяйственных рабочих и подготовке их, с тем чтобы они занимали ответственные посты в партии и массовых организациях на различных уровнях»⁵⁰.

Коммунисты развивающихся стран обращают внимание еще и на такой аспект кадрового вопроса. По ряду объективных причин (разный уровень экономического и социально-классового развития народов, сложность межнациональных отношений, приверженность отдельных этнокультурных групп традиционным формам социальных и политических связей и т. д.) сложилось так, что включение тех или иных этнических групп населения одной и той же страны в политическую борьбу происходит не одновременно. В результате в руководстве, да и в ядре в составе политических организаций и национальных движений не всегда пропорционально представлены этнические группы, те или иные районы страны. Это реальность, возникающая исторически в силу объективных причин, и она характерна для различных политических организаций стран Востока. Однако империализм и местная реакция спекулировали на этом, стремясь опорочить именно левые, демократические силы и их организации, подорвать их влияние в массах. Компартии учи-

тывают это обстоятельство, особенно при выдвижении на руководящие партийные посты представителей тех или иных народов.

Коммунисты стран Востока придают большое значение проблеме овладения пролетариатом всеми формами и методами классовой борьбы. Как указывал В. И. Ленин, коммунисты должны усвоить два вывода: «первый, что революционный класс для осуществления своей задачи должен уметь овладеть *всеми*, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности... второй, что революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою»⁵¹.

Сравнивая партию с армией, вооруженной различными видами оружия, В. И. Ленин подчеркивал: «Мы можем потерпеть громадное — иногда даже решающее — поражение, если не зависящее от нашей воли перемены в положении других классов выдвигнут на очередь дня такую форму деятельности, в которой мы особенно слабы»⁵².

Задачей исключительной важности стала необходимость усилить борьбу коммунистов на идеологическом фронте, чтобы противостоять мощным идейным противникам — международному империализму и местной реакции. На июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что переживаемый ныне человечеством исторический период отмечен небывалым за все послевоенное время «по своей интенсивности и остроте противостоянием двух полярно противоположных мировоззрений, двух политических курсов — социализма и империализма. Идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете. И будущее человечества зависит в немалой степени от исхода этой идеологической борьбы»⁵³.

Идет эта борьба и в зоне национально-освободительного движения. Это неизбежно. Причем не только империализм и его средства массовой информации, спецслужбы, платные идеологи ведут пропаганду против коммунистов, марксизма-ленинизма, практики реального социализма, против прогрессивных сил зоны национально-освободительного движения. Во многих освободившихся странах капиталистического пути развития за последние 20—30 лет выросли свои кадры профессиональных антикоммунистов. Хлынувшие широкой рекой нефтедоллары позволили консервативным режимам развивающегося мира расходовать немалые средства на ведение антикоммунистической пропаганды, субсидировать небезызвестную Антикоммунистическую лигу и разного рода центры по «борьбе с коммунизмом».

Реакция развивающихся стран охотно подхватывает и активно использует для идеологической обработки населения в антисоветском, антикоммунистическом духе сфабрикованные в лагере империализма разного рода лживые версии, например о «гонении на верующих» в СССР, об «оккупации Советским Союзом Афганистана». Она и сама продуцирует новые хитро-

умные приемы борьбы с идеями научного социализма. Так, в некоторых освободившихся странах официально введено преподавание научного социализма в средней школе для того, чтобы успешнее развенчивать его, дискредитировать в глазах молодежи. «Учителями» марксизма выступают его буржуазные толкователи, представители национал-реформизма. С той же целью устраиваются разного рода конференции, коллоквиумы, семинары, дискуссии, которые нередко транслируются по радио и телевидению, освещаются в печати. Формально их организуют для выяснения тех или иных сторон марксизма, а в действительности — для целей очернения научно-социалистической идеологии, для того, чтобы представить ее в отталкивающем виде, «доказать» ее устарелость, непригодность для решения современных проблем развивающихся стран, отвлечь от нее молодежь, трудящихся.

Показательно, что деятельность местных антикоммунистов координируется с филиалами западных буржуазных идеологических центров, например американской службы ЮСИА, западногерманского Института Гёте, фонда Эберта и др.⁵⁴

Можно определенно сказать: никогда еще против марксистов-ленинцев, всех прогрессивных и демократических сил зоны национально-освободительного движения не велась столь крупномасштабная, хорошо скоординированная, причем с использованием новейших достижений науки и техники, идеологическая борьба. «Во всем своем идеологическом воздействии на развивающийся мир,— писал журнал „Проблемы мира и социализма“,— антикоммунисты исходят из стратегии глобального подавления освободительных движений. Они рассчитывают на идейное разложение народов, поднявшихся к самостоятельной жизни, стремятся подрвать коммунистические партии, прогрессивные и патриотические движения, поддерживая фашистские, конфессионалистские и диктаторские режимы, прибегая к экономическому и политическому шантажу»⁵⁵.

Многие компартии стран Востока, как ранее отмечалось, действуют в нелегальных условиях. Известно, что это сопряжено с немалыми сложностями, издержками, затрудняет работу коммунистов в массах, организацию и политическое просвещение, распространение идей научного социализма. Поэтому борьба за легализацию была и остается для коммунистов одной из важных задач. В 70-е — начале 80-х годов в этой борьбе достигнуты определенные успехи. Добились права на легальную работу коммунисты Туниса и Сенегала, вышла из подполья, хотя еще и не получила статуса легальной, Компартия Филиппин.

Однако для коммунистов вопрос заключается не только в легализации, но и в условиях, на которых она происходит. Они отнюдь не строят иллюзий в отношении санкционированного сверху (в условиях сравнительно мирного развития революционного движения без мощного давления снизу, со стороны масс) права на легальную деятельность партии, понимая, что

правлящие круги буржуазного авторитарного режима не склонны предоставлять партии трудящихся полную свободу действий. Наоборот, постоянно угрожая вновь лишить ее статуса легальной партии, они стремятся поставить деятельность коммунистов в жесткие рамки, всячески препятствуют росту их влияния в массах. При этом строятся расчеты на то, что коммунисты легализуют все свои организации, откажутся от отработанных годами в условиях подполья форм борьбы, не получив взамен возможности осуществлять в нужном объеме легальную работу (в практике коммунистического движения на Востоке хорошо известны случаи, когда, доверчиво раскрыв все свои организации, левые партии расплачивались жизнью многих своих членов, ставших объектом террористических действий реакции).

Иногда власти пытаются добиться от компартии уступок по принципиальным вопросам марксистско-ленинского мировоззрения, интернациональных связей, использовать авторитет партии революционеров в массах, в левых движениях в корыстных интересах, а также для того, чтобы выглядеть в глазах мирового общественного мнения поборниками демократии, плюрализма.

Так или иначе, переход на легальное положение, особенно после длительного периода работы в подполье, сразу же ставит перед компартией много сложных вопросов. Среди них — задача восстановления потерянных в годы подполья легальных каналов выхода на массы, средств коммуникаций, необходимость приобретения партийными кадрами умения вести агитационно-пропагандистскую работу легальными методами, причем нередко «по правилам игры» буржуазной (или псевдобуржуазной) демократии. Вот что, например, пишет по этому поводу генеральный секретарь ЦК Партии независимости и труда Сенегала А. Дансоко: «Говоря о сложностях нашей работы, нельзя не упомянуть определенные проблемы, связанные с адаптацией партии к новому стилю деятельности, которого требовала предвыборная борьба. Отмечу, что в течение двух десятилетий мы находились в подполье. Найти убедительные аргументы для трехминутного выступления по радио или телевидению (такое время было выделено каждой оппозиционной партии), уметь говорить и держаться „на уровне“ — всем этим тонким искусством общения с людьми через средства массовой информации наши товарищи, естественно, не овладели в полной мере»⁵⁶.

После выхода из подполья в ряде случаев возникает настоятельная необходимость скорейшего расширения социальной базы партии (в первую очередь за счет рабочего класса и беднейшего крестьянства), которая в условиях подполья по понятным причинам нередко сужается. Например, в Тунисе ко времени перехода ТКП на легальное положение «основную часть партийных кадров составляли люди умственного труда — не только в столице, но и в других районах (кроме шахтерского района на юге). И главная тяжесть организационного воссоздания партии

легла на интеллигентов. Учителя начальных и средних школ, преподаватели лицеев и вузов, служащие, врачи, инженеры — преимущественно таковы профессии секретарей и членов комитетов секций»⁵⁷.

«Общественный прогресс,— говорится в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза,—находит свое выражение в развитии **международного коммунистического и рабочего движения**, в разрывании нового массового демократического движения современности, в том числе антивоенного, антиядерного».

Несмотря на все эти проблемы и трудности, легализация справедливо рассматривается коммунистами как важнейшее событие в деятельности партии и в их жизни. В сущности, проблема легализации партии пролетарского авангарда, как и вынужденный ее переход на нелегальное положение,— это составная часть поставленной В. И. Лениным перед коммунистами Востока задачи овладения пролетариатом всеми формами революционной борьбы.

* * *

Что касается коммунистов, то их борьба за предотвращение ядерной войны находится в числе самых насущных задач. «Нависшая над миром угроза ядерной войны,— подчеркивалось в документах июньского (1983) Пленума ЦК КПСС,— побуждает по-новому оценить основной смысл деятельности всего коммунистического движения. Коммунисты всегда были борцами против угнетения и эксплуатации человека человеком, а сегодня они борются еще и за сохранение человеческой цивилизации, за право человека на жизнь»⁵⁸.

Нельзя сказать, что угроза мировой катастрофы в результате термоядерной войны была своевременно осознана в бывших колониях и полуколониях. Вот, например, что говорил по этому поводу генеральный секретарь ЦК Компартии Шри-Ланки К. П. Сильва, рассказывая о XII съезде КПШЛ (январь 1984 г.): «На нашем форуме отмечалось, что народы массы на острове еще мало осознают угрозу ядерной войны и что движение за мир пока не носит здесь массового характера. Партия должна наращивать усилия, чтобы убедить общественное мнение в том, что ядерная война — это путь к омнициду» (всеобщему уничтожению.— *Ред.*)⁵⁹.

В этих условиях тем более возрастает роль коммунистов в борьбе за разоблачение агрессивных замыслов империализма, ликвидацию навязанных освободившимся странам военных союзов и баз, за превращение бассейнов Индийского и Тихого океанов в безъядерные зоны, в борьбе за прекращение гонки вооружений, за уменьшение военных бюджетов и переключение военных расходов на дело мира и прогресса. Свою задачу коммунисты видят в том, чтобы совместными усилиями миролюбивых сил планеты заставить агрессивные, авантюристические

круги империализма, в первую очередь американского (основного виновника резко ухудшившегося международного климата, усиления гонки вооружений, возросшей опасности мирового ядерного конфликта), отказаться от курса на конфронтацию, на достижение военного превосходства, т. е. пойти на создание условий для улучшения международной обстановки.

Особую актуальность борьба за мир приобретает в странах, где имеются или создаются военные базы стран НАТО, в государствах, которые империализм втянул в свои военные блоки, навязал им различные военные соглашения. Но не меньшую опасность агрессивная политика западных держав таит в себе и для молодых государств, в непосредственной близости от которых создаются военные базы, наращивается военное присутствие. Например, индийские коммунисты расценивают как угрозу безопасности своей стране форсированные поставки Вашингтоном вооружений Пакистану, что нарушает военное равновесие в Южной Азии, дестабилизирует там обстановку⁶⁰. Проблема предотвращения новой мировой войны, борьбы за мир широко дискутировалась и на XII—XIII съездах Коммунистической партии Индии.

Вопрос о борьбе за мир обсуждался как один из ключевых на XII—XIII съездах ланкийских коммунистов. «Центральная задача XII съезда,— отмечал генеральный секретарь ЦК Компартии Шри-Ланки К. П. Сильва,— состояла в разработке путей, с помощью которых можно объединить разобщенные левые и демократические силы на защиту политической независимости и национального суверенитета Шри-Ланки, на противодействие попыткам империализма США вовлечь страну в свои военные планы»⁶¹.

На съезде была подтверждена необходимость развертывания массовой кампании, направленной против милитаризации США Индийского океана, за освобождение его от ядерного оружия и проведение конференции ООН по превращению Индийского океана в зону мира; была выражена решимость настаивать на том, чтобы правительство не разрешало военным кораблям и самолетам с ядерным оружием заходить в ланкийские порты и использовать местные аэродромы, чтобы оно отказалось от намерения позволить США использовать ланкийский порт Тринкомали в качестве военной базы⁶².

Борьба за мир, предотвращение новой мировой войны находится в центре внимания коммунистов арабских стран. В частности, в заявлении, принятом состоявшейся летом 1984 г. встрече коммунистических и рабочих партий арабских стран, подчеркивалось: «Перед арабскими национально-патриотическими и прогрессивными силами стоит задача поднять самые широкие народные массы на борьбу против опасности ядерной войны, угрожающей и арабским странам, безопасности и самому существованию арабских народов»⁶³.

Бороться против агрессивной политики империализма, опас-

ности глобального военного конфликта, за мир во всем мире — дело далеко не простое в условиях многих освободившихся стран. Во-первых, реакционные режимы, предоставившие свою территорию под военные базы империалистических держав, втянутые в их военные союзы, сурово преследуют борцов за мир. Эти режимы не только потворствуют агрессивной политике империализма в развивающемся мире, но и выступают нередко их прямыми пособниками.

Во-вторых, необходимо убедить широкие массы в необходимости активной борьбы за мир, против войны в условиях, когда значительная часть населения задавлена нуждой. Голод, безработица, отсутствие крыши над головой — эти и другие подобные им проблемы, с которыми люди сталкиваются ежедневно и ежечасно, представляются куда более актуальными, чем борьба за «абстрактный всеобщий мир», против ядерной войны, которая нередко им кажется далекой, мало затрагивающей их перспективой.

В этих условиях коммунисты стремятся увязать борьбу за мир с решением конкретных, животрепещущих проблем, стоящих перед страной. Проблемы, понятно, не всегда одни и те же в разных странах, но в основном они касаются материального и социального положения трудящихся, вопросов демократии, сохранения суверенитета, национальной целостности страны и т. д. Вот, например, как видит решение названной проблемы первый секретарь ЦК Иорданской компартии Ф. Варрад: чтобы обеспечить активное и действенное участие в борьбе против создаваемой империализмом угрозы войны, необходимо последовательно отстаивать демократию, общественные свободы. «Это — центральное звено многообразной по форме битвы против империализма, сионизма, реакции и агрессии, за мир, освобождение и социальный прогресс»⁶⁴.

Компартия Турции исходит из того, что в специфических условиях страны (прежде всего из-за вхождения ее в НАТО) деятельность КПТ должна быть «направлена на то, чтобы, с одной стороны, добиваться возвращения массам демократических свобод, улучшения жизненных условий трудящихся и, с другой — активно выступать за мир, против угрозы ядерной войны, за национальную независимость»⁶⁵.

Коммунисты стараются на конкретных примерах показать, какую угрозу народам освободившихся стран и всеобщему миру несет агрессивная политика империализма, в том числе на примерах Гренады и Ливана. В борьбу против империалистической политики агрессии и войн компартии афро-азиатских стран стремятся вовлекать по возможности самые широкие социально-политические силы, независимо от их классовой принадлежности, политической ориентации, религиозных убеждений и т. д. В то же время коммунисты дают решительный отпор тем, кто хотел бы поставить знак равенства между империализмом и реальным социализмом, настаивая на «равной ответ-

ственности» США и СССР за гонку вооружений и обострение международной обстановки.

Какие бы трудности ни встречало на своем пути движение борцов против империалистической политики агрессии и войн, за предотвращение новой мировой войны, борьба, которую ведут коммунисты вместе с другими политическими силами, будет набирать силу. Ведь вопрос стоит так: либо разоружение и мир, либо конец мировой цивилизации. И эта суровая правда все более глубоко внедряется в сознание новых десятков и сотен миллионов людей планеты.

* * *

Активная работа компартий афро-азиатских стран в массах — важнейшая часть их деятельности. Именно здесь проверяется, насколько соответствуют выработанные компартиями стратегия и тактика задаче вовлечения широких народных масс в русло борьбы за непосредственные и перспективные цели, за завоевание их на свою сторону. Но привлечение масс на свою сторону — это не самоцель для коммунистов. Коммунисты добиваются того, чтобы повысить политический уровень масс, помочь им осознать свои коренные, объективно обусловленные интересы, пути и методы их реализации. Вести такую работу — значит способствовать организации масс, вовлекать их в классовую борьбу, связывая решение непосредственных задач с социалистической перспективой.

Для решения этой задачи от коммунистов требуется, помимо прочего, глубокое знание особенностей социально-классовой структуры общества, основных тенденций происходящих в нем сдвигов, характерных черт не только классов, социальных слоев и прослоек, но и отдельных их отрядов, социопрофессиональных групп и т. д. Это, в свою очередь, требует уяснения, как «классы и силы связаны с различными социально-экономическими укладами, предопределяющими отличие члена натурально-патриархальной общины от мелкотоварного производителя, рабочего монополистической компании — от подмастерья ремесленной мастерской, феодала — от мелкого капиталиста кулацкого типа (иногда, впрочем, применяющего и феодальные методы эксплуатации) и т. п.»⁶⁶.

Советские востоковеды в последние годы много сделали для изучения социальной структуры общества развивающихся стран. Этот вопрос, в частности, исследуется в одной из последних работ Института востоковедения АН СССР — «Восток: рубеж 80-х годов»⁶⁷. Основное внимание в ней уделено проблемам развития рабочего класса, крестьянства, средних и маргинальных слоев. Обобщенным характеристикам названных социально-классовых сил и посвящены следующие главы данной книги, где будет рассмотрена также деятельность коммунистов в этих классах и социальных слоях. В первую очередь речь пойдет о пролетариате, о работе в его среде марксистско-ленинских партий.

Глава II

КОММУНИСТЫ И РАБОЧИЙ КЛАСС В ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАНАХ

Коммунистические партии освободившихся стран рассматривают проблему взаимоотношений с рабочим классом и его организациями как ключевой вопрос своей деятельности. Это вполне естественно для партий, являющихся политическим авангардом пролетариата и выражающих в первую очередь его интересы. Значение эффективного взаимодействия коммунистов с рабочим классом возрастает по мере увеличения численности, повышения организованности и сознательности, роста общественно-экономической и социально-политической роли пролетариата.

То, что именно в пролетарской среде быстрее преодолеваются родо-племенные, религиозные, межкастовые и другие традиционные противоречия, во многом определяет способность рабочего класса выражать общенациональные интересы и наиболее последовательно выступать за создание национально-демократического фронта¹. В условиях незавершенности процессов классового образования в освободившихся странах компартии при опоре на массовые пролетарские организации могут эффективнее реализовать политику объединения не только наемных работников, но и широких слоев трудящихся в рамках прогрессивных классовых союзов².

Важность проблемы взаимодействия компартий с пролетариатом возрастает по мере углубления социального содержания революционного процесса в бывших колониях и полуколониях; с изменением характера антиимпериалистической борьбы «возникают проблемы не только „политизации“ рабочего движения, но и прежде всего переориентации революционной энергии трудящихся масс в связи с новыми задачами, диктуемыми более высоким этапом освободительной революции, борьбой за социальный прогресс»³.

Наконец, необходимость более тесного взаимодействия с рабочим классом для коммунистов освободившихся стран определяется тем, что многие афро-азиатские компартии по объективным причинам обладают слабой «рабочей прослойкой». Таким образом, характер их социального состава требует проч-

ных, органических связей с пролетариатом своей страны, с мировым рабочим и коммунистическим движением.

В эпоху перехода от капитализма к социализму в глобальном масштабе афро-азиатские компартии, выступая как интегральная часть мирового коммунистического движения, по праву представляют международный рабочий класс в своих странах, олицетворяют его качества как передового, революционного класса общества. Одновременно в мировом коммунистическом движении они представляют прежде всего свой национальный рабочий класс, пролетариат стран Азии и Африки, призванный в конечном счете сыграть определяющую роль в революционном процессе и в этом районе мира. Однако, прежде чем пролетариат станет ведущей революционной силой в освободившихся странах, ему предстоит пройти сложный путь классового формирования и политического развития, овладеть навыками организованного ведения классовой борьбы, преодолеть раскол в своих рядах, добиться создания сильных массовых марксистско-ленинских партий.

Рабочий класс и его общественно-политическая роль

Пролетариат бывших колоний и полуколоний уже сегодня — один из важных отрядов международного рабочего движения. В то же время наемные рабочие в развивающихся странах значительно отличаются от своих братьев по классу в экономически развитых странах. Пролетариат зоны национально-освободительной борьбы составляет меньшинство населения. Для него характерны относительная разнородность, преобладание сельскохозяйственного пролетариата, а также рабочих, связанных с малоквалифицированным трудом и домашним производством. Существенными особенностями многих категорий рабочих в освободившихся странах являются переплетение капиталистической эксплуатации с различными формами полуфеодального угнетения и кабалы; работа на мелких и мельчайших предприятиях; традиционная специализация, консервирующая сословно-кастовые пережитки; хроническая неполная занятость и т. д. Все это накладывает отпечаток на классовую природу рабочих, замедляет рост их социальной зрелости. Для широких слоев рабочих Азии и особенно Африки характерно сохранение мелкобуржуазных, племенных, религиозных, общинных и иных предрассудков, а также низкий уровень грамотности, классовой сознательности и организованности.

Особенности формирования и классовые характеристики пролетариата в освободившихся странах обусловлены во многом спецификой их экономической и общественно-политической истории. В большинстве афро-азиатских стран формирование рабочего класса началось еще в колониальный период, в осталь-

ных — после достижения политической независимости. Но в обоих случаях ход этого процесса во многом определялся характером слаборазвитой многоукладной экономики, доставшейся молодым государствам в наследство от колониализма. Последний деформировал нормальный ход народнохозяйственных и социальных процессов. При колониальной эксплуатации африканских стран империализм, с одной стороны, внедрял капиталистические отношения в их экономическую и социальную систему, а с другой — способствовал сохранению в общественной структуре самых отсталых и реакционных элементов, затрудняя развитие прогрессивных социально-экономических форм производства. Существенное влияние на характер формирования рабочего класса в этих странах оказало то обстоятельство, что капитализм не вызревал здесь постепенно, естественным путем, на национальной почве, а был привнесен извне, накладываясь на феодальные и полуфеодальные отношения.

После завоевания политической независимости социально-экономическое развитие афро-азиатских стран заметно ускорилося. Удельный вес наемных работников к началу 80-х годов составил в среднем около трети их самостоятельного населения. В странах, где существуют компартии, этот показатель, как правило, выше⁴. Однако подавляющее большинство и этих стран по удельному весу наемных работников пока существенно отличаются от экономически развитых государств (где соответствующий индикатор обычно превышает $\frac{3}{4}$ самостоятельного населения). Контраст в уровне пролетариата между развитыми странами окажется еще более глубоким, если учесть сохраняющиеся между ними существенные различия в социальных структурах армий наемного труда. В отличие от экономически развитых государств в развивающихся странах армия наемного труда характеризуется крайней социальной разнородностью. Во-первых, в ее составе немало (обычно до одной четверти) служащих — представителей средних слоев, отличающихся по своему положению как от буржуазии, так и от пролетариата⁵. Во-вторых, значительную часть наемных работников образуют представители промежуточных, переходных слоев, многие из которых лишь частично включены в современное капиталистическое производство.

В ходе начавшейся индустриализации в сравнительно короткие исторические сроки машинное производство захватило важные позиции в экономике стран Азии и Африки, играя все возрастающую роль в росте валового национального продукта. Но при этом молодые государства, идущие в своем большинстве по капиталистическому пути развития, не могли за 20—30 лет ликвидировать последствия длительного колониального господства, преодолеть отсталость своей многоукладной экономики. Всеобъемлющая перестройка народного хозяйства на индустриальной основе оказывается здесь возможной лишь в весьма отдаленной перспективе.

Одновременно с быстрым развитием современного государственного и частного предпринимательства происходит широкое становление полу- и раннекапиталистических форм производства. Вместе с тем сохраняет свое значение, а с точки зрения занятости даже расширяется сектор традиционных производительных сил с характерными для него докапиталистическими экономическими связями. В результате экономика большинства освободившихся стран перерастает не в развитую капиталистическую, а в «дуалистическую», в которой параллельно развиваются два сектора, основанные соответственно на современных (индустриальных) и традиционных (домашинных) производительных силах и производственных отношениях⁶.

«Дуалистический» характер базиса освободившихся стран непосредственно сказывается на эволюции всей социальной структуры этих стран, во многом определяет специфический состав рабочего класса. Сосуществование и параллельное развитие двух секторов народного хозяйства, базирующихся на современных и традиционных средствах производства, сосредоточение в последнем наиболее многочисленных и растущих масс трудоспособного населения обуславливают как преобладание так называемых самостоятельных хозяев и помогающих членов семей (и соответственно относительную ограниченность сферы найма), так и существенную неоднородность рабочего класса.

Во многих развивающихся странах Азии и Африки происходит ускоренный рост пролетариата, особенно его индустриального ядра, связанного с современным сектором экономики, в исторически короткие сроки завершаются начальные стадии формирования современного рабочего класса и вместе с тем сохраняется (а иногда и усиливается) тенденция к расширению границ армии наемного труда, в том числе наемных рабочих, связанных с традиционными укладами. В условиях «дуалистической» экономики сохраняются существенные различия между рабочими, занятыми соответственно в крупном и мелком, в современном (машинном) и традиционном производстве, основанном преимущественно на ручном труде. Причем если в странах Западной Европы и Северной Америки сосуществование и параллельное развитие различных форм найма и категорий рабочих продолжалось относительно недолго, то в Азии и Африке оно приобрело длительный и устойчивый характер.

Таким образом, рабочий класс в освободившихся странах представляет собой комплексную общность, состоящую из двух основных групп наемных рабочих, занимающих разное место в системе общественного производства и отличающихся по социальной природе: современного пролетариата и предпролетариата, пролетарских элементов крестьянства и городских низов, т. е. рабочих, связанных преимущественно с мелким до- и полукапиталистическим производством. Иными словами, рабочий класс освободившихся стран в широком значении этого понятия (как реально существующий класс переходного об-

щества) включает *всех* наемных рабочих. К ним примыкают некоторые группы мелких служащих и часть лишь формально сохранивших свою «самостоятельность» крестьян, ремесленников, мельчайших торговцев, превратившихся в рабочих на дому и полностью подчиненных капиталу. В то же время с точки зрения строго формационного подхода (имея в виду формационно зрелое общество) рабочий класс в странах Азии и Африки — это современный пролетариат, т. е. прежде всего рабочие крупных предприятий, рабочие, связанные преимущественно с индустриальными средствами производства.

В состав индустриального ядра современного пролетариата в освободившихся странах входят кадровые фабрично-заводские рабочие, железнодорожники, портовики, рабочие предприятий автомобильного, авиационного, трубопроводного транспорта и связи, квалифицированные строители; к нему примыкают рабочие централизованных мануфактур, рабочие крупных предприятий торговли и обслуживания. В сельском хозяйстве современный пролетариат представляют кадровые рабочие государственных ферм, плантаций и других крупных хозяйств, а также сельские механизаторы⁷.

Пролетарии указанных категорий составляли в конце 70-х годов в среднем лишь около $\frac{1}{4}$, в том числе представители «индустриального ядра» не более $\frac{1}{5}$ общей численности наемных рабочих развивающихся стран Азии и Африки. Правда, в различных отраслях экономики удельный вес современного пролетариата неодинаков. В городских отраслях его больше, чем рабочих мелкого производства. В деревне прослойка современных пролетариев незначительна. Вообще в сельском хозяйстве (включая крупное плантационное) они насчитывают не более 15—20% наемных рабочих. Между тем в промышленных отраслях современный пролетариат преобладает. Индустриальные рабочие составляют основную часть (75—80%) всего современного пролетариата освободившихся стран.

Правильное понимание категории «рабочий класс» в условиях переходного многоукладного общества с «дуалистическим» базисом имеет непосредственное отношение к разработке принципов стратегии, тактики, организационно-массовой работы компартий освободившихся стран. Подходы различных компартий к этой проблеме не идентичны, однако в целом они выступают как против чрезмерно «расширительного» толкования определения «рабочий класс» (что было свойственно ряду компартий особенно в 40-е и 50-е годы), так и против «отчуждения» от рабочего движения крупных масс наемных рабочих «периферийных» категорий пролетариата. Так, Коммунистическая партия Индии, учитывая особенности своей страны, выделяет из общей массы пролетариата собственно «рабочий класс» и «сельскохозяйственных рабочих»⁸.

Под рабочим классом в собственном смысле слова принято понимать все слои промышленных рабочих. Во то же время учи-

тываются особенности социальной природы рабочих, занятых на промышленных предприятиях «различного общественно-исторического происхождения и уровня технического развития». «В стране типа Индии,— пишет журнал КПИ,— где существует большое разнообразие социально-экономических структур, рабочий класс имеет разнородный характер... Определить классовые черты пролетариата в целом можно лишь с учетом особенностей отдельных групп рабочих, при изучении этих групп в отдельности и в их взаимодействии в рамках всего класса. Различие свойств отдельных отрядов пролетариата определяет сложный характер взаимоотношений между ними, ведет к большому разнообразию социальных и политических воззрений внутри рабочего класса, а также взаимоотношений рабочих с их организациями»⁹.

Сельскохозяйственные рабочие справедливо рассматриваются индийскими коммунистами вместе с беднейшим крестьянством¹⁰, частью которого они во многом еще остаются¹¹. Компартии стран, где в аграрном секторе экономики преобладает плантационный пролетариат (Шри-Ланка, Реюньон) или рабочие крупных современных ферм (Алжир), выделяют эти категории в отдельные отряды рабочего класса либо включают в состав «индустриального пролетариата», но в любом случае не отождествляют с батраками и поденщиками, рабочими мелкого сельскохозяйственного производства¹².

Между тем последние вместе с полупролетариатом деревни — беднейшими («лишь формально сохранившими свою самостоятельность» и прибегающими к работе по найму) крестьянами рассматриваются компартиями не только как союзник индустриального пролетариата (таковым на данном этапе освободительной революции является все трудовое крестьянство), но и как специфический отряд рабочего движения. Противоречивость его положения и интересов учитывается в лозунгах и политике компартий, которые борются за удовлетворение требований сельскохозяйственных рабочих (по существу пролетарских требований), направленных на увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня, право создавать профсоюзы и т. д., и в то же время поддерживают их выступления за возможность вести собственное хозяйство. Требование наделить батраков землей записано в программах и других документах ряда коммунистических и рабочих партий, а также революционных профсоюзов¹³.

Компартия Индии рассматривает собственно «рабочий класс» и «сельскохозяйственных рабочих» как свою важнейшую социальную опору¹⁴. В то же время, отмечая наличие солидной социальной базы партии в «пролетарских массах» вообще, КПИ ставит, как наиболее важный, вопрос об укреплении своих позиций «в рабочем классе», имея в виду прежде всего пролетариат «индустриального», «современного» типа, т. е., по сути дела, именно «современный пролетариат».

Современный пролетариат освободившихся стран, не отличаясь принципиально по классовой природе от рабочих промышленно развитых государств, существенно уступает им и по численности, и по ряду качественных характеристик. Его удельный вес в самостоятельном населении в среднем не превышает 8—9%, в том числе промышленного пролетариата — не более 6—7%. В Индии промышленные рабочие современного типа насчитывают 4—5%, а в Нигерии — всего 1—1,5% самостоятельного населения. В странах с широко распространенной сферой отношений капиталистического найма (Реюньон, Иордания, Кипр, Ливан, Шри-Ланка и др.) сравнительно высокий для развивающихся стран показатель доли современного пролетариата (хотя также не превышающий 30—40% занятого населения) объясняется высоким удельным весом в его составе плантационных рабочих, рабочих непроизводительных сфер экономики при сравнительной малочисленности представителей промышленного ядра рабочего класса.

Относительная молодость современного пролетариата освободившихся стран и специфические особенности слаборазвитой экономики обуславливают невысокий уровень его объективной классовой зрелости, которая наступает лишь после многих лет труда в условиях фабричного производства¹⁶. Однако даже кадровые рабочие сохраняют здесь многообразные и устойчивые связи с деревней, торгово-ремесленной и мелкобуржуазной средой. В условиях сравнительно низкого общеобразовательного и культурного уровня рабочих такие контакты способствуют закреплению в пролетарской среде традиционных (коммуналистских, кастовых, племенных и т. п.) предрассудков. Все это негативно влияет на процесс формирования пролетариата, затрудняет рост классового сознания рабочих.

Объективные условия труда рабочих в крупной промышленности, концентрация, способность к организации, солидарности и единым действиям — все это наряду с отсутствием частной собственности превращает индустриальный пролетариат в мощного и последовательного борца против всех форм эксплуатации и гнета. «Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений, — отмечал В. И. Ленин, — делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы»¹⁶.

Условия экономического и социального быта рабочих в конечном счете определяют весь строй жизни пролетариата, его социальный и морально-психологический облик. Формирующееся в освободившихся странах ядро кадрового пролетариата обладает достаточно развитым классовым сознанием, «является опорой коммунистического движения и прогрессивных профсоюзов»¹⁷.

Однако численность фабрично-заводского пролетариата пока еще невелика, а воздействие на него классово чуждого окружения и неизбежность постоянного притока в его ряды представителей этого окружения приводят к снижению удельного веса потомственных, а в некоторых отраслях и вообще кадровых промышленных рабочих — естественных носителей революционных традиций и опыта классовой борьбы¹⁸.

Объективные (количественные и качественные) характеристики рабочего класса развивающихся стран Азии и Африки, сложность и противоречивость процесса его формирования требуют трезвого и взвешенного подхода к определению реальной роли пролетариата в общественно-политическом развитии этих стран, в революционном процессе в зоне национально-освободительной борьбы. В большинстве освободившихся стран пролетариат в основной массе еще не поднялся до осознания своих классовых задач и остается «классом в себе». Даже во многих из тех стран, где действуют марксистско-ленинские партии, развитие рабочего класса, как правило, находится на стадии чисто экономической, тред-юнионистской борьбы, и пролетариат в политическом отношении нередко идет за представителями буржуазных и отчасти мелкобуржуазных партий.

Было бы неправильно преувеличивать роль и место афро-азиатского рабочего класса в политической жизни, степень его готовности уже сегодня активно бороться за социалистическую перспективу развития своих стран. Рабочему классу в освободившихся странах потребуется, по-видимому, довольно длительный исторический период социального и политического развития, прежде чем он сможет выступить гегемоном в такой борьбе. Пока же в большинстве стран Азии и Африки политически сознательный пролетариат еще только складывается.

Объективная оценка реально существующих возможностей рабочего движения в освободившихся странах позволяет не только избавить политику пролетарского авангарда от оппортунистических «забеганий» вперед, но и правильно распределить силы в организационно-массовой работе партий с различными слоями трудящихся.

В то же время марксисты-ленинцы выступают против понижения общественно-политической роли рабочего класса этих стран, против тенденциозных выводов из «объективных показателей» развития пролетариата. В 50—60-е годы среди буржуазных ученых, а также последователей леворадикального направления было распространено представление, что ни в Африке, ни в странах Азии рабочего класса, как такового, вообще нет. Более того, дискутировался вопрос, может ли он сформироваться в будущем. Ныне можно считать, что вопрос о том, быть или не быть афро-азиатскому пролетариату, решила сама жизнь.

В афро-азиатском мире почти не осталось государств, в которых не сложились бы более или менее значительные отряды

кадровых рабочих. Но если сравнительно недавно зарубежные социологи считали, что пролетариата в освободившихся странах *еще нет*, то в 70-е годы все чаще появлялись утверждения, что его *уже нет*, поскольку он якобы вошел в состав средних слоев, растворился в надклассовой общности «занятых в современном секторе» и т. д.¹⁹ Часть исследователей, односторонне трактуя противоречивые тенденции, наблюдающиеся в процессе формирования пролетариата, приходит к выводу о преобладании тенденции «дезинтеграции» в рабочем классе освободившихся стран, абсолютизируя социальную «привилегированность» отдельных его прослоек²⁰.

Исходя из преобладающего сейчас в рабочем движении этих стран «тред-юнионистского» уровня сознания, разного рода оппортунисты пытаются доказать, что афро-азиатский пролетариат не способен последовательно выступать за радикальные социальные преобразования, не говоря уж о борьбе за социалистические идеалы. Правые оппортунисты в принципе против такой борьбы, а некоторые левацкие элементы считают, что индустриальный рабочий класс интегрировался в буржуазную систему и чуть ли не «утратил» пролетарскую сущность. Подобные утверждения нередко служат «аргументацией» для тех, кто стремится поставить под сомнение смысл деятельности коммунистов в этих районах мира, само право на существование коммунистических партий в развивающихся странах, доказать, что они лишены естественной классовой базы и представляют некую «инородную силу», действующую «по указке извне».

Разумеется, было бы неправильно недооценивать наличие в среде современного пролетариата освободившихся стран «правой» болезни классового сотрудничества, не замечать тех, кто в той или иной мере воспринял «ценности», распространяемые неокOLONиалистской пропагандой. Социально-экономическая обстановка, в которой живут и трудятся рабочие стран, входящих в систему капиталистического хозяйства, особенности современного этапа их исторического развития обуславливают противоречивость процесса формирования пролетариата. Одни обстоятельства способствуют росту классовой сознательности рабочих, другие, напротив, затрудняют ход этого процесса, третьи — имеют для него двойственные последствия.

К обстоятельствам первого рода можно отнести прежде всего нарастание классовых противоречий в освободившихся странах, развивающихся по капиталистическому пути, усиление эксплуатации трудящихся масс, в том числе и рабочего класса. В результате накапливается ненависть пролетариата к местным и иностранным эксплуататорам. Растет понимание того, что капиталистическое развитие не способно решить острейшие социально-экономические проблемы, что необходим переход на путь социалистической ориентации.

Появление предприятий тяжелой промышленности, новых отраслей производства, оснащенного современной техникой, по-

степенная модернизация легкой промышленности и инфраструктуры — все это оказывает глубокое воздействие на социально-профессиональный облик индустриальных рабочих. Если в колониальный период промышленный пролетариат состоял главным образом из неквалифицированных и неграмотных отходников, а прослойка постоянных рабочих была невелика, то в настоящее время большинство занятых в современной промышленности и инфраструктуре — это рабочие, прочно связавшие свою судьбу с городом и крупным производством.

Во многих афро-азиатских странах пролетариат как класс в объективном, социально-экономическом смысле сложился в процессе их промышленного развития в годы независимости. В странах с относительно продолжительной «промышленной историей», таких, как Индия, Египет, Турция, Иран, Филиппины и др., появились уже довольно крупные группы потомственных пролетариев. Ускорились темпы формирования кадрового рабочего класса в Пакистане, Малайзии, а также в Саудовской Аравии и ряде других «нефтяных» государств²¹. В ходе индустриализации и урбанизации афро-азиатских стран растет концентрация пролетариата в городах и на крупных предприятиях, определяющих развитие современных производительных сил²².

В 70-е годы коммунисты ряда афро-азиатских стран отмечали важную роль указанных факторов для развития классового сознания пролетариата и укрепления позиций компартий. Так, в документе Тунисской коммунистической партии, озаглавленном «За новую, прогрессивную и демократическую альтернативу в Тунисе», указывается, что происшедшее в некоторых освободившихся странах превращение компартий в важный фактор общенационального значения «связано с новыми социально-экономическими проблемами, встающими перед национально-освободительным движением, а также с происходящими в этих странах изменениями, особенно в составе рабочего класса, численность и концентрация которого возрастают по мере индустриализации; он приобретает все больший опыт по мере развития профсоюзного движения и нарастания политической борьбы, вызванной обострением классовых антагонизмов».

Большое позитивное значение для процесса классовой консолидации пролетариата имеют сдвиги в его социокультурном и социально-психологическом облике. Модернизация промышленных предприятий в афро-азиатских странах сопровождается существенным ростом квалификации и общеобразовательного уровня современного пролетариата. Все это наряду с некоторым улучшением условий труда и жизни индустриального пролетариата создает важные предпосылки для усвоения рабочими новых культурных ценностей, изживания традиционных представлений и предрассудков, национально-этнической розни и преодоления религиозно-кастовых барьеров. Результатом и показателем прогрессивных изменений социально-психологического облика и ценностных ориентаций промышленных рабочих

под воздействием современных социокультурных факторов является ослабление племенных, этнических, общинных связей, роли ассоциаций традиционного типа и, наоборот, усиление у рабочих потребности объединиться на иной профессиональной, социальной и политической основе²³.

Наряду с общим изменением социокультурного и социально-психологического облика индустриальных рабочих важную роль с точки зрения перспектив пролетарского движения играет появление прослойки кадровых, квалифицированных рабочих, имеющих среднее образование и сравнительно высокий уровень современной культуры. Таким образом, в новых условиях создаются предпосылки для осознанного восприятия социалистической идеологии, существенного роста классового самосознания пролетариата и его более активного участия в борьбе за коренные социально-экономические и политические преобразования. Одновременно расширяются возможности повышения роли рабочих в деятельности профсоюзов, партий, общественных организаций и обеспечения пролетарского состава их руководящих кадров.

Важным фактором роста общественного сознания пролетариата является то обстоятельство, что во многих освободившихся странах вот уже ряд лет, а то и десятилетий активную воспитательную работу ведут коммунистические партии и прогрессивные профсоюзы. «Огромное историческое преимущество пролетариата в колониальных и зависимых странах,— отмечал К. Н. Брутенц,— заключается в том, что уже первые этапы его формирования происходят в принципиально новой исторической обстановке, в эпоху огромного повышения роли рабочего класса во всемирном масштабе. Благодаря этому он уже на ранней фазе своего развития может иметь свои классовые организации — коммунистические партии, революционные профсоюзы, его передовые отряды и группы в состоянии вооружиться марксистско-ленинской идеологией... Он имеет, наконец, возможность освоить накопленный опыт классовой борьбы в других районах мира, опыт международного рабочего движения»²⁴.

Международный фактор — одно из важнейших объективных обстоятельств, способствующих росту сознательности пролетарских и вообще трудящихся масс в освободившихся странах. Громадное значение в этой связи имеют изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, поддержка борьбы пролетариата развивающихся стран со стороны социалистических государств, мирового коммунистического и прогрессивного профсоюзного движения. Одновременно недавнее колониальное прошлое и оставшееся от него тяжелое наследие, агрессивная политика империалистических держав, зверства диктаторских режимов — все это продолжает служить катализатором роста антикапиталистических настроений в пролетарских массах.

Ряд факторов, включая некоторые из перечисленных выше, оказывают неоднозначное, противоречивое воздействие на про-

цесс развития классового сознания пролетариата. Среди них, например, ускоренный рост численности рабочего класса. За последние 20—25 лет удельный вес наемных рабочих в самодеятельном населении освободившихся стран увеличился в среднем с $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$, в том числе современного пролетариата — с 3—4 до 8—9%²⁵. В 50—70-е годы рост рядов современного пролетариата происходил в освободившихся странах в 1,5—2 раза быстрее, чем за такой же период в капиталистических странах Западной Европы и Северной Америки. В ходе промышленного развития освободившихся стран афро-азиатский пролетариат становится все более крупным отрядом мирового рабочего класса. Современный промышленный и сельскохозяйственный пролетариат несоциалистических стран Азии и Африки составляет ныне около 50 млн. человек, т. е. не менее четверти общей численности пролетариата современного типа соответствующих отраслей экономики государств, включенных в мировое капиталистическое хозяйство²⁶. Превращение рабочего класса освободившихся стран в важный элемент социальной структуры в национальном и международном масштабе имеет громадное значение с точки зрения классового самоутверждения афро-азиатских рабочих и не может не служить важным фактором политической деятельности компартий, воспитательной работы коммунистов в пролетарской среде.

В то же время в условиях специфической, неравномерной народнохозяйственной эволюции этих стран пролетаризация населения сопровождается углублением социальной и профессиональной неоднородности, усложнением состава и структуры рабочего класса. Ускоренный рост рядов индустриальных рабочих сказывается как на общем уровне объективно-классовой зрелости современного пролетариата, так и на его социальном составе. Дело в том, что в промышленность вливаются многочисленные контингенты новых рабочих, не имеющих соответствующего производственного и социального опыта. Это прежде всего молодежь, пришедшая на предприятия прямо со школьной скамьи, но также и те, кто начинал свой трудовой путь в сельском хозяйстве, торговле, ремесленных промыслах или в сфере обслуживания. К тому же большую часть пополнения составляют выходцы из непролетарских слоев деревни и города.

Итак, с одной стороны — рост абсолютной численности потомственных пролетариев, существенное увеличение прослойки кадровых квалифицированных рабочих, с другой — разбавление рядов современного пролетариата социально незрелыми рабочими, выходцами из непролетарской среды, снижение удельного веса потомственных рабочих. Первое, как и общий рост численности современного рабочего класса, открывает перед пролетариатом новые возможности в борьбе за свои права, за радикальные социально-экономические преобразования; второе — создает известные предпосылки для внесения чужеродных элементов в его классовое сознание, облегчает влияние бур-

жуазных и традиционалистских сил на отдельные группы и отряды рабочих.

Подобные проблемы становятся все более актуальными для компартий освободившихся стран. Так, сирийские коммунисты, касаясь работы партии в пролетарской среде, отмечают: «Партия исходит из того, что в последнее десятилетие в Сирии быстро развивалась промышленность, особенно росли отрасли с высокой концентрацией рабочих. В стране появились предприятия, где занято по несколько тысяч трудящихся; темпы увеличения численности рабочего класса более чем в два раза превышают темпы роста населения. Это позитивный процесс, но за счет кого пополняются ряды пролетариата? В основном за счет сельских жителей, которые, хотя и становятся рабочими, сохраняют крестьянскую психологию. Такое положение, с одной стороны, актуализирует проблему деятельности в рабочем классе, а с другой — создает для ее решения немалые трудности»²⁷.

С ростом уровня технического оснащения современного сектора промышленности среди квалифицированных рабочих увеличивается удельный вес выходцев из социальных слоев, которым доступно сравнительно хорошее образование. Это — средние городские слои, особенно в старых промышленных центрах, таких, как Бомбей или Каир, либо преимущественно зажиточные крестьяне в «новых» промышленных центрах, возникших вблизи источников сырья, в удалении от старых городов (например, Бхилаи, Хелуан). Большинство высококвалифицированных рабочих такого происхождения по материальному положению, психологии и социальным ориентациям составляют особую категорию. Хотя многие из них объективно и относятся к рабочему классу, однако с трудом избавляются от свойственных им в прошлом представлений, нередко поддаются влиянию буржуазной и реформистской пропаганды. К этой категории рабочих, составляющих довольно значительную прослойку среди занятых в наиболее современных отраслях промышленности, коммунистам особенно трудно найти нужный подход. Причем трудности обусловлены не столько прошлым таких рабочих, сколько сохранением ими тесных связей с мелкобуржуазной средой и даже тем, что они нередко сочетают работу по найму с собственной предпринимательской деятельностью.

Представляет собой немалую проблему и новое пополнение рабочих крупных и особенно крупнейших современных предприятий. Рассказывая о работе партийной организации на металлургическом комбинате Бокаро, член совета КПИ штата Бихар и руководитель профсоюза сталелитейщиков Гайя Сингх следующим образом характеризует состав пролетариата фабрик и заводов подобного типа: «Те, кто трудится на таких предприятиях, как правило, рабочие в первом поколении». В Бокаро они пришли в подавляющем большинстве «из деревни в период аграрной реформы. Любопытно их социальное происхождение. Среди них немало детей помещиков, богатых крестьян, а также

чиновников, представителей свободных профессий. Эта категория людей поступает главным образом на предприятия государственного сектора, где существуют лучшие условия по сравнению с частным сектором. Как правило, они являются квалифицированными рабочими. Неквалифицированный труд выполняют выходцы из бедного крестьянства и хариджаны (представители низших каст)... Пока рабочие находятся в стенах предприятия, социальные, кастовые и религиозные различия вроде бы исчезают: они вместе трудятся, питаются и т. д. Но уже за воротами завода различия в происхождении сразу проявляются. Выходцы из богатых слоев занимаются торговлей, ростовщичеством. Бывает, что один брат работает на заводе, а другой — ростовщик, содержит лавку. Все это, конечно, сказывается на сознании рабочих, отражается в распределении по профсоюзам; и это партии приходится учитывать в своей деятельности»²⁸.

Говоря о *противоречивости* рассматриваемой группы факторов, следует обратить внимание и на неоднозначность последствий самих сдвигов в составе пополнения индустриального пролетариата для развития классового сознания рабочих. Во-первых, пополнение рядов индустриального пролетариата в значительной степени из числа более грамотной молодежи, из среды сравнительно «образованных и культурных» горожан оказывается позитивным явлением уже потому, что способствует росту профессионального и общекультурного уровня рабочих. Эта тенденция отражает не только усиление конкуренции на рынке труда из-за безработицы в городах, но и повышение «социального статуса» промышленного пролетариата.

Во-вторых, было бы неверно абсолютизировать негативные явления в социальном составе квалифицированных рабочих: выходцы из семей низших служащих, массовых слоев трудовой интеллигенции, имеющих по своему положению немало общего с условиями жизни и труда рабочих, далеко не всегда и не обязательно «привносят в рабочую среду чуждые ей психологию, взгляды и классовую ориентацию»²⁹. В обстановке обостряющейся конкуренции на рынке труда немало рекрутов из средних городских слоев остаются «за рамками» той привилегированной прослойки высококвалифицированных рабочих, которую иногда именуют «рабочей аристократией». Немалую роль в пополнении рядов квалифицированных рабочих (хотя и не самой высокой квалификации) играют выходцы из городских низов и собственно пролетарских семей.

Противоречивое влияние на современный пролетариат в ряде стран Азии и Африки оказывает и то обстоятельство, что новое поколение индустриальных рабочих сформировалось в годы, когда наблюдались сравнительно быстрые социально-экономические сдвиги, а это привело к заметному улучшению условий труда и быта по крайней мере наиболее квалифицированной его части по сравнению с колониальными периодами (и «деревенскими» стандартами). С одной стороны, это ведет к повы-

шению уровня требований профсоюзов, с другой — обусловило восприимчивость определенной части рабочих (особенно выходцев из мелкобуржуазной среды) к национал-реформистской идеологии, которую пытаются в среде рабочего класса насаждать правящие круги стран капиталистического пути развития, реформистские партии, Социнтерн. Их цель состоит в том, чтобы ориентировать рабочих на «классовое партнерство». Отрицательное воздействие на развитие классового сознания пролетариата оказывают и взгляды, распространяемые в его среде представителями левого радикализма, маоизма и других течений, прикрывающихся псевдореволюционной фразеологией, встречающей отклик у наименее зрелых рабочих.

Таким образом, динамика структуры современного пролетариата несет противоречивые последствия для развития сознания рабочих в силу сложности и неоднозначности влияния ее «новых» элементов. Еще сложнее определить «равнодействующую» тенденцию в формировании пролетариата. С одной стороны, наличие принципиальные позитивные сдвиги, требующие определенной корректировки сложившихся представлений о рабочем классе освободившихся стран. Ныне уже неправомерно применение таких определений, как «некадровые», «неквалифицированные», «неграмотные» и т. п. к большей части современного пролетариата стран афро-азиатского мира. С другой стороны, происходит его дифференциация по уровню квалификации, заработной платы, культуры, социальной зрелости и собственно классового сознания. Усложнение состава и структуры современного пролетариата, ведущее к дифференциации ценностных ориентаций и конкретных интересов отдельных групп и отрядов рабочих, по-новому ставит перед коммунистами проблему единства рабочего класса.

Эта проблема связана и с все еще сильным воздействием традиционализма на политическое сознание и социальные мотивы поведения определенных отрядов пролетариата. Вот что пишет по этому поводу секретарь Национального совета КПИ, генеральный секретарь Всеиндийского конгресса профсоюзов (ВИКП) Индраджит Гупта: «Настроения общинной, кастовой, региональной розни агрессивно-шовинистического типа способны оказывать весьма ощутимое воздействие на рабочих, что обусловлено всем тем социально-культурным окружением, в котором они росли и воспитывались. Немалую роль играют при этом такие факторы, как неравномерный уровень экономического развития различных штатов Индии, свирепствующая безработица. В некоторых районах страны местное население оказывает ожесточенное сопротивление попыткам уроженцев других штатов или приверженцев иных религиозных верований устроиться на работу. Возникают разного рода конфликты, столкновения между самими трудящимися, даже на предприятиях государственного сектора. Нередко профсоюзные деятели, завоевавшие авторитет среди рабочих неустанной борьбой за удовлетворение

их экономических требований, улучшение условий труда и жизни, сталкиваются с совсем иным отношением, когда дело касается борьбы политической, скажем голосования на выборах. Те же самые рабочие подчас отворачиваются от своих испытанных руководителей, отдавая предпочтение людям, которые принадлежат к их собственной касте или общине»³⁰.

Конечно, условия развития пролетариата различны на государственных и частных, национальных и иностранных предприятиях. Не вызывает сомнения, например, что сочетание более высоких ставок оплаты труда и создания комплексов современных социальных услуг на ряде предприятий ТНК с предельно жестким ограничением любых проявлений протеста со стороны наемных работников, прежде всего в зонах «свободной торговли» (не рассматриваем здесь этот вопрос, поскольку он заслуживает самостоятельного исследования), способствует консервации конформистских, оппортунистических настроений в определенных прослойках пролетариата. Уровень общественного сознания неодинаков у рабочих различных социально-профессиональных категорий, отраслей и секторов экономики; он варьируется в зависимости от продолжительности истории формирования пролетариата, внутренних социально-экономических и общественно-политических условий в стране или регионе. Можно лишь констатировать, что рабочий класс в развивающихся афро-азиатских странах находится на разных стадиях перехода из «класса в себе» в «класс для себя». Все более многочисленными становятся ряды пролетариев, активно участвующих в классовой борьбе против местного и иностранного капитала, неокOLONиализма и реакции; вместе с тем немало и рабочих, находящихся в плену традиционалистской или буржуазно-реформистской идеологии. Многие из них, решительно выступая в защиту сиюминутных интересов, пока не видят необходимости в радикальных переменах, в переходе своих стран на прогрессивный путь общественного развития.

Значительная часть организованных рабочих участвует в деятельности профсоюзов, контролируемых реакционными правящими режимами, буржуазно-националистическими, мелкобуржуазно-клерикальными партиями и отдают им голоса на выборах. В обстановке обострения экономического положения в освободившихся странах, роста инфляции и безработицы многие рабочие мирятся с чрезмерной интенсификацией труда, уклоняются из страха потерять место за участие в рабочем движении, т. е. опускаются даже ниже тред-юнионистского уровня понимания своих классовых интересов.

Однако, несмотря на все это, определяющей тенденцией в процессе формирования современного афро-азиатского рабочего класса является его консолидация на основе крупного машинного производства, «пробуждение классового сознания, стремление к единству действий в борьбе за свои права, усиление стачечной борьбы»³¹.

В последние годы уровень боевитости рабочего движения в странах Азии и Африки заметно возрос. Стачки стали более массовыми; за последние 10—15 лет в молодых государствах Азии и Африки опыт участия в забастовках приобрели не менее половины всех промышленных и сельскохозяйственных рабочих современного типа. Увеличилась продолжительность забастовок; выступления стали носить более упорный характер³². Чаще всего забастовщики выступали за улучшение своего материального положения, однако в условиях развивающихся стран экономические по форме выступления нередко имели политическое содержание. Так, во многих случаях борьба рабочих за удовлетворение экономических требований оказывалась одновременно борьбой против империализма, который остается крупнейшим эксплуататором бывших колоний и полуколоний.

Но передовые отряды рабочего класса борются и против реакционных тенденций в политике местной буржуазии. Нередко им удается вовлечь в эту борьбу широкие массы рабочих. Стачечное движение приобретает более выраженный политический характер. Наряду с экономическими требованиями все громче звучат требования усовершенствовать трудовое и социальное законодательство и выполнять его положения на практике. Профсоюзы все чаще выступают в защиту госсектора, за демократизацию трудовых отношений. Улучшается согласованность действий различных отрядов рабочего класса. Как свидетельствует практика, забастовочное движение оказывается действенным средством трудящихся «в борьбе против коррупции и злоупотреблений в государственном аппарате, против безработицы, инфляции, роста цен, за расширение демократии, за развитие по пути социального прогресса»³³. Активизируется участие пролетарских организаций в движении за мир и международную безопасность, против агрессивных происков империализма³⁴. Все эти явления свидетельствуют о росте организованности, единства пролетариата, а также о «новых тенденциях» политизации рабочего движения и общественного сознания трудящихся в освободившихся странах³⁵. Взвешенно оценивая нынешнюю роль в революционном процессе и потенциальные возможности рабочего класса (с учетом как внутренних, так и внешних, международных факторов), компартии освободившихся стран делают вывод: массовые выступления в последние годы обогатили опыт афро-азиатского рабочего класса, способствовали росту его общественно-политической зрелости. Его передовые отряды успешно отстаивают свои классовые интересы, активно выступают за единство прогрессивных сил в борьбе против неокOLONиализма и реакции, за социальный прогресс. Однако уровень общественного сознания у большинства рабочих еще не соответствует ни объективным возможностям развития рабочего движения, ни современным задачам классовой борьбы, требующим повышения роли пролетариата в национально-демократических революциях. Способность рабочего класса играть аван-

гاردную роль в освободительном движении зависит от его организационной и идеологической зрелости, от наличия у него сильных коммунистических партий, пролетарских не только по идеологии, но и по составу и действующих в тесном взаимодействии с широкими массами рабочих

Отсюда вытекают многоплановые актуальные задачи деятельности коммунистов по повышению уровня организованности, общедемократического и классового сознания пролетариата, по усилению его роли в революционном процессе:

— во-первых, вовлечение еще не организованных и пассивных рабочих в боевое профсоюзное движение, способствующее развитию их социального опыта;

— во-вторых, борьба за единство рабочего движения и расширение влияния в нем классовых профсоюзов, что является мощным фактором осознания пролетариатом общеклассовых интересов;

— в-третьих, политическая пропаганда в пролетарской массе с целью преодоления тенденций «экономизма» и «стихийности» в рабочем движении, необходимая для активного и сознательного участия широких слоев пролетариата в борьбе за коренные общественные преобразования;

— в-четвертых, воспитание революционного сознания среди кадрового квалифицированного ядра рабочего класса, способного по своим объективным качествам целостно воспринять основные идеи научного социализма, осознать роль пролетариата в революционном процессе на данном этапе его развития в специфических условиях освободившихся стран; наконец, подготовка политически наиболее сознательных рабочих для вступления в партию с целью укрепления ее пролетарской прослойки и органической связи с рабочим классом.

Массовая организационная и идейно-воспитательная работа коммунистов

Обострение классовых противоречий, выдвижение на новом этапе национально-освободительной революции на первый план борьбы за коренные общественные преобразования с особой остротой поставили перед коммунистами освободившихся стран задачу повышения уровня революционного сознания трудящихся масс, и прежде всего рабочего класса.

Как известно, рабочее движение само по себе не может обеспечить появление у пролетариата развитого революционного сознания. «История всех стран свидетельствует,— писал В. И. Ленин,— что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.»³⁶,

тогда как наличие классового революционного сознания предполагает борьбу трудящихся «не только за выгодные условия продажи рабочей силы, а и за уничтожение того общественно-го строя, который заставляет неимущих продаваться богачам»³⁷

Научное, социалистическое мировоззрение, которое необходимо пролетариату для последовательной революционной борьбы, привносится в рабочий класс его авангардом — марксистско-ленинской партией. Поскольку рабочий класс постоянно растет, а состав его меняется, коммунистические партии призваны постоянно вести эту работу. Ослабление внимания к ней, как показывает практика развития рабочего движения, может повлечь за собой не только замедление этого процесса, но и «попятные» тенденции³⁸. В. И. Ленин не случайно подчеркивал важность для партии «*трезво* следить за *действительным* состоянием сознательности и подготовленности именно всего класса (а не только его коммунистического авангарда)»³⁹ Это предупреждение и ныне актуально для коммунистов всех стран, включая, разумеется, освободившиеся страны.

Как свидетельствуют программные документы партий и резолюции съездов разных лет, афро-азиатские коммунисты всегда придавали особое значение роли пролетариата в борьбе народов за национальное и социальное освобождение. «Нынешние позиции рабочего класса таковы, — заявляют коммунисты Шри-Ланки, — что его участие (в национально-демократической революции. — *Ред.*) является неперемennым условием успешного решения антиимпериалистических и демократических задач»⁴⁰. XII съезд Коммунистической партии Индии принял политическую резолюцию, в которой подчеркивается: «В наступающий период, когда вся буржуазная система вступает в хронический кризис, рабочий класс должен играть ведущую роль в объединении левых и демократических сил. Опыт последних лет показал, что именно рабочий класс, как наиболее последовательный социальный класс, способен вести за собой все другие антиимпериалистические силы в общей борьбе»⁴¹. В программе Коммунистической партии Сирии отмечается, что рабочий класс — «наиболее революционный класс сирийского общества ... в союзе с беднейшим крестьянством он является основным фактором сохранения и укрепления прогрессивно-патриотического курса страны перед лицом реакции и империализма...»⁴².

В то же время, как признают руководители ряда компартий освободившихся стран, степень их взаимодействия с рабочим классом и его организациями, методы воспитательной работы и рост влияния в пролетарской среде пока не соответствуют уровню требований, диктуемых развитием революционной борьбы. Это, разумеется, не означает, что коммунисты не уделяют внимания данным вопросам, ограничиваясь декларациями об особой роли рабочего класса в революционном процессе. В документах многих компартий дается глубокий анализ осо-

бенностей развития рабочего и профсоюзного движения в той или иной стране, специальные разделы посвящаются задачам и проблемам многолетней работы коммунистов в пролетарской среде⁴³.

Тем не менее не всем партиям научно-социалистической идеологии и не всегда удавалось «трезво следить за состоянием сознательности и подготовленности» рабочего класса. Развертывая борьбу за создание коалиций антиимпериалистических, демократических сил, носители научного социализма сосредоточивались подчас в первую очередь на работе среди самых политически отсталых и слабо организованных отрядов пролетариата, а также среди полупролетарских и непролетарских слоев населения — ближайших его союзников. При этом они учитывали не только численное преобладание категорий этих трудящихся над современным пролетариатом, но также то, что уровень классового сознания индустриальных рабочих уже сравнительно высок сам по себе и поэтому необходимо «подтягивать» уровень общественного сознания прежде всего полупролетарских слоев населения. В результате внимание к политическому и идейному воспитанию отрядов современного пролетариата оказывалось недостаточным. В условиях ускоренных темпов роста современного пролетариата и его «социального разбавления» такие тенденции становятся опасными.

К аналогичным результатам приводило порой и влияние широко распространявшихся мелкобуржуазно-националистических и левозэкстремистских теорий о «движущих силах революции» в освободившихся странах. Попытки принизить в них роль рабочего класса в борьбе за социальный прогресс, изобразить индустриальный пролетариат как привилегированный слой, зависимый в социальном плане от крупного капитала, в том числе от иностранных монополий, сопровождались рассуждениями об особых «революционных потенциях» крестьянства, студенчества, люмпенства и других подобных слоев населения.

Конечно, коммунистам Азии и Африки приходится действовать в специфической обстановке развивающихся стран, где рабочий класс еще не «главная масса» населения, а среди задач революционного движения наиболее важное место по-прежнему занимают вопросы борьбы «против средневековых остатков»⁴⁴. В этих условиях беднейшее крестьянство, средние городские и другие массовые слои трудящихся требуют постоянного внимания коммунистов. Вместе с тем преувеличение роли и возможностей этих слоев в том, что касается последовательного проведения в жизнь радикальных общественных преобразований, как правило, влечет за собой недооценку роли и революционного потенциала рабочего класса, действительно способного стать важной, а в ряде стран ведущей силой таких преобразований. В этой связи уместно напомнить слова В. И. Ленина, который, рассматривая безземельное крестьянство как возможную социальную базу марксистской

партии, подчеркивал, что возникнуть и успешно действовать эта партия могла лишь при опоре на пролетарскую массу⁴⁵.

Понимая всю серьезность последствий, к которым могут в нынешних условиях привести такие просчеты, компартии освободившихся стран вновь и вновь возвращаются к проблемам идеологического воспитания рабочего класса, подвергают принципиальной критике ошибки и недостатки работы коммунистов в профсоюзах и в других пролетарских организациях, намечают пути их устранения⁴⁶.

Характер взаимодействия между политическим авангардом рабочего класса и его массовыми слоями и организациями в освободившихся странах обусловлен прежде всего общими закономерностями развития мирового революционного процесса, определяющими основную историческую функцию коммунистов в рабочем движении: «указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности»⁴⁷.

На марксистско-ленинские партии возлагается обязанность давать массовым пролетарским организациям правильную политическую ориентацию, отвечающую современным реальным потребностям и перспективам социального развития, обеспечивающую «субъективные» предпосылки реализации растущей роли рабочего класса в освободившихся странах. Поэтому первоочередной долг компартии — доходчивое разъяснение рабочему классу его исторической миссии, места в освободительной борьбе и общественном прогрессе. Большое значение имеет в этой связи критика коммунистами буржуазных и оппортунистических «теорий» развития бывших колоний и полуколоний, искусственно принижающих количественные и качественные характеристики пролетариата и его роль в этих странах.

Разоблачая концепции о «дезинтеграции» рабочего класса и о его «элитарности», коммунисты стараются давать аргументированную оценку изменениям в социально-профессиональной структуре и в составе современного пролетариата, показать, что эти сдвиги в конечном счете ведут к росту роли рабочего класса, расширяют его социальные возможности. Признавая большое значение в антиимпериалистической, демократической борьбе непролетарских слоев трудящихся, студенчества, безработных и т. д., компартии подчеркивают вместе с тем, что, хотя радикализм этих слоев позволяет им превращаться в большую политическую силу под руководством революционных демократов, они не способны без опоры на рабочий класс, без идеологии пролетариата последовательно бороться за коренные общественные преобразования и не могут довести национально-демократическую революцию до ее успешного завершения. Умаление или превратное толкование роли рабочего класса в революционно-демократических странах часто связано со стремлением реакционных сил дискредитировать социалистическую перспективу, добиться перерождения революционно-демократи-

ческих режимов, вернуть страны социалистической ориентации на путь капиталистического развития⁴⁸.

Однако, исходя из принципов, определяющих общие закономерности мирового революционного процесса, компартии сознают необходимость творческого анализа и учета реальной специфики пролетариата и рабочего движения в освободившихся странах. Чтобы действовать с какими-то шансами на успех, учил К. Маркс, надо знать материал, на который предстоит воздействовать⁴⁹. Вся теоретическая и политико-практическая деятельность основоположников марксизма-ленинизма базировалась именно на глубоком и конкретном изучении реального положения рабочего класса и условий, в которых он ведет борьбу. Богатое теоретическое наследие вождей мирового пролетариата, их практический опыт революционной борьбы широко используются ныне коммунистами как в развитых капиталистических государствах, так и в развивающихся странах. «Правильная оценка революционных потенциалов рабочего класса,— писал журнал компартии Индии „Парти Лайф“,— возможна лишь на основе глубокого изучения его особенностей в каждой стране»⁵⁰. Правда, коммунисты освободившихся стран, действуя в специфических социально-экономических и общественно-политических условиях, далеко не всегда обладают необходимыми кадрами и материальной базой для проведения своими силами фундаментальных исследований рабочего класса и нередко вынуждены опираться в своей деятельности на научные разработки востоковедов и африканистов социалистического содружества⁵¹, а также прогрессивных ученых из развитых капиталистических стран. В то же время часть наиболее крупных компартий уже ставит вопрос о научном изучении национального пролетариата, которое коммунисты и актив классовых профсоюзов могли бы осуществлять своими силами, опираясь на массы рабочих.

Важным событием в истории коммунистического движения Индии явилось первое обстоятельное социальное обследование рабочего класса, к которому КПИ приступила в конце 70-х годов. «Теория помогает нам в научной разработке основных направлений развития пролетариата,— отмечал журнал „Парти Лайф“,— но без конкретных статистических данных этот процесс уже не может продолжаться успешно». Цель данного обследования — изучить социальный облик различных групп промышленного пролетариата. Сведения о социальном происхождении пролетариев, о связях с деревней, жизненном уровне, степени осведомленности в социальных и политических проблемах и т. д. позволяют лучше понять, как социальные, политические и экономические характеристики рабочих отражаются на их общественном сознании⁵².

Значение подобных мероприятий важно, поскольку результаты обследований помогают пролетарскому авангарду не только получить полное представление о характере массового

рабочего движения, но и ставить перед ним научно обоснованные задачи, намечать пути и методы их реализации. Такие научные исследования могут стать также важной формой организационно-воспитательной деятельности коммунистов в пролетарской среде⁵³, способствовать росту общественно-политического авторитета рабочего класса. Обращая внимание на это обстоятельство, К. Маркс подчеркивал, что, приступив к столь большому труду, как «статистическое обследование положения рабочего класса во всех странах, пролетариат тем самым докажет, что он способен взять свою судьбу в собственные руки»⁵⁴.

Особенности рабочего движения в освободившихся странах не только связаны с характеристиками самого пролетариата, но и во многом определяются конкретным историческим этапом их общественного развития. Перед рабочим движением здесь (по сравнению с ситуацией в развитых капиталистических странах) встает более широкий круг общедемократических и антиимпериалистических задач вследствие сохраняющихся в той или иной мере «средневековых» пережитков, неокOLONиальной зависимости, а в некоторых странах — незавершенности национально-освободительной борьбы. В такой обстановке рабочий класс, его профсоюзные организации, естественно, уделяют большое внимание решению общедемократических задач. Вместе с тем собственно классовые интересы пролетариата в бывших колониях и полуколониях нередко отходят на второй план не столько по этой причине, сколько вследствие существенной социальной неоднородности участников профсоюзного движения. Этому способствует и относительно сильное влияние непролетарских слоев, возглавивших во многих странах национально-освободительные революции. Причем лидеры правого толка, особенно буржуазно-националистические элементы, намеренно выхолащивают из рабочего движения всякое классовое содержание, внушая массам ложные представления о якобы антинациональном характере самих понятий «классы» и «классовая борьба»⁵⁵.

В этих условиях лишь политические партии, вооруженные знанием объективных законов общественного развития и основывающие свою деятельность на марксистско-ленинском анализе общественных явлений, т. е. именно коммунистические партии, способны помочь рабочим осознать свои классовые задачи, определить оптимальные пропорции и правильное сочетание «национального» и «классового» в выступлениях пролетариата. Коммунисты разъясняют рабочим особенности развития капитализма и классовой борьбы в зоне национально-освободительного движения, сохраняющийся в большинстве бывших колоний и полуколоний «двойной» (со стороны местного и иностранного капитала) характер эксплуатации трудящихся, раскрывают задачи текущего этапа революции. Особое значение имеет активное участие коммунистов в разработке направлений и методов борьбы пролетариата. Классовая сущность

принципиальных позиций массовых пролетарских организаций, руководимых коммунистами,— важнейший фактор их организационной и политической независимости, обеспечения самостоятельной роли рабочего класса в национальном развитии.

Взаимодействие компартии и рабочего класса в различных регионах и странах складывается по-разному в зависимости от конкретных условий их развития и социальной борьбы. Об этом свидетельствует анализ коммунистами новых тенденций в рабочем движении, подход к вопросам партийного строительства, к поиску более эффективных средств борьбы за массы⁵⁶. Региональные и национальные особенности оказывают значительное воздействие на определение текущих задач пролетариата в освободившихся странах, а следовательно, содержания и методов работы коммунистов в его среде.

Как уже отмечалось, афро-азиатские страны существенно различаются по количественным и качественным характеристикам самого пролетариата. Неодинаковы по времени исторический период его борьбы, опыт и зрелость рабочего движения. В большинстве государств Азии и Северной Африки действуют коммунистические партии, имеющие большой опыт борьбы против империализма и реакции; в профсоюзном движении многих из них сформировалось течение, стоящее на последовательно классовых позициях. Но и среди этих стран сохраняются большие различия в характере и размахе рабочего движения.

В то же время в подавляющем большинстве стран Тропической Африки рабочий класс еще не создал политических партий, а появившиеся сравнительно недавно отдельные марксистско-ленинские группы и кружки ведут борьбу как самостоятельно, так и в рамках революционно-демократических организаций и профсоюзов. Поскольку афро-азиатские страны все больше дифференцируются по общественно-политической ориентации развития и по характеру правящих режимов, постольку меняются от страны к стране основные направления и формы организационно-массовой работы коммунистов в рабочей среде. «Особенно важное значение в современных условиях,— отмечал Ю. А. Аркадакский,— приобретает деятельность коммунистических партий по разъяснению складывающейся в данной стране политической обстановки, факторов, обуславливающих особенности экономического положения, а также вытекающих отсюда задач для массового рабочего движения. Основанные на научном анализе расстановки классовых сил, на учете общенациональных задач выводы и оценки коммунистов помогают профсоюзам органически увязывать выдвигаемые ими требования по защите повседневных интересов трудящихся с перспективными делами, с борьбой за осуществление радикальных социально-экономических преобразований»⁵⁷.

В Азии и Африке массовая организационная и воспитательная работа среди пролетариата ведется коммунистами на базе профсоюзного движения, что подтверждает жизненность и вер-

ность ленинского положения о том, что «иначе как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса нигде в мире развитие пролетариата не шло и идти не могло»⁵⁸. Поэтому важнейшую предпосылку успеха своей политической деятельности компартии видят в расширении сферы профсоюзного движения, в привлечении неорганизованных рабочих в профсоюзы, в преодолении патриархальности и забитости в их социальной психологии, внесении в их ряды хотя бы «элементарного профсоюзного сознания»⁵⁹.

В ряде афро-азиатских стран (Индия, Судан, Марокко, Сирия, Ливан) коммунисты стояли у истоков развития профсоюзного движения; в большинстве бывших колоний и полуколоний с их деятельностью связано основание первых крупных национальных профобъединений. Ныне, когда большая часть современного пролетариата афро-азиатских стран уже объединена в профсоюзы, коммунисты борются за дальнейший рост организованности рабочего движения, за единство действий трудящихся в борьбе за свои права. Вовлекая рабочих в активную профсоюзную деятельность, коммунисты разъясняют необходимость всемерно противодействовать наступлению местного и иностранного капитала на жизненный уровень трудящихся, попыткам правящих кругов переложить на их плечи бремя, связанное с ликвидацией тяжелого колониального наследия.

Пропагандистская работа коммунистов может быть действенной лишь в том случае, если партия пользуется доверием пролетарских масс, если рабочие видят в ней истинного защитника насущных интересов трудящихся. Сектантские тенденции, наблюдавшиеся в первые послевоенные годы в ряде компартий, выражались, в частности, в том, что организация выступлений в защиту экономических требований рабочего класса считалась недостаточно революционной и отодвигалась зачастую на задний план. В результате коммунисты не только не укрепляли своих позиций в среде рабочих, но подчас утрачивали даже завоеванные. Это стало одной из существенных причин снижения численности ряда руководимых компартиями национальных профсоюзов. Так, крупнейший из них — Всеиндийский конгресс профсоюзов — потерял в 1949—1951 гг. большую часть своих членов.

Коммунисты своевременно сделали вывод из сложившейся ситуации. III съезд КПИ (1954) указал на недостатки в профсоюзной деятельности. «Если партия хочет стать сильной, — писал в своем отчете о работе съезда видный деятель коммунистического движения Индии А. Гхош, — она должна ориентироваться, помимо всего, на борьбу за экономические и другие насущные требования трудящихся. Борьба за такие требования, даже если она не всегда будет успешной, окажет влияние на массы. Если мы не начнем ее, то останемся на месте или даже отойдем назад. Задача сегодняшнего дня — завоевать доверие людей и усилить наши связи с ними»⁶⁰. Насколько спра-

ведливы были эти слова и как реализовали индийские коммунисты соответствующие решения съезда, показывает последующая динамика численности ВИКП. В 1953—1958 гг. число его членов выросло с 211 тыс. до 537 тыс.⁶¹, а на начало 80-х годов в нем состояло уже свыше 2,5 млн. человек⁶².

Сегодня коммунисты освободившихся стран идут в авангарде борьбы за интересы рабочих. Они представляют собой наиболее последовательную политическую силу, выступающую против безработицы, за улучшение условий жизни и труда рабочих, за прогрессивное развитие трудового и социального законодательства, за право рабочих создавать и защищать демократические профсоюзы. В тех странах, где их пока нет (Саудовская Аравия, Бахрейн), коммунисты выступают за создание профсоюзов, а также их легальную деятельность. Причем в нефтедобывающих странах и в ряде других государств, где трудится немало иностранных рабочих, марксисты-ленинцы уделяют большое внимание борьбе за жизненные интересы рабочих-иммигрантов.

Определяющее значение в процессе развития классового сознания рабочих имеет их непосредственное участие в классовой борьбе. «Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс,— учил В. И. Ленин,— только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»⁶³.

Лишь в ходе массовых выступлений представители тех или иных слоев и категорий пролетариата с различными мировоззрением и политическими ориентациями осознают свою классовую общность, значение единых действий и последовательной борьбы против местного и иностранного капитала, а также бюрократической буржуазии. Поэтому компартии делают основной акцент в своей деятельности в рабочей среде на привлечении как можно более широких масс пролетариата к забастовочной борьбе, к участию в различных кампаниях протеста. Они опираются при этом на революционные, классовые профсоюзы, отвергающие попытки буржуазии и национал-реформистов навязать пролетариату «социальный мир». Естественно, что в авангарде массовой борьбы трудящихся идут профобъединения, руководимые непосредственно (либо сотрудничающие с) марксистами-ленинцами. Среди них Всеиндийский конгресс профсоюзов, Федерация профсоюзов Шри-Ланки, Профсоюзный центр Бангладеш, Всеобщая федерация профсоюзов Реюньона, Нигерийский конгресс труда и др.

Наряду с этим коммунисты выступают за единство рабочего движения, они стремятся привлекать к совместным действиям как прогрессивные пролетарские организации, так и «умеренные» профсоюзы, находящиеся под влиянием буржуазно-националистических и мелкобуржуазно-реформистских партий. Значительных успехов в проведении политики единых действий добились компартии Индии, Ливана и некоторых других осво-

бодившихся стран капиталистического пути развития. Ценный опыт накоплен Коммунистической партией Шри-Ланки, которая в зависимости от расстановки классовых сил на внутривнутриполитической арене, в национальном рабочем движении проводила либо «левоблоковую» политику, либо политику широкого демократического профсоюзного единства. Так, важную роль в укреплении рабочего движения страны сыграл созданный по инициативе компартии в 1963 г. Объединенный комитет профсоюзных организаций (ОКПО), в основе деятельности которого лежало политическое сотрудничество партий Объединенного левого фронта.

Во второй половине 60-х годов ОКПО был воссоздан на базе единства действий профсоюзов, руководимых оппозиционными силами, создавшими Объединенный фронт левых и демократических сил с участием буржуазно-центристской Партии свободы Шри-Ланки (ПСШЛ). Когда противоречивый политический курс ПСШЛ, характерный для пришедшего к власти Объединенного фронта, привел его к кризису, ОКПО активизировал свою деятельность под эгидой новой политической коалиции, созданной левыми партиями и вышедшими из ПСШЛ представителями ее левого крыла. Обстановка, сложившаяся в стране после прихода к власти правобуржуазной Объединенной национальной партии (ОНП), продиктовала необходимость совместных действий широкого спектра оппозиционных сил. В результате была проведена реорганизация ОКПО, возникло массовое и гибкое формирование: в декабре 1977 г. прогрессивные профсоюзы стали координировать свои выступления в рамках Объединенного комитета профсоюзных действий (ОКПД), где ведущую роль играют левые партии. ОКПД является центром сплочения рабочих масс, выступающих в защиту жизненных интересов трудящихся и против усиления авторитарных тенденций в политике режима ОНП, стремящегося поставить профсоюзы под свой контроль, лишить их идейно-политического руководства со стороны коммунистов и других прогрессивных партий.

Политика компартий, направленная на достижение широкого единства рабочего движения, не только помогает коммунистам активизировать выступления трудящихся в защиту своих жизненных интересов, повысить роль пролетариата в общественной жизни, но и усиливает их влияние в рабочей среде, распространяя его за рамки руководимых ими профобъединений. В обстановке буржуазно-демократических свобод это обстоятельство создает предпосылки для успешного роста числа классовых профсоюзов и политического сознания рабочих. В то же время в условиях характерной для развивающихся стран политической нестабильности коммунистам приходится быть постоянно готовыми к смене форм и методов массовой организационно-воспитательной работы. Сознательная опасность, которую несет ей усиление влияния компартий в профсоюзном движе-

нии, реакция при любой возможности обрушивает репрессии на организации, руководимые коммунистами. Так было в Индонезии в 1965—1967 гг., когда реакция разгромила самую массовую организацию профсоюзов Индонезии — СОБСИ. В Судане в ходе событий 1971 г. жертвами кампании массовых репрессий против демократов и коммунистов стали профсоюзные руководители и активисты общенациональной Федерации рабочих профсоюзов Судана.

Большинство афро-азиатских компартий вынуждено, как известно, действовать в подполье или в полулегальных условиях. Одна из главных целей запрещения и преследования марксистско-ленинских партий и руководимых ими профсоюзов — помешать им проводить эффективную организационно-воспитательную работу в рабочей среде. В некоторых странах, где коммунисты продолжительное время находятся или находились в подполье, их позиции в профсоюзах, некогда довольно сильные, были ослаблены жестокими репрессиями властей, тактикой раскола, а в последнее время и тотального «государствления». Однако ни репрессии властей, ни их попытки подчинить себе профсоюзное движение не в состоянии разрушить органические связи коммунистов с рабочим классом. Более того, практика развития рабочего движения в ряде стран с репрессивными режимами показывает, что там, где компартии владеют необходимыми формами организационно-воспитательной деятельности, авторитет коммунистов в пролетарской среде продолжает расти, они по-прежнему являются мобилизующей силой массовых выступлений трудящихся.

Сочетая легальные и нелегальные формы и методы работы, коммунисты активизируют свою деятельность в существующих профсоюзах, направляют их на борьбу за демократию, против реакционных сил и империализма. Под влиянием коммунистов усиливается классовый характер выступлений трудящихся, происходит радикализация их требований; многие профсоюзы начинают постепенно выходить из-под контроля властей. Коммунисты ищут путь к рабочим и через другие массовые организации, с помощью, в частности, кооперативных, молодежных, женских, культурно-просветительских, спортивных и других подобных объединений и союзов, поддерживая каждое их демократическое начинание и содействуя развитию общественно-политической активности рабочих. В последние годы массовые выступления рабочих в странах с реакционными режимами случаются все чаще, приобретая нередко широкие масштабы и политическую окраску⁶⁴. Так, южноафриканские коммунисты, несмотря на тяжелейшие условия глубокого подполья и непрерывные репрессии, сохранили боеспособность и возглавляют революционное рабочее движение в ЮАР. Выступая за свержение вооруженным путем террористического расистского режима, за социальный прогресс народов страны, они придают огромное значение развертыванию массовых действий рабочего

класса — признанного авангарда национально-демократической революции в Южной Африке. Пролетариат в ЮАР имеет давние традиции и большой опыт борьбы, в то же время профсоюзное движение развивается здесь крайне сложным путем⁶⁵. Власти узаконили в основе структуры профсоюзов расовый принцип.

Долгие годы африканским трудящимся был закрыт доступ в официальные профсоюзы. Африканские же профсоюзы, по существу, и сегодня лишены юридических прав, поскольку по расистским «реформам профдвижения» (1979) они предоставлены лишь немногим африканским организациям, поддерживавшим политику апартеида.

Однако расисты не могли воспрепятствовать росту организованной борьбы африканского пролетариата. Передовым его отрядом стал действующий полулегально боевой Южно-Африканский конгресс профсоюзов (САКТУ). Активно сотрудничая с этим прогрессивным профобъединением, коммунисты добиваются создания на многорасовой основе единых профсоюзов в важнейших отраслях экономики, идут в первых рядах в борьбе за улучшение условий жизни рабочих. Политизация и массовость забастовочной борьбы, все более характерные для (в основном небелого) рабочего движения ЮАР в последние годы, «во многом являются результатом большой работы Южно-Африканской коммунистической партии по сплочению всех угнетенных расистским режимом»⁶⁶.

Используя легальные и нелегальные формы и методы деятельности в пролетарской среде, коммунисты в странах, где правящие круги запрещают или ограничивают деятельность компартий, ищут оптимальные пропорции и правильные сочетания в зависимости от местной обстановки. Наряду с этим действующие в подполье компартии справедливо считают, что условия легальности могли бы способствовать активизации организационно-воспитательной работы, расширению влияния коммунистов в массовых организациях пролетариата. Поэтому «борьба компартий за легальность — это одновременно и борьба за массы, за боевые профсоюзы, стоящие на классовых позициях»⁶⁷.

В тех же странах, где коммунисты добились официального признания своего права на общественно-политическую деятельность (Тунис, Сенегал и др.), перед компартиями, как отмечалось выше, стоят сложные задачи по перестройке работы с целью восстановления и укрепления своих позиций в рабочем классе. Причем сложность этих задач связана порой не только с развитой системой государственного контроля над профдвижением или засильем в нем правых реформистов, но и со стремлением властей обусловить легализацию компартий ограничением форм, методов и содержания их деятельности в сфере «прямых действий», т. е. в области организации массовой борьбы. Политика и тактика компартий, вышедших из под-

поля, строятся с учетом конкретных местных условий и общих задач развития революционного процесса.

Компартии, действующие в капиталистических странах, отдают себе отчет в том, что массовая борьба рабочих хотя и необходима, но недостаточна для созревания пролетариата в классово-политическом смысле, его сознательного участия в революции. Существенную роль для понимания пролетарскими массами необходимости последовательной борьбы за социалистическую перспективу играет выдвижение компартиями лозунгов, направленных на политическое просвещение рабочего класса, т. е. таких, которые говорили бы рабочим о важности активной борьбы не только за улучшение их социально-экономического положения, но и против засилья иностранного и растущего местного капитала, против той общественной системы, в которой все более утверждается его господство. Это главным образом лозунги, следуя которым пролетарские организации добиваются роста самостоятельности рабочих, их реального участия в управлении производством.

Такие лозунги все чаще выдвигаются компартиями освободившихся стран. В ряде стран Южной Азии, например, в 70-е годы, профобъединения, руководимые коммунистами, стали развертывать борьбу за право рабочих участвовать в управлении производством. В частности, II съезд Профсоюзного центра Бангладеш (1977) утвердил программу действий, в которой наряду с защитой экономических интересов трудящихся указывалось на необходимость добиваться «создания на заводах, в корпорациях и учреждениях советов по управлению с включением в их состав рабочих представителей»⁶⁸.

По инициативе Федерации профсоюзов Шри-Ланки расширение функций демократических органов на производстве занимало видное место в программных требованиях Объединенного комитета профсоюзных организаций⁶⁹.

Благодаря усилиям Всеиндийского конгресса профсоюзов, неоднократно ставившего эти проблемы в ходе переговоров ведущих национальных профобъединений с правительством, в середине 70-х годов в важнейших отраслях промышленности страны были созданы «высшие органы управления», в которые наряду с представителями предпринимательских кругов и администрации вошли представители рабочих⁷⁰. Рассматривая эти события как важную победу рабочего движения, КПИ и ВИКП продолжают борьбу, с одной стороны, против соглашательских тенденций в деятельности данных органов, за реальную, а не формальную роль в них профсоюзов, с другой — против сектантских взглядов на данный процесс, как якобы неминуемо ведущий к классовому сотрудничеству. Коммунисты считают, что при достижении профсоюзного единства эти органы могут содействовать установлению демократического контроля как в частном, так и в государственном секторе национальной экономики⁷¹.

Лозунги, касающиеся демократического развития госсектора в интересах трудящихся, играют особую роль в процессе воспитания классового сознания пролетариата освободившихся стран. С госсектором, его социальными функциями связаны важнейшие проблемы идеологического и политического противоборства сил реакции и прогресса. Компартии призывают рабочих добиваться национализации важнейших отраслей народного хозяйства на демократической основе. Они придают большое значение участию рабочих в управлении производством на всех уровнях. Так, Компартия Индии считает, что без участия пролетариата в управлении госсектором трудно искоренить коррупцию, разбазаривание ресурсов и бесхозяйственность, пресечь саботаж реакционной бюрократии. 30-й съезд ВИКП, подчеркнув возросшую роль рабочего класса в развитии госсектора, поставил задачу приобщить широкие массы пролетариата к деятельности «рабочих комиссий», активизировать их выступления за расширение своих прав. Показательно в этой связи, что в последние годы объединенные в ВИКП профсоюзы в ходе переговоров с предпринимателями и властями все чаще поднимают вопросы, имеющие важное значение не только для конкретного предприятия, но также для города, района или отрасли в целом⁷².

Эффективность политико-воспитательного воздействия лозунгов компартий неизмеримо возрастает, если они органически связаны или «вытекают» из научно разработанной, конкретной и понятной рабочим комплексной программы борьбы за решение важнейших национальных проблем в интересах рабочего класса, всех трудящихся. Разработка партией такого документа способствует росту ее влияния в обществе, «классовому самоутверждению» рабочих. Партийные программы помогают им понять свою роль в революционном процессе, представить исторически определенное место «классового» и «общенационального» в рабочем движении. Организация массовых выступлений на основе такой платформы ведет к росту политической сознательности пролетариата.

Важнейший аспект этого процесса коммунисты всего мира видят в превращении рабочего класса в последовательного борца за нужды всех трудящихся, за общенациональные интересы⁷³. В этой связи уместно вспомнить слова В. И. Ленина о том, что «сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов...»⁷⁴. В условиях развивающихся стран, где современный пролетариат относительно малочислен, а общенациональные, общедемократические проблемы сохраняют необычайную остроту, это ленинское положение приобретает особый смысл. Под влиянием коммунистов, ведущих

борьбу за социальные и политические коалиции, массовые пролетарские организации все чаще выдвигают требования, отражающие интересы различных слоев и категорий трудящихся города и деревни.

В Индии, например, КПИ и ВИКП разработали программу национального развития в рамках «левой и демократической альтернативы», предусматривающую конкретные меры по облегчению положения крестьянства, городских низов, женщин, молодежи и других групп населения. В штате Западная Бенгалия КПИ(м) использует свои возможности самого влиятельного участника правящего левого фронта для проведения политики в интересах широких трудящихся масс, ориентирует руководимый ею Центр индийских профсоюзов на тесное взаимодействие с крестьянскими организациями⁷⁵. С программами общенациональных требований выступают руководимые или тесно сотрудничающие с марксистами-ленинцами профсоюзы Бангладеш, Ливана, Шри-Ланки, Реуньюна и других развивающихся афро-азиатских стран. Это поднимает авторитет пролетариата среди населения, приближает перспективу превращения рабочего класса (там, где он этого не добился) в общенациональную силу, в боевой авангард трудящихся.

Правильная разработка общенациональных лозунгов и программ, успешная борьба за их реализацию под силу лишь партии, умело проводящей политику единого антиимпериалистического, демократического фронта, хорошо владеющей стратегией и тактикой широких социально-политических союзов. От того, насколько верно компартиям удастся определить оптимальные пропорции и сочетания «классовых» и «общенациональных» задач, оценить действительную роль различных социальных сил на любом крутом повороте революционного процесса, зависят в конечном счете эффективность ее массовой организационной деятельности, влияние в рабочем движении и политический авторитет рабочего класса. Важность учета этого обстоятельства для компартий, действующих в зоне национально-освободительной борьбы, усиливается тем, что рабочему классу здесь нередко оказывается необходимым вступать в социально-политические коалиции не только с другими слоями трудящихся, но и с антиимпериалистически настроенными, не утратившими прогрессивных потенций группами буржуазии. Поучительным в этой связи представляется опыт Коммунистической партии Индии.

Левосектантские ошибки, допущенные КПИ в первые годы после завоевания Индией независимости, существенно ослабили ее позиции в рабочем классе, и лишь проведение курса на широкое единство прогрессивных и национально-патриотических сил позволило партии возродить и усилить свой авторитет в профсоюзах, ориентировать их на проведение политики, соответствующей классовым и национальным задачам рабочего движения. Под руководством КПИ и ВИКП рабочие успешно от-

ставали свои насущные интересы и активно выступали в защиту демократических, антиимпериалистических мероприятий правительства ИНК от происков правой реакции⁷⁶.

Вместе с тем, как подчеркивали индийские коммунисты, ошибочная позиция партии в отношении введенного в 1975 г. чрезвычайного положения негативно сказалась на ее авторитете в широких слоях рабочего класса. И это несмотря на то, что, поддерживая введение чрезвычайного положения (в качестве меры правительства ИНК по обузданию реакции), партия по-прежнему решительно защищала интересы и права пролетариата. Оказавшись в его «тесных рамках», КПИ не только использовала имеющиеся у нее контакты с правящей партией для того, чтобы воспрепятствовать антирабочим тенденциям в политике ИНК, но и смело разоблачала злоупотребления властью в ущерб интересам трудящихся масс с трибун парламента и законодательных органов штатов, на страницах партийной печати. «На профсоюзном фронте борьбы наши товарищи почти повсюду были в первых рядах,— отмечал ее генеральный секретарь Ч. Р. Рао в Отчетном докладе Национального совета XI съезду партии.— Во многих местах на профсоюзы, входившие в состав ВИКП, обрушились жестокие репрессии за ту роль, которую они играли в мобилизации рабочих масс на оказание сопротивления наступлению предпринимателей»⁷⁷.

Однако условия жестокой цензуры, резко ограничения свободы собраний и пропаганды не позволили КПИ показать рабочему классу ту роль, какую играли коммунисты в действительности, защищая его насущные интересы. К тому же, несмотря на то что КПИ, как подчеркивалось ранее, выступала против антирабочих, антинародных акций правительства, ее линия на поддержку чрезвычайного положения и одновременно борьбы с его «крайностями», как впоследствии подчеркивали индийские коммунисты, не всегда была понятна трудящимся⁷⁸.

Еще больше опасностей для самостоятельной политической роли рабочего класса возникает в процессе сотрудничества коммунистов в правительстве, где доминирует национальная буржуазия. Если коммунистические и левые партии оказывают серьезное влияние на рабочее движение, то буржуазия ищет путь к тому, чтобы использовать это в своих интересах, в том числе снизить интенсивность борьбы пролетариата. Поэтому она иногда не возражает против участия коммунистов в решении сложных национальных проблем даже на правительственном уровне. Более того, нередко под вывеской «национального единства» маскируется попытка скомпрометировать коммунистов в массах, подорвать их влияние в рабочем классе. В таких ситуациях коммунистам приходится проявлять большую осторожность в определении лозунгов и выработке тактики борьбы. Особую важность приобретает в этих случаях своевременная разработка и последовательная реализация компартиями подлинно пролетарских классовых программ. Обра-

тимся в связи с этим к опыту Шри-Ланки, в частности деятельности правительства Объединенного фронта (ОФ) (1970—1977)⁷⁹.

Существенной предпосылкой создания в 1970 г. правящей коалиции Партии свободы Шри-Ланки и левых партий являлась важная роль профсоюзного движения в их совместной борьбе против власти блока реакционных сил. В условиях правления Объединенного фронта Компартии и Федерации профсоюзов Шри-Ланки удавалось отстаивать насущные интересы рабочего класса. Тесно сотрудничая с правительством в реализации общей программы ОФ, ОКПО, где ведущую роль играли коммунисты и социалисты, стремился к тому, чтобы экономические трудности страны решались за счет ограничения прибылей иностранного и крупного местного капитала. Умелое сочетание традиционных и «новых» (основанных на возросшем влиянии на правительственные органы) методов решения трудовых конфликтов заметно повысило авторитет прогрессивных профсоюзов.

Коммунисты поддержали усилия ОКПО по мобилизации рабочих на борьбу с антиправительственными происками реакции, против авантюристических попыток левых экстремистов свергнуть силой оружия правительство ОФ в апреле 1971 г.⁸⁰. Осуждая действия экстремистов, компартия требовала скорейшей отмены введенного правительством чрезвычайного положения, ущемлявшего демократические права профсоюзов и других организаций трудящихся. В результате настоятельных требований КПШЛ в 1972 г. был отменен запрет на проведение митингов и демонстраций. Часть предложений КПШЛ, поддержанная профсоюзами, получила отражение в ряде важных государственных мероприятий, проведенных ОФ в 1971—1972 гг.⁸¹. Тесное сотрудничество КПШЛ, СПШЛ и ПСШЛ на профсоюзной арене способствовало вовлечению в рабочее движение новых отрядов трудящихся, росту политической активности рабочих, усилению влияния коммунистов в их среде.

Однако по мере усиления правых тенденций в политике ПСШЛ и, как следствие, обострения противоречий в Объединенном фронте между коммунистами и социалистами, с одной стороны, и правым крылом партии национальной буржуазии — с другой, обстановка для защиты КПШЛ интересов трудящихся становилась все более сложной. Профсоюзам приходилось прибегать к решительным мерам давления на власти, чтобы приостановить падение уровня жизни рабочих, который быстро снижался в условиях роста инфляции и безработицы. Между тем чрезвычайное положение так и не было отменено: в стране сохранялся жесткий контроль над деятельностью партий и профсоюзов, фактически ограничивалась свобода собраний и манифестаций, полицейским репрессиям подвергались участники стачечного движения⁸².

С учетом опыта допущенных в прошлом ошибок КПИ и

КПШЛ внесли коррективы в политику классовых союзов, определили важнейшие направления борьбы за восстановление и усиление своего влияния среди трудящихся, за создание надежной независимой массовой базы партий. При этом главное внимание они уделяют рабочему классу, которому отводится особое место в борьбе за национально-демократическую альтернативу политике дальнейшего капиталистического развития, руководящая роль в широком фронте антиимпериалистических и демократических сил. Коммунисты Индии и Шри-Ланки отдают себе отчет в том, что нынешний уровень их влияния в пролетарской среде пока еще не соответствует поставленным задачам. «Нужно признать, что наши позиции в рабочем классе далеко не удовлетворительны,— подчеркнул на XI съезде КПИ член ЦК М. Фаруки.— Мы, безусловно, не можем претендовать на то, что являемся самой большой силой в рабочем классе. Партия рабочего класса должна в первую очередь укрепить свои позиции среди рабочих...»⁸³. На необходимость расширения «пролетарской базы» партии указывает в своих программных документах и КПИ(м)⁸⁴.

Нельзя не считаться и с тем, что, как отмечалось на XI съезде КПШЛ, среди большинства рабочего класса страны (особенно трудящихся — членов профсоюзов, руководимых буржуазными партиями) широко распространены правооппортунистические взгляды, идеи буржуазного парламентаризма⁸⁵. В этих условиях первостепенное значение для коммунистов приобретает работа по повышению классового сознания различных отрядов пролетариата, усилению их классовой солидарности, работа по преодолению организационного раскола рядов трудящихся, ознакомление рабочих с программой и политикой партий, с идеями марксизма-ленинизма. Лишь на этой основе, считают индийские и ланкийские коммунисты, можно упрочить независимую политическую позицию рабочего класса и его авангарда — главное условие нового, национально-демократического единства⁸⁶.

В странах социалистической ориентации организационно-воспитательная деятельность марксистов-ленинцев в рабочем классе направлена на мобилизацию пролетариата на борьбу за углубление революционно-демократических преобразований на основе сплочения всех прогрессивных, патриотических сил; в то же время она ориентирует рабочих на защиту своих классовых интересов. Формирование единого фронта коммунистов и революционных демократов, достижение органического единства между профсоюзами различных направлений, несомненно, открывают перед рабочим классом широкие перспективы созидательной революционно-преобразующей деятельности, выводит его на передовые рубежи борьбы за коренные общественные преобразования. Такую цель ставили перед собой, например, сирийские коммунисты, идя на соглашение с правящей партией ПАСВ в 1972 г.⁸⁷. Провозглашенный в хартии Национально-

прогрессивного фронта политический курс «опоры на массы» закреплен в конституции, предусматривающей, в частности, более широкое участие рабочих в управлении государством.

Сотрудничество коммунистов и революционных демократов, необходимое для дальнейшего развития национально-демократической революции, затрагивает так или иначе и рабочее движение.

Что касается Сирии, то сотрудничеству между коммунистами и революционными демократами способствовал одобренный III съездом СКП (1969) реалистический курс на широкое левodemократическое единство, решительное осуждение партией левосектантских оппортунистических элементов, преувеличивавших степень зрелости рабочего класса и настаивавших на решении преждевременной задачи совершения социалистической революции. «Рабочий класс Сирии,— отмечал генеральный секретарь СКП Халед Багдаш,— ни с точки зрения своего веса в стране, ни по уровню сознательности и организованности, ни с точки зрения сплочения вокруг себя союзников, и прежде всего крестьян, не достиг такого уровня, чтобы возглавить национально-освободительное движение и повести его вперед, к еще более высокому этапу»⁸⁸.

С другой стороны, по мере углубления социального характера освободительных революций, развития рабочего класса роль последнего в общественном процессе получает все большее признание не только у коммунистов, но и у их союзников по патристическому фронту.

Так, в Сирийской Арабской Республике в ходе консолидации Национально-прогрессивного фронта произошло объединение организованного пролетариата во Всеобщей федерации рабочих профсоюзов Сирии. В рамках ВФРПС оно способствовало расширению участия профсоюзов в социально-экономической жизни страны, усилению политической роли рабочего класса и его массовых организаций.

В условиях обострения классовой борьбы вокруг перспектив дальнейшего развития страны значение общественной роли пролетариата как передового класса общества возрастает. Как было отмечено на IV и подтверждено на V съезде СКП, для эффективного противодействия правой опасности необходимы дальнейшая активизация рабочего класса, его сплочение с другими прогрессивными силами⁸⁹. С этих позиций СКП определяет сегодня важнейшие направления и методы улучшения организационно-воспитательной работы на предприятиях: создание партячек преимущественно по производственному признаку, привлечение большого числа членов партии к профсоюзной деятельности, укрепление связей рабочих-коммунистов с парторганизациями, с профсоюзами и их комитетами. Каждый коммунист, независимо от места работы, обязан поддерживать тесные связи с трудовыми коллективами, подбирать людей для вовлечения в партию. Таковы основные меры, предпринимае-

мые сирийскими коммунистами для подъема политической активности пролетариата в целях дальнейшего расширения влияния СКП в рабочем классе.

Наряду с этим союз с непролетарскими партиями обуславливает определенные сложности организационно-массовой работы коммунистов в пролетарской среде. Исходя из принципов сотрудничества с баасистами, из необходимости единства действий перед лицом империалистической угрозы, сирийские коммунисты способствуют формированию на предприятиях атмосферы, содействующей духу прогрессивного фронта, стремятся к взаимодействию с рабочими — членами ПАСВ и других партий, входящих во фронт. В то же время поддержка со стороны СКП справедливых требований рабочих вступает порой в противоречие с позициями, занимаемыми ее союзниками по фронту. Коммунистам приходится проявлять особую гибкость в разработке и использовании методов и средств борьбы за непосредственные интересы трудящихся. В соответствии с хартией Национально-прогрессивного фронта, ПАСВ располагает более чем половиной мест в профсоюзных органах, а все остальные распределяются между другими его участниками. Поэтому, хотя СКП и представлена в различных профсоюзных звеньях — от низовых до совета ВФРПС, масштабы и уровень этого представительства не всегда отражают характер политических симпатий рабочих на том или ином предприятии⁹⁰.

Независимо от степени и масштабов собственного влияния в рабочем движении страны и от того, как складываются их отношения с правящей революционной демократией, коммунисты принципиально выступают за поддержку пролетариатом прогрессивного политического курса революционных демократов. Так, Партия социалистического авангарда Алжира (ПСАА) одобряет активное участие профсоюзов в коренных социально-экономических преобразованиях, поддерживает позитивные инициативы правительства в отношении рабочего класса⁹¹. Одновременно ПСАА указывает на сохраняющиеся расхождения между провозглашаемыми лозунгами и жизненной практикой, призывает к предоставлению рабочим права участвовать в деятельности государственных органов и важнейших общественных институтов, к удовлетворению справедливых материальных и культурных нужд пролетариата, к дальнейшей демократизации структуры и деятельности профсоюзов, укреплению самостоятельности в их внутренней жизни.

Следует отметить, что в странах, где не утвердились конструктивные формы сотрудничества между коммунистами и правящей революционной демократией, работа компартий в рядах пролетариата, как, впрочем, и среди крестьянства, других слоев трудящихся, протекает с огромными трудностями. Условия деятельности компартий в странах социалистической ориентации, как уже отмечалось, во многом зависят от позиции правящей революционной демократии по отношению к коммунистам.

При огромном разнообразии конкретно-исторических условий деятельности коммунистов в афро-азиатском мире довольно сложно выглядит картина связей, взаимоотношений и взаимодействия между компартиями и рабочим классом. Наиболее сходна по содержанию, методам и формам работа коммунистических партий, направленная на развитие «международного аспекта» классового сознания пролетариата, на воспитание антиимпериалистической солидарности и пролетарского интернационализма, ответственности за сохранение мира и предотвращение ядерной катастрофы.

Большое значение во всем, что касается разъяснения роли и места рабочего класса в мировом революционном процессе, в международном антиимпериалистическом и антивоенном движении, играют кампании солидарности в поддержку освободительной борьбы народов, в защиту жертв реакции. Как показал опыт, проводимые совместно с коммунистами, прогрессивными профсоюзными и общественными организациями кампании солидарности с народами Индокитая, Чили, Палестины и Юга Африки способствовали вовлечению в политическую борьбу многих рабочих, которые еще совсем недавно были далеки от нее. В ходе таких кампаний коммунисты разоблачают империалистическую политику подавления демократических свобод, нарушения суверенитета народов. В результате «кампании солидарности с жертвами капитала приобретают четкий классовый характер»⁹².

Массовая организационно-воспитательная деятельность коммунистов в рабочем классе только тогда становится по-настоящему эффективной, когда носит планомерный и комплексный характер, не знает перерывов, стихийности, деления на важные и «несущественные» направления. В тех странах, районах, городах, где коммунисты самоотверженно защищают классовые интересы пролетариата, активно вовлекают его в широкие боевые выступления, настойчиво добиваются профсоюзного единства, тщательно, с научных позиций разрабатывают политические программы, кропотливо, шаг за шагом, отвоевывают рабочего у отсталости, буржуазного реформизма и реакционного национализма — словом, живут и борются в гуще пролетарских масс, действительно усиливается влияние компартий в рабочем движении, создается «независимая массовая база» партии, проявляется пролетарский характер ее состава и политики, т. е. быстрыми шагами приближается перспектива превращения рабочего класса в подлинного гегемона революционных преобразований общества.

Глава III

КОММУНИСТЫ И КРЕСТЬЯНСТВО

Важнейшее место в деятельности компартий афро-азиатских стран в массах занимает работа среди крестьянства. И это, конечно, не случайно. Размах и результативность революционного движения рабочего класса стран Азии и Африки во многом зависят от масштабов участия в нем широчайших слоев трудящихся, и прежде всего крестьянства.

Трудовое крестьянство как союзник рабочего класса

Термин «крестьянство» применялся, как известно, основоположниками марксизма-ленинизма во многих значениях, в том числе как собирательное понятие, включающее всех занятых в сельском хозяйстве, за исключением помещиков. Как показывают статистические данные, крестьянство и ныне составляет абсолютное большинство населения развивающихся стран Азии и Африки. Даже в странах-нефтеэкспортерах, где в 60—70-е годы социально-экономические структуры изменялись наиболее быстро, удельный вес лиц, связанных с сельским хозяйством, составлял в 1960 г. 69%, а к началу 80-х годов 52% всего самодостаточного населения. В остальных развивающихся странах Африки аналогичные показатели были соответственно равны 79 и 68%, а в Азии — примерно 72 и 62%¹.

Однако было бы неправильно ограничиться приведением только этих данных. Закон неравномерности развития капитализма все более отчетливо проявляется в дифференциации афро-азиатских государств и территорий по основным структурным характеристикам занятости, и в первую очередь по удельному весу крестьянства. Так, если в Индии крестьянство по-прежнему составляет 65—70% всего населения, в Бангладеш — 75—77%, в Индонезии — 55—58%, в Бирме — 64, в Таиланде — 70%², а в большинстве стран Тропической Африки его доля в населении достигает 75—85%, то в ряде стран Азии и Африки (Пакистан, Филиппины, Марокко, Турция, Намибия, Гана, Нигерия, Бенин) удельный вес крестьян к началу 80-х годов не превышал 48—54%³. В растущей группе государств крестьяне составляли от-

носительное большинство либо даже меньшинство населения. К числу таких стран и территорий относятся ОАЭ (5%), Катар (3%), Кувейт (2%), Сингапур (2%), Бахрейн (5%), Иордания (10%), Ливан (17%), Ливия (17—19%), Маврикий (28%), Реюньон (29%), Алжир (30%), Ирак (30%), Саудовская Аравия (25—30%), Сирия (32%), Южная Корея (33%), Тунис (34%), Малайзия (34%), Народная Республика Конго (35%), Иран (37%), Шри-Ланка (40%), НДРЙ (40%), Египет (44%)⁴.

Конечно, роль крестьянства в социально-экономической и политической жизни той или иной страны определяется не только численностью и удельным весом в составе населения, но и его общественной активностью; при прочих равных условиях значение крестьянства в качестве союзника рабочего класса далеко не одинаково в каждой из перечисленных групп стран.

В рамках «дуалистической» структуры народного хозяйства афро-азиатских стран именно деревня и сельское население по-прежнему образуют наиболее широкую основу традиционного сектора в экономике, традиционных элементов общественной жизни, социальной психологии, политической и идеологической сферы. Более того, именно традиционное крестьянство в ходе миграций и иных форм взаимодействия с городским населением оказывает сдерживающее воздействие на формирование классов и слоев современного типа, в том числе индустриального пролетариата.

Крестьянство развивающихся стран и территорий Азии и Африки крайне неоднородно в социально-экономическом, а также сословно-кастовом, этнолингвистическом, локально-регионалистском и религиозном отношении. Широкие слои сельского населения принадлежат к различным социально-экономическим укладам и в большинстве своем по-прежнему остаются членами соседской общины. В прошлом патриархально-натуральная, община ныне все больше вовлекается в русло товарно-денежных отношений. Это связано с развитием торгового земледелия, специализацией отдельных районов на производстве тех или иных видов продукции под воздействием растущего спроса со стороны городского населения, а также внешнего рынка. Масштабы патриархально-натурального хозяйствования постепенно сужаются, и ныне на его долю приходится, видимо, не более четверти ВВП стран Азии и Африки⁵, а в ряде стран значительно меньше.

Однако ввиду низкой производительности труда в натуральном и полунатуральном секторе земледелия удельный вес крестьян, ведущих преимущественно нетоварное хозяйство, оказывается обычно значительно выше его доли в общем объеме валового внутреннего продукта; к тому же далеко не все крестьяне, так или иначе связанные с рынком, превращаются в «свободных» товаропроизводителей, образующих растущую мелкобуржуазную прослойку. Это связано главным образом

с преобладанием специфических форм разложения крестьянства, при которых процесс обнищания, как правило, значительно превосходит масштабы действительной пролетаризации сельского населения. Помещичья, торгово-ростовщическая и собственно капиталистическая эксплуатация (со стороны национальной и иностранной буржуазии), осуществлявшаяся на протяжении многих десятилетий, неизбежно приводила к выкачиванию из деревни не только прибавочного, но и части необходимого продукта, создававшегося основной массой мелких земельных собственников и арендаторов. В этих условиях все более разрасталась бедняцкая, полупролетарская-полуауперская прослойка крестьянства, тогда как формирование сельской мелкой буржуазии существенно ограничивалось.

Аграрные реформы, проводимые в странах Азии и Северной Африки, развивающихся по капиталистическому пути, способствовали ограничению помещичьего землевладения, сокращению традиционной докапиталистической аренды и в результате определенному расширению слоя земельных собственников, некоторому ослаблению тяжести ростовщической кабалы, а также внеэкономического принуждения, связанного с сословными ограничениями и пережиточными формами родо-племенных, полуфеодальных и патриархальных отношений. Во многих азиатских странах, идущих по капиталистическому пути, государство осуществляет в широких масштабах политику регулирования социально-экономических процессов в деревне: устанавливает определенный уровень цен на сельскохозяйственные товары, а также средства производства, необходимые для интенсификации земледелия; расширяет и удешевляет систему кредитования мелких производителей, ассигнует средства для развития экономической и социальной инфраструктуры в деревне (ирригация и мелиорация земель, строительство дорог, складов, а также школ, медицинских пунктов и т. п.); обеспечивает сбыт некоторых видов сельскохозяйственных культур и т. д. Совокупность этих мер явилась одновременно и предпосылкой, и следствием «зеленой революции», т. е. внедрения новых, высокоурожайных сортов риса и пшеницы, сопутствующих им современных средств производства и агротехнических приемов.

Влияние «зеленой революции» на аграрные отношения было весьма противоречивым, причем не только в социальном, но и в экономическом смысле⁶. В территориальном отношении она получила сравнительно ограниченное распространение, ибо дала хорошие результаты только при определенных условиях: на орошаемых землях, при соблюдении требований современной агротехники и т. д. В то же время ее прямым следствием стал ощутимый прирост производства основных продовольственных культур. Так, благодаря «зеленой революции» Индия стала удовлетворять платежеспособный спрос населения на продовольствие.

Под воздействием «зеленой революции» начались глубинные изменения экономического, социального, да, пожалуй, и идео-

логического характера в восточной деревне, стала рушиться традиционная система земледелия — главный оплот консерватизма и социальной реакции в деревне, а с нею и традиционные общественные структуры. Ускорила эволюция мировоззренческих представлений крестьянства. Конечно, процесс этот неоднозначный и в высшей степени противоречивый. Сплошь и рядом традиционные структуры не только сохраняются, но и вплетаются в канву новых общественно-экономических отношений. Подчас проявлялась тенденция скорее к гниению традиционных структур в деревне, чем к их быстрому разложению и обновлению. Но это не отменяет указанной выше тенденции.

Говоря, в частности, об индийском штате Пенджаб (где получила широкое распространение «зеленая революция»), авторы коллективной работы Института востоковедения АН СССР «Зарубежный Восток и современность» пишут: «Новая технология производства заставила практически каждого хозяина вести учет издержек производства. Ориентация на рынок, переход к строгому учету издержек, существенные изменения в понимании целей производства явились важнейшими чертами процесса психологической перестройки пенджабских хозяев, суть которого — вытеснение традиционных ориентаций интересами экономической выгоды. В свою очередь, экономический расчет поставил на повестку дня вопрос о замене натуральной оплаты труда привлекаемых со стороны работников денежной. Перемена же в формах оплаты сразу разрушила патерналистские, „добрые“ отношения между землевладельцами и их постоянными работниками — там, где эти отношения существовали». И далее: «Появление в деревне новых товаров (одежда, транзисторы, велосипеды и т. п.), доступных всем, кто может заплатить, впервые как бы уравнило притязания всех сельских жителей — от брахмана до „неприкасаемого“»

Для сельскохозяйственных рабочих и другой бедноты деревни „зеленая революция“ стала одновременно... „революцией растущих ожиданий“, давшей толчок классовой ориентации их сознания и относительно быстрой радикализации общественного поведения»⁷.

Таким образом, обеспечив — вместе с аграрными реформами и государственным регулированием — частичную расчистку афро-азиатской деревни от полуфеодалных и иных традиционных пут, препятствовавших ранее развитию капитализма в сельском хозяйстве, «зеленая революция» значительно ускорила процессы социально-классовой дифференциации крестьянства, размежевания и столкновения антагонистических классовых интересов в среде деревенского населения. Верхняя прослойка крестьянства стала интенсивно втягиваться в процесс обуржуазивания; несколько расширились ряды сельской мелкой буржуазии; одновременно на противоположном полюсе деревни непрерывно раздвигались социальные границы огромной по численности армии пауперизированных производителей, которые, получая скуд-

ные доходы, в массе своей во все большей степени зависят от работы по найму.

Ныне в развивающихся странах Азии и Африки насчитывается около 95—100 млн. сельскохозяйственных рабочих, составляющих почти четверть всего населения, занятого в земледелии и животноводстве⁸. При этом удельный вес сельскохозяйственных рабочих в общей численности занятых в аграрном секторе составляет около 50% в Южной Африке, 35—40% — в Северной Африке, 30—35% — в Южной и Юго-Восточной Азии и только 3—5% — в странах Тропической Африки⁹. Если судить по этим цифрам, то окажется, что данный показатель по странам Азии и Северной Африки равен или даже превышает аналогичный средний показатель по развитым капиталистическим странам (26% сельскохозяйственного населения в 1975—1979 гг.). Но если в капиталистических странах Западной Европы и Северной Америки эти цифры отражают полное господство капитализма в сельском хозяйстве, то в развивающихся странах они заключают в себе иной смысл. Дело в том, что социальная общность, объединяемая здесь понятием «сельскохозяйственные рабочие», далеко не однородна и распространяется на различные категории трудящихся. Они существенно различаются по социальной природе, характеру труда, степени концентрации, особенностям эксплуатации и другим важнейшим признакам, определяющим их классовую принадлежность, а также уровень социально-экономической и политической зрелости.

К современному сельскохозяйственному пролетариату относятся, очевидно, те категории наемных работников, занятых в земледелии и животноводстве, для которых характерны полное отсутствие собственности на землю и орудия труда, сравнительно высокий уровень территориально-производственной концентрации и связь с современными средствами производства. Это рабочие, занятые на государственных фермах, плантациях и в других крупных предпринимательских хозяйствах, а также сельские механизаторы: трактористы, комбайнеры, шоферы, ирригаторы, ремонтники, электротехники, квалифицированные строители и т. д. К началу 80-х годов в странах Азии и Африки их насчитывалось уже 12—15 млн., т. е. 13—15% всех учтенных сельскохозяйственных рабочих¹⁰.

Плантационные рабочие — один из старейших отрядов пролетариата стран Азии и Африки. Большинство их уже давно лишилось собственной земли и живет в основном на заработную плату. Они отличаются высоким уровнем производственной и территориальной концентрации. На них распространяются основные положения трудового законодательства, они имеют право объединяться в профсоюзы. Рабочие плантаций обычно применяют типично пролетарские методы борьбы: требуют повышения заработной платы, ограничения длительности рабочего дня, введения или расширения социального страхования и т. д. Все это сближает их с современным промышленным пролета-

риатом, создает предпосылки для единства действий в классово-вой борьбе. Вместе с тем следует отметить специфические особенности условий труда и положения сельскохозяйственных рабочих. Подавляющее большинство их занято ручным, немеханизированным трудом, постоянно проживает на территории плантаций, получает в пользование хижину, небольшие огороды, имеет скот, т. е. сохраняет остатки личного хозяйства. Помимо постоянных потомственных рабочих, образующих ядро плантационного пролетариата, здесь трудится немало временных и поденных рабочих из числа местных крестьян, не входящих в профсоюзы и редко участвующих в забастовках.

Наиболее молодой и быстро растущий отряд современного сельскохозяйственного пролетариата составляют рабочие-механизаторы. Они имеют дело с современной техникой, обладают необходимым минимумом профессиональных знаний и начальной общеобразовательной подготовкой. Это самые квалифицированные и образованные сельские пролетарии. По своему объективному положению они близки современному индустриальному пролетариату, хотя и отличаются от него более низким уровнем производственной и территориальной концентрации.

Однако в обстановке многоукладности и сохранения элементов традиционных социально-экономических структур и отношений, столь характерных для афро-азиатской деревни, даже эти рабочие нередко оказываются тесно связанными с непролетарскими слоями крестьянства. Некоторые из них также наделяются домами и огородами, арендуют небольшие участки земли, копят деньги, надеясь приобрести собственную парцеллу, чтобы вести на ней «самостоятельное» хозяйство. Все это неизбежно оказывает негативное воздействие на социальную психологию, интересы и устремления некоторых групп сельских механизаторов.

Плантаторы, помещики и кулаки стремятся разобщить и противопоставить друг другу различные группы сельских пролетариев, «подкупить» механизаторов и превратить их вместе со служащими в нечто вроде привилегированной прослойки, чуждой интересам и чаяниям основной массы батраков, сезонников и поденщиков. В тех случаях, когда коммунистам и другим прогрессивным силам удастся вовлечь эти отряды рабочих в общее русло пролетарского движения (хотя это не всегда легко сделать), сельские механизаторы, будучи наиболее квалифицированной и образованной прослойкой трудящегося крестьянства, становятся центром притяжения для широких слоев батраков и поденщиков в совместной борьбе за достижение ближайших и перспективных целей рабочего класса.

Большинство работающих по найму в земледелии и животноводстве составляют батраки и поденщики, занятые в полукапиталистическом (помещичьем или кулацком), а также в мелко-товарном хозяйстве. В своей основной массе они фактически лишены средств производства и потому вынуждены постоянно

продавать свою рабочую силу. В Индии и в ряде других стран, где сосредоточено более половины сельскохозяйственных рабочих этого типа, значительная часть батраков и поденщиков (в отдельных округах до 60—80%) относится к низшим кастам и «отделена» от остального крестьянства традиционной системой норм, регламентирующих их повседневную жизнь. Многие из них живут в специальных поселках и почти не общаются с окрестным крестьянским населением. И хотя работа по найму для них основной источник средств существования, большинство батраков и поденщиков сохраняют крохотные участки земли на правах собственности, аренды или в форме своеобразной «натуральной оплаты». Это, конечно, существенно ограничивает свободу их передвижения и найма, на время «прикрепляет» их к поместью или кулацкому хозяйству, создает предпосылки для воспроизводства кабальных методов эксплуатации.

В большинстве стран Тропической Африки сельскохозяйственные рабочие, даже находясь на заработках за сотни километров от своих деревень или на территории других государств, продолжают сохранять право на земли общины и, вернувшись на родину, могут получить соответствующий надел. Если же они предпочитают оставаться на местах найма, то и там по прошествии определенного времени получают возможность стать членами новой общины.

Поскольку преобладающая масса батраков и поденщиков продолжает вести свое, хотя и крошечное, хозяйство, эти сельскохозяйственные рабочие, будучи на деле лишены основных средств производства, обрабатывают землю и используют орудия труда не только на капиталистической, но в известной мере и на псевдособственнической основе. Вместе с тем в странах Азии и Северной Африки, где особенно широкие масштабы приобрело аграрное перенаселение, сельскохозяйственные рабочие не все время заняты работой по найму.

Вынужденная безработица батрака или поденщика имеет много общего с неполной занятостью, от которой страдают обширные слои крестьянского населения в странах Азии и Африки: и те и другие ежегодно на несколько месяцев попросту выталкиваются из сферы общественного производства.

Важную роль в системе эксплуатации батраков и поденщиков играют сословно-кастовая приниженность, долговая зависимость, элементы внеэкономического принуждения. В отличие от плантационных рабочих поденщики и даже батраки работают небольшими группами, а нередко и целыми семьями. Временно занятые в кулацких, середняцких или бедняцких хозяйствах, они трудятся обычно вместе с хозяином и его родственниками. И хотя работа по найму отделяет батраков и поденщиков от собственников, противопоставляет их друг другу, характер производства ставит наемных рабочих бок о бок с хозяином и членами его семьи, в какой-то мере сближает пролетарские элементы деревни с остальными слоями крестьянства.

Будучи наиболее эксплуатируемой и бесправной частью населения афро-азиатской деревни, батраки и поденщики соединяют в себе ряд противоположных черт. Это и крестьяне без земли, и хозяева, лишь формально сохраняющие «собственное» хозяйство, и «свободные» рабочие, лишенные подлинной личной свободы, и продавцы рабочей силы, не находящие часто покупателей.

Раздробленность, распыленность сельскохозяйственных рабочих, связь с другими слоями крестьянства сказываются на образе жизни батраков и поденщиков: уровень их материального благосостояния, быт, обычаи, традиционная идеология и духовная культура напоминают скорее условия жизни бедняцких слоев деревни, чем положение современного индустриального пролетариата. И если тяжкий гнет и фактическое отсутствие собственности объективно превращают батраков и поденщиков в потенциально мощную революционную силу, то относительная раздробленность, «слитность» с непролетарскими слоями, власть традиций и предрассудков, забитость, темнота и пережитки собственнических иллюзий заметно отличают их от наиболее последовательного революционного класса — современного индустриального пролетариата.

Противоречивое положение большинства сельскохозяйственных рабочих особенно наглядно проявляется в сфере общественно-политической жизни и в ходе классовой борьбы. С одной стороны, батраки и поденщики выдвигают ряд самостоятельных требований, отличающихся от позиций основной массы крестьянства. Для них особенно важны вопросы заработной платы, продолжительности рабочего дня, отпусков, трудового законодательства, профессиональной организации и т. д. В 60—70-е годы профсоюзы сельскохозяйственных рабочих многих развивающихся стран вместе с организациями промышленного пролетариата участвовали в борьбе рабочего класса за улучшение условий жизни и труда, против инфляции, за отмену репрессивного законодательства и демократизацию общественной жизни.

Выдвигая подобные требования, участвуя в массовых стачках и демонстрациях, батраки и поденщики выступают как пролетарии и применяют пролетарские методы борьбы. С другой стороны, большинство сельскохозяйственных рабочих вместе с основной массой крестьянства борются за землю, за возможность вести собственное хозяйство, за уничтожение торгово-ростовщической кабалы и расширение «дешевого» государственного кредита, за регулирование цен на сельскохозяйственные и промышленные товары.

Требования наделить батраков землей записаны в документах ряда коммунистических и рабочих партий, революционных профсоюзов, прогрессивных крестьянских организаций. В ходе аграрных реформ лишь небольшая часть батраков и поденщиков получает землю, тогда как подавляющее большин-

ство их лишается возможности стать самостоятельными хозяевами. Поскольку батраки и поденщики стремятся получить землю для единоличного пользования, т. е. превратиться в собственников, постольку они остаются полупролетарской частью крестьянства с характерной для него противоречивой психологией эксплуатируемого труженика-собственника. И напротив, поскольку сельскохозяйственные рабочие стран Азии и Африки выступают с пролетарскими требованиями, применяют пролетарские методы борьбы, постольку они превращаются в один из крупнейших отрядов рабочего класса. Проведение общедемократических преобразований, ликвидация или ослабление наиболее одиозных форм сословно-кастового неравенства и торгово-ростовщической кабалы, создание предпосылок для роста профессиональной организованности и политического самосознания батраков и поденщиков — все это неизбежно усиливает пролетарскую сторону классовой природы сельскохозяйственных рабочих¹¹.

В капиталистических странах государство, буржуазные партии в «превентивных целях» (чтобы снять остроту нарастающих социальных конфликтов) осуществляют аграрные реформы, вводят элементы социального законодательства, запрещают кастовую дискриминацию, устанавливают минимальные ставки заработной платы батракам и поденщикам, ассигнуют средства для проведения в деревне комплекса работ, имеющих целью расширить сферу их занятости, создают магазины «справедливых» цен в попытке ограничить инфляцию, разрешают деятельность профсоюзов в деревне и проводят иные аналогичные мероприятия. Они стремятся, с одной стороны, нажать политический капитал, заручиться поддержкой сельскохозяйственных рабочих, в особенности представителей низших каст, «списочных» (наиболее отсталых) племен и других социально приниженных слоев, а с другой — приостановить пауперизацию крестьянства, расширить внутренний рынок, активнее использовать людские ресурсы, расширить социальную базу технологической модернизации и способствовать тем самым росту сельскохозяйственного производства. Подобная политика в ряде случаев приносит свои плоды: некоторые группы сельскохозяйственных рабочих вступают в реформистские профсоюзы, голосуют на выборах за правящие партии, проводящие такие реформы, поддерживают харизматических лидеров, апеллирующих к крестьянству, в том числе к социальным низам деревни.

Все это показывает, что рабочему классу и коммунистическим партиям приходится вести упорную, кропотливую работу по вовлечению сельскохозяйственных рабочих в общее русло пролетарского движения. При этом приходится тщательно учитывать специфические особенности, противоречивый характер и социальную неоднородность сельскохозяйственных рабочих, искать пути, методы и средства, обеспечивающие правильный подход к каждой из этих групп рабочих, выдвигать на каж-

дом этапе борьбы близкие и понятные им требования, лозунги и цели. Вместе с тем расширение влияния компартий среди сельскохозяйственных рабочих, сохраняющих тесные «генетические», социально-экономические, психологические и бытовые связи с бедняцкими и середняцкими слоями крестьянства, создает важные предпосылки для привлечения на сторону пролетариата широких слоев сельского населения.

Выше уже отмечалось, что сельскохозяйственные рабочие Азии и Африки составляют в среднем около четверти лиц, связанных с земледелием и животноводством. Следовательно, около 75% крестьян приходится на земельных собственников и арендаторов. Эти группы включают различные социальные элементы — кулаков, середняков, бедняков и пауперские слои. Происходящая на протяжении десятилетий парцеллизация мелкого крестьянского землевладения, усилившаяся в условиях исчерпания фонда земель, пригодных для экстенсивного развития сельского хозяйства, в обстановке «демографического взрыва» и при крайней ограниченности возможностей внедеревенского найма, неизбежно приводит к росту аграрного перенаселения¹². Это находит свое выражение в расширении безработицы и неполной занятости, в снижении уровня реальных доходов, в нарастании нищеты.

В то же время некоторое расширение внутреннего рынка в результате общего оживления экономической конъюнктуры, индустриализации, урбанизации и диверсификации хозяйственной деятельности способствует укреплению позиций сельской мелкой буржуазии, особенно деревенской верхушки. Последняя объединяет обуржуазившихся помещиков, кулаков, торговцев, ростовщиков, а также тесно связанных с ними социальными или родственными узами местных чиновников, «активистов» правящих партий и организаций. Именно эти люди в конечном счете присваивают львиную долю государственных ассигнований, предназначенных для нужд сельского хозяйства, больше всех выигрывают от роста цен на продовольствие. Они все шире используют в своих хозяйствах усовершенствованные орудия труда, строят колодцы, устанавливают механические и электрические водяные насосы, приобретают семена высокоурожайных сортов, применяют в возрастающих масштабах искусственные удобрения, т. е. интенсифицируют производство и переводят его на рельсы капиталистического развития¹³. Идя навстречу стремлениям капитализирующейся деревенской верхушки, а отчасти и сельской мелкой буржуазии, государство в афро-азиатских странах капиталистического пути развития берет на себя часть расходов по созданию материально-вещественных предпосылок для капиталистической интенсификации земледелия, активизации операций в торгово-распределительной и кредитно-денежной сферах, способствующих ускоренному накоплению капитала в сельском хозяйстве.

Усиливающаяся социально-экономическая поляризация де-

ревни, неуклонное разрастание пояса нищеты, охватывающего широкие слои крестьянства, не могут не вести к росту социальной напряженности. Опасаясь взрыва аграрных противоречий, государство, как уже отмечалось, время от времени предпринимает шаги для оказания помощи обездоленным слоям сельского населения. К таким мерам относятся наделение немущих участками под жилье, ослабление или даже формальная отмена долговой кабалы, расширение кредита по доступным ставкам, проведение общественных работ, дающих пусть незначительный, но все же хоть какой-то дополнительный заработок и поденщикам, и мельчайшим собственникам. Они приводят к временному укреплению представлений о буржуазном государстве как о доброжелательном патроне, стимулируют возрождение надежд на возвращение в положение мелких самостоятельных хозяйчиков или на закрепление в таком положении. В целом вместе с мероприятиями по наделению в рамках аграрных реформ части крестьян землей они способствуют известной разрядке социальной напряженности в аграрном секторе, усилению влияния собственнических чувств и иллюзий в среде трудового крестьянства, консервативных тенденций в политической жизни деревни.

Однако социально регулирующая политика буржуазного государства не может надолго приглушить действие объективных законов капиталистического развития, которые в специфических условиях афро-азиатской деревни проявляются с особенной беспощадностью. Нежелание властей осуществлять подлинно радикальное перераспределение земельной собственности, углубление имущественной и социально-классовой дифференциации в деревне — теперь уже в основном на капиталистической основе, — дальнейшая парцеллизация земли и пауперизация все новых слоев сельских жителей, в том числе и «новых собственников», способствуют радикализации всей обстановки в деревне и решимости крестьян упорно отстаивать свои права в борьбе со «старыми» и «новыми» эксплуататорами.

Таким образом, общественные настроения и поведение крестьянства постоянно находятся в поле взаимодействия двух противоречивых тенденций развития социально-политической ситуации в деревне. Одна из них ведет к политической активизации сельских трудящихся, другая — к конформизму и пассивности крестьян. Соотношение между ними нередко весьма изменчиво, что выдвигает перед компартиями сложную задачу правильного ответа на вопрос, какая тенденция преобладает в данный момент и соответственно какие средства и виды организационно-политической работы необходимы именно сейчас для усиления или ослабления влияния господствующей тенденции.

Следует заметить, что даже тенденция, порождаемая ростом аграрных социальных противоречий, т. е. объективно благоприятствующая политизации крестьянства, отнюдь не ведет

автоматически к укреплению в деревне позиций пролетарских партий. Как показывает исторический опыт, крестьянство в прошлом не только выступало вместе с прогрессивными силами города, с промышленным пролетариатом, но не раз становилось орудием в руках консервативных кругов. Это во многом определялось некоторыми особо устойчивыми общими условиями жизни крестьян. Как отмечал в свое время Ф. Энгельс, «изолированное положение крестьянина в глухой деревне с немногочисленным, меняющимся лишь со сменой поколений населением, напряженный однообразный труд, сильное всякого крепостного права приковывающий его к клочку земли, труд, остающийся неизменным из поколения в поколение, устойчивость и однообразие всех жизненных отношений, ограниченность, при которой семья является для него важнейшим, решающим общественным отношением,—все это суживает кругозор крестьянина до самых тесных пределов, которые вообще возможны в современном обществе. Великие исторические движения проходят мимо него, вовлекая его время от времени в свою орбиту, но при этом он не имеет никакого представления о природе их движущей силы, об их возникновении и цели»¹⁴. Эта характеристика относилась в первую очередь к европейскому, точнее французскому, крестьянству середины XIX в. С тех пор многое изменилось в мире, в том числе в положении крестьян, и не только в Европе, но также в развивающихся странах Азии и Африки. Величайшие революционные потрясения, борьба за освобождение от колониализма, первые успехи на пути независимого развития молодых государств, распространение начального образования и появление в деревне средств массовой информации — все эти и многие другие аналогичные процессы, несомненно, способствовали расширению кругозора «среднего» афро-азиатского крестьянина, изменению его отношения к обществу и окружающему миру, лучшему пониманию своих интересов, более правильному представлению о действительных друзьях и врагах. И тем не менее некоторые характеристики, данные Ф. Энгельсом крестьянину, не утрачивают своего значения и теперь, так как они помогают более трезвому, реалистичному пониманию тех трудностей, на которые наталкиваются прогрессивные силы, в том числе пролетарские партии и организации, в борьбе за умы и сердца крестьян.

Согласование интересов и тем более единство действий пролетариата и крестьянства объективно осложняются по двум причинам. Во-первых, сказываются особенности положения всего крестьянства. Как отмечал В. И. Ленин, «...крестьяне не объединены вместе крупными предприятиями, а раздроблены мелким, обособленным хозяйничаньем. Крестьяне не видят перед собой такого открытого, явного, единого врага, как рабочие — капиталиста. Крестьяне сами отчасти хозяева и собственники; поэтому они всегда тянутся за буржуазией, хотят подражать ей, мечтают о развитии и укреплении своей мелкой соб-

ственности, а не об общей борьбе рабочего класса с классом капиталистов»¹⁵.

Во-вторых, проблема установления союза пролетариата с крестьянством чрезвычайно сложна еще и потому, что для ее решения необходимы точный учет и правильный анализ всей совокупности интересов потенциального союзника, ибо они становятся все более неоднородными и противоречивыми по мере развития капиталистических отношений, под воздействием «зеленой революции» и аграрных реформ.

В самом деле, в деревне произошли важные социальные сдвиги (хотя, разумеется, различные по глубине в разных странах). Они не могли не сказаться на расстановке политических сил. Имущественная и классовая дифференциация наложила глубокий отпечаток на крестьянство, верхние и средние слои которого теперь уже нередко выступают совместно с крупными землевладельцами и другими деревенскими богатеями. Причем в условиях существования пережитков кастовости, родо-племенного и кланового патернализма деревенской верхушке подчас удается вести за собой и часть мелкого крестьянства, столкнуть его с наиболее пауперизированными и пролетаризированными слоями сельских трудящихся¹⁶.

Это вовсе не значит, что уже нет больше тех требований, в реализации которых заинтересовано все крестьянство. В частности, оно заинтересовано в ликвидации или хотя бы ослаблении торгово-ростовщического прессы и в государственной помощи. Сокращающиеся интересы могут служить базой для совместных выступлений по тем или иным вопросам различных социально-классовых сил деревни и даже для создания своего рода объединенных всекрестьянских фронтов. (Речь идет здесь не о кастовой и иного вида традиционной солидарности — это предмет особого разговора.) И тем не менее все более отчетливой становится тенденция выдвижения специфических требований, с одной стороны, неимущими и малоимущими слоями деревни, а с другой — богатыми крестьянами (кулаками), нередко выступающими в качестве своеобразного центра политического притяжения для всей массы мелких товаропроизводителей. Хотя в ряде стран общекрестьянские движения еще имеют место, на поверхность политической жизни их обычно выводит лишь краткосрочное совпадение интересов по отдельным вопросам, и они очень быстро разделяются на потоки, стремящиеся к достижению разных, подчас взаимоисключающих целей.

Это новая ситуация в деревне стран Востока, и она сама по себе, помимо многих других привходящих факторов, ставит перед компартиями чрезвычайно сложные проблемы. Как представители пролетарского авангарда, коммунисты в первую очередь опираются на сельскохозяйственных рабочих, поддерживают их классовые требования, способствуют их политической организации. В то же время перед коммунистами вырисовывается другая задача — нейтрализовать воздействие собственни-

ческого пласта в социальной психологии множества мелких хозяйствующих крестьян, в той или иной степени приближающихся к сельскохозяйственным рабочим если не по субъективно осознаваемому положению в данный момент, то по объективным тенденциям их социальной трансформации, с тем чтобы вырвать этот самый многочисленный отряд трудящихся из-под влияния деревенской верхушки. Вместе с тем, поскольку еще сохраняются противоречия между всем крестьянством и реакционными проимпериалистическими режимами, западными монополиями, паразитическими, бюрократическими и торгово-ростовщическими прослойками национальной буржуазии, постольку компартии в борьбе с этими врагами сил демократии и прогресса проводят работу по политической мобилизации еще более широких кругов сельского населения (включая в определенной степени и зажиточные слои крестьянства).

Если подходить к перечисленным задачам работы компартий с крестьянством с узкопрагматическими критериями оценок, то они могут показаться «трудносовместимыми». В действительности же они решаются параллельно, так что принципиальное следование линии на защиту интересов трудящихся и оперативный «ответ» со стороны коммунистов на самые острые, самые актуальные вопросы текущей политической работы в деревне не подменяют друг друга. В этом залог успеха в работе коммунистов по превращению трудового крестьянства из потенциального в реального союзника рабочего класса.

Аграрные программы компартий

Практическая работа коммунистов стран Востока среди крестьянства началась в 20-е годы. Приступив к ней, коммунисты сразу же столкнулись с огромными трудностями. С одной стороны, на их пути стояли колониальный репрессивный аппарат и феодально-помещичьи круги, с другой — общественное сознание самого крестьянства тогда еще почти безраздельно определялось ценностями и представлениями, сформировавшимися в условиях традиционного восточного общества, пронизанного вертикальными социальными связями. Это крайне затрудняло классовую солидарность крестьянства, переход его от пассивности к борьбе, восприятие передовых идей, которые несли ему представители партий пролетарского авангарда. Наконец, коммунисты располагали ограниченными возможностями идейно-политического воздействия на многомиллионные крестьянские массы и по другим причинам. Не все коммунистические партии в афро-азиатских странах сравнительно быстро прошли этап своего становления; многие партии в течение длительного времени испытывали трудности роста — были немногочисленны, в социальном отношении состояли в основном из представителей революционной интеллигенции, передовых рабочих и, как

правило, очень незначительного числа политически грамотных крестьян. Все это отрицательно сказывалось на работе компартий в деревне.

Тем не менее уже начальный этап этой работы был отмечен очевидными успехами. В 20—30-е годы были созданы действовавшие под значительным влиянием или прямым руководством коммунистов организации крестьян на Филиппинах, в Индонезии и Бирме. В Индии в 1936 г. был основан Всеиндийский крестьянский союз. В его деятельности участвовали представители почти всех левых идейно-политических течений, но решающую роль в выработке основного программного документа союза — Хартии крестьянских прав, в которой были выражены интересы индийских сельских тружеников, сыграли коммунисты. Повсеместно в своей работе с крестьянством коммунисты в качестве первоочередной руководствовались задачей завоевания политической независимости, и это направление их деятельности, объективно благоприятствовавшее сплочению в единый антиколониалистский фронт подавляющего большинства сельского населения, получало наибольший отклик со стороны крестьян и обеспечивало рост влияния коммунистов в деревне.

В этой связи следует заметить, что на завершающем этапе борьбы за национальное освобождение крестьянство наиболее активнее включалось в нее в тех странах, где раньше началась деятельность коммунистов в деревне, а крестьянское движение приняло относительно организованные формы (Индия, Филиппины, страны Индокитая). Еще более важно, что коммунистам благодаря их политической работе среди крестьян и в союзе с другими леводемократическими силами удалось (хотя в разных странах в разной степени) в момент становления национальной государственности предотвратить спад крестьянской активности, дать толчок перерастанию антиколониальных выступлений крестьян в антифеодальные и даже в известной мере в антибуржуазные (в частности, демократическое движение в Иранском Азербайджане в 40-е годы, восстание в Теленгане, движение «Теххага» в Бенгалии, партизанская борьба хуков на Лусоне).

Однако в дальнейшем, во второй половине 50-х годов и в 60-е годы, наблюдался заметный спад крестьянского движения, сокращение численности и влияния крестьянских организаций, а позиции коммунистов в деревне стран капиталистического пути развития не только не укрепились, но кое-где и ослабли. В каждом конкретном случае виной тому был комплекс причин; но нельзя не признать, что имелась и единая, общая почти всех стран причина — реформистская аграрная политика государства¹⁷.

Будучи в значительной степени реакцией национально-буржуазных кругов на подъем крестьянских выступлений при участии и под руководством коммунистов, аграрные реформы (раз-

личные по глубине и масштабам), несомненно, имели определенное антифеодалное содержание. При этом стабилизирующий политический эффект реформ был значительным потому, что они в той или иной мере отвечали интересам всего крестьянства (например, такие меры, как устранение из сферы земельных отношений прослойки паразитических посредников) и были особо выгодны какой-то одной его части (так, от получения законодательного установленного права на выкуп в собственность арендуемых участков выиграла только верхушка арендаторов). В результате сила и единство крестьянского фронта подрывались сразу двояким образом; с одной стороны, снижался общий накал выступлений крестьянства, поскольку в массе своей оно воспринимало аграрные реформы как шаг по пути удовлетворения его основных требований; с другой — от движения отходили экономически наиболее крепкие, нередко самые организованные группы крестьян, которые больше всех выигрывали от аграрных реформ.

В 50—60-е годы во многих развивающихся странах капиталистического пути развития установились, как известно, авторитарные режимы, которые различными, в том числе и жесточайшими, методами препятствовали легальной работе компартий в деревне. Такое направление политической эволюции сильно ограничило непосредственные контакты и связи коммунистов с сельскими трудящимися, что тормозило процесс выработки и (или) своевременной корректировки стратегии и тактики компартий в аграрно-крестьянском вопросе. В частности, не всегда и не в полном объеме учитывалась назревшая необходимость пересмотра аграрных программ левых партий, их увязки с новой социально-экономической и социально-политической обстановкой в деревне. Негативно сказались и упрощенно-догматическое осмысление отдельными партиями опыта китайской революции, разлад в их рядах, сопровождавшийся расколом руководимых ими крестьянских организаций.

Политические потери компартий в деревне в конце 50-х и особенно в 60-е годы в ряде случаев не возмещены полностью и поныне. Самым тяжелым был удар, нанесенный крестьянскому движению в Индонезии. После разгрома компартии это движение, массовое в период, когда им руководили коммунисты, фактически так и не возродилось. Тем не менее большинство компартий сумело правильно определить основные недостатки своей работы с крестьянством и приступить к их преодолению. С конца 60-х годов, т. е. как раз тогда, когда «зеленая революция» стала заметно усиливать социальное недовольство деревенских низов, происходило уточнение аграрных программ компартий. Опираясь на разработку аграрно-крестьянского вопроса марксистско-ленинской наукой, на опыт социалистических стран, коммунисты в этих программах отражали изменения, вызванные реформами и ускорившимся развитием капитализма в сельском хозяйстве; тем самым аграрные программы компартий

афро-азиатских стран в большей степени, чем прежде, приобрели специфически неповторимые черты в соответствии с конкретно-историческими условиями деятельности каждой партии.

Отпечаток национальной самобытности на аграрных программах не мешает, однако, выделению общих принципиальных положений, свойственных большинству программ. В целом они сводятся к следующему:

- конфискация иностранной и местной крупной частной земельной собственности и ее передача (бесплатно или за умеренную плату) малоземельным и безземельным крестьянам, в первую очередь арендаторам и сельскохозяйственным рабочим; переход к государству корпоративной земельной собственности иностранных и национальных компаний и организация на ее основе крупных госхозов;

- законодательное запрещение и практическое искоренение всех видов полуфеодальной эксплуатации (долговое рабство, принудительный труд, грабительская рента), сословно-кастовых привилегий и вытекающего из них статусного и гражданского неравноправия некоторых отрядов сельских трудящихся, прежде всего сельскохозяйственных рабочих;

- освоение силами государства — там, где это возможно, — новых земель и передача их крестьянам; всемерное расширение сети ирригационных и почвозащитных сооружений, оказание государством широкой финансовой и агротехнической помощи крестьянам;

- установление таких цен на сельскохозяйственную продукцию, которые позволили бы крестьянам возмещать издержки производства и получать доход, обеспечивающий удовлетворение их минимальных потребностей, а также создающий предпосылки для расширенного воспроизводства;

- национализация оптовой торговли основными видами продовольствия и установление действенного контроля над розничной торговлей с целью вытеснения из сферы обращения многочисленных посредников, искусственно снижающих закупочные цены в деревне, или, по меньшей мере, ограничения деятельности этих посредников;

- систематическое повышение уровня реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих, охват рабочих современным трудовым законодательством и системой социального страхования;

- осуществление электрификации деревень, строительство в них школ, больниц и прочие мероприятия, повышающие одновременно занятость и культурно-образовательный уровень сельского населения и улучшающие его бытовые условия;

- постепенное кооперирование непосредственных производителей в сельском хозяйстве путем создания объединений всех видов — кредитно-сбытовых, снабженческих и производственных — при оказании им финансовой и организационно-технической помощи со стороны государства¹⁸.

Наконец, выдвигая развернутые программы аграрных преобразований, коммунисты придают особое значение широкому участию самих крестьян в осуществлении этих преобразований. Программы включают положения о необходимости создания профессиональных и классовых организаций в деревне (в том числе сельскохозяйственных рабочих), местных комитетов для контроля за проведением реформы, составленных из тех, кто непосредственно заинтересован в их реализации, требования о введении ограничений на членство в кооперативах (чтобы не допустить установления контроля над ними кулаков и представителей торгово-ростовщических кругов)¹⁹. Коммунисты в данном случае учитывают опыт проведения аграрных реформ в ряде развивающихся стран Азии и Африки, показавший, что если сами крестьяне не противостоят саботажу, активному и пассивному сопротивлению эксплуататорской верхушки деревни и связанному с нею чиновничьему аппарату, то даже установленные в законодательном порядке меры осуществляются крайне медленно, не полностью, а порой превращаются в свою противоположность и обращаются против тех, кому теоретически должны были помочь.

Анализ основных положений аграрных программ, принятых или пересмотренных в 70—80-е годы, позволяет выделить ряд принципиально важных моментов. Во-первых, в стратегии и тактике компартий при сохранении преемственности в предыдущие десятилетия произошла смена акцентов. Если раньше стержнем программ была мобилизация крестьян на борьбу за землю, то теперь намечаемые меры как бы идут по трем равноценным по значимости направлениям: организация борьбы безземельных за землю; поддержка выступлений крестьян, направленных на улучшение условий хозяйственного воспроизводства; меры по защите интересов сельскохозяйственных рабочих²⁰. Каждое из этих направлений может на определенный срок стать господствующим в практической работе коммунистов в деревне — но только в зависимости от конкретной ситуации и необязательно в масштабах страны.

Одновременная работа по трем направлениям является логическим следствием установки на овладение политическим руководством постепенно и стихийно разделяющимися потоками крестьянского движения — собственно крестьянским и пролетарским. Такая установка, во-первых, не исключает возможность создания единого фронта всех отрядов крестьянства для решения политическими средствами какого-либо важного конкретного вопроса. Но выдвижение лозунга о перераспределении земель в настоящий момент уже не рассматривается как нечто безусловно обязательное, поскольку в условиях обостряющегося аграрного перенаселения, характерного для большинства развивающихся стран Востока и ставящего объективные пределы экономической и социальной целесообразности осуществления перераспределительной политики, этот лозунг

встречает сдержанный, а то и враждебный отклик у среднего, а также у части мелкого хозяйствующего крестьянства.

Во-вторых, в аграрных программах компартий значительно усилилась антикапиталистическая направленность. Антифеодалным мероприятиям, несомненно, отводится важная роль (прежде всего вопросу о ликвидации рентной и кабальной эксплуатации значительной части трудящихся деревни), но и они связываются с мерами, нацеленными на защиту интересов непосредственных производителей в той специфической социально-экономической ситуации, которая отличается не просто соединением капиталистических форм эксплуатации с докапиталистическими, но также постепенным функциональным подчинением вторых первым. Кроме того, в программах ряда партий в качестве важной выдвигается задача борьбы с проникновением национальных монополий и ТНК в сельское хозяйство²¹.

В-третьих, коммунисты, как видим, не ограничиваются постановкой конкретных целей работы в деревне; они всемерно стремятся к организационно-политической мобилизации самого трудового крестьянства на борьбу за проведение в жизнь программы радикальных аграрных преобразований. Усилия коммунистов по развитию крестьянской инициативы, политической активности и исторической самодетельности крестьянских масс объективно ускоряют превращение сельских трудящихся в союзников рабочего класса, в участников общедемократического движения, ибо переход крестьянства, особенно его многочисленных угнетаемых и пауперизированных групп, к активному историческому творчеству тем скорее и необратимее, чем теснее он связан с процессом установления политического союза с пролетариатом и другими прогрессивными силами общества, и, в свою очередь, гарантирует действенность такого союза.

В-четвертых, аграрные программы компартий сейчас отличается четкое соотношение всего комплекса предлагаемых мероприятий социального характера со стоящими перед обществом в целом задачами национального развития как в экономической, так и в политической области. Коммунисты не упускают из виду экономических задач, в первую очередь необходимость решения продовольственной проблемы. Они исходят при этом из того, что их программа преобразований, даже если она на какое-то время приведет к сокращению выхода товарной сельскохозяйственной продукции вследствие роста потребления многочисленных групп трудящихся деревни, у которых ныне изымается часть необходимого продукта, имеет прежде всего важное политическое преимущество. В случае ее выполнения будет нанесен сильнейший удар по крупным землевладельцам и кулачеству, входящим в альянс консервативных либо просто реакционных сил. В конечном счете реализация выдвигаемой коммунистами программы аграрных преобразований будет способствовать повышению эффективности действия национального хозяйственного механизма.

«Объявляя увеличение сельскохозяйственного производства важнейшей национальной задачей,— подчеркивает В. Г. Растьяников,— коммунисты видят ее решение в коренной переориентации всей политики государства, касающейся воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве, с поддержки узкой, верхней, обуржуазившейся группы деревенских богачей на поддержку главной массы крестьянских хозяйств, на обеспечение условий для ее экономического подъема. Крестьянское хозяйство, и прежде всего хозяйство трудящихся крестьян, должно стать основным агентом экономического роста в сельском хозяйстве — именно такое содержание несут в себе основные требования нынешних аграрных программ компартий по данному кругу вопросов»²². С такой оценкой нельзя не согласиться. Добавим только, что курс коммунистов на демократизацию аграрных отношений предполагает также усиление общественных функций государственно-кооперативной собственности в аграрном секторе, превращение ее в экономическую основу такого регулирования социальных процессов, которое послужило бы важным средством приостановки как массовой пауперизации сельских трудящихся, так и управления механизмом формирования мелкой сельской буржуазии.

Отражая специфические и в чем-то преходящие черты аграрной действительности 70—80-х годов, изменения и уточнения, внесенные в аграрные программы компартий, ни в коей мере не обесценили значения этих программ как надежных ориентиров в организационно-политической работе с крестьянством, рассчитанной на длительную перспективу. Более того, в некоторых странах Востока не только сохранилось, но стало еще более осязаемым проявившееся на первом, антифеодальном этапе аграрных реформ воздействие на политическое сознание правящих групп сформировавшейся в русле самого передового общественного мировоззрения и пропагандируемой коммунистами системы представлений о необходимых социально-экономических предпосылках роста производительных сил в сельском хозяйстве и о путях преобразования социальных отношений в деревне.

Следы этого влияния нетрудно заметить. Выше отмечалось, что одной из характерных особенностей аграрных программ компартий развивающихся стран Востока является первостепенное внимание, уделяемое в них мероприятиям по усилению социально-политической роли наиболее эксплуатируемых, раздробленных, социально изолированных слоев крестьянства. В свою очередь, в качестве одной из важнейших ставится задача создания и укрепления профессиональных организаций сельского пролетариата и предпролетариата. И вот мы видим, как в Индии буржуазное государство принимает программу по организации сельскохозяйственных рабочих, цель которой состоит в том, чтобы «разъяснить рабочим их права и обязанности... помочь им создать кооперативы, профсоюзы и другие наиболее

подходящие для них формы организации»²³. Поступая таким образом, правящие группы исходят, конечно, из собственного политического опыта, убеждающего их в том, что без активной поддержки трудящихся невозможно обуздать корыстные устремления деревенской верхушки, препятствующие укреплению устойчивости системы капиталистических производственных отношений в целом. Но какому средству политической активизации сельскохозяйственных рабочих отдается предпочтение? Их профессиональным организациям (разумеется, тщательно «опекаемым» государством). Несомненно, на такой выбор повлияли аграрная программа и опыт практической работы в деревне индийских коммунистов.

Приведем другой наглядный пример. На II и III съездах Коммунистической партии Бангладеш была дана всесторонняя оценка социально-экономической эволюции бангладешской деревни в 60—70-е годы. Отмечалось, что в аграрной системе страны еще сохраняются остатки феодальных форм эксплуатации, прежде всего издольщина и ростовщичество, образующие серьезное препятствие на пути увеличения сельскохозяйственного производства²⁴. В то же время 70-е годы характеризовались, с одной стороны, быстрым ростом населения (2,5% в год) при крайней ограниченности возможностей расширения пахотного фонда, с другой — переходом все большего числа крупных по масштабам этой страны хозяйств к капиталистическому предпринимательству, к широкому использованию машинной техники (что ставит жесткие пределы возможностям получения работы по найму в сельском хозяйстве) и концентрацией все большей земельной площади в руках тонкой прослойки зажиточных хозяев (в конце 70-х годов семьи, имевшие участки размером более 6 га, составляя всего 0,8% общего числа земледельческих хозяйств, владели 11,3% всей обрабатываемой площади). В результате, как было сказано в политической резолюции III съезда КПБ, обнищание и обезземеление крестьянства приняли угрожающие размеры: 57% сельских семей — это живущие в крайней нищете безземельные крестьяне и сельскохозяйственные рабочие; около 6 млн. проживающих в сельской местности лиц не имеют даже жилья.

С учетом конкретных реалий II съезд КПБ наметил, а III — скорректировал главные направления аграрной политики партии. Во-первых, был определен магистральный путь подъема сельского хозяйства и демократического решения аграрного вопроса: всемерное развитие системы сельскохозяйственной кооперации, подрыв могущества эксплуататорской прослойки в деревне, обеспечение насущных интересов мелких и средних хозяев и сельскохозяйственных рабочих. Во-вторых, была подчеркнута настоятельная необходимость активизации партийной работы в деревне. В-третьих, определены конкретные задачи коммунистов в такой работе: повышение доли арендаторов до $\frac{3}{4}$ урожая и законодательная защита прав издольщиков; сокра-

шение максимума землевладения с 13,4 до 6,7 га на землях с одним урожаем в году и до 4 га — на землях, дающих два урожая в год; обеспечение справедливых и гарантированных цен на сельскохозяйственную продукцию и предоставление владельцам маломощных хозяйств займов на льготных условиях; осуществление мер по установлению минимума заработной платы сельскохозяйственным рабочим и т. д.

Разработанный КПБ курс не только встретил поддержку среди крестьянства, но и получил широкий отклик в стране. Поэтому, когда в 1983 г. под давлением хронического кризиса сельскохозяйственного производства и роста социальной напряженности в деревне правительство учредило специальный комитет по аграрной реформе, то последний в числе других рассмотрел также предложения коммунистов по аграрному вопросу. Представленные в дальнейшем этим комитетом на утверждение властей рекомендации содержат такие пункты, как снижение потолка землевладения до 8 га и сохранение за издольщиками 5-летнего срока пользования земельными участками. Совершенно очевидно, что эти рекомендации — в урезанном, правда, виде — повторяют некоторые предложения КПБ. Следовательно, общенациональное значение аграрного курса коммунистов волей-неволей признается даже сторонниками буржуазного реформизма.

Рассмотрим теперь, как в 70—80-е годы разворачивалась деятельность коммунистов по каждому из трех выделенных нами в аграрных программах компартий основных направлений работы: организация борьбы крестьян за землю; поддержка выступлений крестьян, направленных на улучшение условий хозяйственного воспроизводства; специальные усилия по защите интересов сельскохозяйственных рабочих.

Организация борьбы за землю

Конкретные формы борьбы крестьян за землю во многом определяются особенностями земельных отношений в разных странах. Поэтому в аграрной практике компартий на первый план могут выдвигаться весьма своеобразные задачи. В начале 80-х годов марокканские коммунисты, например, приложили значительные усилия к тому, чтобы помочь крестьянству плен отстоять земли, находящиеся в коллективном владении и пользовании, предотвратить попытки их захвата племенной верхушкой, которая, трансформируясь в одну из фракций класса крупных землевладельцев предпринимательского типа, стремилась превратить их в частную собственность²⁵. В этой ситуации борьба за землю позволяет коммунистам в ходе их работы с группами крестьянства, сохранившими наиболее архаичную социальную структуру, как бы перекинуть мостик от традиционных коллективистских ценностей к новым, пропагандируемым

коммунистами, представлениям о совместном труде на общественной земле как конечной цели борьбы за освобождение крестьян от всех видов эксплуатации. Рассматриваемая ситуация характерна не только для Марокко; но в этой стране в отличие от других, где сохранились остатки племенного землевладения (Индия, Индонезия, Филиппины), все еще существуют обширные массивы общинных земель, поэтому борьба против обуржуазивающейся племенной верхушки может стать одним из главных направлений работы коммунистов в деревне. Однако в масштабах всего аграрного пространства развивающихся стран Востока преобладают иного рода крестьянские выступления, в которых (при всем их разнообразии по составу участников и содержанию требований) могут быть выделены (разумеется, с определенной долей условности) два основных типа.

В одном случае борьба разворачивается за получение права на земельную собственность, причем основными противниками выступают арендаторы и крупные землевладельцы. Для этого типа аграрных движений характерны, в свою очередь, три варианта требований, причем нередко эти варианты принимают вид сменяющих друг друга этапов борьбы. Первый вариант (этап) — законодательная защита прав арендаторов, формальное признание факта аренды государственными органами, регулируемыми земельные отношения, и соответственно запрещение произвольного сгона арендаторов. Второй вариант (этап) — переход от видов арендного договора, обеспечивающих жесткую рентную эксплуатацию арендаторов (докапиталистическая мелкая издольная аренда), к новым видам, вводящим эту эксплуатацию в «законные» буржуазные рамки (фиксированная арендная плата) или хотя бы уменьшающим величину отчуждаемого традиционным способом продукта до таких размеров, которые не грозят основам хозяйственного воспроизводства арендаторов (повышение их доли при издольщине). Наконец, третий этап — это переход в собственность арендаторов (за выкуп или безвозмездно) обрабатываемых ими участков.

Другой тип земельных движений — это борьба непосредственно за землю. Она включает два варианта, которые при известных условиях также могут соотноситься как два ее последовательных этапа. Первый вариант (этап) характеризуется в основном действиями крестьян по освоению неиспользуемых в сельском хозяйстве земель, находящихся в государственной или корпоративной собственности; второй — выступлениями, целью которых является перераспределение в пользу деревенских низов частной земельной собственности²⁶.

Нетрудно заметить, что в предложенной нами классификации движений за землю внутренние подразделения выстроены по принципу нарастания радикальных требований сельских трудящихся. В то время как превращение арендаторов в соб-

ственников (как итог земельной борьбы первого типа) представляет собой важный шаг на пути разрушения докапиталистических аграрных структур, но редко обретает более широкое социальное значение, борьба за перераспределение земли обращена своим острием против *стадиально любого* типа концентрации земли (полуфеодальное землевладение помещика-абсентеиста; капиталистическое землевладение помещика-предпринимателя либо землевладение, образующее материальную основу становления кулачества). Следовательно, движение за перераспределение земли выступает как орудие и антифеодальной, и антикапиталистической борьбы сельских трудящихся. Но, пользуясь этим орудием в специфических условиях острого аграрного перенаселения, приходится внимательно следить за тем, чтобы не напугать массу мелких собственников призраком общего уравнительного земельного передела. Поэтому, помня о принципиальном значении борьбы за землю в ее самом радикальном, самом последовательном варианте (передача всех земельных излишков безземельным с их последующим кооперированием), коммунисты стремятся максимально учитывать сложное переплетение земельных интересов различных отрядов крестьян и *делать акцент* на таких вариантах борьбы за землю, которые *в данный конкретный момент* придают движению массовость и в то же время не приводят к возникновению и нарастанию противоречий между задачей мобилизации масс на борьбу за землю и двумя другими направлениями работы коммунистов в деревне.

Так, Коммунистическая партия Индии постоянно сохраняет в своем арсенале лозунг изъятия и распределения *всех* земельных излишков, но в то же время в качестве *первоочередной* цели выдвигает распределение между безземельными землей трех следующих категорий: а) еще удерживаемых в обход или в нарушение законов крупнейшими собственниками из числа бывших заминдаров, б) попавших в руки представителей крупного монополистического капитала и в) принадлежащих государству²⁷. Как видим, объектами борьбы становятся земли, принадлежащие различным типам владельцев (полуфеодальное землевладение, крупная частнокапиталистическая и корпоративная собственность, государственный земельный фонд). Но поскольку все эти владельцы находятся за пределами собственно деревенской социальной структуры, движение за распределение их собственности, отвечая полностью интересам неимущих, в то же время позволяет как минимум политически нейтрализовать мелких и средних собственников.

Наряду с проведенной возможна и другая классификация выступлений за землю, еще более важная с точки зрения деятельности коммунистов на этом направлении их работы с крестьянством. Имеется в виду следующее. Борьбу за землю можно вести в законодательных рамках, установленных государством с целью регулирования земельных отношений. Но она

же может создавать то направленное снизу вверх давление в виде нарастающей волны аграрных социальных конфликтов, которое наряду с чисто экономическими причинами вынуждает правящие круги принимать законы об аренде и о «потолке» землевладения. В обоих случаях политика компартий воплощается в действия по организации крестьян (чем повышается эффективность борьбы самих крестьян) и по обеспечению громкого общественного резонанса крестьянским выступлениями. В свою очередь, действия и первого и второго вида в зависимости от конкретной политической ситуации в стране носят характер выражения и защиты крестьянских интересов законодательно предусмотренными средствами, средствами, нарушающими буржуазный правопорядок, и, наконец, сочетанием средств того и другого рода.

В 50—60-е годы в подавляющем большинстве развивающихся стран Востока уже существовало законодательство, предусматривавшее реформу арендных отношений и частичное перераспределение крупной земельной собственности. Следовательно, независимо от того, как велик был разрыв между аграрным законотворчеством и законоисполнением, и от стремления господствующих классов с помощью репрессивного аппарата государства и консервативно настроенных деревенских властей изолировать крестьян от коммунистов, работа компартий по организации борьбы за землю и сама эта борьба получали легальное основание и в известной степени могли опираться на авторитет центральной законодательной власти. Правда, при этом движение ставилось в заранее очерченные границы; но тактика коммунистов как раз и состояла в том, чтобы, отталкиваясь от законов, самой логикой процесса их реализации воспитывать в крестьянах понимание ограниченности этих законов, а в конечном счете ограниченности политики аграрного реформизма в целом. Одновременно решалась двуединая задача: провести законы в жизнь, извлечь из аграрных реформ все, что хоть в какой-то мере улучшает положение трудового крестьянства; и побудить правительство предпринять новые, более выгодные сельским трудящимся меры по социальному регулированию в деревне, т. е., закрепив завоеванное, продвигнуться вперед и превратить тем самым политическую активность трудового крестьянства в постоянно действующее и постоянно увеличивающее силу своего воздействия средство демократической корректировки государственной аграрной политики.

Коммунисты придерживались такой тактики и тогда, когда в фокусе борьбы оказывался вопрос о наделении арендаторов землевладельческими правами, и тогда, когда на первый план выходил вопрос об отчуждении и распределении земельных излишков крупных собственников среди неимущих крестьян. В первом случае показателен опыт филиппинских коммунистов, во втором — индийских.

В 1963 г. на Филиппинах был принят Кодекс о реформе на сельскохозяйственных землях. Центральное место в нем занимало положение о предоставлении арендаторам права перехода на фиксированную ренту. Правда, оно должно было осуществляться постепенно, путем последовательного «очищения» от издольщины сначала одного района, потом другого, третьего и т. д. В то же время предусмотренный в этом Кодексе принудительный выкуп помещичьих земель государством в пользу крестьян мог производиться лишь в том случае, если не менее одной трети арендаторов данного землевладельца представляли письменное прошение о выкупе. Таким образом, по существу, единственным реальным источником наделения крестьян землей оставался государственный земельный фонд в отдаленных районах страны²⁸.

Несмотря на крайний консерватизм Кодекса в том, что касалось земельной собственности, он имел, бесспорно, положительное значение. Во-первых, он ясно показал крупным помещикам, владевшим латифундиями в сотни и тысячи гектаров, что правительство вступило на путь аграрного реформизма и, значит, наряду с давлением снизу, которое в годы партизанской войны хуков поставило под вопрос собственность и власть помещиков, начинается давление сверху, подталкивающее землевладельцев на уступки крестьянам. Во-вторых, сколь бы ограниченными ни были на деле в условиях филиппинской деревни преимущества, предоставляемые фиксированной рентой, они все-таки имелись, и часть крестьян их получила. В-третьих, и это, быть может, самое важное, крестьянам предоставлялась возможность формально-правовой защиты своих интересов: они могли создавать собственные профессиональные организации, а также обращаться в специальный Земельный суд, если помещики препятствовали переходу арендаторов на фиксированную ренту.

Защита отдельного арендатора по закону могла быть осуществлена на деле лишь при условии, что ей и предшествовала, и сопутствовала солидарность всех крестьян данной местности. Для обеспечения же солидарности нужна была организация. Именно поэтому компартия, будучи запрещенной, прилагала тем не менее усилия для создания легальной классовой организации крестьян. И она появилась в 1963 г. под названием МАСАКА (Свободный союз крестьян). Важнейшим направлением ее деятельности была — по крайней мере до раскола в 1967—1968 гг. КПФ и примыкавших к ней рабочих и крестьянских организаций — борьба за претворение в жизнь положений Кодекса о реформе на сельскохозяйственных землях²⁹.

Создание МАСАКА и других организаций сельских труженников привело к активизации крестьянского движения. Росту социальной напряженности в филиппинской деревне содействовала также начавшаяся во второй половине 60-х годов «зеленая революция». Патерналистские связи между помещиками и из-

дольщиками, основательно ослабленные в предыдущие десятилетия, были окончательно разорваны; обращения арендаторов в земельные суды с исками к помещикам участились, происходили столкновения с применением насилия с обеих сторон. Наряду с другими причинами волна аграрных конфликтов, поднимающаяся все выше, побудила правительство Ф. Маркоса принять в 1972 г. новый Закон о реформе, отличавшийся от Кодекса 1963 г. тем, что на этот раз главной целью провозглашалась передача всем издольщикам за выкуп прав на владение земель.

Таким образом, Коммунистическая партия Филиппин, создав классовую крестьянскую организацию и направляя с ее помощью крестьян на борьбу за обеспечение предоставленных им по закону прав, способствовала (разумеется, в той мере, в какой позволяло влияние МАСАКА, ограниченное главным образом пределами провинций Тарлак и Пампанга на Лусоне) улучшению положения хотя бы части сельских тружеников и повышению эффективности давления масс на правительство с целью радикализации аграрного законодательства³⁰. На этой основе КПФ в определенных пределах смогла восстановить свое влияние в деревне. К сожалению, как увидим ниже, закрепить и расширить этот успех на новом этапе аграрных реформ КПФ не удалось.

В Индии на протяжении 50—60-х годов во всех штатах были приняты законы о максимуме землевладения. Но все они оказались крайне несовершенными: максимально допустимый размер земельной собственности во многих случаях был установлен на неоправданно высоком уровне; предусматривалось много выгодных крупным собственникам изъятий из сферы действия законов; потенциальные получатели земли к процессу реализации законов не привлекались. Неудивительно, что практический эффект мер по перераспределению земли оказался ничтожным — на конец 1969 г., по официальным данным, безземельные по всей Индии получили лишь немногим более 400 тыс. га излишков³¹.

В 1970 г. Коммунистическая партия Индии провела кампанию по захвату подлежащих в соответствии с законом распределению земельных излишков крупных собственников (бывших князей, монополистов, высших административных чинов). Занятие участков было по преимуществу символическим, т. е. на них устанавливался красный флаг, но потом этот акт обычно не сопровождался какими-либо реальными мерами по утверждению безземельных на отмеченных флагом землях³². Это обстоятельство, однако, не противоречило основной задаче кампании КПИ — с одной стороны, всколыхнуть массу деревенской бедноты, показать ей, что у нее есть предусмотренное законом право на землю, а также политический союзник, который поможет это право отстаивать, с другой — довести до сведения индийской общественности и напомнить правящим кругам, что за-

конодательство о «потолке» землевладения остается на бумаге и низы деревни не будут в дальнейшем с этим мириться.

КПИ в основном достигла намеченных целей. В прокатившихся по стране действиях по захвату участков приняло участие около 1,5 млн. человек. Было наглядно продемонстрировано и народу, и властям, что не работа бюрократического аппарата государства, а организованное движение масс сельских трудящихся является подлинной гарантией осуществления любого, даже умеренного по содержанию аграрного законодательства³³. Кампания, несомненно, повлияла на политику правящей партии Индийский национальный конгресс в аграрном вопросе, что в немалой степени было обусловлено тактически удачным выбором коммунистами момента для проведения кампании по захвату земельных излишков.

Действительно, на рубеже 60—70-х годов И. Ганди и поддерживавшие ее политические деятели в ходе острого столкновения с правыми конгрессистами апеллировали к массам индийских избирателей, выдвинув программу новых социально-экономических преобразований. В такой обстановке необходимость внести радикальные изменения в аграрное законодательство, подкрепленная кампанией по занятию земельных излишков, не могла остаться без внимания. Центральное правительство разработало примерный образец нового закона, главным в котором было снижение «потолка» земельной собственности и сокращение числа изъятий из его действия, оно оказало давление на правительства штатов, с тем чтобы соответствующие акты на местах были приняты как можно быстрее. В результате в начале 70-х годов почти по всей территории Индии были введены в действие новые законы об отчуждении и распределении земельных излишков.

Однако реализация и этих законов проходила медленно и неравномерно. В первое время после введения в стране в июне 1975 г. чрезвычайного положения она осуществлялась быстрыми темпами, а затем замедлилась. При правительстве Джаната партии распределение участков в ряде крупных штатов совсем прекратилось, а во многих районах крупные собственники перешли в контрнаступление, отбирая силой выделенные ранее бедноте земельные участки. С возвращением к власти правительства И. Ганди распределение излишков возобновилось, но не такими темпами и не в таких масштабах, как в середине 70-х годов. В конечном счете спустя десять лет после пересмотра максимумов землевладения, т. е. на конец 1983 г., из общей площади излишков, равной, согласно официальной оценке, 8,7 млн. га, государством было отчуждено всего 1,7 млн. га, а распределено среди безземельных и того меньше — 810 тыс. га³⁴.

Медленное, непоследовательное претворение в жизнь земельного законодательства обусловлено было не только ожесточенным сопротивлением кулацко-помещичьей верхушки. Закон

оказался бессильным еще и потому, что его исполнение, как и в 60-е годы, не опиралось на массовые действия неимущих крестьян и, несмотря на предусмотренное реформой создание выборных крестьянских комитетов по реформе, оставалось прерогативой государственно-административного аппарата, многие звенья которого оказались недееспособными из-за бюрократической неповоротливости, коррумпированности персонала, классовой солидарности чиновников — выходцев из кулацких семей с «жертвами» аграрного реформизма.

810 тыс. га... Как ни скромна эта цифра, она вдвое больше аналогичного показателя для 60-х годов. И в том, что это удвоение произошло, безусловно, заслуга индийских коммунистов. Сначала они сделали вклад в совокупность событий, подготовивших «ревизию» земельного максимума, затем приложили усилия к тому, чтобы превратить деревенские низы из бессильных клиентов государства, пассивно ожидавших, достанутся ли им крохи от благоденствий патрона, в активную политическую силу, для которой закон высшего государственного органа важен как общественная санкция на самостоятельные действия по обеспечению своих интересов. Конечно, говорить о том, что такое превращение произошло в массовых масштабах, еще рано. Но по крайней мере в аграрных районах, давно «освоенных» индийскими коммунистами, процесс реализации законодательства о максимуме землевладения зависит от возглавляемого ими движения неимущего крестьянства.

Во второй половине 70-х — начале 80-х годов индийские коммунисты, сохранив в качестве одного из важнейших средств борьбы кампании по захвату излишков, изменили способы их проведения, наполнили новым содержанием. Теперь занятие участков стало уже не символическим актом: на них семья, которой отходит земля, быстро сооружает жилище. Кроме того, коммунисты помогают таким семьям получить документы на владение участком, привлекают внимание печати, властей округа или штата к случаям насильственного сгона полицией или наемными бандами землевладельцев лиц, получивших излишки, организуют в необходимых случаях пикетирование крестьянами правительственных учреждений, марши протеста и т. д. По существу, коммунисты стремятся превратить кампанию по захвату земли из *разового агитационно-политического мероприятия в одну из главных форм систематической организационно-воспитательной работы партии в деревне*. Политическое значение этих кампаний усиливается еще и потому, что в ходе их проведения отмечена тенденция к установлению сотрудничества КПИ и КПИ (м) (так было, например, в Андхра-Прадеш во время февральско-мартовской кампании 1979 г.)³⁵.

Еще большее общественное значение, чем кампании по занятию земельных излишков, имела деятельность КПИ и КПИ(м), когда в процессе работы в деревне они выступали в качестве единой политической силы леводемократических коа-

лиций, приходивших к власти в некоторых штатах (Керала, Западная Бенгалия, Трипура). Опыт индийских коммунистов в этом отношении уникален для развивающихся стран Востока и потому заслуживает специального рассмотрения.

В соответствии с Законом об аграрной реформе, принятым в 1969 г. в Керале, правительство, возглавляемое представителем КПИ А. Меноном, сохранило право владения землей только за теми, кто ее обрабатывает. Одновременно были установлены максимальные пределы землевладения и создан эффективный механизм распределения излишков земель между безземельными крестьянами и сельскохозяйственными рабочими. Крупная категория сельскохозяйственных рабочих и сельских ремесленников, проживавших в жилищах, построенных на чужой земле (так называемые кудикидаппукары), получили в собственность участки земли под жилье³⁶. Были предприняты и другие шаги по улучшению положения обездоленных слоев деревни: в 1975 г. запрещена долговая кабала, объявлен мораторий на долги деревенской бедноты, а с 1977 г. отменены вообще все долги крестьян, ремесленников, безземельных сельскохозяйственных рабочих с годовым доходом, не превышающим 2400 рупий. Законом запрещалось рассмотрение в судах каких-либо претензий по этим вопросам³⁷.

В деятельности по улучшению положения бедных и беднейших слоев деревни правительства Кералы, возглавляемые коммунистами, смогли добиться значительных успехов. Так, к ноябрю 1980 г. из 3641 тыс. арендаторов, подавших заявления о желании получить землю в собственность, 2452 тыс., среди которых 970 тыс. были полностью безземельными, получили соответствующие документы на право владения землей. Из 438 тыс. кудикидаппукаров 268 тыс. получили участки под жилье. Для беднейших слоев населения был разработан и осуществлен план строительства 100 тыс. домов, причем в основном за счет ресурсов штата³⁸.

Мероприятия, проведенные леворадикальными правительствами во главе с коммунистами, несомненно, способствовали улучшению положения низов деревенского общества, уменьшению имущественного и социального неравенства. Кроме того, одним из важных итогов деятельности леводемократических правительств в Керале было определенное приобщение сельских трудящихся к участию в процессе общественных преобразований. В штате появилось большое число совещательных народных комитетов по земельной реформе, в задачу которых входило знакомить общественность с принципами и преимуществами нового аграрного законодательства, содействовать скорейшему разрешению (без судов) спорных вопросов между собственниками, с одной стороны, арендаторами и кудикидаппукарами — с другой, доводить до сведения властей любые случаи невыполнения или искажения законов о реформе. Наряду со 150 земельными судами эти народные комитеты, в ко-

торых были широко представлены демократические силы, сыграли существенную роль в энергичном и успешном проведении земельной реформы, в привлечении охваченных ею лиц к участию в массовых демонстрациях и митингах, в создании атмосферы народного энтузиазма, которая сама по себе явилась сильным средством в борьбе с противниками реформы³⁹.

Во время пребывания в 1967 и 1969—1970 гг. у власти в Западной Бенгалии правительства с участием коммунистов (ведущее положение в них занимала КПИ(м)) здесь были осуществлены меры, направленные на улучшение положения деревенской бедноты. Было выявлено около 200 тыс. га земель сверх установленного предела земельных владений (для сравнения укажем, что за предыдущие 12 лет правительству ИНК удалось получить в свое распоряжение лишь 120 тыс. га)⁴⁰. Среди бедняков было распределено до 125 тыс. га земель, принадлежавших ранее владельцам частных плантаций и государству. Был принят закон, запрещающий сгонять издольщиков с обрабатываемых ими участков, отменены налоги с земельных владений площадью менее 3 акров (1,2 га) и т. д.⁴¹.

Образованное после выборов 1977 г. новое правительство левых сил опять во главе с КПИ(м) сосредоточило главное внимание на реализации мероприятий в интересах беднейших слоев деревни, особенно сельскохозяйственных рабочих и издольщиков. В проведении линии на защиту интересов бедного и беднейшего крестьянства правительство считало важным сотрудничество со средним крестьянством. Более того, провозглашенная им политика предусматривала осуществление мер по нейтрализации части зажиточного крестьянства с таким расчетом, чтобы полностью изолировать помещиков. Этот курс учитывал уроки деятельности двух первых леводемократических правительств в Западной Бенгалии, когда противопоставление интересов бедноты и среднего крестьянства создавало большие трудности для правительств и в конечном счете ускорило их падение.

Одним из крупных мероприятий, проведенных нынешним леводемократическим правительством Западной Бенгалии, явилась «операция барга» — выявление и регистрация издольщиков (баргадаров). В ходе ее правительство встретилось с сопротивлением землевладельцев, которые препятствовали регистрации издольщиков, поскольку она закрепляла за последними право постоянной обработки земли и тем самым ограничивала возможности сгона баргадаров с обрабатываемых участков. К концу 1982 г., т. е. за 6 лет деятельности правительства, было зарегистрировано более 1200 тыс. издольщиков, в том числе 700 тыс. принадлежавших к «списочным» кастам и племенам, т. е. наиболее обездоленным слоям населения. Для сравнения укажем, что за 30 предыдущих лет число зарегистрированных издольщиков составило лишь 275 тыс. человек⁴².

Правительством, возглавляемым коммунистами, была проде-

лана большая работа по выявлению и распределению земельных излишков. К концу 1980 г., т. е. всего за три года, среди 1400 тыс. безземельных сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян было распределено свыше 300 тыс. га отчужденной у крупных собственников земли (притом что в целом по стране в 1973—1983 гг. было распределено среди бедных и беднейших слоев деревни 810 тыс. га земельных излишков). А с учетом наделов, распределенных в 1967 и 1969—1970 гг., общая площадь земель, переданных в Западной Бенгалии деревенской бедноте левodemократическими правительствами, составила 473 тыс. га⁴³. Правда, в абсолютных цифрах эти достижения все равно выглядят скромно. Так, в Западной Бенгалии было перераспределено лишь около 7% обрабатываемых площадей⁴⁴. Следует, однако, учитывать, что, находясь у власти в штатах, коммунисты — и они на это указывали сами — не могли проводить более глубоких преобразований в деревне, так как их действия были затруднены существующим буржуазным государственно-политическим устройством, федеральной конституцией, ограничивающей прерогативы штатов. Соответственно коммунисты в своей политике не могли выходить далеко за пределы аграрной программы, принятой центральным правительством Индии в качестве примерного образца для штатов. Поэтому, кстати, не было и не могло быть глубоких различий в результатах проводившейся аграрной политики коммунистами и национальной буржуазией.

Зато такого рода принципиальные различия имелись, с одной стороны, в масштабах, темпах и способах осуществления преобразований, а с другой — в преследуемых стратегических целях.

Проводя аграрные реформы, центральное правительство Индии стремилось — в той мере, в какой оно выражало наиболее общие, наиболее кардинальные, устойчивые интересы господствующих классов, — к очищению аграрного сектора от таких форм организации производства и присвоения продукта, которые препятствуют капиталистическому прогрессу земледелия и могут спровоцировать социальный взрыв в деревне. Поэтому для него задача облегчения положения неимущих крестьян играет подчиненную роль и является охранительной по своей сути (укрепление экономической и политической жизнеспособности системы национального капитализма в целом). Для коммунистов, напротив, защита коренных интересов трудящихся стоит на первом плане и важна при этом еще и как средство политического воспитания, организационного сплочения, выработки классового сознания крестьянских масс, т. е. служит созданию необходимых предпосылок для активного включения крестьянства в революционную борьбу за переустройство общества.

Правящие круги в лучшем случае согласны на ограниченное использование демократической инициативы и поддержки сни-

зу; для коммунистов такая инициатива и поддержка составляют наиважнейшее условие их работы в деревне. Первые, выдвигая в принципе широкую программу социально-экономических преобразований, начинают сворачивать ее, как только убеждаются в том, что в процессе ее реализации растет не столько хозяйственный консерватизм крестьян, сколько их общественная активность; вторые, наоборот, стремятся довести дело преобразований до максимально допустимых при данной политической ситуации пределов, в расчете на то, что соотношение между политически стабилизирующими и активизирующими результатами этих преобразований будет в пользу последних.

Описанные принципиальные различия определяют диалектику взаимоотношений между аграрными программами и практическими шагами леводемократических правительств в штатах и центрального правительства в Дели. Коммунисты и их союзники разрабатывали и претворяли на практике законодательные положения, направленные на резкое ограничение рентной эксплуатации и частичное перераспределение земельной собственности в пользу бедноты. Осуществляя их на деле, коммунисты старались привлечь на свою сторону широкие круги индийской общественности. В Дели же стремились нейтрализовать политический эффект работы левых коалиционных правительств в штатах, используя для этого разные способы, в том числе формальное принятие опыта аграрных реформ в Керале и Западной Бенгалии в качестве общенационального ориентира. Опираясь на преимущества, предоставляемые контролем над административным и пропагандистским аппаратом буржуазного государства, центральное правительство могло на какое-то время перехватывать инициативу, громкими популистскими лозунгами заглушать общественный резонанс работы коммунистов в деревне. Но чтобы этот результат был устойчивым, нельзя было ограничиваться *словами*, волей-неволей надо было вступать как бы в соревнование с аграрной *практикой* КПИ и КПИ(м), а значит, воспроизводить хотя бы в усеченном, крайне урезанном виде то, что коммунисты, находясь у власти, делали и делают для крестьян. В этом и проявлялось наиболее ярко общенациональное значение аграрной политики коммунистов.

Поддержка крестьянских выступлений, направленных на улучшение условий хозяйственного производства

Данное направление работы компартий в деревне связано, пожалуй, с наибольшими трудностями, поскольку обусловлено тем, что здесь стихийно возникает много разнообразных вариантов борьбы крестьянства и при каждом из них коммунисты сталкиваются со сложным и изменчивым переплетением групповых, классовых и общекрестьянских интересов.

Возьмем, например, выступления, цель которых состоит в ликвидации докапиталистических по происхождению экономических институтов, паразитирующих на крестьянских хозяйствах, таких, как ростовщичество, купеческая монополия, откупная система и т. д. В этих выступлениях, направленных против представителей торгово-ростовщического капитала, социально слабо связанных с деревенским обществом, может участвовать все крестьянство. Однако зажиточные крестьяне стремятся из объекта докапиталистической эксплуатации превратиться в ее субъект, ибо сам процесс их трансформации в мелкую сельскую буржуазию зиждется на беззащитном хищничестве в отношении деревенских низов. Поэтому солидарности в противостоянии с «внешним» деревне торгово-ростовщическим капиталом сопутствует нарастание быстро ослабляющих эту солидарность противоречий между мелким и средним крестьянством, с одной стороны, и кулачеством, постепенно «замещающим» профессиональных ростовщиков и перекупщиков,—с другой. Это обстоятельство коммунисты вынуждены учитывать при руководстве борьбой крестьян за указанные цели.

Усиление роли государства в развитии сельского хозяйства и рост затруднений, испытываемых большинством крестьян при попытках собственными силами обеспечить технологическую модернизацию и расширение объема производства, неизбежно делают хозяйства, втянувшиеся в систему рыночных отношений, весьма чувствительными к правительственной экономической политике, в особенности в области ценообразования⁴⁵. Когда эта политика невыгодна крестьянам, для ее изменения необходимо создание широкой крестьянской коалиции. Ведь даже наиболее крупные хозяева заинтересованы в улучшении условий реализации продукции, как производимой самими, так и попадающей в их руки в результате ограбления мелких крестьянских хозяйств. В то же время, для того чтобы преодолеть сопротивление общественных сил, под влиянием которых формируется ущемляющий интересы крестьян экономический курс правительства, требуются массовые и согласованные действия сельского населения. И здесь вновь возникают большие сложности для коммунистов, работающих в деревне. С одной стороны, широкая крестьянская коалиция служит орудием достижения целей, общих для крестьян-хозяев, и в этом плане она должна быть прочной и сплоченной; с другой — деревенская верхушка приспосабливает массовое движение для достижения корыстных, враждебных большинству крестьян целей, а в этом случае укрепление коалиции может обернуться маскировкой и сглаживанием противоречий между преимущественно эксплуататорскими и преимущественно трудовыми слоями хозяйствующего крестьянства.

При поддержке крестьянских движений, направленных на улучшение условий хозяйственного воспроизводства, перед коммунистами встают и другие трудности. Например, не просто ре-

шается проблема инициативы и руководства. Обычно движения начинаются как стихийные, но, будучи в то же время массовыми и практически не ограниченными локальными целями и особенностями, они быстро самоорганизуются и выделяют из своей среды руководящее ядро, которое ревниво относится к попытке «чужаков» радикализировать движение. Крестьянам-хозяевам свойственно порой также стремление замкнуться на экономических требованиях, абсолютизировать узкие хозяйственные интересы. В результате облегчаются действия реакционных сил, в том числе с целью закрепить в крестьянском сознании ложное представление о непримиримом антагонизме нерасчлененных, упрощенно понимаемых общностей: «богатый город» — «бедная деревня», и, наоборот, возникают трудности для коммунистов в ходе согласования крестьянских требований с общенациональными задачами развития и при осуществлении мер, направленных на установление союза рабочего класса с трудовым крестьянством.

Рассмотрим теперь на примере опыта двух партий, как практически решаются коммунистами проблемы, встающие перед ними при поддержке выступлений крестьян по вопросу об условиях хозяйственного воспроизводства.

Ярким примером успешной поддержки и организации антифеодальных выступлений мелких крестьян-хозяев можно считать деятельность КПБ и руководимого ею Крестьянского союза (Кришак самити) во время движения против завышения ставок рыночных сборов⁴⁶. Ежегодно в Бангладеш государство устраивает аукционы, на которых городские оптовые торговцы, ростовщики и отдельные представители мелкой сельской буржуазии соперничают за право взимания сборов, установленных на деревенских рынках. По существу, мы имеем здесь дело с типично откупной системой. Откупщики (иджарадары) стремятся максимально увеличить ту часть суммы сборов, которая поступает им лично. С этой целью они прибегают к разного рода произвольным надбавкам на сборы и притесняют мелких товаропроизводителей, дабы вынудить тех «дарами» добиваться расположения хозяев рынков.

Вымогательства откупщиков всегда возмущали крестьян, и осенью 1980 г. разрозненные вспышки крестьянского недовольства системой иджарадари слились в массовое движение, охватившее ряд округов. В состав стихийно сформировавшихся на уровне тхань (низшая административная единица, территориально совпадающая с районом юрисдикции одного полицейского участка) выборных крестьянских комитетов, руководивших движением, вошли активисты Кришак самити (Крестьянского союза). Это способствовало приданию антифеодальным выступлениям характера целенаправленной кампании по неуплате рыночных сборов, в рамках которой наряду с проведением собраний и шествий, сидячих забастовок у рыночных контор и полного бойкота отдельных рынков велась пропаганда

ряда радикальных требований, предусмотренных аграрной программой коммунистов. Таким образом, КПБ удалось одновременно использовать движение для расширения политического кругозора крестьянской массы, воспитания у нее навыков организованной борьбы и укрепления своих позиций в деревне.

Крестьяне не могли не заметить, что после того, как Крестьянский союз фактически возглавил движение против иджарадари, размах, боевитость, общественный резонанс последнего значительно возросли. В конце концов власти вынуждены были принять меры в защиту мелких товаропроизводителей, и в частности ввести специальные квитанции, удостоверяющие факт и размер произведенных рыночных сборов.

Следует заметить, что коммунисты Бангладеш добились успехов и в организации массовых выступлений крестьян — производителей высокотоварных технических культур (например, джута и сахарного тростника), направленных на улучшение условий реализации их продукции⁴⁷. Успех этот заключался не только в том, что требования крестьян частично удовлетворялись государством. Коммунистам в целом удавалось решать проблему инициативы и руководства и не просто «подключаться» к стихийно вспыхнувшему движению, а фактически самим планировать и вызывать его к жизни. Под их же руководством было достигнуто сотрудничество крестьянских союзов, созданных различными левыми партиями. И что, пожалуй, самое главное, благодаря организационно-воспитательной работе активистов Крестьянского союза социально лидирующую роль в движениях играли не кулаки, а мелкие товаропроизводители.

Теперь рассмотрим кратко работу индийских коммунистов с крестьянством в рамках развернувшегося в стране в конце 70-х — начале 80-х годов движения «за вознаграждающие цены»⁴⁸. Оно было порождено рядом взаимосвязанных причин экономического характера. Внедрение новой технологии, принесенной «зеленой революцией», вызвало рост издержек производства. Параллельно с возрастанием значения рыночных факторов сельскохозяйственного производства происходило их удорожание, увеличение же объема сельскохозяйственной продукции использовалось индийскими промышленниками в качестве довода в пользу замораживания цен на нее. И государственная комиссия по закупочным ценам не осталась глухой к аргументам промышленного «лобби». Все это влекло за собой ухудшение условий товарообмена между деревней и городом, что усугублялось засухой и быстрым ростом крестьянской задолженности по банковским и кооперативным займам⁴⁹.

Коммунистам удалось уловить признаки нарастания крестьянского недовольства ухудшением условий хозяйственного воспроизводства. Так, по инициативе примыкающего к КПИ Всеиндийского крестьянского союза (ВИКС) к концу 70-х годов были созданы отраслевые союзы, которые стремились придать организационные формы выступлениям производителей высо-

котоварных культур (сахарного тростника, хлопка, джута, риса) и руководить ими. Однако влияние этих союзов было все-таки ограничено территорией тех или иных аграрных районов. В целом же по стране движение «за вознаграждающие цены» началось в виде локальных стихийных выступлений крестьян, и почти повсеместно его зачинщиком, а затем и руководителем выступило зажиточное крестьянство.

Кулацкие лидеры выдвинули требования о регулярных поставках в деревню сельскохозяйственной техники «по доступным ценам», об удешевлении ремонта тракторов и т. д. Учитывая, что в Индии до 85% земледельческих хозяйств принадлежит мелким и средним крестьянам, не располагающим накоплениями для приобретения дорогостоящей (даже по «доступным ценам») техники, можно утверждать, что такого рода требования отвечали в первую очередь интересам кулачества. Что касается закупочных цен на рис, лук, хлопок, джут и т. п., то они были жизненно важны для широкого круга крестьян-хозяев. Поэтому КПИ решила оказать поддержку движению, но при этом попытаться расширить массовую базу и максимально поднять уровень сознания его участников.

С этой целью КПИ образовала в некоторых штатах совместные фронты с левыми партиями, поставила на повестку дня вопросы о списании задолженности с мелких и мельчайших производителей, о снижении процентов по займам, предоставляемым крестьянам государственно-кооперативными учреждениями, а также о ценах на основные потребительские товары, реализуемые через государственную торговую сеть. Затем, исходя из того что создание более благоприятных, чем прежде, условий хозяйственного воспроизводства для широких крестьянских масс приведет к общему улучшению экономической конъюнктуры в деревне, росту объема производства и, как следствие, занятости и к повышению спроса на наемный труд, коммунисты постарались вовлечь в движение «за вознаграждающие цены» сельскохозяйственных рабочих, включив в выдвинутую ими программу требований вопрос о повышении минимальной заработной платы в сельском хозяйстве. Наконец, КПИ попыталась вывести движение за рамки деревни, соединить его с борьбой промышленных рабочих, создать совокупный эффект демократического давления на правящие круги, с тем чтобы при разработке и реализации стратегии экономического развития в большей степени учитывались коренные интересы трудящихся.

Но такая задача могла быть поставлена лишь как ориентир, а не как непосредственно достижимая цель (в стране пока не решена проблема единства даже коммунистического движения). Тем не менее некоторое продвижение в данном направлении было осуществлено. И хотя в целом во время борьбы по вопросу о ценах на сельскохозяйственные продукты сохранялся как организационный, так и политический разрыв между го-

родским пролетариатом и трудовым крестьянством, отмечались и такие факты, как выдвижение рабочими предприятий по переработке джута требований о повышении цены на сырой джут или участие представителей промышленного пролетариата в массовой демонстрации крестьян и сельскохозяйственных рабочих в Дели 26 марта 1981 г.⁵⁰.

Действия коммунистов были враждебно встречены землевладельческо-предпринимательской верхушкой. Она старалась воспрепятствовать подкличению к движению политических партий, полагая, что ни одна из них не способна отрешиться от собственных политических целей и отождествить свои интересы с интересами зажиточного крестьянства. «Непартийность» стала ведущим принципом организационной работы, завершившейся созданием всеиндийского «фермерского союза», хотя, разумеется, большинство лидеров «для пользы дела» устанавливали неформальные связи с различными буржуазными партиями.

В течение 1980 г. правящие круги удовлетворили требования «фермерского союза» и существенно повысили цены на сельскохозяйственную продукцию. После этого авторитет кулацких лидеров еще более упрочился. К тому же после уступок правительства крестьянское движение пережило период спада, длившийся до 1984 г. Следовательно, участие в нем коммунистов и других левых сил не придало ему в нужной мере размаха и боевности, не привело к оттеснению от руководства кулачества, не помешало укреплению его позиций в деревне. Однако, несмотря на все это, организационно-политическая работа коммунистов в ходе борьбы «за вознаграждающие цены» не может рассматриваться как бесплодная, а тем более как тактический просчет. Деятельность коммунистов явилась одним из весомых факторов, обеспечивших успех движения, она способствовала его расширению и радикализации, в результате чего и сельская беднота получила определенные выгоды.

Защита интересов сельскохозяйственных рабочих

В этой области перед коммунистами стоят три основные задачи: борьба за обеспечение рабочих земель, борьба против различных форм угнетения, не вытекающих непосредственно из положения рабочих в системе производственных отношений, и защита интересов рабочих как лиц наемного труда.

Следует обратить внимание на два важных обстоятельства. Прежде всего, структурная рыхлость армии работающих по найму в сельском хозяйстве столь значительна, а различия в условиях найма и характере труда между разными группами работающих по условиям найма и характеру труда так велики, что решение этих трех задач в полном объеме различно по степени важности для всех отрядов сельскохозяйственных рабочих⁵¹. Так, для плантационного пролетариата Шри-Ланки наиболее актуальны вторая и третья задачи, а для сельскохо-

зайственных рабочих восточной части Турции первая задача — самый важный побудительный мотив общественной активности.

Важно, однако, что вне зависимости от страновых и порайонных различий, порождаемых местной спецификой развития аграрного капитализма, третья задача не только актуальна для широкого круга лиц, зависящих в той или иной степени от работы по найму, но и типологически совпадает — при всем ее отраслевом своеобразии — с основной задачей (или комплексом задач) повседневной борьбы промышленного пролетариата. Именно поэтому поддержка и организация выступлений сельскохозяйственных рабочих по вопросам оплаты и условий труда, трудового законодательства и т. д. образуют главную линию работы коммунистов с деревенскими низами. Главную не в том смысле, что в каждый конкретный момент она первенствует (напротив, борьба за землю, за освобождение от национального, религиозного или кастового угнетения может оказаться на первом плане и отличаться особенно высоким накалом), а в том, что эта линия в наибольшей степени обращена в будущее.

Далее. Работа коммунистов по достижению трех указанных целей не осложняется (как это, может быть, и бывает при поддержке крестьянских выступлений за улучшение условий хозяйственного воспроизводства) противоречиями между ними. И действительно, обеспечение рабочего участком земли, на котором он может поставить собственный дом и завести приусадебное хозяйство, не означает его возвращение в социально двойственное положение мелкого самостоятельного производителя. Такого рода окрестьянивание заново может иметь место лишь в случае уравнительного земельного передела, да и то только тогда, когда фонд распределяемых земель обширен, а это возможно при условии, что он «на равных» формируется как из отчужденной земельной собственности, так и из государственных земельных запасов. Ныне подобная ситуация нетипична для развивающихся стран Азии и Северной Африки. Характерно другое — острое аграрное перенаселение, отсутствие свободных земель, преобладание мелких и мельчайших хозяйств, технологическая отсталость многих нанимающих хозяйств, придающая труду привлекаемых ими рабочих низкопроизводительный и сезонный характер. В результате рабочие *в массе своей* не могут рассчитывать на получение участка такого размера, хозяйствуя на котором они могли бы отказаться от работы по найму. Но в то же время возможность наделения клочком земли вполне реальна, а обладание им решает и жилищную проблему рабочего, дает ему страховой фонд на случай безработицы, помогает улучшить продовольственное потребление, короче — укрепляет его позиции именно как рабочего во взаимоотношениях с нанимателями.

Сходным образом ликвидация любых форм угнетения, не обусловленных основным экономическим отношением, проясня-

ет самому рабочему его положение как лица наемного труда, срывает с эксплуатации маскирующие ее покровы. Одновременно с этим она освобождает рабочих от наиболее грубых и мучительных форм эксплуатации, что в конечном счете облегчает не только их положение, но также условия дальнейшей борьбы за обеспечение их классовых интересов.

Вместе с тем успешная защита этих интересов коммунистами может вызвать отчуждение или даже враждебное отношение хозяйствующего крестьянства. Такой итог неизбежен, когда речь идет о позиции кулачества, выступающего одним из главных антагонистов рабочих. Другое дело — взаимоотношения рабочих с основной массой крестьян-хозяев, представленных мелкими товаропроизводителями и владельцами натурально-потребительских хозяйств. Существуют объективные предпосылки для предотвращения конфликта с ними, порождаемые и укрепляемые развитием аграрного капитализма. Острый социально-психологический кризис, создаваемый разрушительной работой капитализма в деревне, может на длительное время актуализировать в сознании крестьян значение традиционной социальной иерархии и затенять процесс сближения объективных условий существования, форм участия в производстве сельскохозяйственных рабочих и большинства мелких хозяев. Но маргинализация массы мелких хозяев постоянно толкает их на путь работы по найму, снимая основное объективное различие между ними и сельскохозяйственными рабочими, а резко возросшая подвижность сельского населения, все большая открытость деревни внешним воздействиям, разрушающим традиционные воззрения на общество и личность, сближают нищающее крестьянство и безземельных рабочих и на субъективном уровне.

В этой связи перед коммунистами встает еще одна важная и сложная задача: защищая интересы сельскохозяйственных рабочих, делать это таким образом, чтобы по возможности избежать конфронтации рабочих и мелких крестьян-хозяев. В частности, прилагая значительные усилия для *организационного выделения* самостоятельного пролетарского и предпролетарского потока сельских трудящихся, коммунисты стремятся к установлению прочного *политического союза* этого потока с организованным движением трудового крестьянства. Тем самым наиболее пролетаризированная часть населения деревни выступает как бы связующим звеном между промышленным пролетариатом и хозяйствующим крестьянством и, первой усваивая пролетарские методы борьбы, передовые элементы мировоззрения рабочего класса, способствует их усвоению остальными тружениками деревни.

В настоящее время наиболее вписываются в систему развитых капиталистических производственных отношений и являются самыми организованными два отряда сельскохозяйственных рабочих: плантационный пролетариат и работники

государственных ферм. В целом эти отряды по своему положению могут рассматриваться как относительно неквалифицированная и низкооплачиваемая часть собственно рабочего класса. Поэтому мы не будем касаться здесь вопроса о работе с ними коммунистов. Сосредоточим внимание на деятельности компартий по организации основной массы сельскохозяйственных рабочих — тех, кто занят в хозяйствах помещиков, мелкой сельской буржуазии, среднего и мелкого крестьянства. Как и при исследовании многих других вопросов, будем в данном случае опираться на индийские материалы⁵². Борьба сельскохозяйственных рабочих ныне, как правило, составная часть движения за перераспределение земельной собственности; об опыте коммунистов в этой области речь шла выше, поэтому ограничимся здесь только рядом замечаний.

В движении индийских сельскохозяйственных рабочих главной организующей и направляющей силой с момента его зарождения были коммунисты. Первоначально организованные рабочие входили в ВИКС, но в 1968 г. по инициативе КПИ возникла классовая организация — Индийский союз сельскохозяйственных рабочих (ИССР). КПИ(м) длительное время считала политически нецелесообразным создание собственной подобной организации в масштабах страны, хотя на уровне штатов она руководила отдельными союзами рабочих. Лишь в 1982 г. под эгидой КПИ(м) был создан Всеиндийский союз сельскохозяйственных рабочих (ВССР).

Организационное оформление предпролетарского и пролетарского потока борьбы сельских трудящихся, осуществленное под руководством коммунистов, явилось одним из важных факторов политической активизации деревенских низов. Этой цели отвечали и способы борьбы ИССР и ВССР. Среди них распространенными стали массовые походы в города, столицы штатов и в Дели, падаятры (пешие агитационные походы) и митинги в сельской местности, демонстрации и однодневные голодовки протеста у зданий правительственных учреждений в местных административных центрах и, конечно, забастовки. Инициаторами и участниками таких действий, как правило, выступали и выступают коммунисты и активисты ИССР и ВССР.

История борьбы сельскохозяйственных рабочих Индии под руководством коммунистов изобилует многими яркими эпизодами. Остановимся на некоторых из них, датируемых концом 70-х — началом 80-х годов⁵³. В мае 1978 г. по призыву КПИ была проведена массовая демонстрация в столице штата Бихар г. Патна. В ней участвовало около 500 тыс. человек, причем главным образом сельскохозяйственные рабочие из низших каст и племен, протестовавшие против кастового угнетения. В марте 1979 г. КПИ организовала 300-тысячный марш к индийскому парламенту сельскохозяйственных рабочих, в основном (хотя отнюдь не исключительно) хариджан. Участники марша, преодолев значительные трудности, собрались со всех

концов страны в столицу, чтобы продемонстрировать единство и готовность к борьбе, предъявить правительству хартию своих насущных требований, включавшую следующие пункты: пресечение случаев репрессий в отношении низших каст, эффективное осуществление и радикализация законодательства об аграрной реформе, в особенности о потолке землевладения, повышение заработной платы сельскохозяйственным рабочим, распространение на них мер по защите труда, социальному страхованию и т. д. По требованиям хартии состоялась дискуссия в Народной палате индийского парламента. В рядах демонстрантов находились видные руководители КПИ во главе с ее Генеральным секретарем Раджешварой Рао.

Спустя два года, в марте 1981 г., в аналогичном общендийском марше участвовало еще больше сельских трудящихся (по некоторым оценкам — около 1 млн. человек), причем не менее половины из них составили сельскохозяйственные рабочие — члены ИССР. В июне 1983 г. состоялась общенациональная забастовка рабочих, имевшая целью добиться улучшения их материального и социального положения.

Правда, называя эту забастовку (как и марши 1979 и 1981 гг.) «общенациональной», следует оговориться, что таковой она может считаться постольку, поскольку в ней приняли участие рабочие в большинстве штатов Индии, но число этих рабочих составляло лишь небольшой процент лиц, работающих по найму в сельском хозяйстве. По переписи 1981 г., в Индии насчитывалось 55 млн. сельскохозяйственных рабочих; между тем, например, численность ИССР на октябрь 1981 г. составляла только 1044 тыс. человек⁵⁴, причем она уже довольно долго сохраняется примерно на одном уровне. Конечно, и при относительно небольшой численности рабочей организации политический эффект ее деятельности может быть сильным. Здесь можно привести пример работы бихарского отделения ИССР, пользующегося в ряде округов штата влиянием, намного превосходящим то, которое можно было бы ожидать, исходя только из его численности. Но все-таки здесь мы имеем дело скорее с исключением, чем с правилом, и индийские коммунисты не упускают из виду труднейшую проблему, связанную с широкой политической мобилизацией сельскохозяйственных рабочих, распыленных по бесчисленным деревням, привязанных тысячами нитей к конформистским нормам поведения (выработанным традиционной деревней еще до того, как ее относительно устойчивое социальное равновесие было необратимо нарушено развитием аграрного капитализма), в массе своей неграмотных и задавленных нищетой, под гнетом которой на первое место в мотивации общественного поведения нередко выдвигается забота о пропитании *сейчас и любой ценой*.

Ждет своего решения также проблема повышения уровня политической грамотности формально уже организованных сельских трудящихся. «Если взять сельскохозяйственных рабо-

чих, полупролетариев и массу безземельных крестьян,— писали в ежегоднике Института общественных наук „Проблемы коммунистического движения“ индийский автор Байснаб Парида и советский автор А. Родионова,— то поражает отсутствие у них какого бы то ни было знания и понимания того, что такое социализм. Хотя они выступают за наделение их землей и повышение зарплаты под руководством Компартии Индии, на выборах по традиции голосуют за Индийский национальный конгресс (И)»⁵⁵.

Расширению масштабов борьбы рабочих, приданию ей более последовательного, боевого, сознательного характера препятствует, конечно же, все еще не преодоленный раскол коммунистического движения в Индии. Он особенно сильно сказывается, когда предпринимаются попытки обеспечить те или иные интересы сельских трудящихся на общенациональном уровне. Вместе с тем в деревнях, округах, отдельных штатах в последние годы все чаще сотрудничают между собой крестьянские организации, патронируемые КПИ и КПИ(м), и, пожалуй, наибольший прогресс в объединении их сил достигнут как раз организациями сельскохозяйственных рабочих.

70-е и первая половина 80-х годов характеризовались довольно гибкой и своевременной сменой акцентов в целевой направленности руководимого коммунистами движения сельского пролетариата и предпролетариата Индии. Как справедливо отметил А. М. Мельников⁵⁶, примерно до середины 70-х годов оно было акцентировано на борьбе за радикализацию и проведение в жизнь законов о перераспределении земли — и мы видели, что, сколь бы ни мала была общая площадь розданных безземельным излишков, сам факт их распределения стал возможен только благодаря массовым выступлениям деревенской бедноты, в которых наиболее активная роль принадлежала сельскохозяйственным рабочим. С середины же 70-х годов все более громко и часто звучат требования рабочих о повышении минимума заработной платы в сельском хозяйстве, законодательно установленного в большинстве штатов. Упорная борьба коммунистов и рабочих и по этому направлению также отмечена определенными успехами. Особенно это заметно в районах «зеленой революции»⁵⁷. Однако с приходом к власти правительства Джаната парти тенденция выхода на первый план борьбы по вопросу об оплате труда была не то чтобы прервана, а несколько приторможена в связи с резкой актуализацией другого вопроса.

Как известно, Джаната парти представляла собой конгломерат различных политических сил, но в сельской местности ее социальную опору составляла, безусловно, обуржуазившаяся (а отчасти и традиционная) верхушка деревни. Появление в Дели «своего» правительства она восприняла как благоприятную возможность для того, чтобы, во-первых, вернуть утраченное в ходе аграрных реформ первой половины 70-х годов, во-

вторых, нанести двойной удар по эксплуатируемому ею рабочим: сбить их боевой настрой, порожденный обещаниями государства и деятельностью левых партий, и добиться социальной изоляции рабочих путем перевода классового по своей сути противоборства низов и верхов деревенского общества в русло общинно-кастовой розни. По всей стране была развязана кампания террора против хариджан, захватившая в известной мере и рабочих — выходцев из более высоких по статусу каст. В такой обстановке в центре внимания ИССР и рабочих союзов КПИ(м) в штатах оказалась работа по защите рабочих хариджан, по мобилизации общественности страны на борьбу за прекращение вакханалии насилия, развязанной кулаками и крупными землевладельцами. И когда коммунистам удавалось придать широкой огласке случаи жестокостей, местные власти, закрывавшие прежде глаза на происходящее, вынуждены были арестовывать и предавать суду если не организаторов, то по крайней мере непосредственных исполнителей террористических акций в отношении рабочих. Точно так же, когда рабочие отвечали дружным сопротивлением — посредством массовых забастовок и маршей протеста, действий по самообороне, — их противники нередко вынуждены были отступать⁵⁸. Но достигалось это дорогой ценой. Десятки коммунистов отдали в последние годы свою жизнь за дело защиты сельских трудящихся. Среди них — член парламента Индии от штата Тамилнад С. Муругайян, член Законодательного собрания штата Бихар Ситарам Мишра, один из руководителей КПИ в штате Манипур Бира Сингх, активист КПИ в Бихаре Аджун Кумар и др.⁵⁹.

Борьба против насилия продолжается. Но к середине 80-х годов значительно вырос удельный вес выступлений сельскохозяйственного пролетариата и предпролетариата, ориентированных коммунистами на достижение другой принципиально важной цели — принятия общенационального законодательства, призванного регулировать трудовые отношения в аграрном секторе. Достижение данной цели обеспечило бы сельскохозяйственным рабочим формально-правовую защиту, основывающуюся на их функции в общественном производстве, а не на кастовом статусе или конфессиональной принадлежности, как это делает закон о льготах и квотах для так называемых списочных каст и племен, ввело бы рабочих в сферу действия современных институтов социального страхования. А это особенно важно, поскольку сохранение рабочей зависимости от нанимателя, являющееся одной из главных причин политической слабости деревенских низов, обусловлено во многом тем обстоятельством, что в глазах рабочего наниматель все еще агент традиционного механизма общинного страхования. И в данном случае роль застрельщиков сыграли коммунисты, причем не только в том смысле, что предложили разработанный проект трудового законодательства (право на создание профсоюзов, учреждение в Дели и в штатах специального департа-

мента по контролю за реализацией законов о минимуме заработной платы в сельском хозяйстве, пособия по безработице и пенсии по старости сельским труженикам, равная с мужским оплата женского труда, создание сети деревенских яслей в помощь работающим матерям и т. д.), но также и потому, что первыми приняли такое законодательство (в Керале) и сумели осуществить многие его положения⁶⁰.

Завершая рассмотрение деятельности организаций сельскохозяйственных рабочих, руководимых индийскими коммунистами, важно подчеркнуть, что они не ограничивали ее профессионально-классовыми интересами сельского пролетариата и предпролетариата. Как уже отмечалось, ИССР стремился мобилизовать сельскохозяйственных рабочих на поддержку борьбы крестьян «за вознаграждающие цены». Сходным образом ИССР (а в 80-е годы и ВССР) активно включался в общедемократическое движение за укрепление политической независимости и целостности Индии, за достижение экономической самостоятельности и социальный прогресс. Например, по инициативе КПИ сельскохозяйственные рабочие вовлекались в общенациональные кампании за демократическое развитие госсектора. В штатах Тамилнад и Андхра-Прадеш местные отделения ИССР в союзе с другими демократическими организациями участвовали в политических выступлениях, сыгравших значительную роль в подрыве замыслов носителей сепаратистских тенденций в этих штатах, а в Керале организация сельскохозяйственных рабочих активно подключалась к осуществлению мероприятий по развитию территорий штата, населенных отсталыми племенами.

О некоторых трудностях работы коммунистов в деревне

Успехи коммунистов в решении центральной двуединой задачи их аграрной политики — защиты коренных интересов сельских трудящихся и их вовлечения в общественно-исторический процесс в качестве активной силы, постепенно обретающей классовое самосознание и политически сближающейся с пролетариатом и общедемократическим движением, в огромной мере зависят от того, насколько активно и масштабно они ведут работу в деревне. Сделанный выше разбор деятельности компартий в деревне, как представляется, подтверждает данный вывод.

Вместе с тем успехи и достижения компартий в деревне не являются чем-то характерным для каждого этапа революционного процесса и на каждом участке охваченной им территории стран Востока. Собственно, в этом, по признанию коммунистов Востока, и состоит главный недостаток их аграрной политики: в то время как едва ли не каждая партия располагает

хорошо разработанной аграрной программой, далеко не все из них ведут активную практическую работу в деревне; если же такая работа и ведется, то слабостью ее является ограниченность и несистематичность контактов коммунистов с основной массой крестьян.

Причины такого положения, как правило, неоднозначны. Отчасти это объясняется тем, что та или иная партия предпочитает действовать в первую очередь в городе — среди рабочего класса, студенчества, интеллигенции. Так, на X съезде Коммунистической партии Шри-Ланки (1978) отмечалось, что партия явно недооценивала важность работы среди крестьянства и вообще сельского населения, не связанного с плантационным хозяйством, поэтому она должна быть выдвинута на первый план⁶¹. Но то обстоятельство, что ланкийские коммунисты, располагавшие (в отличие от единомышленников из многих развивающихся стран Востока) хорошими возможностями для легальной деятельности в деревне, почти не воспользовались ими, не может быть объяснено только субъективными причинами.

Известная слабость позиций коммунистов в деревне вызвана, на наш взгляд, прежде всего труднопреодолимыми в короткие сроки особенностями развития самого коммунистического движения в освободившихся странах. Даже наиболее крупные партии, насчитывающие сотни тысяч членов, в процентном отношении к численности трудового населения деревни несоизмеримо малы, так что если бы они сосредоточились исключительно на работе в деревне, то и тогда вряд ли бы им удалось распространить свое влияние на большинство сельских районов.

Сказывался и классовый состав компартий. Хотя социальное происхождение партийных кадров, которые ведут работу в деревне, само по себе не решающий фактор, все же коммунисты — выходцы из крестьян (особенно местных, хорошо знающих проблемы односельчан и разбирающихся в невидимых или малозначительных для стороннего взгляда хитросплетениях социальных связей и отношений) обладают значительными преимуществами перед пришедшими из города пропагандистами, слабо знакомыми с деревенской спецификой⁶². Между тем коммунистическое движение в странах Востока зародилось в среде национальной интеллигенции и передовых рабочих, тогда как сельских жителей в его рядах — в силу особой отсталости и забитости, слабой связи с рынком и городом основной массы крестьян в колониальные времена, да и в первые годы независимости — было обычно очень мало.

В ряде компартий трудовое крестьянство представлено совершенно недостаточно. Однако постепенно его доля увеличивается, хотя процесс роста протекает не без трудностей. Отнюдь не случайно, например, на XI съезде КПШЛ (1980), т. е. той самой партии, которая двумя годами ранее открыто призналась в недостаточности своей работы в деревне, на долю деле-

готов, представлявших крестьян — членов партии, пришлось лишь 5% общего числа делегатов. Правда, в 70-е годы крестьянское представительство в отдельных компартиях значительно выросло⁶³, но при сохранении относительной немногочисленности партий этот рост не мог быстро сказаться на работе коммунистов в деревне.

Указанная проблема стоит и перед КПИ, хотя и в несколько ином ракурсе. На XII съезде КПИ в Варанаси делегаты от сельскохозяйственных рабочих и трудового крестьянства составили около 71% общего числа его участников, что лишь немного меньше доли сельского населения в населении всей страны (76%). При этом большинство крестьянских делегатов были выходцами из деревенских низов (сельскохозяйственные рабочие — 30,75%, бедные крестьяне — 30, средние крестьяне — 10,21, богатые крестьяне — 0,37%)⁶⁴. И тем не менее, как уже отмечалось, сами индийские коммунисты не считают проблему партийных кадров в деревне вполне решенной. На IX съезде партии (1971) подчеркивалось, что если основная масса членов партии в большинстве сельских районов состоит из представителей «угнетенных классов», то руководящие кадры партийных организаций низовых звеньев формируются главным образом из верхних слоев крестьянства⁶⁵. Именно этим объясняется наблюдавшееся в партии в начале 70-х годов «молчаливое сопротивление борьбе сельскохозяйственных рабочих за удовлетворение их насущных требований, таких, как повышение заработной платы и предоставление земли»⁶⁶. В течение 70-х годов партия очищала свои ряды от тех, кто не сумел преодолеть приверженность кастовым привилегиям, был развращен относительным преуспеванием, которое принесла «зеленая революция», или оказался недостаточно стойким для того, чтобы выступить против родственников и свойственников из числа деревенских богатеев.

Нехватка кадров, наиболее подходящих для организационно-политической работы в деревне, неизбежно толкала левые партии к концентрации усилий на работе лишь в тех сельских районах, где аграрная социальная напряженность по каким-либо причинам носит перманентный характер. В результате это позволяет им создать действительно надежные базы в деревне (и тем самым, кстати, постоянный источник пополнения левых партий выходцами из крестьян), но в то же время как бы привязывает их аграрную политику к местной, региональной специфике, что в определенной мере может исказить оценку политической ситуации в стране в целом.

О том, насколько эта опасность реальна, говорит опыт «наксалитов» — левацкой группировки, отколовшейся от КПИ(м) и принявшей в 1969 г. наименование «Коммунистическая партия Индии (марксистско-ленинская)». Если КПИ(м-л) в выборе средств борьбы руководствовалась в основном лево-экстремистскими лозунгами, то само обращение к ним обосо-

вывалось оценкой основного содержания аграрных противоречий в Индии, сформулированной под сильным влиянием представлений, сложившихся у части будущих членов КПИ(м-л) за годы практической работы в отсталых аграрных районах⁶⁷. В таких районах, бесспорно, были широко распространены издольщина, долговая кабала, принудительный труд и т. д. Однако это не означало, что подобное положение характерно для всей Индии и что даже в данных районах традиционные по форме институты, организующие производство и опосредующие присвоение продукта, повсеместно несут одну и ту же в стадильном отношении функциональную нагрузку, т. е. служат лишь орудием паразитической эксплуатации феодального типа. Но ограниченность политического кругозора активистов, годами работавших в аграрных районах с преобладанием именно докапиталистической эксплуатации, способствовала неверному истолкованию ими собственного опыта как обладающего универсальным значением для всей Индии. В результате, когда абсолютизация локальных особенностей соединилась с левым сектанством и доктринерской ограниченностью городских теоретиков КПИ (м-л), появилась упрощенная трактовка противоречий в деревне как противоречий между полуфеодальными помещиками, поддерживаемыми компрадорско-бюрократической буржуазией, с одной стороны, и крестьянством — пусть социально расслоенным, но вследствие общности задач политически якобы легко объединяемым, — с другой⁶⁸.

Укажем еще на один практикуемый способ преодоления объективно обусловленных трудностей мобилизации крестьянских масс, который также дает действенные результаты. Стремясь охватить своей деятельностью возможно большее число деревень в разных концах страны, но не располагая кадрами, необходимыми для того, чтобы придать этой деятельности систематический характер, левые партии нередко предпочитают ей разовые агитационно-политические акции. Таковы, например, их предвыборные кампании в деревне. Несомненно, они в целом поднимают боевой дух трудового крестьянства и могут в известной степени компенсировать отсутствие или недостаточный размах работы низовых партийных организаций, которые, действуя в сельской местности, постоянно защищали бы интересы крестьян. Однако, поскольку подобного рода кампании непродолжительны и разделены значительными отрезками времени, они чреватые и отрицательными социально-психологическими последствиями: у крестьян может создаться впечатление, будто представители левых партий появляются в деревнях лишь для того, чтобы получить те или иные политические выгоды для своих партий; что же касается нужд и бед крестьянства, то они-де играют в деятельности этих партий сугубо второстепенную роль.

Серьезной помехой в организационно-политической работе коммунистов в деревне является, конечно же, нелегальное по-

ложение компартии. Оно предъявляет повышенные требования к партийным кадрам и в то же время сильно затрудняет процесс пополнения и укрепления кадрового состава. Правда, распыленность и удаленность многих деревень от городских центров отчасти затрудняют функционирование репрессивного аппарата государства, но, с другой стороны, в пределах самой деревни любая деятельность, выходящая за рамки обыденно-привычного, скоро становится известной карательным органам.

Сравнительно быстрое развитие транспортной инфраструктуры во многих аграрных районах делает легкодоступными все новые и новые деревни. А административные реформы, внедрение в социальную ткань деревенского общества новых звеньев государственной бюрократии, создание по инициативе и под эгидой государства органов местного самоуправления, разного рода институтов «саморазвития» деревни — все это лишь ухудшает возможности нелегальной работы в деревне, поскольку ведет к значительному усилению контроля со стороны государства над всеми сторонами деревенской жизни. И дело не только в том, что вслед за пространственной изоляцией деревня утратила свою социально-политическую замкнутость. Важно другое: ныне, когда донос и полицейская реакция на него становятся частым явлением и укладываются по времени в несколько часов, коммунистам приходится преодолевать если не новое, то, во всяком случае, серьезно возросшее препятствие на пути к вовлечению крестьян в революционную борьбу. Заключается оно в следующем: частичное или почти полное разрушение «своей» патриархальной социальной организации, обеспечивавшей прежде всестороннюю саморегуляцию деревни без вмешательства извне (и даже защиту крестьян от такого вмешательства), и замена ее навязанной сверху формализованной институциональной сетью, каждая ячейка которой находится под присмотром антикоммунистического режима, имеют заметный деморализующий эффект — большинство крестьян длительное время чувствуют себя одинокими и беззащитными перед лицом кажущегося всемогущим государством и потому нередко устраниваются от любых «неразрешенных» форм политической активности.

Разумеется, такое направление развития, наиболее ярко продемонстрированное в 70-е годы реформированной деревней шахского Ирана, необязательно. Многие зависят от особенностей политической системы того или иного государства, социальной природы стоящих у власти сил, глубины расслоения крестьянства, его социально-психологического склада и традиций общественной борьбы, стойкости и опытности коммунистов. Но все же, как показала, например, политическая история Турции в 70-е годы, даже при наличии такого благоприятствующего работе компартии фактора, как массовые крестьянские выступления с ярко выраженной антиимпериалистической и антикапиталистической окраской, многолетний запрет на

деятельность компартии и жесточайшие репрессии против ее членов в значительной степени блокируют работу коммунистов в сельской местности.

На пленуме ЦК КПТ в мае 1980 г. было отмечено, что работа среди крестьян — слабое звено в деятельности партии. Вместе с тем такая работа все же ведется при участии членов КПТ из числа сельскохозяйственных рабочих, отходников, прогрессивно настроенных сельских учителей. Партия не смогла создать собственную крестьянскую организацию, однако ей удалось к концу 70-х годов установить связи с возникшими ранее на непартийной основе демократическими организациями в деревне⁶⁹. Все эти факты говорят о том, что нелегальное положение компартии, будучи, несомненно, серьезным препятствием в ее работе, не является препятствием непреодолимым.

Свои проблемы возникают также в процессе легализации компартий. В этой связи особого внимания заслуживает опыт Коммунистической партии Филиппин после ее выхода из подполья. В 1974 г. президент Ф. Маркос, двумя годами ранее объявивший введение в стране чрезвычайного положения, заявил, что поддержка компартии поможет преодолеть сопротивление аграрной реформе со стороны помещиков. В действительности, как справедливо заметила Ю. О. Левтонова⁷⁰, главную роль сыграли другие соображения, в том числе и то, что реформа должна была захватить районы традиционного влияния коммунистов среди крестьян: в случае положительного отношения к ней Компартии Филиппин обеспечивалось «лояльное» политическое поведение сельского населения этих районов. Кроме того, президент рассчитывал, нормализовав отношения с КПФ, заручиться поддержкой демократической интеллигенции.

Коммунисты понимали, что провозглашенная Ф. Маркосом программа построения «нового общества» имела целью ускорить развитие капитализма на Филиппинах. КПФ полагала, что поставленная VI съездом задача легализации партии может быть решена и без отступлений от классовой политической линии на путях поддержки мер правительства. Меры же эти были направлены против отживших форм организации производства (например, издольщины) и заинтересованных в их сохранении консервативных, проамериканских общественных групп, например помещиков-латифундистов. Тем самым коммунисты могли способствовать улучшению положения части трудящихся, равно как и проявлению более независимой внешнеполитической ориентации Филиппин. Поэтому КПФ заключила соглашение с правительством, что позволило ей занять в стране полулегальное положение и предотвратить разгон руководимой ею крестьянской организации МАСАКА.

План аграрных преобразований выглядел привлекательно. Намечалось освободить от гнета рентной эксплуатации около

миллиона издольщиков в зернопроизводящих районах, покрыть деревни сетью кооперативов, развивать местное самоуправление и т. д. Однако в ходе его реализации видимая радикальность быстро пошла на убыль. Почти четырехмиллионная армия сельскохозяйственных рабочих практически ничего не получила. Вследствие постоянных уступок центральных и местных властей помещикам реальный охват издольщиков выкупными операциями оказался значительно меньше намеченного, а сами операции совершались столь медленно, что грозили растянуться на несколько десятилетий. Ситуацию исчерпывающе характеризуют следующие цифры: к началу 80-х годов на выкуп арендуемых участков претендовать могли не 1 млн., как планировалось, а только 400 тыс. издольщиков, сертификаты на землю получили лишь 240 тыс., к платежам приступили менее 80 тыс., а полностью выкупили землю только 1600 человек⁷¹.

Конечно, реформа имела определенный экономический эффект — темпы роста производства в сельском хозяйстве ускорились. Так, производство риса увеличилось в 1972—1979 гг. с 5,1 млн. до 7,3 млн. т, страна стала его экспортировать⁷². Важно, однако, подчеркнуть, что социальная база этого процесса быстро менялась. В первой половине 70-х годов основной прирост производства зерна был достигнут за счет частичной технологической модернизации мелких и средних хозяйств — главным образом через систему полупринудительных государственных займов на средства интенсификации производства (программа «Масагана 99» и др.). Вряд ли это было бы возможно без реформы, т. е. при сохранении издольщины; но консервативный характер реформы подрывал в то же время саму возможность закрепления за мелкими и средними производителями лидирующей роли в формировании товарного фонда сельскохозяйственной продукции.

По существу, ко второй половине 70-х годов основная масса крестьянских хозяйств оказалась в поле взаимоусиливающего воздействия четырех неблагоприятных факторов: исходной экономической слабости, бремени разного рода обязательных платежей государству, быстрого роста хозяйственных издержек и замораживания государственных закупочных цен на основные сельскохозяйственные культуры. В таких условиях задолженность крестьян быстро росла, а реальные доходы — падали. Так, в рисоводстве в 1976—1979 гг. они сократились на 54,4%⁷³. Большинство крестьянских хозяйств вряд ли смогли бы долго выдерживать удары такой силы без ущерба для жизнеспособности; неудивительно, что двигателями экономического роста с середины 70-х годов в плантационном секторе стали ТНК, получавшие щедрые дары и льготы от режима⁷⁴, в зерновом производстве — становятся агропромышленные комплексы, создаваемые на корпоративной основе национальным капиталом (нередко с участием ТНК), и крупные

частные хозяйства помещиков, переходящие от издольщины к найму. Но частный капитал ориентируется в основном на внешний, а не на внутренний рисунок, поэтому он не заинтересован в росте покупательной способности филиппинских трудящихся и, опираясь на политику правительства в области трудовых отношений (сначала запрет, затем сильные ограничения на забастовку, препятствия созданию независимых профсоюзов и т. д.), стремится удержать заработную плату сельскохозяйственных рабочих на низком уровне.

Таким образом, успех попыток обеспечить развитие аграрного капитализма по демократическому пути в ходе его послереформенного ускорения представляется весьма проблематичным, влияние отмеченного ускорения на жизненный уровень большинства сельских трудящихся — негативным⁷⁵. Иначе говоря, не получили развития те аспекты политики режима, которые могли бы потенциально содействовать улучшению положения народных масс и укреплению экономической самостоятельности страны. В результате коммунистам не удалось оказать эффективного воздействия на аграрную политику правительства с целью ее радикализации. Сказались также отрицательные последствия раскола коммунистического движения в конце 60-х годов и обусловленность легализации компартии рядом ограничений на ее деятельность. К тому же авторитарный режим предпринял специальные усилия по институционализации контроля над крестьянством.

В 70-е годы была создана густая сеть самаханг найонов (предкооперативных объединений) и барангаев (деревенских советов) с приданными им многочисленными «бригадами» жителей деревни. Эти институты, строившиеся по принципу круговой поруки и коллективной ответственности перед властями, теоретически обладали несколькими равноценными функциями. Однако на деле первое место занимали функция обеспечения регулярности выкупных платежей, функция идеологической обработки крестьян в духе верности режиму и функция подготовки крестьянской молодежи к службе в армии и к участию в операциях против «мятежников»⁷⁶. В целом указанные институты, слабо вовлекая деревенские низы в процесс преобразований, основательно затрудняли деятельность компартии и уцелевших прогрессивных крестьянских организаций, нагнетая в деревне атмосферу общей подозрительности.

Итак, с одной стороны, политика правительства не способствовала улучшению положения большинства сельских трудящихся и облегчила вторжение западных монополий в аграрный сектор, с другой — коммунисты были в значительной мере лишены возможности ввести *самостоятельную* организационно-политическую работу в деревне. Это и объясняет резко критические оценки режима, прозвучавшие на VIII съезде КПФ⁷⁷.

Заметным своеобразием отличается работа коммунистов с крестьянством в странах социалистической ориентации. Здесь

аграрные преобразования проводятся в большинстве случаев под лозунгом построения в перспективе общества, исключаящего отношения эксплуатации. Теоретически эти преобразования должны нести иную формационную нагрузку, иной, более системный характер, базироваться на весомом вкладе государства и общественных форм собственности в хозяйственный и социальный прогресс аграрного сектора, следствием чего должно быть значительное усреднение социально-классовой структуры деревни, известное торможение или даже прерывание процесса расслоения крестьянства и объективное возрастание его социально-политической роли в обществе. Во многом так это и происходит на практике⁷⁸.

Вместе с тем страны социалистической ориентации имеют сходство со странами капиталистического пути в том смысле, что они также входят в мировое капиталистическое хозяйство, являются многоукладными обществами, обремененными грузом традиционных институтов, отношений и представлений. Особенности политической власти и социальной структуры в странах социалистической ориентации накладывают сильнейший отпечаток на деятельность коммунистов в целом и на их работу с крестьянством в частности. Коммунисты, даже если они не входят в Национальный прогрессивный фронт с революционными демократами, в качестве первоочередных ставят перед собой следующие задачи:

- обеспечить единство действий прогрессивных патриотических сил в «бите за производство»⁷⁹, за ликвидацию технологической отсталости сельского хозяйства, укрепление в аграрном секторе общественных форм собственности, развитие и качественное возвышение кооперации;

- сузить и ликвидировать разрыв между властью и народом за счет массовой мобилизации трудового крестьянства на защиту и углубление прогрессивных преобразований, начатых по инициативе властей;

- добиться демократизации процесса преобразований в деревне путем усиления роли массовых организаций трудящихся, создания необходимых условий для того, чтобы они оказывали «корректирующее» давление снизу на деятельность партийно-государственных структур, которые направляют ход преобразований сверху;

- путем широкой пропаганды своей аграрной программы, практической агитационно-просветительской работы в сельской местности, принципиальной, сдержанной и конструктивной критики ошибочных представлений революционных демократов о развитии деревни оказывать позитивное идеологическое воздействие на мировоззрение трудящихся и носителей власти;

- решительно бороться за социальную изоляцию и подрыв позиций паразитическо-бюрократической буржуазии⁸⁰, в том числе ее фракций (в лице оптовиков, ростовщиков, спекулянтов, коррумпированных руководителей кооперативов и государст-

венных снабженческо-сбытовых организаций), за разрыв ее связей с партийно-государственным аппаратом, представляющих едва ли не главную опасность с точки зрения возможного перерождения прогрессивного режима.

Перечисленные задачи во многом определяют тактику коммунистов при работе с крестьянством в странах социалистической ориентации. Так, борясь с паразитическо-бюрократической буржуазией, коммунисты стараются не напугать и не толкнуть на союз с ней зажиточных крестьян, обоснованно полагая, что экономическая активность последних, хотя и предполагает эксплуатацию наемного труда, в целом носит производительный характер. Зажиточные крестьяне играют важную роль в сельскохозяйственном производстве, а в социальном плане их интересы объективно противостоят, пусть не в полном объеме и недостаточно последовательно, интересам спекулянтов и посредников.

* * *

Многообразие аграрных отношений в странах Азии и Северной Африки, причем не только в рамках всего массива развивающихся стран или отдельных субрегионов, но и на страновом уровне (особенно в крупных странах Востока), во многом предопределило стратегию и тактику компартий. Оно потребовало от них разработки такой генеральной стратегической линии работы с крестьянством и таких тактических приемов, которые в наибольшей мере отвечали бы конкретно-страновым и даже конкретно-порайонным условиям. Это, в свою очередь, поставило перед коммунистами задачу глубокого и постоянного изучения обстановки в сельской местности, которая к тому же нередко подвержена динамичным изменениям. Задача, конечно, чрезвычайно сложная, и, вероятно, пока нет оснований утверждать, что она решена. Тем не менее, как свидетельствует и этот очерк о работе компартий с крестьянством, коммунисты афро-азиатских стран шаг за шагом ее решают, осознавая, что без умелого использования громадного революционного потенциала восточной деревни глубокое социальное переустройство общества вряд ли достижимо.

Глава IV

КОММУНИСТЫ И НЕПРОЛЕТАРСКИЕ СЛОИ ТРУДЯЩИХСЯ

Средние городские слои

Коммунистические партии афро-азиатских стран придают большое значение работе со средними городскими слоями. Важность этой проблемы для коммунистического движения определяется прежде всего высоким удельным весом и политическим влиянием средних слоев в общественной жизни развивающихся стран.

К средним городским слоям принято относить лиц, для которых характерна совокупность следующих признаков:

- работа по найму либо занятость в области свободных профессий;
- сравнительно высокий уровень образования и (или) квалификации;
- неэксплуататорский характер приложения получаемой доли общественного дохода.

Укажем также на ряд других признаков, а именно на относительно высокий уровень доходов (во всяком случае, значительной части лиц этой категории), на социальный статус, определенный круг потребностей, а также на значительную политическую активность. Все эти признаки помогают довольно четко выделить ядро средних городских слоев. Конечно, не все группы и прослойки средних слоев в равной степени наделены перечисленными признаками — часть из них может преобладать, другие встречаться в различных комбинациях и т. д.

К средним слоям примыкают — если не по материальному положению, то по социальному статусу и социальной психологии — «люмпен-интеллигенция» (постоянно или временно безработные с высшим и средним образованием), а также студенчество. В ряде стран, кроме того, значительная часть офицерского состава армии.

Таким образом, средние городские слои на Востоке по экономическому положению, месту в общественной организации труда, мировоззрению и политической роли представляют собой категорию, включающую различные общественные группы и слои населения — гражданскую и военную интеллигенцию,

лиц свободных профессий, непroletарскую часть наемных работников, отдельные отряды мелкой городской буржуазии и другие социальные прослойки¹.

Отсутствие единого социально-экономического критерия не дает возможности отнести средние городские слои к одному из укладов (они порождаются мелкотоварным, государственно-капиталистическим, частнокапиталистическим и, наконец, патриархальным укладами). Это обстоятельство не позволяет также четко обозначить их границы в социально-классовой структуре и поэтому служит основанием для рассматривания средних слоев в качестве не строго классовой, а скорее научно-условной, аналитической категории.

В этом, видимо, и кроется основная причина того, что ученые-обществоведы не едины во мнении относительно составных частей указанного конгломерата. В условиях развивающегося переходного общества, когда рабочий класс в большинстве случаев относительно немногочислен и политически еще незрел, средние слои являются не только одним из политических активных, но и массовым элементом в структуре городского общества. Как показывают расчеты и оценки, в развивающихся странах Азии и Африки к началу 80-х годов насчитывалось около 40 млн. служащих, чиновников и специалистов, т. е. примерно столько же, сколько промышленных пролетариев, занятых в современном секторе экономики.

Доля городских средних слоев в составе самостоятельного населения в странах, где капиталистическое производство стало господствующим, в 2—2,5 раза выше, чем в группе государств со слабым развитием капиталистических укладов. Так, в ряде стран Тропической Африки (Чад, ЦАР, Буркина Фасо, Мавритания) на эти социальные прослойки приходится лишь 1,5—2% самостоятельного населения, а в Турции уже в середине 70-х годов насчитывалось 6,4 млн. человек, или свыше трети самостоятельного населения². Примерно такое же положение в других странах сходного уровня развития, где средние слои по численности занимают второе место после пролетариата, а в некоторых случаях являются самой массовой группой самостоятельного населения.

Особо следует выделить страны социалистической ориентации, где проводятся социально-экономические преобразования в интересах трудящихся масс. Для ряда из них характерно не только численное превосходство средних слоев, но и опережающий рост некоторых их отрядов по сравнению с другими социально-профессиональными группами. Так, в Алжире на протяжении всего периода независимого развития страны весьма интенсивно протекал процесс формирования служащих государственных учреждений, интеллигенции и особенно студенчества³.

Политическое значение быстрого роста численности средних слоев неоднозначно. С одной стороны, во многих странах Азии

и Африки массовые отряды средних слоев, близкие по материальному положению к пролетаризированным слоям и полупролетариату, становятся на сторону прогрессивных сил в социально-классовой борьбе, с другой — часть средних слоев относится к привилегированным группам населения, которые ориентируются на потребности господствующих классов. При этом следует иметь в виду, что социально-экономическое положение служащих в странах Азии и Африки, а главное — оценка ими уровня своей жизни определяются не только размерами получаемого жалованья, но и соотношением между его величиной и среднемировыми стандартами оплаты труда соответствующих профессиональных групп.

Служащие, в первую очередь интеллигенция, хорошо информированы о жизненном уровне работников нефизического и умственного труда в индустриально развитых странах. Благодаря средствам массовой информации, особенно телевидению, их запросы складываются как результат нарастающего воздействия демонстрационного эффекта и отражают тенденцию к интернационализации экономических, социальных и культурных потребностей соответствующих групп населения. Поскольку реальная заработная плата низших и части средних служащих в афро-азиатских странах совершенно не соответствует этим «интернационализированным» потребностям, наиболее крупные отряды служащих и интеллигенции недовольны своим положением даже в тех случаях, когда оно заметно лучше, чем у квалифицированных рабочих. Объективно интересы большинства служащих и интеллигенции по мере развития капитализма в странах Азии и Африки все более противопоставляются интересам буржуазии и бюрократической верхушки. «Средние слои, в особенности прогрессивная интеллигенция, — говорится в программе Компартии Бангладеш, — сыграют важную роль в национально-демократической революции. Среди средних слоев есть прослойка, состоящая из мелкобуржуазных товаропроизводителей, которые в целом окажут поддержку национально-демократической революции, поскольку эта революция открывает перед ними широкие возможности для своего развития»⁴.

В целом характер эволюции современных средних слоев на Востоке позволяет говорить о наличии тенденции включать их в состав большого массива неэксплуататорских слоев — так называемого макроклассового образования трудящихся⁵.

В работе со средними слоями перед коммунистами стоит двуединая задача: борьба за средние слои, за дальнейший рост их демократического, антиимпериалистического потенциала и борьба *против* тенденций оппортунизма, политической неустойчивости и классовой узости, неизбежных в связи с социальной природой этой промежуточной категории и ее местом в структуре общественного воспроизводства.

Как подчеркивается в документах Коммунистической партии Филиппин, представители средних слоев (мелкая буржуа-

зия, техническая интеллигенция и др.) «все в большей мере втягиваются в антиимпериалистическую борьбу как прямое следствие роста дороговизны и других экономических лишений, порождаемых вторжением в страну иностранного капитала. Они остро реагируют на несправедливость и объективно имеют возможность стать надежным союзником рабочего класса в борьбе за социальное освобождение. Наряду с этим, будучи промежуточной силой, они проявляют тенденцию бросаться из крайности в крайность; с одной стороны, на них давит пресс иностранного монополистического капитала, а с другой — они отходят от борьбы, надеясь улучшить свое экономическое положение в классовом обществе. Ключевым элементом в том, что касается закрепления их положения на стороне революции, является их практическое участие в организованной борьбе»⁶.

Коммунистические партии освободившихся стран Азии и Африки в своей политике по отношению к средним слоям исходят как из национально-специфических условий, так и из опыта коммунистов социалистических стран; они стремятся использовать любую возможность для привлечения на свою сторону массового союзника. Программные документы большинства афро-азиатских коммунистических партий свидетельствуют о расширении рамок и форм политической работы партий, направленной на решение этой задачи⁷.

Проблема определения роли и места средних городских слоев в процессе решения социальных и национальных задач на современном этапе освободительного движения получила отражение в программных документах и заявлениях руководства многих компартий афро-азиатских стран. Так, на III съезде Иракской коммунистической партии (4—6 мая 1976 г.) движущими силами национально-демократической революции наряду с рабочим классом и крестьянством были определены «прогрессивная интеллигенция и другие мелкобуржуазные слои города и прогрессивные элементы мелкой буржуазии»⁸. Многие представители умственного труда, отмечалось в документах иракских коммунистов, «тяготеют к идеям научного социализма, пользуются значительным идеологическим влиянием. Их переход на сторону рабочего класса и других трудящихся является важным фактором в осуществлении задач революции, в условиях которой прогрессивная интеллигенция сможет осуществить свои устремления и высокие идеалы, полностью проявить свою творческую энергию»⁹.

Важная роль средних слоев в борьбе трудящихся масс на национально-демократическом этапе революции отмечалась на III съезде Компартии Бангладеш (1980), на XII съезде Компартии Шри-Ланки (1984), на VIII съезде Компартии Филиппин (1980), в документах ряда других коммунистических партий стран Востока¹⁰. Большую политическую активность средних слоев, в частности интеллигенции и особенно студенчества, продемонстрировала иранская революция. На определенном этапе

этой антимонархической, антиимпериалистической революции средние городские слои были одной из ее основных движущих сил.

Для коммунистов развивающихся стран возникает необходимость теоретического осмысления всего нового, что появилось в результате серьезных сдвигов в социально-классовой структуре переходного общества в последние десятилетия, и прежде всего в 70-е годы, сдвигов, которые неизбежно должны сказаться на политике их союзов. В этой политике средние слои, в структуре которых в указанный период произошли существенные изменения (в частности, увеличился удельный вес технической интеллигенции, студенчества, служащих, усилилась их дифференциация, нарастали революционные потенции одних прослоек и, наоборот, размывались антиимпериалистические, прогрессивные позиции других социальных групп), играют важную, а в ряде случаев все возрастающую роль.

Осуществляя политику союзов, коммунисты развивающихся стран исходят из того, что трудящиеся средние слои в условиях нынешнего этапа развития революционного процесса являются естественным союзником прогрессивных общественных сил. Находясь в положении угнетенных и притесняемых, многие отряды средних слоев могут выступать и выступают совместно с пролетариатом на базе антиимпериалистических и общедемократических требований. В то же время в периоды обострения социально-классовой борьбы значительная их часть, не принимающая радикальных социальных преобразований, может выпасть из союза и становиться тормозом на пути революционных изменений, блокируясь с консервативными правящими силами. Здесь уместно вновь вспомнить Иран, где после революции произошли такие изменения в политической ориентации основной массы средних слоев, которые позволили реакции перейти в широкое наступление на левые, демократические силы. В других условиях, а истории известны тому примеры, существует иная перспектива, когда благодаря гибкой политике по отношению к средним слоям революционная власть создает предпосылки к изменению их социальных функций, а иногда и политического мировоззрения. Показателен в этом отношении опыт ряда стран социалистической ориентации, например, демократического Йемена.

Граница дифференциации внутри средних слоев чаще всего проходит между той их частью, которая пользуется привилегиями представляемым образованием и службой в госаппарате, с одной стороны, и теми, кто испытывает гнет экономической эксплуатации в условиях капиталистического развития, — с другой. К первым в большинстве своем относятся лица свободных профессий, высшая прослойка интеллигенции и чиновников госаппарата¹¹, ко вторым — главным образом мелкие служащие, учителя начальных школ. Ориентируясь на демократическую часть средних слоев, коммунисты стремятся добиться

их сплочения как в борьбе за общие экономические, социальные и политические интересы, так и в деле защиты коренных требований каждой социальной группы, каждого слоя в отдельности, не противоречащих, естественно, интересам рабочего класса, других слоев трудящихся. Жизнь требует выработки программы политического действия с учетом удельного веса, степени политической активности, специфики общественного сознания каждого отряда средних слоев. В целом же применение дифференцированного подхода к каждому отряду средних слоев — дело чрезвычайно сложное, требующее всестороннего и углубленного изучения соответствующих групп населения.

При всей разнородности средних слоев особое значение с точки зрения политической активности их отдельных отрядов имеет выработка компартиями подхода к союзу с представителями средних слоев в армии, со студенчеством и национальной интеллигенцией. Проблема мобилизации революционных возможностей каждой из этих социальных категорий неразрывно связана со специфическими особенностями их социально-политического статуса, мировоззрения, ценностных ориентаций, профессиональных интересов, социальной психологии и т. д.

Место военной интеллигенции, или офицерства, в социально-политической жизни развивающихся стран во многом зависит от социально-классового состава, профессиональной роли и исторических традиций армии в каждой стране¹². Будучи одним из наиболее организованных и развитых институтов, армия в ряде стран брала на себя роль инициатора в проведении прогрессивных преобразований; армейские средние слои зачастую выполняли в этом процессе лидирующие функции (Египет, Алжир и др.). История послевоенного Алжира подтверждает, что армия неоднократно выступала в защиту достигнутых социальных завоеваний, обеспечивала проведение политическим руководством прогрессивного, антиимпериалистического курса. Такая роль армии наглядно проявилась, например, в ходе борьбы за осуществление аграрной революции, национализации земель, находившихся во владении колонистов, а также природных богатств, в отпоре проискам местной реакции, направленным на дестабилизацию режима¹³. Опыт социально-политического развития ряда других стран (Эфиопия, Бенин, НРК и др.) также показывает, что военные представители средних слоев могут оказываться на передовой линии и даже возглавлять борьбу трудящихся масс за глубокое переустройство общества.

Военная интеллигенция нередко является наиболее твердым проводником национальной интеграции, выступает против всевозможных центробежных тенденций, носителями которых часто выступают религиозно-общинные, клановые и другие традиционные силы. Находящееся у власти прогрессивное офицерство стремится, как правило, играть роль гаранта непрерывности революционных преобразований.

Коммунисты поддерживают усилия прогрессивных предста-

вителей армейских средних слоев, направленные на укрепление национальной государственности, суверенитета освободившихся стран в противовес империалистической и неокOLONиальной политике западных держав.

Основной упор в идейно-политической работе в армии коммунисты делают на те группы демократически настроенных военных, которые по социальному происхождению и армейским традициям той или иной страны связаны корнями с трудящимися массами и являются объективными союзниками коммунистов на этапе национально-демократической революции.

В то же время следует иметь в виду, что эксплуататорские классы, диктаторские, авторитарные режимы, стремясь превратить армию в орудие осуществления своей классовой политики, в средство подавления выступлений трудящихся масс, принимают все меры к тому, чтобы исключить всякую деятельность коммунистов в армии. За работу в армии коммунистов часто ждет беспощадная расправа. Все это, естественно, затрудняет установление контактов коммунистов развивающихся стран с военной интеллигенцией, осложняет разработку компартиями программы деятельности в армейской среде.

Студенчество зарекомендовало себя как один из самых мобильных и политически активных отрядов средних слоев. За последние 30 лет в результате стремительного расширения высшего образования численность студентов в афро-азиатских странах возросла в 13—15 раз и составляет ныне около 9—10 млн. человек. Столь резкие количественные сдвиги обусловили изменение ряда качественных характеристик студенчества как своеобразной социальной группы, а также возрастание его роли и значения в общественно-политической жизни, в том числе в качестве важного потенциального союзника рабочего класса. При всей однородности студенческой среды все большее значение приобретает в последнее время ее социально-классовая дифференциация. По мере быстрого увеличения общей численности афро-азиатского студенчества его ряды пополнялись представителями едва ли не всех классов и слоев. Но большинство учащихся составляли выходцы из семей служащих, чиновников, интеллигенции и мелких предпринимателей традиционного типа. По мере формирования современного рабочего класса студентами становятся отдельные выходцы также из пролетарских семей, прослойка которых, однако, не превышает нескольких процентов. Таким образом, с превращением студенчества развивающихся стран в многочисленную группу его состав начинает четче отражать сложную социально-классовую структуру общества «не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе»¹⁴.

Особое значение приобретает в этих условиях специфика социальных связей и внутренней структуры студенчества. Для

этой общественной группы характерна высокая степень «производственной», а точнее, «учебной» концентрации. В каждом из институтов, а тем более университетов обучается обычно по несколько тысяч или даже десятков тысяч студентов. Одновременно для студенчества характерна и высокая степень территориальной концентрации. Большинство студентов афро-азиатского мира обучается в университетах, институтах и колледжах, расположенных в столицах, крупных торгово-промышленных, административных и многофункциональных городах. В итоге студенчество концентрируется главным образом в «нервных» центрах экономической, социально-политической и идеологической жизни той или иной страны, причем в крупных государствах Азии и Северной Африки в каждом из таких городов обучается в высшей школе по несколько десятков тысяч человек.

Вместе с тем в силу особенностей процесса обучения (состав студенчества полностью и регулярно обновляется каждые 4—6 лет, а период, в течение которого превалируют интересы, проблемы и ориентации, специфические для этой социальной группы, не превышает 3—4 лет) студенчество не может создать постоянного и устойчивого «кадрового» ядра. В нем отсутствуют прочные социальные силы «сцепления», объединяющие те или иные общественные группы и слои. В среде студенчества роль преемственности и традиций объективно ограничена, и это обстоятельство наряду с его социальной неоднородностью во многом объясняет возможность, а в известном смысле и неизбежность быстрой и резкой смены взглядов, настроений и политических симпатий у различных поколений студентов.

Характер общественного поведения студенчества в афро-азиатских странах тесно связан с «промежуточностью» его положения на шкале жизненного цикла. Внутренняя неустойчивость и социальная неоднородность афро-азиатского студенчества, постоянно пополняющегося за счет выходцев из разных классов и слоев, а впоследствии рассредоточивающегося по социальной вертикали общества, обуславливают как временный характер единства его интересов и общественно-политических устремлений, так и неизбежность проявлений идейной и организационной непоследовательности, резких колебаний политической активности, размаха и ориентации его выступлений. Практически во всех афро-азиатских странах наблюдается постоянная борьба между различными группами и организациями студентов, придерживающихся зачастую полярно противоположных взглядов на цели, характер и формы социально-экономических и политических структур в освободившихся странах¹⁵.

Следует также иметь в виду, что в среде студенчества афро-азиатских стран получили распространение своеобразный «молодежный авангардизм», иллюзии исключительности их миссии в деле радикального преобразования общества на справедливых, эгалитаристских началах. Суровая действительность об-

щественно-политической жизни афро-азиатского мира 70—80-х годов показывает беспочвенность подобных концепций, наносящих огромный вред не только антиимпериалистическим и антибуржуазным движениям, но и самой студенческой молодежи. В прошлом демократическое студенчество в ряде стран Азии и Северной Африки неоднократно становилось застрельщиком активной борьбы против реакционных правящих режимов, однако самостоятельно добиться решения сложнейших задач, стоящих перед массовым прогрессивным движением, так и не смогло.

В таких странах, как Шри-Ланка, Таиланд, Иран, Турция, Бангладеш и др., студенты постоянно участвуют в массовых выступлениях общественно-политического протеста. Студенты играют важную роль в привлечении внимания общественности к наиболее жгучим проблемам развивающихся стран. В то же время, как показал их опыт, в общественном сознании и поведении широких слоев студенчества нередко проявляются националистическая ограниченность, левозкстремистский авантюризм и т. д. Коммунистам афро-азиатских стран в своей политике по отношению к студенчеству приходится учитывать эти особенности. Они ведут борьбу за вовлечение студенчества в молодежные коммунистические организации, за воспитание идейной зрелости молодого поколения. В Индии, Шри-Ланке и ряде других стран накоплен значительный опыт работы коммунистов в студенческой среде. Но в то же время еще имеется много нерешенных проблем. На XII съезде Компартии Индии подчеркивалось, что «никогда еще необходимость в политической и идеологической работе в среде студентов не была столь императивной, как сейчас. Партия должна уделять больше внимания политической, идеологической и организационной работе со студентами и молодежью и нести в ее массы идеологию марксизма-ленинизма»¹⁶.

Одним из пунктов программной платформы КПИ стало требование о снижении избирательного возрастного ценза с 21 до 18 лет, что свидетельствует, несомненно, о глубокой заинтересованности индийских коммунистов в мобилизации молодого поколения, и в первую очередь его образованной части, на решение задач национально-демократической революции.

Хроника политической борьбы КПИ конца 70-х — начала 80-х годов отразила усиление двух определяющих тенденций в работе коммунистов с индийским студенчеством — налаживание тесных связей демократического студенчества с трудящимися и всемерной поддержки коммунистами справедливых требований студентов, защиты прав учащейся молодежи. Всеиндийская федерация студентов (ВФС) неоднократно принимала участие в крупных политических мероприятиях Коммунистической партии Индии.

Студенческая молодежь Индии под руководством коммунистов проводила кампании солидарности с выступлениями ра-

бочего класса и крестьянства, оказывала поддержку бастующим банковским служащим. Как в 70-е, так и в 80-е годы индийское студенчество под эгидой ВФС не раз являлось инициатором совместных выступлений с преподавателями и учителями начальных школ, в том числе в штатах Орисса, Бихар, Пенджаб, Керала и Уттар-Прадеш, против безработицы, дороговизны, за демократические права¹⁷. Положительный опыт в борьбе за единство действий трудящихся масс и прогрессивно-студенчества имеется и в других странах. Примером может служить всеобщая забастовка в феврале 1983 г. в Бангладеш, когда коммунисты и другие демократические партии поддержали выступление студентов, выразивших недовольство политикой правящих кругов по вопросам образования.

Укрепление влияния коммунистов в студенческой среде—это важный канал их воздействия на другие группы средних слоев. Но при этом следует учитывать, что компартиям приходится вести нелегкую борьбу за студенчество с влиятельными религиозно-националистическими организациями, непролетарскими партиями различного толка — от буржуазно-реформистских и правонационалистических до левозэкстремистских. Разоблачая опасную политику правых реакционных и ультралевых партий, толкающих студенчество на авантюры, коммунисты содействуют стремлению учащейся молодежи к созданию массовых самостоятельных организаций для борьбы за демократические перемены в сфере образования, а также за прогрессивные, революционные сдвиги в обществе. Правящие буржуазные и пробуржуазные партии стремятся, в свою очередь, направить бурный поток инициативы молодежи в русло реформаторства и культурничества. Запугивая студентов последствиями участия в демократическом и революционном движении, власти многих капиталистически ориентированных афро-азиатских стран стараются толкнуть студенчество на путь конформизма. В то же время они ведут ожесточенное наступление на уже завоеванные позиции компартий в различных студенческих организациях и союзах, стремясь подчинить их себе, насадить в них буржуазно-националистическую, социал-реформистскую идеологию или расколоть их. Для достижения этих целей используются все средства — от подкупа до грубого притеснения прогрессивно настроенных студенческих лидеров, подрыва их авторитета с помощью шантажа и обмана.

Афро-азиатское студенчество постоянно является объектом воздействия империализма (пропаганда с помощью средств массовых коммуникаций, обучение студентов из развивающихся стран в странах развитого капитализма и т. д.), социал-реформистских, правоопортунистических сил Запада, а также левозэкстремистской идеологии, которая часто маскируется под марксизм. Известно, что студенты ряда развивающихся стран, в том числе Индии, Шри-Ланки, Бангладеш и др., довольно активно участвовали в левоз экстре-

мистских движениях, противостоящих компартиям и наносящих заметный урон развитию революционного процесса. В частности, левоэкстремистские троцкистские элементы из среды студентов были активными участниками событий 1971 г. в Шри-Ланке, когда под левацкими экстремистскими лозунгами было организовано вооруженное выступление молодежи, которое помимо материального ущерба нанесло урон общественному развитию страны. Компартия Индии по-прежнему ставит задачу борьбы против левоэкстремистов типа наксалитов, в движении которых активно участвовали и студенты¹⁸.

Как уже отмечалось, в большинстве развивающихся стран Азии и Африки в студенческом движении четко прослеживается тенденция к политической поляризации, к укреплению позиций левых сил. В то же время, как показал исторический опыт последних двух десятилетий, компартиям развивающихся стран не всегда удавалось завоевать прочные позиции в студенческой среде. И дело здесь не только в происхождении преобладающей части студентов из имущих слоев, хотя это, безусловно, имеет значение. Коммунисты находят общий язык со студентами, поддерживая их борьбу за реформы в области высшего образования; за ликвидацию безработицы, решение других насущных социально-экономических проблем, а также по вопросам революционных изменений в обществе. Вместе с тем большое число студентов, входящих в радикальные молодежные организации, как и прежде, страдает революционным нетерпением, проявляет склонность к выбору, как ей кажется, более радикальных, на деле же левацких, а часто и террористических методов революционной борьбы; они не всегда правильно оценивают обстановку и расстановку сил, поддаются сильному влиянию субъективных факторов.

Именно социально-психологическая неустойчивость, легкая воспламеняемость, повышенная восприимчивость к идеологии леворадикального бунтарства во многих случаях делают студенчество нестойким союзником пролетариата.

Более зрелой в политическом отношении является национальная интеллигенция, передовые представители которой при усиливающемся национально-классовом расхождении нередко выступают в качестве идеологов различных политических движений.

«Интеллигенция... — писал В. И. Ленин, — всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»¹⁹. Именно это обстоятельство и определяет функции интеллигенции в системе идеологических общественных отношений и ее специфические социально-политические качества²⁰.

Коммунистические партии стран Азии и Африки учитывают и то, что передовая часть интеллигенции способна представлять в политическом зрелой форме социальные интересы различ-

ных классовых сил, в том числе крестьянства — преобладающей производительной силы переходного общества.

Прямо и косвенно прогрессивные слои интеллигенции и других представителей средних слоев могут влиять на формирование массовой пролетарской опоры коммунистических партий. В ряде стран наблюдается рост численности пролетариата за счет представителей средних слоев. Поскольку заработная плата рядового чиновника, в том числе в госаппарате, как правило, невелика и не может полностью удовлетворить его нужды, мелкие служащие, особенно молодые, нередко бросают службу, идут работать на предприятия, в мастерские. Еще более выражено проявляется тенденция пополнения промышленного пролетариата юношами из семей служащих. Это объясняется рядом причин. Во-первых, по мере оснащения промышленности сложной техникой меняются характер фабричного труда и представления о нем у образованной молодежи. Во-вторых, этому способствует некоторое повышение уровня жизни квалифицированных рабочих, являющееся результатом долгой и упорной борьбы, а также рост социального статуса индустриального пролетариата. В-третьих, усиление конкуренции на городском рынке «нефизического» труда также способствует тому, что молодежь, в том числе дети служащих, все чаще переступает порог крупных заводов и фабрик. Как отмечалось в отчете Индийской национальной комиссии по труду, в машиностроении, нефтехимии, производстве синтетических волокон и других современных отраслях промышленности имеется немало выходцев из средних и близких им слоев, в том числе семей мелких чиновников, школьных учителей и т. д. На некоторых машиностроительных заводах Индии выходцы из семей служащих, чиновников и интеллигенции составляют уже от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всех рабочих.

Пополнение рядов рабочего класса за счет выходцев из средних слоев, как уже отмечалось в предыдущей главе этой книги, имеет неоднозначный характер. С одной стороны, это люди со сравнительно высоким уровнем образования, что при соответствующей работе коммунистов облегчает формирование у них классового сознания и дает тем самым им возможность оказывать позитивное влияние на рабочих, приобщать их к политической борьбе. В то же время этот новый отряд в рабочем классе афро-азиатских стран, оставаясь (во всяком случае, в преобладающем большинстве) за пределами влияния компартий, часто выступает носителем мелкобуржуазной идеологии, проводником тред-юнионистской практики.

Хотя и опосредованное, но большое влияние на рабочую молодежь оказывают преподаватели общеобразовательных школ, от которых, в частности, во многом зависит, какие взгляды и настроения несут молодые рабочие на предприятия, какие идеологические установки и ценностные ориентации внедряются в сознание трудящейся молодежи. Поэтому коммунисты считают

необходимым активизировать работу среди школьных учителей и преподавателей профессионально-технических училищ, где готовятся кадры квалифицированных рабочих из различных слоев населения. «В настоящее время,— отмечалось на XI съезде Компартии Индии (1978),— идет сильное брожение среди учителей, в том числе школьных. К сожалению, наше влияние на них ограничено. Обязанность партийных организаций заключается в том, чтобы повсюду устанавливать связи с учителями, в особенности с учителями начальных школ, поддерживать их требования и движения и всячески помогать им»²¹.

Важное место в работе компартий занимают также средний медицинский и технический персонал, низшие торговые служащие и группы клерков. Жизненные условия служащих этой категории и рабочих предприятий современной промышленности во многом сходны. В некоторых случаях заработки квалифицированных рабочих даже превышают оклады мелких служащих, учителей начальных школ и клерков. Занимаясь различными (иногда сложными) видами умственного, а также физического труда, эти группы служащих и интеллигенции, непричастных к механизмам управления, не являются носителями власти и не считают себя причастными к ней.

Многие — и притом наиболее многочисленные — категории служащих постепенно утрачивают в последние годы былую относительную привилегированность в сфере занятости. По мере превращения торгово-конторских работников в одну из массовых профессиональных групп все более широкие слои мелких служащих, занятых в промышленности, торговле и сфере обслуживания, становятся жертвами безработицы. Так, в Индии в 70-е годы конторские, административно-управленческие работники и специалисты составляли не менее 10% общего числа лиц, занятых поиском работы, в 1980 г. на биржах труда было зарегистрировано 1,7 млн. представителей этих профессий. Удельный вес служащих среди ученных безработных составлял в Турции 23%, в Малайзии — 40, в Шри-Ланке — 18—20, в Индонезии — 10, в Южной Корее — 13, на Филиппинах — 80, в Пакистане — 50%²². Иными словами, в 70-е — первой половине 80-х годов многие служащие постепенно утрачивали уверенность в том, что им удастся сохранить работу, и, следовательно, сближались с массой рабочих по этому важнейшему показателю социально-экономического положения. В программных документах компартий получила отражение политика защиты прав служащих этой категории, в частности в том, что касается совершенствования трудового законодательства, пенсионного обеспечения, улучшения жилищных условий и материального положения²³.

Многие компартии выдвигают требования, связывающие защиту материальных интересов с борьбой за признание права на забастовку и на создание профессиональных ассоциаций за служащими государственных и частных учреждений²⁴.

В 70—80-е годы в большинстве стран Азии и Африки все отчетливее проявляется тенденция к преодолению барьеров традиционной социальной замкнутости служащих, чиновников и интеллигенции, к их сближению с пролетариатом в социокультурном и социально-экономическом отношении. Отражением этих объективных процессов служит тот факт, что во многих афро-азиатских странах учителя, банковские работники, служащие муниципальных учреждений, конторские работники в торговле и промышленности и даже отдельные группы государственных чиновников все шире прибегают, по существу, к пролетарским методам борьбы, включая забастовки, демонстрации, требования о заключении коллективных договоров, повышение окладов в связи с ростом цен, борьбу с инфляцией, ограничение монополистической практики в торговле, а также расширение государственных ассигнований на образование, здравоохранение и науку. При этом многие профсоюзы служащих, нередко совместно с организациями рабочих, проводят выступления в защиту экономических и социально-политических прав.

Большое значение в работе со средними слоями имеет деятельность коммунистов в их профессиональных союзах²⁵. Профдвижение в бывших колониях и полуколониях в значительной части является также движением городских слоев. Это объясняется не только преобладанием непролетарских слоев в структуре населения, но и тем, что в большинстве афро-азиатских городов степень охвата профсоюзным движением этих слоев намного выше, чем рабочих, в том числе и современного пролетариата. Руководство почти всех профсоюзов и профсоюзных объединений осуществляется представителями «белых воротничков».

В этой связи компартии афро-азиатских стран ставят перед собой задачу добиваться того, чтобы профсоюзное движение не превратилось в придаток буржуазного государства и не выродилось в тред-юнионистское движение. В частности, в программе коммунистов Турции говорится, что партия ведет настойчивую борьбу против попыток превратить профсоюзы в орудие буржуазной политики, против желтого тред-юнионизма²⁶.

Не менее важная задача заключается и в том, чтобы добиваться тесной координации выступлений за жизненные интересы работников физического и нефизического труда. «Симптоматично,— писал председатель ЮАКП Юсуф Даду,— что, каких бы сторон южноафриканской действительности ни касались выдвигаемые народом требования — идет ли речь о сегрегации в образовании, повышении заработной платы, снижении квартплаты и стоимости проезда в городском транспорте, об отмене дискриминационных законов,— отличительной чертой всех выступлений является крепнущая солидарность различных категорий населения — учащихся и их родителей, студентов, рабочих и служащих»²⁷.

В труднейшей обстановке преследования демократических и прогрессивных сил, в разгар антикоммунистических и анти-

профсоюзных кампаний коммунисты Судана, Турции, Египта, ЮАР и ряда других стран выступали инициаторами массовых акций и организованных движений различных слоев населения — рабочего класса, трудового крестьянства, патриотически настроенной интеллигенции, ремесленников и мелких предпринимателей — в защиту их жизненных интересов, против реакционной внутренней и внешней политики правящих режимов.

Коммунисты Бангладеш сыграли важную роль в организации выступлений служащих государственных учреждений в середине 1980 г., когда свыше 500 тыс. низкооплачиваемых служащих потребовали от правительства принять срочные меры для прекращения роста дороговизны, обеспечения занятости, увеличения ассигнований на социальные нужды. В ноябре того же года коммунисты активно участвовали во всеобщей забастовке банковских служащих, медицинских работников и студентов столичного университета в защиту жизненных интересов этой категории средних слоев.

В условиях нарастающего процесса радикализации широких масс средних слоев и расширения социальных рамок прогрессивных общественно-политических движений на Востоке коммунисты не ограничивают практическую и идейно-воспитательную работу рамками профсоюзных объединений: они участвуют также в культурных, спортивных, молодежных, женских и других организациях средних слоев.

В последние годы все больше внимания компартии афро-азиатских стран уделяют женскому движению. В силу специфического положения на Востоке в борьбу женщин за свои права вовлекаются представительницы средних городских слоев, причем самые образованные и политически грамотные. В партийных документах большинства афро-азиатских компартий подчеркивается насущная необходимость вести работу в женских организациях. В целях привлечения женских масс к активному участию в общественной жизни деятельность коммунистов ведется по следующим направлениям:

- популяризация прогрессивных взглядов на проблему эмансипации женщин;
- выработка конкретных лозунгов, доведение их до трудящихся женщин;
- вовлечение женщин в деятельность демократических организаций, а наиболее политически грамотных — в ряды компартий.

На примере Ливана, Сирии и ряда других стран с мусульманскими традициями, строго регламентирующими положение женщин в обществе, можно судить о позитивных результатах практической работы коммунистов среди женщин, прежде всего представительниц средних городских слоев.

В ряде стран коммунисты сыграли важную роль в создании демократических женских союзов, а также в разработке их программ. Коммунисты входят в руководящие органы многих

женских организаций, занимающих все более прочное место в социально-культурной инфраструктуре развивающегося общества. Возрастает доля женщин в рядах компартий. Так, в Иракской компартии с 1974 по 1978 г. доля женщин увеличилась с 7 до 17% ²⁸. В Сирийской компартии к началу 80-х годов доля женщин составила 15%, в Ливанской — удельный вес только домохозяйек превышал в середине 70-х годов 6% ²⁹.

В компартиях, находящихся на легальном положении и имеющих большой опыт работы в массах, удельный вес женщин, естественно, выше, чем в партиях, работающих в условиях подполья. Коммунисты, работающие в женских организациях развивающихся стран, особенно там, где наблюдается сильное влияние ислама, сталкиваются с немалыми трудностями. Они связаны с еще не преодоленными представлениями о подчиненной роли женщины в обществе, о традиционно узком круге ее интересов и занятий и т. п. В освободившихся странах, кроме того, получают распространение феминистические движения, отвлекающие женщин от борьбы за социальное раскрепощение, ощущается острая нехватка хорошо подготовленных кадров для работы среди женщин и т. д. Коммунисты ряда афро-азиатских стран указывают на необходимость усиления работы в женском движении ³⁰.

* * *

Высокий уровень политического сознания и общественной активности национальной интеллигенции, а также других отрядов средних слоев, их большой удельный вес в структуре городского населения не могли не сказаться и на составе компартий. Политические представители средних слоев образуют, как правило, их ядро, а иногда и боевой авангард.

Такое положение сложилось отчасти и в силу специфических условий возникновения и организационного становления компартий в большинстве развивающихся стран. Эти процессы протекали на фоне борьбы за национальную независимость, а нередко и предопределялись подъемом национально-освободительного движения. Наиболее подготовленной к восприятию идей научного социализма оказалась патриотически настроенная интеллигенция, а впоследствии и другие представители средних городских слоев. В то же время мелкобуржуазный образ мышления многих из них создавал проблемы в деятельности отдельных партий, побуждал их руководство уделять особое внимание идейно-политическому воспитанию представителей непролетарских слоев, кадровой политике вообще.

На V съезде Сирийской компартии (1980) в отчетном докладе генерального секретаря Х. Багдаша отмечалось, что «в предшествующие годы партия переживала серьезное внутреннее давление мелкобуржуазных воззрений как правого, так и „левого“ толка. Их распространению способствовала обстановка в

стране, где еще не сложились глубокие пролетарские традиции»³¹.

Разумеется, нельзя смешивать такие понятия, как социально-классовая сущность партии и социальные характеристики ее состава. Классовый характер партии определяет не только социальный состав, но и идейно-политическая зрелость, классовая закалка руководства, ее идеология и конкретно-политическая практика. Тем не менее коммунисты не могут быть безразличны к тому, как складывается соотношение между выходцами из непролетарских слоев, с одной стороны, и представителями рабочего класса и трудового крестьянства — с другой. Широкое представительство средних слоев в руководстве и среди активистов в ряде случаев способствовало абсолютизации национально-специфических моментов, нарушению диалектического единства национального и интернационального в тактике отдельных компартий.

Сказанное, однако, ни в какой мере не ставит под сомнение ту большую роль, которую играют передовые представители средних слоев в революционном движении афро-азиатского мира. Линия коммунистов развивающихся стран на активную работу со средними слоями, их гибкий, дифференцированный подход к множественности социальных интересов этих слоев способны существенно содействовать сплоченности прогрессивных, национально-патриотических сил в странах Азии и Африки. Творческий поиск основ долгосрочного сотрудничества коммунистов со всеми прогрессивными силами, с демократическими движениями других направлений — слагаемое дальнейших успехов и роста влияния коммунистического и рабочего движения на Востоке.

Городские низы

Очень сложной для комдвижения стран Востока является проблема работы среди городских низов. Она приобрела в наши дни особую актуальность, хотя ее масштабы, степень остроты неодинаковы для разных стран афро-азиатского мира.

Понятие «городские низы» — такая же условная научно-аналитическая категория, как и «средние слои». Это сложный конгломерат социальных слоев, прослоек и групп, причем во многих случаях ничем не связанных между собой, если не считать того, что они находятся в самом низу общественной пирамиды, ведут в массе своей нищенское существование. Если верхние прослойки этого конгломерата граничат, где-то сливаясь с нижними прослойками мелкой городской буржуазии и средних слоев, то наиболее обездоленные представители низов — пауперы и люмпены — образуют городское дно. Границы городских низов до известной степени условны. На наш взгляд, в числе составных этого конгломерата — ремесленники, вла-

дельцы мелких и мельчайших предприятий, которые, являясь объектом усиливающейся эксплуатации со стороны крупного, среднего торгово-ростовщического капитала, разоряются и ведут часто полунищенское существование. Это также часть служащих, которых можно формально отнести к средним слоям: рассыльные, сортировщики, счетоводы, низшие клерки и др. В плане социальной психологии они в своей массе считают себя скорее всего частью средних слоев, но их мизерная зарплата не позволяет выбраться из кварталов нищеты, где они вынуждены жить по соседству с классическими представителями городского дна — безработными, полубезработными и люмпенами. В известном смысле это и рабочие дофабричного производства, в основном жители трущоб, которых можно в то же время рассматривать и в качестве особого отряда пролетариата. Их нещадная эксплуатация часто прикрыта родственными, земляческими и иными традиционными отношениями, что затрудняет осознание ими своих классовых интересов и даже классовой принадлежности.

К городским низам с полным основанием можно отнести и отходников из деревень, прибывающих в города на заработки. Большие восточные города превратились в центры сезонной занятости для части сельского населения, работа в которых становится для нее традиционным занятием. В ряде индийских городов в эту категорию входят строительные рабочие, мигранты из отдаленных районов страны, постоянно занятые на погрузочных и разгрузочных работах в портах, доках и на транспорте. Традиционные отходники представляют собой как бы «текучее» население города, не учитываемое официальной статистикой; его приливы и отливы определяются сезонностью работы в деревне. Однако все они почти в равной степени жители как города, так и деревни. Для многих из них сезонные промыслы — первая ступень «вживания» в городскую среду, и происходит оно, как правило, в городских трущобах.

В сущности, городские низы включают в себя две большие социальные группы: во-первых, мелких хозяйчиков в основном «традиционного сектора», испытывающих в определенной степени воздействие товарно-денежных и капиталистических отношений, но не превратившихся пока в органическую часть развивающегося капиталистического общества, а в узком смысле — современного сектора городской экономики; во-вторых, многочисленный и постоянно расширяющийся слой городской бедноты, безработных и полубезработных, пауперов и люмпенов. Именно последняя группа образует маргинальный слой в узком смысле этого слова. Между этими группами нет сколько-нибудь четкой границы, ряды маргиналов расширяются за счет нищающих ремесленников, мелких торговцев и других предпринимателей традиционного сектора, а также мигрантов из деревень, не сразу и не полностью включившихся в социально-экономическую структуру города. Вместе с тем какая-то часть

маргиналов «выбивается вверх» и переходит на относительно более высокие ступени социально-иерархической лестницы. Таким образом, можно констатировать процессы нисходящей и восходящей социальной мобильности. По своим масштабам преобладает, несомненно, движение вниз по социальной вертикали, обуславливающее рост кварталов городской нищеты.

Несмотря на снижение удельного веса традиционного сектора в производстве национального продукта, численность связанных с ним лиц не уменьшается, а даже возрастает. Так, по данным марокканских коммунистов, число ремесленников в стране увеличилось с 146 тыс. в 1960 г. до 486 тыс. в 1977 г.³² Расширение границ традиционного сектора объясняется ограниченными трудопоглощающими возможностями капиталоемкой промышленности и всего современного сектора, т. е. отсутствием альтернативных видов занятости, содействием государства, заинтересованного, по понятным причинам, в сохранении мелкого городского и торгово-ремесленного хозяйства, устойчивую мелкого производства и обслуживания, высоким естественным приростом населения, связанного с традиционным сектором и слабо затронутого кампаниями по регулированию семьи, притоком мигрантов из деревень и мелких городков, части которых удается интегрироваться в мелкое производство, торговлю и иные сферы деятельности в рамках традиционного сектора.

Таким образом, городские низы представляют собой огромную массу населения, с существованием которой не может не считаться ни одна политическая сила, включая коммунистов. Как писал советский исследователь А. И. Левковский, городские низы, в частности пауперы и люмпены, привлекают к себе особое внимание прежде всего потому, что речь «идет о судьбе десятков и даже сотен миллионов людей и число их не уменьшается, а растет. По приблизительным оценкам, от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{5}$ городского населения афро-азиатского региона страдает от хронической безработицы (полной или частичной), т. е. принадлежит к пауперизированным слоям города»³³.

Количественное разрастание и повышение удельного веса маргиналов и пауперов — одна из характерных черт изменений в социально-классовой структуре афро-азиатских стран в последние десятилетия³⁴. Маргинальные слои, как отмечалось ранее, включают в себя не только коренных горожан, но и мигрантов из деревень. Это люди, по существу «вытолкнутые» (по крайней мере временно) из сферы экономической жизни, не имеющие постоянных, устойчивых связей ни с современным, ни с традиционным сектором и в наибольшей степени страдающие от безработицы, неполной занятости, низких доходов, жилищной нужды, недоедания и т. д. Мигранты находятся в буквальном смысле этого слова в «промежуточном» положении: между деревней и городом, занятостью и безработицей, современным и традиционным секторами.

Возникшее в колониальный период обширное аграрное перенаселение достигло особенно крупных масштабов в наиболее «многонаселенных» странах Азии и Северной Африки. Его размеры еще более увеличиваются в условиях крайнего сужения фонда пока не используемых, но пригодных для обработки земель в таких странах, как Индия, Бангладеш, Пакистан, Египет, на о-ве Ява (Индонезия) и т. д.³⁵ Рост фабрично-заводской промышленности в городах, несколько более высокий уровень жизни трудящихся современного сектора, наличие в городах сравнительно развитой социально-экономической инфраструктуры (электрическое освещение домов и улиц, водопровод, школы, больницы, кинотеатры и т. д.), а также расширение транспортной сети и удешевление перевозок — все это в условиях так называемого демографического взрыва усилило действие факторов «выталкивания» из деревни и сил «притяжения» в города. В результате в 50—70-е годы в города развивающихся стран Азии и Африки переселилось не менее 150—170 млн. сельских жителей, которые обеспечили в среднем 40—50% всего прироста населения городов³⁶.

Разумеется, многие сельские мигранты так или иначе адаптируются к условиям городской жизни, находят работу или основывают свое «дело»: становятся ремесленниками, торговцами и т. д. Однако немалая часть выходцев из деревни оказывается без постоянной работы и средств к существованию, если не считать случайных доходов и подачек в рамках общественной и государственной благотворительности³⁷.

Жертвами пауперизма становятся многие коренные горожане — мелкие товаропроизводители, разоряющиеся в результате конкуренции со стороны иностранной и местной крупной промышленности. Наконец, армию безработных пополняют миллионы молодых людей, окончивших школы и даже высшие учебные заведения и не нашедших применения ни в современном, ни в традиционном секторе экономики³⁸.

Точную численность безработных установить невозможно, так как их повседневный учет ведется лишь на биржах труда, функционирующих в более или менее крупных городах. В целом, как показывают многочисленные расчеты и оценки, безработные составляют от 5 до 20% населения городов, а не полностью занятые — $\frac{1}{4}$ или также $\frac{1}{3}$ часть населения. Эти данные свидетельствуют о том, что в известном смысле едва ли не все мелкое и мельчайшее производство в городах стран Азии и Африки превратилось или превращается в специфическую форму существования относительного перенаселения. Примерно те же результаты получаются, если в основу подсчетов маргинального населения положить данные о жителях так называемых поясов нищеты на окраинах крупных афро-азиатских городов.

Неуклонный рост безработицы, неполной занятости, нищеты в афро-азиатских городах, естественно, сопровождается усиле-

нием социальной напряженности и обострением противоречий между населением «городского дна», с одной стороны, и имущими классами и властями — с другой. Именно поэтому городские низы составляют важнейший социальный компонент массовых выступлений во многих освободившихся странах. В целом ряде случаев маргинальные слои поддерживают радикальные программы и оказываются пусть временными, но дееспособными союзниками и сторонниками левонационалистических, революционно-демократических организаций и партий. В этом сказывается их разочарование и неудовлетворенность политикой буржуазных правительств, надежда на перемены в своей судьбе в случае социального переворота, нетерпение и экстремизм, свойственные отчаявшимся людям, верящим в «чудо», обещанное харизматическим лидером, в утопические программы примитивного эгалитаризма.

Вместе с тем маргинальные слои нередко поддаются под влияние политических движений и не только демократического, но и реакционного толка, широко использующих националистическую и псевдосоциалистическую фразеологию, культ сильной личности и т. д. В отдельных случаях эти слои, как уже подчеркивалось, становятся жертвой шовинистической демагогии и традиционалистского фанатизма, окрашенного в религиозные тона. Руководители такого рода движений стремятся направить гнев обездоленных и отчаявшихся людей, как правило, против организаций пролетариата и интеллигенции, обладающих только «привилегией» постоянной работы и регулярного заработка.

В связи с этим перед коммунистами афро-азиатских стран встает принципиальный вопрос: по какую сторону баррикады окажутся городские низы, а также те или иные их слои в период обострения социально-классовых конфликтов, в момент социального взрыва? Неустойчивость положения значительной части городских низов, включая «традиционных» ремесленников, мелких торговцев и др. предопределяет возрастающий накал их социального недовольства, вспышки отчаяния и бунтарские настроения, но также и охватывающее их временами чувство апатии и безнадежности. Сильный у этих слоев груз традиционалистских взглядов и предрассудков, социально-кастовых связей и религиозных верований облегчает деятельность в их среде реакционно-националистических партий и организаций и, напротив, затрудняет привлечение их на сторону пролетариата. Однако распространение начального образования, проникновение современных средств массовых коммуникаций (радио, кино, газеты, а иногда и телевизоры — в парикмахерских, кафе и других общественных местах), проведение политических кампаний, в том числе выборов в парламент и муниципальные органы власти,— все это способствует расширению кругозора городских низов, ослаблению реакционных иллюзий, традиций и предрассудков, осознанию ими необходимости про-

грессивных перемен во всех сферах экономической и общественно-политической жизни.

Опыт политических движений в афро-азиатских странах 70-х — начале 80-х годов свидетельствует о том, что беднейшие слои города активно участвовали практически во всех сколько-нибудь крупных общественных движениях, повторяем, как «левого», так и правого толка. Особой активностью они отличались в таких странах, как Индия, Пакистан, Иран и Тунис.

В одних случаях (Египет, Тунис, Марокко) городская беднота решительно выступала против резкого ухудшения своих жизненных условий; в других (например, в Иране) городские низы являлись важной движущей силой политических революций, направленных на свержение реакционного строя; в третьих (Индия, Пакистан и ряд других стран) значительная часть городских низов оказывалась слепым орудием в руках реакции.

Впрочем, в силу своего социального положения и неустойчивости мировоззренческих позиций склонные к стихийному бунту, анархии и экстремизму пауперизованные слои городского общества стран Востока могли в одних и тех же странах на разных этапах их развития выступать то в одном, то в другом качестве, метаться от одного политического лагеря к другому. «Маргиналы наряду с рабочими и мелкой буржуазией, — отмечают авторы коллективной монографии „Восток: рубеж 80-х годов“, — составили в 70-х годах низовую базу всех общественных движений в странах Востока от Марокко до Филиппин. Именно они явились наиболее многочисленной и радикальной частью участников массовых выступлений в Иордании и Бангладеш в 1970—1971 гг., в Ливане в 1975—1976 гг., в Индии и Таиланде в середине 70-х годов, в Египте в 1977 г., в Пакистане в 1977—1981 гг. и особенно в Иране во время революции 1978—1979 гг. Обездоленные и неимущие пауперы, как и потерявшие всякую надежду на улучшение своего положения люмпены и другие представители непролетарской бедноты, которым нечего было терять, благодаря своей политической несамостоятельности пополняли ряды различных организаций экстремистского толка и участвовали в движениях как прогрессивных, так и реакционных»³⁹.

И все же коренные (пусть не всегда осознанные) интересы этих слоев в конечном счете полярно противоположны политике капиталистического развития, которое неизбежно и в расширенном масштабе воспроизводит в афро-азиатских странах безработицу, неполную занятость, нищету, пауперизм. Поэтому в интересах расширения рядов борцов против внешних и внутренних эксплуататоров и с учетом конкретной ситуации коммунистами может быть выработан минимум требований, отражающих интересы городских низов, а в какой-то мере и рабочих современного сектора экономики, например борьба с инфляцией, обеспечение наиболее обездоленной части городских

низов продовольствием по сниженным ценам, расширение строительства недорогих домов, проведение электричества, сооружение водопроводных и канализационных систем в кварталах нищеты, принятие мер по обучению безработных и неполностью занятых новым, пользующимся спросом профессиям и т. д. Сюда же можно отнести и такие меры, как защита трудящихся традиционного сектора от гнета крупного капитала, всемерное распространение производственной, снабженческо-сбытовой, кредитной, жилищной и иных форм кооперации с целью повышения эффективности мелкого хозяйства и ограничения эксплуатации мелких товаропроизводителей как в рамках самого традиционного сектора, так и извне — со стороны торгового, промышленного, банковского капитала и государственной бюрократии⁴⁰.

Сознавая опасность, которую представляет даже временный переход на сторону сил реакции сколько-нибудь широких слоев городской бедноты, организованный пролетариат и его политические партии в своих программах и практической повседневной деятельности не могут не учитывать возможность и необходимость использовать в интересах демократических сил радикальные потенции, антибуржуазные и антиимпериалистические настроения, зреющие в гуще обездоленных масс, отброшенных на «городское дно» всем ходом капиталистического развития.

Например, в программе Компартии Бангладеш широко отражены требования мелких городских и сельских товаропроизводителей (рыбаков, ткачей, кузнецов, гончаров и т. д.). Большое внимание уделяется при этом развитию кооперации⁴¹. Индийские коммунисты требуют расширения возможностей занятости бедняков, введения пособий по безработице, выдвигают требования проведения широкой программы жилищного строительства, обеспечения жильем городской бедноты, осуществления программ перестройки трущоб, улучшения их санитарного состояния, снижения цен на товары широкого потребления и т. п.⁴².

Партия прогресса и социализма (Марокко) предлагает систему мер, направленных на поощрение ремесленного производства. В их числе — развитие профессионального образования, кооперации, расширение торговой сети, широкое государственное кредитование ремесленного производства, выработка социального законодательства, призванного обеспечить надлежащие условия труда ремесленников, их социального обеспечения и т. д.⁴³.

В документах Коммунистической партии Филиппин содержатся требования установления минимума заработной платы для низкооплачиваемых групп трудящихся и оказания им помощи в деле организации профессионального обучения, подъема культурного уровня, улучшения условий труда и быта, строительства недорогих жилищ и др.⁴⁴. КПФ подчеркивает необходимость реконструкции кварталов бедноты, выдвигает програм-

му переселения лиц, не имеющих достаточных средств к существованию, в доступные по квартплате жилища ⁴⁵.

Позиция коммунистических партий по отношению к национальным и религиозным меньшинствам, подвергающимся дискриминации, являются также, по существу, защитой низов общества, как городских, так и сельских. Коммунисты выступают за предоставление наименьшинствам конституционных прав и реальных возможностей для развития демократических традиций их культуры и образа жизни. Так, Коммунистическая партия Индии неоднократно выдвигала требование о создании специальной комиссии для всестороннего расследования положения угнетенных национальных меньшинств, особенно их беднейшей части, выработки мер по борьбе с дискриминацией. КПИ предложила программу конкретных действий, направленных на улучшение положения меньшинств (уважение их религиозных обрядов, создание условий для обучения детей на местных языках и т. п.) ⁴⁶. Большое внимание коммунисты Индии уделяют борьбе за ликвидацию дискриминации по кастовому признаку, за устранение тяжелых последствий многовекового неравенства низших каст, против всего, что объективно питает межобщинную рознь, столкновения на религиозно-общинной почве.

Такую же принципиальную позицию в отношении национальных и религиозных меньшинств занимают другие компартии афро-азиатских стран. В частности, коммунисты Шри-Ланки поддержали требования признания за тамилами права на самоопределение вплоть до региональной автономии в рамках единого ланкийского государства, решительно борются против дискриминации по национальному, языковому, религиозно-общинному признакам ⁴⁷.

В штатах Керала, Западная Бенгалия, Трипура коммунисты Индии на деле доказали, что являются стойкими и последовательными защитниками интересов трудящихся, обездоленных, включая городскую бедноту. Индийским коммунистам удалось осуществить долговременную программу наделения городской бедноты участками земли под жилье, развертывания жилищного строительства, выплаты пособий по бедности.

Особое внимание леводемократические правительства уделяли поддержанию стабильных цен на продукты питания, а также помощи наиболее нуждающимся, в первую очередь детям бедноты, страдающим от хронического недоедания, болезней. Коммунисты добились регулярного медицинского обследования детей; бесплатного обучения в муниципальных школах; бесплатно стали выдаваться учащимся учебники, тетради, а также предоставляться завтраки в школах ⁴⁸.

Таким образом, на примере конкретной деятельности коммунисты доказывают трудящимся, в том числе городской бедноте, что выдвигаемая ими программа социально-экономических преобразований отвечает их кровным интересам.

Объективная трудность работы коммунистов в среде городских низов очевидна. Во-первых, многие афро-азиатские компартии сравнительно молоды и им не хватает партийных кадров и активистов, чтобы одновременно вести работу (а тем более в условиях подполья) по всем направлениям своей потенциальной социальной базы. Во-вторых, городские низы, в особенности пауперы и люмпены,— это та социальная среда, которая не только трудно поддается воздействию извне в плане организации, идейно-политического воспитания и т. д., но и сама имеет тенденцию оказывать влияние на общественную жизнь страны и даже на политические партии, пытаясь навязывать им свое понимание путей и методов решения социальных проблем. В-третьих, жизненные условия значительной части городских низов столь ужасающи, а их идейно-политические установки и социальные ориентиры настолько неустоявшиеся, что они готовы следовать за кем угодно, и прежде всего за теми политическими силами, которые могут что-то конкретно предложить для облегчения их тяжелой участи либо демагогически пообещать им это сделать в ближайшем будущем. А такими силами, как известно, часто оказываются имущие и власть имущие.

Внимание коммунистов направлено прежде всего на те слои и прослойки городских низов, которые меньше всего подвергались деклассированию, готовы вместе с пролетариатом, трудовым крестьянством, другими трудящимися массами бороться за улучшение своего бедственного положения, за глубокое социальное переустройство общества. В то же время коммунисты борются за улучшение положения всех представителей городских низов, понимая, однако, что подлинного решения этой проблемы нельзя добиться на капиталистическом пути развития.

Строго говоря, коммунисты видят суть проблемы в том, чтобы бороться за ликвидацию условий, порождающих пауперизм и люмпенство, создающих в городах кварталы нищеты.

Борясь с сектантством, догматизмом, фракционностью, болезнями «левизны» в рядах революционного движения, носителями которых выступают зачастую как раз представители непролетарских слоев, коммунисты афро-азиатских стран всячески подчеркивают необходимость всемерно использовать антикапиталистические потенции этих слоев. В свое время В. И. Ленин предупреждал коммунистов о том, что мелкобуржуазные элементы «будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но объективно они будут нападать на капитал...»⁴⁹.

Исходя из этого, коммунисты и строят свою политику в отношении непролетарских слоев.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

История развития коммунистического движения афро-азиатских стран богата опытом борьбы коммунистов в различных исторических, социально-экономических и национально-специфических условиях. В годы национально-освободительной борьбы компартии сражались против немецкого фашизма и японского милитаризма, против английских, французских, голландских и прочих колонизаторов. Борьба коммунистов стран Азии и Северной Африки за национальную независимость, несмотря на допущенные некоторыми компартиями ошибки и просчеты, явилась яркой страницей в истории развития комдвижения освободившихся стран. Она всегда будет привлекать к себе пристальное внимание.

Не менее важен этап в истории комдвижения рассматриваемых стран, связанный с выработкой компартиями стратегии и тактики после обретения колониями и полуколониями национальной независимости. Компартиям следовало определить свою позицию в отношении сил, пришедших к власти, найти свое место в обществе в новых условиях.

Известно, что в составе правящих сил нередко находились откровенно реакционные элементы, представлявшие интересы помещиков, феодалов, компрадорской буржуазии, связанные с колонизаторами, с империализмом. В условиях «холодной войны» компартии приняли активное участие в противоборстве мировых сил прогресса и реакции.

Плодотворен, но так же труден и противоречив нынешний этап творческой революционной деятельности компартий. Коммунистам приходится решать сложный комплекс задач, вести легальную борьбу за достижение национальных и общедемократических целей, бороться за классовые интересы трудящихся, против угрозы новой мировой войны, работая подчас в условиях глубочайшего подполья.

Многие аспекты стратегии и тактики компартий афро-азиатских стран наиболее рельефно раскрываются при рассмотрении деятельности компартий в конкретной обстановке. Это позволяет составить полное представление об их политической линии, успехах и нерешенных проблемах, а также перспективах развития. В данной, второй части книги рассматривается деятельность партий пролетарского авангарда в странах Юго-Во-

сточной, Южной и Западной Азии, а также в государствах Арабского Востока. Поскольку ее основная цель сводится к тому, чтобы показать, как вопросы стратегии и тактики, разрабатываемые комдвижением афро-азиатских стран, преломляются и видоизменяются в национально-специфических конкретных условиях, авторы не ставили перед собой задачу исследовать историю всех компартий стран Востока. Деятельность части партий, находящихся в нелегальных условиях, либо вообще не рассматривается, либо рассматривается очень сжато. Подробно анализируется деятельность легальных марксистско-ленинских партий, обладающих богатым опытом классовой борьбы, играющих важную роль в общественно-политической жизни своих стран и пользующихся значительным влиянием в массах.

В центре внимания авторов книги находится, естественно, нынешний этап развития комдвижения в странах Востока, однако часто возникала необходимость обращаться к послевоенной и даже довоенной истории компартий для того, чтобы лучше понять их современные проблемы и перспективы развития.

Глава V

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Историю коммунистического движения в странах Юго-Восточной Азии¹ можно разделить условно на три основных этапа. Они не во всех случаях совпадают по временным рамкам для каждой из партий, однако близки по политическому содержанию, по условиям их деятельности.

Первый этап начинается с возникновения коммунистического движения в этом регионе в 20-х годах и охватывает процессы становления партий, борьбы за создание единого антиимпериалистического и антиколониального фронта, установление связи с международным коммунистическим движением и Коммунистическим Интернационалом.

Второй этап знаменует собой подъем национально-освободительного движения в ходе второй мировой войны. Завершается он одновременно для компартий региона — в конце 50-х — начале 60-х годов.

Третий этап связан с возникновением и усугублением серьезных трудностей идеологического и политического характера в рядах компартий региона. В результате тяжелого урона, который понесло ослабленное маоистским влиянием коммунистическое движение в Юго-Восточной Азии, возникла ситуация, когда марксистско-ленинским силам в ряде стран ЮВА пришлось заново начинать борьбу за массы, за восстановление роли партий как революционного авангарда трудящихся, за объединение рабочего движения с научным социализмом. Укажем на особенности положения в странах ЮВА, оказавшие определяющее влияние на условия, в которых начинали действовать компартии региона.

1. Колониальный статус Индонезии, Малайи, Филиппин, а также Бирмы порождал тесное переплетение национальных и социальных требований, поскольку в качестве эксплуататора здесь выступала по преимуществу инонациональная буржуазия метрополии. Отсюда вытекало два следствия: первое — распространение антикапиталистических настроений в основных слоях общества (капитализм воспринимался как «греховное» явление, привнесенное чужеземцами) и второе — замедленное внутреннее социальное размежевание, своего рода «солидарность» в противостоянии нации колонизаторам.

2. Капитализм в названных странах развивался с самого начала в соответствии с интересами и потребностями буржуазии метрополии в качестве периферийного, что усиливало социальную мозаику общества, способствовало появлению многочисленных промежуточных слоев и прослоек. «Капитализм не был бы капитализмом,— подчеркивал В. И. Ленин,— если бы „чистый“ пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.; если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п.»². Верный для европейских стран, этот анализ еще более справедлив для азиатских обществ.

Каждый из этих слоев приходит в освободительное движение со своими целями, своим пониманием собственных интересов (уровнем социального самосознания), своей идеологией, создавая наиболее сложное и порой причудливое переплетение идейных и политических течений. Рабочий класс в странах ЮВА начал развиваться в начале XX в. В ряде стран (Индонезия, Филиппины) он рос быстрее, чем развивалось национальное предпринимательство, задавленное колонизаторами. Но это в большинстве своем были рабочие в первом поколении. В Индонезии к 1930 г. численность постоянного промышленного пролетариата составляла на Яве всего около 400 тыс. человек при 2 млн. сельскохозяйственных рабочих и кули, а вне Явы — около 140 тыс. плюс 450 тыс. плантационных рабочих³. По данным Г. И. Левинсона, фабрично-заводской пролетариат Филиппин насчитывал в 1939 г. около 130 тыс. при численности населения 16 млн. В мелких мастерских и в качестве надомников были заняты 350 тыс., а крупнейший отряд рабочего класса составляли сельскохозяйственные рабочие — до 2 млн. человек⁴. Аналогичная картина наблюдалась в других странах, свидетельствуя о том, что подавляющая часть пролетариев (по имущественному положению, но еще не по сознанию) состояла из людей, недавно приступивших к работе по найму, считавших ее временной, связанных в большинстве своем тысячами нитей с деревней и надеявшихся вернуться к земле, к крестьянскому труду.

3. Особую роль в этом регионе неизменно играет национально-этнический фактор. Исторически, не без вмешательства колонизаторов, здесь сложилась ситуация, когда ключевые позиции в торговле и финансах заняли иммигранты китайского происхождения. Они выступали также в роли посредников между местным населением и капиталом метрополии (в современных условиях — транснациональными корпорациями). Отсюда в сознании трудящихся происходило неизбежное в таких случаях со-

вмещение границ социально-классового деления общества с национально-этническим. Это успешно эксплуатировалось на всех этапах колонизаторами и местной буржуазией, чтобы подменить социальное недовольство масс расовым и направить его против китайцев. Особое положение сложилось в Малайзии, где выходцев из Китая около 40% населения, и преимущественно из их среды формировался на первых порах рабочий класс, его квалифицированная часть.

Названные факторы оказывают глубокое воздействие на национальную и социальную психологию населения, его трудящиеся слои, включая интеллигенцию. Если абстрагироваться от многообразных промежуточных явлений, то в общественном подходе к действительности обнаруживаются два полюса — от глубокого консерватизма до крайней левизны. Будучи одной из ипостасей национализма, этот консерватизм, противоречивый по сути своей, когда дело касается трудовых слоев, отражает привязанность к традиционному укладу, патриархальным ценностям, религии, порожденную инстинктивным стремлением масс сохранить национальную самобытность, уберечь свои моральные ценности от разрушающего влияния как Запада, так и обуржуазивающихся слоев туземного населения. На определенном этапе развития общества это может обратиться и против прогрессивной идеологии, прежде всего научного социализма, как «чужеземного», исходящего с враждебного Запада и «не соответствующего национальной самобытности».

На противоположном полюсе находится устойчивая предрасположенность к левацкому нетерпению. Исторически она порождена веками угнетения, унижений, нищеты и отсталости, оскорбительной для народного самосознания. Ее социальную почву создает развивающийся капитализм, который В. И. Ленин охарактеризовал как «полуфеодальный, с тьмой остатков всяких привилегий, наиболее реакционный и наиболее мучительный для массы»⁵.

Деклассирование крестьянства, связанное с развитием капитализма и обезземеливанием, рост люмпенства и предпролетарской прослойки в городах, которые обычно называют в качестве основных факторов, порождающих левый экстремизм, в странах ЮВА также играют свою роль, но скорее как элементы общего социального климата. Левацкие проявления на всех этапах освободительного движения в этом регионе не всегда отличались анархизмом, неорганизованностью, свойственными обычно люмпенской массе. Более того, опубликованные материалы свидетельствуют о сравнительно высокой организованности и дисциплине, наблюдавшихся в некоторых таких движениях.

В большей мере склонность к левацким проявлениям, к абсолютизации насильственных форм борьбы является спонтанной реакцией угнетенных масс на политику классового противника — колонизаторов и их преемников, прибегавших к на-

силию как основному методу обращения с массами трудящихся. Характеризуя период становления азиатских компартий, А. Б. Резников писал: «...идеи марксизма-ленинизма, проникая в трудящиеся массы угнетенной страны, где коммунистов было очень немного, вовсе не попадали в идейно-политический вакуум: они вступали во взаимодействие с традицией, в силу которой привычная подчиненность правящим классам знала только одну альтернативу — неукротимое желание разом покончить со всяким злом, выливающееся в бунт»⁶. Эта интересная мысль проецируется на ряд проблем и современного развития стран ЮВА: склонность к насилию рассматривается как оборотная сторона традиционализма. Отсюда можно сделать вывод, что отрицание рядом режимов норм буржуазной демократии как якобы противсечащих национальным традициям, ограничение легальных форм политической активности масс также порождает экстремизм как левого, так и правого толка.

Таковы вкратце основные черты, характеризующие обстановку, в которой зарождалось коммунистическое движение в странах Юго-Восточной Азии. При ближайшем рассмотрении мы находим, что и сейчас в обществах этих стран наблюдается действие упомянутых факторов, хотя иногда и в видоизмененной форме.

Коммунистическая партия Индонезии, основанная 23 мая 1920 г., стала первой компартией в странах Востока. Слабость национальной буржуазии создавала ситуацию, когда подавляющего большинства трудящихся субъектом эксплуатации был иностранец, поэтому классовые и национальные противоречия тесно переплетались. Академик А. А. Губер справедливо заметил, что «совпадение классовой борьбы пролетариата с антиимпериалистической не только делало рабочее движение важным фактором национально-освободительного движения, но и создавало благоприятные условия для борьбы рабочего класса и его авангарда — КПИ за руководящую роль в национально-колониальной революции»⁷. Но одновременно это означало, что вследствие недостаточно глубокой дифференциации туземного общества, особенно по линии буржуа — пролетарий, с одной стороны, и высокого накала антиимпериалистических настроений — с другой, партия пролетариата воспринималась прежде всего как наиболее последовательная и боевая сила национального освобождения. В этих условиях выработка правильной политической линии зависела от способности руководства КПИ точно оценить сущность поддержки партии со стороны масс, определить, в какой мере эта поддержка относится к социальным целям партии, и в зависимости от этого установить, насколько далеко способны пойти за ней народные массы и отдельные классы.

Роль авангарда национально-освободительного движения перешла к КПИ еще в середине 20-х годов после раскола одной из первых и наиболее массовых национальных организа-

ций Индонезии, Сарекат ислам (Союз ислама), которую В. И. Ленин рассматривал как один из отрядов революционно-демократического движения в Индонезии⁸. Последующая дифференциация в рядах Сарекат ислам (СИ) привела к выделению радикального крыла, примкнувшего к КПИ. В принципе раскол в то время был нецелесообразен, и Исполком Коминтерна высказался против обострения отношений с СИ, более того, за работу коммунистов с этой организацией⁹. Как и предвидел Коминтерн, КПИ, не обладавшая еще достаточным опытом, не сумела создать из бывших членов СИ новую массовую организацию. Во всех документах Коминтерна, касающихся положения в Индонезии в 20-е годы, выражается беспокойство в связи с проявившимися тенденциями сектантства в политике руководства молодой партии. Об одной из причин этой тенденции удачно говорится в статье Т. Синурайя¹⁰. «Слишком коротки,— писал он,— были те сроки, которые отвела им (индонезийским коммунистам.— Авт.) история для того, чтобы и обрести самостоятельность по отношению к национализму, и в то же время вступить с ним в союз против империализма». Думается, что эта характеристика справедлива и для развития ряда других партий Востока, родившихся в результате социально-политической кристаллизации в национальном движении.

Исторический процесс выдвинул Компартию Индонезии на передний край борьбы против голландского господства в период, когда партия находилась в стадии становления, накопления политического и тактического опыта. В 1924 г. колониальные власти начали планомерную кампанию репрессий против КПИ. В конце 1925 г. ЦК КПИ принял решение о подготовке общенационального вооруженного восстания против голландцев. В решении говорилось, что «партия чувствует себя достаточно сильной, чтобы ответить реакции мощным сопротивлением и восстанием». Исполкому Коминтерна стало известно об этом решении только в середине 1926 г. (сказалась значительная удаленность Индонезии). Он выразил сомнение в том, что на Яве сложилась революционная ситуация, и рекомендовал КПИ проводить политику единого революционного блока с левыми национальными элементами, сделать центральным пунктом своих требований лозунг национальной независимости страны, «опираясь кроме рабочих на широкие слои сельского батрацкого, крестьянского населения, а также добиваясь участия в борьбе ремесленников, интеллигенции и демократических слоев туземной буржуазии»¹¹.

В понимании Коминтерна рекомендованная им тактика широкого антиимпериалистического фронта означала не сотрудничество с национальной буржуазией, а единство действий широчайших слоев населения — рабочего класса, крестьянства, национальной интеллигенции, ремесленников, национальных предпринимателей, туземной армии,— из которых значительная, если не подавляющая часть по своим классовым интересам ли-

бо по уровню классового самосознания еще не могла подняться выше буржуазно-демократических национальных требований. Сочетание этой тактики с сохранением полной самостоятельности пролетарской партии — ключевой вопрос, и от его решения зависело, удастся ли партии овладеть массами.

Как писал впоследствии председатель ЦК КПИ Д. Н. Айдит, руководители партии не поняли тогда, что основные требования народа носят национальный, демократический характер. КПИ возглавила начавшееся в конце 1926 г. антиколониальное восстание. Но несогласованность действий повстанцев, недостаточно четкая политическая программа, необоснованная попытка ускорить ход событий под преждевременными лозунгами о социалистической революции и диктатуре пролетариата, а также отсутствие единства предопределили поражение восстания¹². КПИ подверглась жестоким репрессиям, остатки ее кадров ушли в глубокое подполье, а напуганная восстанием колониальная администрация сделала все, чтобы воспрепятствовать возрождению массовой компартии. В результате партия утратила роль авангарда освободительного движения, ее место на авансцене политической борьбы заняли национально-революционные силы, мелкобуржуазная революционная демократия.

Воздействие КПИ на дальнейший ход национально-освободительной борьбы было несоизмеримо с численным составом ушедших в подполье небольших групп. Она первой внесла в индонезийское общество идеи марксизма-ленинизма, идеалы Октябрьской революции в России (при всей ограниченности возможностей КПИ в пропагандистской и идеологической областях), она не только вошла в сознание масс как самая боевая и последовательная национальная сила, но и способствовала радикализации национально-революционных союзов, пришедших ей на смену. Голландский историк Я. Плюве пишет: «Остается фактом, что в национальном движении с его сильно выраженной тенденцией к социальным преобразованиям проявлялся большой интерес к коммунистическим теориям и что оба движения подчас обнаруживали симпатии друг к другу. Нельзя отрицать, что националисты были воодушевлены русским примером и что коммунистическая пропаганда оказывала на них влияние, которое иногда приводило к более или менее тесному сотрудничеству»¹³.

Образование *Коммунистической партии Филиппин* предшествовал продолжительный для условий Юго-Восточной Азии период развития рабочего движения страны. Еще в 1913 г. был создан Рабочий конгресс Филиппин, в составе которого крупнейшим профобъединением был Союз арендаторов и сельскохозяйственных рабочих, насчитывавший в середине 20-х годов около 25 тыс. человек. В конце 1924 г. профсоюзные активисты основали Рабочую партию Филиппин. Характерно, что уже тогда рабочее движение страны поддерживало связи с Профинтерном и Коминтерном.

Резолюция V расширенного пленума ИККИ (1925) поставила перед Компартией США — как страны, колонией которой были Филиппины, — задачу содействовать созданию там «компартии из элементов пролетариата и революционной интеллигенции, способствовать расширению профсоюзного движения и революционизированию РКФ и Филиппинской конфедерации труда... повести энергичную работу среди крестьянских организаций, выработав конкретную программу аграрных требований, и, наконец, оказать содействие в образовании национально-революционной партии»¹⁴.

В апреле 1928 г. ИККИ рекомендовал создать на Филиппинах компартию, которая действовала бы в рамках Рабочей партии, способствуя ее превращению во все более массовую и все более коммунистическую¹⁵. Эти рекомендации в принципе совпадали с советами индонезийским коммунистам в отношении упоминавшегося Сарекат ислам. Следуя рекомендациям ИККИ, лидеры Рабочей партии пришли к пониманию объективной неизбежности демократического национально-освободительного этапа революции. Однако полностью избавиться от стремления «ускорить события» им не удалось. Это дало себя знать и в документах Коммунистической партии Филиппинских островов (КПФО), основанной 7 ноября 1930 г. В частности, в ее уставе говорилось, что Филиппины могут добиться независимости только под руководством рабочего класса. Конечную цель борьбы партии устав определил так: «установить на Филиппинах советскую власть во главе с рабочим классом», и, «опираясь на диктатуру пролетариата, освободить рабочих и крестьян. Но до достижения этого конечного идеала... мы должны будем осуществить много других мер: во-первых, свергнуть американский империализм., во-вторых, свергнуть капитализм и феодализм; в-третьих, взять в свои руки управление страной; в-четвертых, установить диктатуру пролетариата; в-пятых, развить классовое самосознание и классовую борьбу и добиться скорейшего построения коммунизма»¹⁶.

Как можно заметить, у филиппинских коммунистов не было еще достаточно четкого разграничения задач, свойственных двум этапам освободительной революции в колониальной стране. Коминтерн обратил на это внимание и высказал мнение о необходимости уделять больше внимания крестьянскому движению — рекомендация, сохранившая актуальность в стране, где острые аграрные волнения носят хронический характер.

При всех трудностях периода становления создание КПФО было актом величайшего значения, в первую очередь потому, что оформился коммунистический авангард трудящихся страны. Наряду с этим существование и деятельность компартии, которая в 1932 г. вынуждена была уйти в подполье, оказывали серьезное воздействие на всю политическую жизнь страны, способствовали определенной радикализации буржуазного националистического движения.

В Малайе и Сингапуре наибольшие трудности в процессе становления и развития коммунистического движения проистекали из весьма сложной этнической ситуации. Как говорилось выше, там две наибольшие общины — малайская и китайская — были разделены не только национальными, но и социальными перегородками, подогревавшейся колонизаторами расовой отчужденностью. Поскольку рабочий класс, его квалифицированная часть, сформировался преимущественно из местных китайцев, проникновение в страну идей научного социализма затронуло прежде всего этот слой. Для китайской общины в целом характерна была неудовлетворенность своим политическим положением, его несоответствием экономическим позициям китайской торгово-финансовой буржуазии и сравнительно высокому среднему образовательному уровню китайской массы. Поэтому к оппозиционности китайцев неизменно примешивался сильный элемент национализма, усилившегося по мере развития национального движения в Китае.

Поскольку крестьяне Малайи — ныне Малайзии — в подавляющем большинстве принадлежат к малайской общине, решение проблемы союза рабочего класса и крестьянства наталкивалось на расово-этнические трения. В условиях этой страны лишь то политическое или общественное движение могло рассчитывать на серьезный и долговременный успех, которое было бы способно сформулировать прогрессивную и реалистическую национальную программу, увязанную с социальными лозунгами, поскольку этническое и имущественное неравенство в этой стране были взаимоуглубляющими.

В апреле 1930 г. на конференции представителей марксистских групп была основана Коммунистическая партия Малайи взамен существовавшей в 1927—1928 гг. Компартии стран Южных морей. На конференции в качестве представителя Коминтерна присутствовал Хо Ши Мин. По имеющимся сведениям, он резко критиковал тогда коммунистов страны за то, что они в прошлом сосредоточивались на работе только среди китайского населения в ущерб деятельности в других расовых группах¹⁷.

Британская колониальная полиция приняла энергичные меры по ликвидации молодой партии. Репрессии затронули организации КПМ не только в стране, но и в Гонконге. Оставшиеся на свободе функционеры провели совещание, на котором было решено «вести борьбу за национальное освобождение, разработать военную программу свержения империализма и феодальной аристократии и создать Малайскую Советскую Республику объединенными усилиями пролетариата и крестьянства»¹⁸. В этом налицо очевидное и характерное смешение задач разных этапов революции, ее национальных и социальных задач. «Объединенные усилия пролетариата и крестьянства» упоминаются здесь как нечто само собой разумеющееся, хотя до реального единства было еще далеко.

В 1934 г. КПМ становится секцией Коминтерна. Партия создает свой профцентр и молодежную организацию. Коммунисты укрепляют свои позиции в рабочем классе, преимущественно под их влиянием в 1935—1936 гг. начинается подъем забастовочного движения. В султанате Селангор дело доходит до захвата рабочими угольных шахт и провозглашения советского правительства. Стачки состоялись на плантациях, на фабриках, где создавались органы народной власти. При этом даже буржуазные исследователи отмечают как широкий размах движения, так и его высокую организованность¹⁹.

Рост агрессивности японского милитаризма и захват Японией Маньчжурии в 1931 г. в сочетании с фашистской и военной угрозой в Европе воздействовали на обстановку в Юго-Восточной Азии. Это влияние было разноплановым — в буржуазно-национальных кругах еще существовали иллюзии в отношении содействия японцев в освобождении азиатских стран от западных метрополий.

VII конгресс Коммунистического Интернационала в августе 1935 г. указал, что «исключительную важность в связи с изменившейся международной обстановкой во всех колониальных и полуколониальных странах приобретает вопрос об *антиимпериалистическом едином фронте*»²⁰. С усилением опасности фашизма как наиболее агрессивного отряда империализма борьба за национальное освобождение, за демократию приобретала новые формы, аспекты и направления.

Тактика антифашистского единого фронта, примененная компартиями стран Азии в годы второй мировой войны, блестяще оправдала себя как образец точного сочетания первоочередных классовых интересов трудящихся с общенациональными интересами, смелости и гибкости политического мышления. Каждая из стран имела свои особенности, что, несомненно, сказывалось на положении и деятельности партии. Компартия *Индонезии* вступила в период войны ослабленной многолетними репрессиями, далеко не восстановив свои ряды. Но именно благодаря тому, что коммунисты стали самой последовательной и боевой антифашистской силой, годы антияпонского сопротивления возродили влияние компартии в массах, и к концу войны коммунистическое движение в Индонезии стало политическим фактором национального масштаба.

На *Филиппинах* компартия 20 сентября 1936 г. заявила о готовности приступить к созданию Народного фронта, не выдвигая требования о руководстве со стороны рабочего класса в качестве предварительного условия. Партия обнародовала программу общих демократических требований, включая улучшение условий жизни крестьян-арендаторов²¹. Антивоенные лозунги выдвигались в общей форме, но уже в 1938 г. идея борьбы против надвигающейся агрессии пронизывает совместную платформу при слиянии КПФО и Социалистической партии Филиппин. Лозунги объединительного съезда — «За нацио-

нальный демократический фронт, против реакции и японской агрессии, за безопасность, демократию, мир и свободу»²². Вскоре новая партия была легализована.

Хотя между двумя партиями и после их слияния сохранялись определенные идеологические и даже организационные расхождения, единство оказалось возможным. Луис Тарук, один из лидеров бывшей соцпартии, затем командовавший вооруженными отрядами сопротивления и впоследствии отошедший от КПФ, вспоминает: «В 1941 г. с началом войны и японского вторжения на Филиппины все идеологические различия отошли на второй план... Мы вели суровую, кровавую борьбу и делили общие опасности. Из этой борьбы выросло братство по оружию»²³.

Партия создала Народный фронт, Лигу защиты демократии и ряд других массовых организаций. После вторжения японцев руководство КПФ обратилось к властям, к верховному комиссару США и командующему вооруженными силами США на Дальнем Востоке генералу Макартуру с предложением о сотрудничестве, но не получило ответа. В январе 1942 г. партия создала ядро Народной антияпонской армии (сокращенно Хук-балахап) и начала борьбу против оккупантов. Американский буржуазный исследователь Дж. Бриммел признает: «Как и в Малайе, компартия оказалась единственным действенным руководителем антияпонского сопротивления... филиппинские националистические лидеры пошли своим путем — некоторые бежали с (президентом Филиппин.— Авт.) Кэсоном, другие остались в стране и в той или иной форме сотрудничали с японцами»²⁴.

Развитие событий в Малайе напоминает отчасти ситуацию на Филиппинах в том смысле, что именно Коммунистическая партия стала ведущей силой сопротивления агрессорам. Наряду с другими факторами определенную роль сыграло и то обстоятельство, что экспансия Японии началась с Китая, а антияпонские настроения в китайской общине страны существовали с 1931 г. Компартия создала в Малайе и Сингапуре ряд массовых организаций, в том числе Сингапурскую антияпонскую ассоциацию заморских китайцев во имя национального спасения. Эта Ассоциация включала представителей интеллигенции — школьных учителей, студентов, журналистов, развернувших широкую пропаганду. Число членов и сочувствующих КПМ в то время достигало 37 тыс. человек, в том числе около 19 тыс. — в Сингапуре²⁵.

В июле 1941 г. ЦК КПМ принял решение сотрудничать с правительством Великобритании в борьбе против агрессии, не отказываясь от своей конечной цели — достижения национальной независимости и установления диктатуры пролетариата. Английские власти дали согласие на формирование компартией отрядов сопротивления в тылу японцев. Под руководством КПМ были созданы Малайская народная антияпонская армия и Малайский народный антияпонский союз.

В разгар партизанской войны в 1943 г. ЦК КПМ принял программу, которая предусматривала создание Малайской Республики после изгнания интервентов и проведения демократических преобразований. Предполагалась реорганизация анти-японских партизанских сил в Национальную армию. Пункт 9 гласил: «Вместе с Россией и Китаем поддерживать борьбу угнетенных народов на Дальнем Востоке»²⁶.

В условиях, когда партизанские отряды КПМ были единственной силой сопротивления внутри страны, английское правительство вынуждено было пойти в январе 1944 г. на соглашение с руководством партии об оказании КПМ военной и материальной помощи. При этом коммунисты не скрывали, что по окончании войны намерены бороться за уход Англии из Малайи. К моменту капитуляции японцев численность Народно-освободительной армии (НОА) достигала 7 тыс. человек²⁷. Еще до прихода англичан она практически контролировала положение в стране, создавала административные органы, наказывая предателей и коллаборационистов.

Дальнейшая деятельность компартий Индонезии, Малайи и Филиппин проходила на общем фоне усилий колониальных держав (соответственно Голландии, Англии и США) восстановить свою власть над этими странами. В *Индонезии* начавшаяся уже в 1945 г. война сопротивления приняла ожесточенный характер и позволила добиться решающего успеха, сохранив независимость республики, провозглашенной 17 августа 1945 г. Это произошло благодаря тому, что национальное движение здесь еще в 20—30-х годах было более мощным, чем в других странах Юго-Восточной Азии, а также потому, что в 1945—1947 гг. удалось сохранить довольно высокий уровень антиимпериалистического единства между коммунистами и мелкобуржуазной демократией, достигнутый в ходе антияпонского сопротивления.

В Малайе сказался глубокий раскол между малайской и китайской общинами. Главным же фактором, породившим склонность местной буржуазии и земельной элиты к компромиссу с бывшей метрополией, был страх перед усилившимся в годы войны влиянием левых сил. В Малайе этот страх принял антикитайскую окраску, но суть его от этого не менялась.

Легальная деятельность КПМ позволила ей укрепить свои позиции в рабочем движении. Была воссоздана существовавшая до войны Всеобщая федерация профсоюзов, затем разделившаяся на Сингапурскую федерацию и Всемалайскую федерацию профсоюзов.

В мае 1946 г. была принята новая программа партии, носившая общедемократический характер. Основные ее требования — самоуправление и самоопределение для Малайи, создание демократического правительства, всеобщее избирательное право, равенство всех рас и национальностей, введение демократической системы образования для всех рас на националь-

ных языках, 8-часовой рабочий день, равные права для мужчин и женщин и др.²⁸.

Британские колониальные власти испытывали серьезные опасения, видя усиление влияния коммунистов, особенно в городах. Были приняты меры с целью законодательно ограничить профсоюзное движение и тем самым ослабить в стране влияние коммунистов. Обстановка обострялась, и руководство КПМ, предвидя дальнейшее осложнение ситуации, взяло курс на продолжение партизанских действий. Весной 1948 г. начинается подготовка к возрождению вооруженных сил партии, получивших название Малайской народной антианглийской армии; постепенно выводятся в леса кадры парработников. Совершаются первые налеты на плантации и фабрики с целью получения финансовых средств. В июне 1948 г. полиция в ходе рейдов арестовала 600 членов партии²⁹. В стране вводится чрезвычайное положение, КПМ объявлена вне закона. Началась гражданская война.

В декабре 1948 г. руководство КПМ издало документ «Стратегические проблемы революционной войны в Малайе». В нем говорилось, что в стране развивается «новая демократическая революция, направленная против британских империалистов и их лакеев, главными из которых является феодальная группировка во главе с султанами». Цель революции — создание Малайской Народной Республики новодемократического типа. Движущей силой революции, по мнению КПМ, является пролетариат, т. е. рабочие китайского и индийского происхождения, в союзе с крестьянством, преимущественно малайцами. В блоке с ними должны были выступить мелкая городская буржуазия — мелкие предприниматели и торговцы, чиновники, школьные учителя, ремесленники и т. д. В ограниченном смысле национальная буржуазия также рассматривалась как часть революционных сил, но при этом подчеркивалась ее неустойчивость, склонность к компромиссу с империализмом. Этап революции характеризовался как антиимпериалистический, направленный на достижение национальной независимости, а также антифеодальный, поскольку конечным результатом должно было стать создание государства народной демократии. Указывалось, что борьба будет продолжительной, нелегкой и насильственной³⁰.

Очевидно, несмотря на последнее замечание, руководство КПМ оптимистично оценивало готовность масс к революционным преобразованиям, к выступлению не только против иностранного угнетения, но и против местной элиты. Перенесение китайского опыта ведения партизанской войны на местные условия привело к игнорированию такого важнейшего фактора, как наличие острой национальной проблемы в Малайе: крестьянство не было готово принять руководство *китайского* рабочего класса, к тому же султаны для него были не только эксплуататорами, но и воплощением национальной самобытности,

традиционного уклада жизни. Была совершена та самая ошибка, против которой предупреждал еще В. И. Ленин: «...дело как раз в том, чтобы не принять изжитого для нас за изжитое для класса, за изжитое для масс»³¹. Приняв же решение вести партизанские действия в качестве основной формы борьбы, партия затруднила себе разъяснительную работу в массах — ту работу по повышению классового самосознания рабочего класса и крестьянства, которая обычно предшествует вооруженному восстанию.

На Филиппинах военное командование США после освобождения островов от японцев взяло курс на устранение коммунистов из политической жизни. Американская армия приступила к разоружению членов Хукбалахапа (хуков), аресту их лидеров. При этом, к возмущению населения, военная администрация охотнее сотрудничала с прояпонскими коллаборационистами, чем с патриотическими силами. Тем не менее компартия последовательно проводила курс на мирное развитие освободительного движения. «В 1946—1947 гг., — пишет Ю. О. Левтонова, — действуя в сложных условиях наступления реакции, КПФ проводила политику расширения единого антиимпериалистического, антифеодального фронта (предполагая сотрудничество с патриотическими кругами национальной буржуазии, мелкобуржуазными и средними слоями), усиления связей с рабоче-крестьянскими массами, сочетания легальных и нелегальных методов борьбы»³².

По инициативе КПФ был создан Комитет рабочих организаций, объединивший около 20% городского пролетариата, сформированы крестьянские организации. С участием партии действовал Демократический альянс, включавший организации широких кругов прогрессивной национально-патриотической общественности. Тактическая линия КПФ, подтвержденная V съездом в начале 1946 г., заключалась в поддержке правительства умеренно-националистического деятеля Осменья, пользовавшегося популярностью среди населения. В 1946 г. возникла избирательная коалиция Демократического альянса во главе с Осменья. На выборах в филиппинский конгресс в 1946 г., проходивших в обстановке террора и фальсификаций со стороны правых группировок, незначительным большинством голосов победил ставленник правых Рохас, которого поддерживали США. Для укрепления своих позиций сторонники Рохаса аннулировали мандаты ряда представителей Альянса, затем начали серию акций против левых сил, включая погромы, аресты и политические убийства³³. Правительство ужесточило меры по подавлению крестьянских волнений и ограничению деятельности левых организаций, в особенности объединений ветеранов антияпонской войны.

В этих условиях в руководстве КПФ получили значительное развитие имевшиеся и раньше настроения в пользу возвращения к методам партизанской войны. Была принята линия на

крестьянскую войну, очаг которой постоянно тлел на Центральном Лусоне, вывод партийных кадров и бывших партизан из городов в сельские районы. Вскоре была создана армия численностью 10—12 тыс. бойцов³⁴. Пытаясь погасить восстание, правительство объявило амнистию его участникам при условии сдачи оружия. Но вышедшие из лесов партизаны подверглись репрессиям. В этих условиях руководство партии приняло решение возобновить вооруженную борьбу.

Буржуазные историки и публицисты, говоря о переходе компартий стран Юго-Восточной Азии к вооруженным действиям в конце 40-х годов, склонны изображать его, с одной стороны, как органическую часть общего плана этих партий осуществить форсированный приход к власти, а с другой — как реализацию стратегии международного коммунистического движения (иногда эту цель приписывают Советскому Союзу) на создание джунглей Запада «болевых точек» в Азии и отвлечение сил США и их союзников от европейских дел. Однако развитие событий в Малайе, Индонезии, на Филиппинах опровергает эту концепцию.

Социально-политическое содержание событий 1946—1948 гг. в рассматриваемых странах Юго-Восточной Азии заключалось в том, что и правящие круги в метрополиях, и буржуазно-помещичья элита на местах были напуганы решительным и неоспоримым ростом влияния коммунистов в массах. Они предвидели, что если компартии получат возможность активизировать легальную деятельность, то их авторитет в народных массах как самой боевой, самоотверженной и последовательной силы национального освобождения позволит им превратиться в политический авангард, способный выдвинуть привлекательную для трудящихся программу социального переустройства. Предотвратить такую эволюцию можно было только одним путем, а именно, по удачному выражению Н. А. Симония, «выманить пролетариат на улицу»³⁵, когда он к этому еще не готов. Тот факт, что были использованы при этом просчеты руководителей компартий, ничего не меняет — инициатива конфронтации во всех случаях исходила справа.

Но неправильно было бы ограничиваться лишь констатацией этого факта, поскольку речь идет о тактике коммунистических партий. Классовый противник оказался достаточно силен для того, чтобы навязать партиям нелегальные формы борьбы, — ситуация, встречавшаяся в истории практически всех компартий мира. Но, как показал дальнейший ход событий, недостаточно оправдан был выбор из всех форм нелегальной борьбы в Малайе и на Филиппинах — уход партий в леса. Конечно, сейчас с высоты 40-летнего опыта легче судить о том, насколько оправдал себя избранный тогда путь. В конце же 40-х годов метод партизанских действий в джунглях был для коммунистов Малайзии и Филиппин наиболее привычным. В их руках было немало оружия, а успех антияпонской войны вселял надежду на скорую победу и в этом случае.

Можно попытаться выделить несколько причин, которые придали вооруженной борьбе в Малайе и на Филиппинах* затяжной характер и не принесли желаемых результатов. Первая и, видимо, основная из них состоит в том — и мы этого уже частично касались, — что, приняв активное участие в анти-японской борьбе, массы в целом еще не были готовы подняться на социальный этап революции, против национальных правительств. Правда, с освобождением от иностранного господства они связывали определенные надежды на изменение своего социального положения, но политический опыт еще не говорил им, что эти изменения не придут без решительной борьбы. Крестьянское движение на Филиппинах, сколь бы затяжной характер оно ни носило, было ограничено несколькими провинциями, и его превращение в общенациональное восстание оказалось нереальным. А именно в районы аграрных волнений был перемещен центр деятельности партии.

Вторая проблема заключается в понимании места и значения крестьянского вопроса в освободительном движении стран Востока. В работах В. И. Ленина, документах Коминтерна, как подчеркивалось выше, красной нитью проходит мысль о том, что без поддержки крестьянства деятельность коммунистов обречена на поражение. В рекомендациях Коминтерна Компартии Индонезии в 1925 г. указывалось, что «в мире нет ни одной страны, где пролетариат мог бы рассчитывать на успех в борьбе, не получив поддержки большинства крестьян»³⁶. И вместе с тем В. И. Ленин, говоря о сельскохозяйственном пролетариате, полупролетариате и мелком крестьянстве, подчеркивал, что «сельское население всех трех указанных выше категорий, будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, способно решительно поддержать революционный пролетариат лишь *после* завоевания им политической власти, лишь *после* решительной расправы его с крупными землевладельцами и капиталистами, лишь *после того*, как эти задавленные люди увидят *на практике*, что у них есть организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства, для указания верного пути»³⁷.

Из этого следует, что коммунисты, учитывая интересы трудового крестьянства в социальной и национальной программе партии, отстаивая их в повседневной борьбе, не могут опираться только на крестьянство или преимущественно на крестьянство, тем более когда в повестку дня ставится такой решительный шаг, как переход к вооруженной борьбе. Вот что говорилось, например, в резолюции по китайскому вопросу, принятой IX пленумом Исполкома Коминтерна в феврале 1928 г.: «Руководя стихийными партизанскими крестьянскими выступлениями в отдельных провинциях, партия должна иметь в виду, что эти выступления могут превратиться в исходный пункт победоносного всенародного восстания лишь при том

условии, что они будут связаны с новым подъемом революционной волны в пролетарских центрах. Партия и здесь должна видеть свою главную задачу в подготовке общих и координированных выступлений в деревне и в городе, в ряде соседних провинций, и притом выступлений, подготовленных и организованных в широком масштабе. В связи с этим необходимо бороться против увлечения партизанскими боями, распыленными и не связанными друг с другом и обреченными на поражение»³⁸. Добавим к этому, что в Малайе не было еще сколько-нибудь значительного крестьянского движения и не была решена проблема сближения масс пролетариата и крестьянства на платформе борьбы за общие интересы.

Перенос центра тяжести борьбы на действия в сельской местности ослаблял связи коммунистов с рабочим классом, где у КПМ и КПФ во второй половине 40-х годов были завоеваны серьезные позиции. Лозунг аграрной революции под руководством рабочего класса утрачивает свое содержание, если крестьянские выступления не сопряжены, не скоординированы с выступлениями рабочих в городах. Руководство пролетарской партии крестьянским движением не восполняет отсутствие политической активности пролетариата. К тому же начало партизанских выступлений стало поводом для резкого ужесточения политических режимов, урезания гражданских свобод и завоеваний рабочего класса.

Развитие обстановки в *Индонезии* отличалось от хода событий в Малайе и на Филиппинах. Провокация в районе Маджуна и Соло на Восточной Яве, организованная лидерами правого крыла национальной буржуазии в сентябре 1948 г., привела к чрезвычайно тяжелым потерям партии, физическому уничтожению многих лидеров КПИ и партийных активистов³⁹. Однако, перейдя временно на полуполюгальное положение, компартия не пошла на окончательный разрыв с непролетарскими силами национально-освободительного движения.

Эта тактика оправдала себя. Приход к власти в конце 40-х годов представителей прозападного крыла индонезийской буржуазии не отражал необратимых тенденций в развитии общества. Уже в начале 50-х годов в стране начинается сдвиг влево, ознаменовавшийся усилением влияния антиимпериалистических сил, в том числе в составе правительственных коалиций. Компартия Индонезии в этот период ведет работу по организационному и политическому восстановлению и укреплению своих рядов. Если перед «маджунаскими событиями» в стране было до 10 тыс. коммунистов, к началу 1952 г. — менее 8 тыс., то в начале 1954 г. в рядах КПИ насчитывалось уже 165 тыс. человек⁴⁰.

У съезд КПИ в марте 1954 г. принял новую программу и устав партии, выработал политический курс, направленный на создание единого антиимпериалистического фронта. На съезде указывалось, что такой фронт сможет выполнить свои задачи

лишь в том случае, если, вступив в сотрудничество с национальной буржуазией, партия будет опираться на прочный союз рабочего класса и крестьянства. Выдвинув как первоочередную задачу защиту и укрепление антиимпериалистических завоеваний национально-освободительной революции, партия заявляла в то же время о решимости бороться за насущные классовые интересы трудящихся. Особое внимание уделялось положению крестьян, составлявших 70% населения страны, привлечению их к участию в едином фронте, вовлечению в активную политическую жизнь. Вместе с тем в отчетном докладе ЦК КПИ партийному съезду говорилось: «Некоторые члены партии после краткого изучения опыта китайской революции пришли к мнению, что, поскольку наиболее важная задача состоит в том, чтобы поднять крестьян на участие в борьбе, все коммунисты должны покинуть города и уйти в деревни. Это, конечно, неправильно»⁴¹. И далее говорилось о необходимости «учитывать наличие определенных различий между Индонезией и Китаем как в географическом отношении, так и в вопросах политического развития»⁴². (Это положение впоследствии стало объектом ожесточенных нападков со стороны тех кругов в КПИ и вне ее, которые отстаивали тезис об универсальности китайского опыта.)

Представляет значительный интерес подход КПИ к соотношению партийной программы и платформы предлагаемого Единого фронта. «Не приходится отрицать,— говорилось в докладе,— что для многих индонезийцев еще остаются неприемлемыми определенные разделы программы нашей партии, хотя мы, коммунисты, считаем, что это единственная программа, которая полностью отвечает потребностям нашей страны как в настоящем, так и в будущем. Но при этом многое свидетельствует о том, что подавляющее большинство индонезийцев сейчас готово принять определенные части коммунистической программы, и, основываясь на этих частях, представляется возможным создать могучий Единый национальный фронт, который определит экономические и политические цели»⁴³.

Таким образом, выдвинув лозунг о необходимости создания единого фронта на широкой демократической платформе, КПИ, во-первых, видела залог успеха реализации этого лозунга прежде всего в работе на уровне масс («фронт снизу»); во-вторых, она исходила из необходимости учитывать истинный уровень политического сознания масс, их готовность принимать ту или иную часть партийной программы, не форсируя событий и не навязывая свое руководство будущему фронту; в-третьих, борьба за единство национально-патриотических сил на общедемократической, антиимпериалистической платформе должна была сочетаться с защитой повседневных интересов трудящихся. К этому добавим положение, которое представляется важным в свете развития событий в стране,— призыв «высоко держать знамя парламентской демократии в Индонезии»⁴⁴.

Последовательное проведение в жизнь линии V съезда позволило КПИ в короткий срок стать одной из самых влиятельных политических сил в стране. Определенным индикатором этого процесса могут служить результаты проходивших в 1955 и 1957—1958 гг. выборов соответственно в центральный парламент и в местные органы власти. На первых КПИ заняла 4-е место по числу собранных голосов, а двумя годами позже она стала первой партией страны. Под её руководством работали многомиллионные массовые организации — профцентр СОБСИ, Крестьянский фронт, Народная молодежь и ряд других.

Вторая половина 50-х годов стала тем этапом в развитии независимой Республики Индонезии, когда перед индонезийским обществом остро встала проблема выбора пути общественного развития. Обострилась внутривнутриполитическая борьба. Правые прозападные силы и антикоммунистически настроенные армейские круги предприняли реакционные мятежи с целью приостановить укрепление левых сил. В сложных условиях руководство КПИ делает правильный в принципе вывод о необходимости крепить союз с мелкобуржуазной демократией во главе с президентом республики Сукарно. Эта линия поведения определялась значительными антиимпериалистическими и антикапиталистическими (хотя и в народническом смысле слова) потенциями, присущими главе государства, а также личным авторитетом, которым он пользовался в широких кругах населения как борец за независимость страны. Президент был автором концепции единства трех политических течений в Индонезии — националистического, религиозного и коммунистического (индонезийское сокращение — НАСАКОМ). Эта концепция предусматривала участие коммунистов в правительстве при согласии остальных политических сил, имела определенные точки соприкосновения с идеей антиимпериалистического фронта национального единства.

В обстановке обострившейся внутривнутриполитической борьбы Сукарно предложил во второй половине 50-х годов программу реформ, включавшую, в частности, значительное усиление прерогатив исполнительной власти во главе с президентом в ущерб законодательным органам. Все виды политической деятельности ограничивались рамками государственной идеологии панча сила⁴⁵. Запрет на забастовки и другие ограничения, серьезно урезавшие права трудящихся, мотивировались необходимостью укрепить единство нации для отпора проискам империализма.

Взяв на вооружение лозунг национального фронта, Сукарно создал такой фронт и возглавил его. Но этот фронт был превращен им в своеобразный орган для консультаций лидеров основных политических сил, включая армию, под руководством главы государства.

Компартия, все левые силы страны оказались в весьма

сложном положении. Первоначально предложенные президентом меры были направлены против империализма и активизи-ровавшейся реакции, стремившейся расколоть страну, которая проводила независимую внешнюю политику, играла важную роль в движении неприсоединения, развивала связи и сотрудничество с СССР. Это побуждало КПИ поддержать шаги президента и не противопоставлять себя националистическим и религиозным кругам, стоявшим за предложенные реформы. Наряду с этим была опасность, что в перспективе коммунисты больше, чем кто-либо, могли бы потерять от реформ Сукарно.

Создание национального фронта в сукарновской интерпретации исключало идею «фронта снизу» в соответствии с решениями V съезда КПИ, т. е. блока коммунистов с трудящимися массами националистов и мусульман. Нормальное функционирование парламентской системы в 50-е годы — наряду с эффективным использованием других форм деятельности — позволяло коммунистам постоянно выдвигать свою программу и выносить практическую работу на суд общественности, давало, по выражению В. И. Ленина, возможность «публичного проявления своей деятельности»⁴⁶. В. И. Ленин писал: «Чем больше политической свободы в стране, чем прочнее и демократичнее ее представительные учреждения, тем легче народным массам разбираться в партийной борьбе и *учиться политике*, т. е. разоблачать обман и доискиваться правды»⁴⁷. Произведенные президентом изменения привели к сокращению представитель-ства политических партий в законодательных органах.

Ограничение легальных возможностей для защиты классовых интересов трудящихся осложняло работу партии в рабочем и крестьянском движении страны. Короче говоря, в конце 50-х годов возникла сложнейшая для партии ситуация: проведение политического курса, выработанного V съездом партии, становилось возможным лишь при определенном дистанцировании от государственной власти, сохранявшей еще антиимпериалистический потенциал и пользовавшейся доверием большинства населения, в условиях реальной угрозы суверенитету страны со стороны империализма, действовавшего в союзе с внутренней реакцией.

Коммунистическая партия Малайи (ныне Малайзии) добилась военных успехов в боях против британских войск. В феврале 1949 г. партизанские отряды объединились в Освободительную армию народов (ОАН) с централизованным командованием. Она наносила эффективные удары и проводила крупномасштабные операции, опираясь на поддержку китайских поселенцев-скваттеров. Но к концу 1949 г. руководство КПМ испытывает неудовлетворенность политическими результатами борьбы. В декабре того же года ЦК партии указал в своей директиве на необходимость учитывать географические условия в местах проведения военных действий и на невозможность создания баз в сельской местности из-за отсутствия поддержки со

стороны крестьянства, за исключением скваттеров-китайцев⁴⁸.

В октябре 1951 г. в новой директиве ЦК говорилось о необходимости перенести упор с вооруженных операций в сельской местности на подпольную работу в городах, усилить влияние коммунистов в легальных организациях, расширить массовую базу движения, создать единый фронт всех классов и общин. В директиве указывалось также, что следует избегать наносить ущерб имуществу гражданского населения в ходе военных действий. Однако вернуть партийные кадры в города в условиях военного положения и жесткого полицейского контроля оказалось намного труднее, чем вывести их оттуда тремя годами раньше. В октябре 1952 г. руководство КПМ решило вернуться к прежней линии: директива ЦК конца 1953 г. вновь потребовала усилить вооруженную борьбу⁴⁹.

Положение партизан осложнилось после того, как колониальные власти в 1951—1953 гг. произвели переселение полу-миллиона скваттеров в так называемые новые деревни, обнесенные колючей проволокой и находившиеся под контролем полиции и внутренней охраны. Эта мера лишила партизан опоры в сельской местности и создала для них серьезные продовольственные затруднения. Малайское крестьянство не оказывало активной помощи партизанам по причинам национально-этнического характера. Партизанские отряды перемещаются постепенно в лесистые северные районы, где местность, по мнению руководства КПМ, была более благоприятна с точки зрения безопасности. Однако из-за удаленности от политических центров страны действия повстанцев здесь были малоэффективными.

В декабре 1955 г. правительство Малайи, стремясь укрепить свои внутривнутриполитические позиции, согласилось на предложение КПМ вступить в переговоры с целью прекращения войны. Правительство рассчитывало выступать на переговорах с позиции силы — к началу 1956 г. потери партизан составили до 6 тыс. человек убитыми и 1200 пленными, не считая более чем 1700 человек, сдавшихся добровольно⁵⁰.

За несколько дней до начала переговоров состоялся расширенный пленум ЦК КПМ, принявший программу из 8 пунктов «Борьба за независимость, демократию и мир в Малайе». Она включала предложение прекратить военные действия «на справедливых и разумных условиях путем проведения двусторонних переговоров» и требование возможно скорее достигнуть национальной независимости. Больше, чем раньше, уделялось внимание национальному вопросу: «Китайцы, индийцы и другие национальности должны объединиться вокруг малайской национальности... уважать религиозные верования, обычаи и традиции друг друга».

КПМ высказывалась за улучшение экономического положения малайцев, развитие их культуры, за объявление малайского языка государственным и даже за уважение прав малайских султанов. Пленум избрал председателем партии малайца

Мусу Ахмада, а его заместителем — индийца Балана⁵¹ (генеральным секретарем КПКМ в 1947 г. стал Чин Пэн — китаец по происхождению).

Переговоры делегации КПКМ с правительством, состоявшиеся в декабре 1955 г. в Балинге, окончились неудачей. Власти фактически потребовали капитуляции партии, обещая взамен объявить амнистию повстанцам, тогда как представители КПКМ настаивали на ее легализации, указывая, что она ведет борьбу против английского колониализма, а не малайского правительства. Однако последнее не собиралось отказываться от тактических преимуществ, которыми оно располагало, и намеревалось использовать их, чтобы добиться полной ликвидации коммунистического движения в стране.

После провозглашения независимости Малайской Федерации 31 августа 1957 г.⁵² КПКМ неоднократно подтверждала готовность прекратить вооруженные действия, в том числе в программном документе партии 1957 г. В обращении ЦК КПКМ от 20 июня 1958 г. говорилось: «Провозглашение независимости создало благоприятные условия для восстановления мира в нашей стране. Наша партия, не раз заявляла, что она готова в любой момент возобновить переговоры на справедливой и разумной основе с коалиционным правительством»⁵³.

КПКМ предложила правительству созвать национальное консультативное совещание с участием всех политических кругов и партий, включая коммунистов, чтобы обсудить положение дел в стране и сформулировать новую государственную политику с целью объединения сил народа в общей борьбе за полную политическую независимость и национальную реконструкцию. Но правительство, настаивая на капитуляции партии, отказалось вступить с ней в переговоры.

Следствием ставки КПКМ на развертывание повстанческого движения в сельской местности явилась ее изоляция от масс.

В связи с 4-й годовщиной переговоров в Балинге КПКМ издала Манифест. В нем указывалось, что причиной срыва переговоров было отсутствие в стране достаточно широкого патристического и антиимпериалистического фронта на основе союза рабочего класса и крестьянства. Компартия призывала «людей всех национальностей и слоев общества, независимо от принадлежности к той или иной организации, политических взглядов и религиозных убеждений, объединиться под знаменем патристического и антиимпериалистического единого фронта и неуклонно бороться за то, чтобы положить конец антинародной колониальной войне, за полную независимость, за осуществление всех демократических свобод и за воссоединение Сингапура с Малайской Федерацией»⁵⁴.

Действительно, провал переговоров в Балинге определялся прежде всего тем, что правительство не испытывало сколь-нибудь значительного давления общественности в пользу легализации КПКМ. Партия перестала ощущаться как необходимый

элемент политической жизни страны и общества, а ее программа — как конструктивная альтернатива существующему порядку вещей. Содержавшиеся в Манифесте лозунги соответствовали потребностям развития Федерации и могли найти сочувствие у масс. Но у партии практически не было каналов, для того чтобы довести эти лозунги до народа. Особо отметим, что призыв к объединению Сингапура с Малайей вызывал смешанные чувства у населения, которое опасалось, что слияние с Сингапуром, где 80% жителей китайцы, нарушит в их пользу хрупкий расово-этнический баланс в Малайе и осложнит и без того незавидное социально-экономическое положение малайцев.

Крестьянское движение на Филиппинах развивалось первоначально успешно. Этому способствовал приток в леса людей, подвергавшихся террору и репрессиям со стороны правительства Рохаса. Пленум ЦК КПФ, состоявшийся в декабре 1949—январе 1950 г., пришел к выводу, что в стране налицо революционная ситуация, которая в течение ближайших двух лет должна перерасти в революционный кризис. Было решено вести вооруженную борьбу собственными силами, осудив прежних союзников, в том числе Демократический альянс, как «предавших народное дело». Цель вооруженного восстания — создание государства народной демократии. При этом пленум решил объявить о руководящей роли КПФ в этой борьбе и неизменно подчеркивать это. Несколькими позже появилось дополнение к этому документу, в котором содержались критика лиц, переоценивших силы противника, и требование ускорить подготовку к захвату власти⁵⁵. Характерно, и не только для Филиппин, что после перехода под нажимом классового врага на нелегальное положение (этот акт сам по себе свидетельствует об утрате инициативы и о том, что у масс недостаточно сил для того, чтобы отстоять легальное положение своей партии) лидеры прогрессивных сил поддаются левацким настроениям и не только провозглашают ближайшей целью захват власти вооруженным путем, но и заявляют о намерении сделать это в одиночку, без союзников.

Пленум ЦК КПФ, состоявшийся в марте 1951 г., подтвердил принятые ранее решения, объявил о бойкоте намеченных на 1951 г. парламентских выборов, угрожая физической расправой тем, кто его нарушит. Было решено приступить к созданию крестьянских комитетов по перераспределению земли на уровне деревень, «революционных рабочих комитетов на всех ключевых промышленных предприятиях, а также местных народных революционных органов власти там, где партизаны были достаточно сильны»⁵⁶.

Однако после ряда успешных операций в 1950 г. повстанцы были вынуждены перейти к обороне. Подверглась разгрому манильская организация КПФ, арестована значительная часть руководства партии. При помощи США правительство развернуло карательные операции против партизан⁵⁷. В результате тя-

желых людских потерь движение пошло на убыль — только в конце 1950-х — начале 1951 г. партизаны потеряли до 2 тыс. человек убитыми и столько же пленными. В 1953 г. восстание было подавлено.

В результате поражения партия лишилась почти всех руководящих кадров, были разгромлены или распались также прогрессивные организации; антикоммунизм стал основой государственной политики правящих кругов⁵⁸. Партия на время утратила возможность руководить рабочим классом, причем как раз в то время, когда начался подъем стачечного движения⁵⁹.

В 1954 г. КПФ делает попытку вступить в переговоры с правительством, настаивает на легализации партии и руководимых ею отрядов. Правительство вновь потребовало безоговорочной капитуляции, и переговоры не состоялись. К концу 1956 г. в рядах партизан осталось около 860 человек, в том числе 560 вооруженных бойцов⁶⁰. Правительственным войскам сдался командующий повстанческой армией Луис Тарук, исключенный за капитулянтство из партии еще в 1954 г.

В 1956 г. руководство КПФ приняло решение вооруженную борьбу прекратить, партизанские отряды распустить и всемерно повысить внимание к проблеме создания партийных организаций в городах и работе партии среди рабочих и интеллигенции. Однако эта деятельность, протекавшая в условиях непрерывных репрессий со стороны властей, была чрезвычайно сложной и кропотливой. Она не могла дать быстрых результатов: наряду с борьбой против реакции партии предстояло преодолеть антикоммунистические настроения значительной части общества. Антикоммунизм усердно насаждался в стране в период военных операций, его воздействие усугублялось отсутствием связей между Филиппинами и социалистическими государствами, а также проамериканской ориентацией правящих кругов страны.

Таким образом, в конце 50-х — начале 60-х годов компартии Индонезии, Малайзии и Филиппин стояли перед серьезными проблемами. Они были разноплановыми — в Индонезии речь шла о том, как проводить тактику Единого фронта в условиях усиления авторитарных черт режима Сукарно; в Малайе жизнь диктовала выработку принципиально нового курса; на Филиппинах партия сумела внести коррективы в свою политику, но требовалось время, чтобы это принесло ощутимые результаты, позволило восстановить роль КПФ как авангарда трудящихся и как антиимпериалистической силы национального масштаба. В этой ситуации, с учетом специфики социально-политического развития каждой из указанных стран, создались условия для расцвета разного рода левацких взглядов и концепций, отражавших одновременно и революционное нетерпение, и растерянность в связи с резкой сменой обстановки.

Определенные круги в КПИ, КПМ и КПФ, склонные форсировать революционный процесс и переоценивать степень классово-вой сознательности масс, нашли теоретическое оправдание сво-

им заблуждениям в тех концепциях и взглядах, с которыми выступили находившиеся у власти в тот период лидеры Компартии Китая. Известно, что нынешнее руководство КПК характеризует их как проявление левачества, затронувшее все сферы деятельности партии и правительства КНР, в том числе внешнеполитическую сферу⁶¹.

Если раньше ошибочные взгляды, родившиеся в поисках путей борьбы, становились предметом критической дискуссии и компартии в меру своих сил стремились преодолеть эти негативные тенденции, ликвидировать их результаты, то теперь под них была подведена идейно-теоретическая база, получившая название «идей Мао Цзедуна». Этот процесс затронул как идеологическую, политическую, так и организационную сферу деятельности партий. Для него характерны были, в частности, спекуляция на авторитете китайской революции, Китайской Народной Республики и Компартии Китая, на успехах социалистического строительства в Китае в 50-е годы, фальсификация опыта Китая, замалчивание крупномасштабной и всесторонней помощи КНР со стороны КПСС, Советского Союза, всего мирового революционного движения. Абсолютизируя исторический опыт китайской революции, маоисты неправомерно противопоставили его опыту других отрядов всемирного освободительного движения, объявив единственным образцом для революционеров всех стран. Действительно богатый и разносторонний опыт китайской революции был сведен преимущественно только к вооруженной борьбе крестьян в сельской местности, «окружению города деревней», к «опоре на собственные силы».

Выдвинув тезис о перемещении центра мирового революционного процесса в зону «третьего мира», под которой понимались Азия, Африка и Латинская Америка, маоисты сформулировали концепцию примата противоборства между силами национального освобождения и империализма. Таким образом, национально-освободительное движение и компартии освободившихся стран противопоставлялись Советскому Союзу, европейским социалистическим странам. В этом проявились националистические предрассудки, распространенные в бывших колониях, побуждающие к недоверию и отчуждению по отношению ко всему, что исходит от развитых стран, независимо от их социального строя и политики.

Отрицались проводимая социалистическими государствами политика мирного сосуществования и борьба за разоружение как курс, якобы противоречащий интересам антиимпериалистической борьбы, причем эта проблема использовалась для беззастенчивой клеветы в отношении СССР. Одним из ключевых тезисов при этом было утверждение о наличии «превосходной революционной ситуации» во всемирном масштабе. В связи с этим же тезисом выдвигались на первый план примат вооруженного насилия над другими формами борьбы и известная формула «винтовка рождает власть».

Здесь на первый план выступает предрасположенность к левачеству, свойственная, как говорилось выше, освободительным движениям в странах с сильной мелкобуржуазной стихией. Вместе с тем, если говорить о воздействии исходивших извне левачьих концепций на деятельность соответствующих партий, то его результаты были разноплановыми, но во всех случаях наибольшую пользу извлекла из них местная реакция.

Переоценка степени революционности масс и излишне оптимистические оценки перспектив борьбы на деле оборачивались тем, что повседневная работа в массах, защита их классовых интересов подменялись политическим возбуждением, накаливанием атмосферы. В конечном счете это приводило постепенно к противоположному результату — к усталости населения, апатии и, что самое опасное, пробуждало у мелкого хозяйчика тягу к «порядку», тоску по «сильной власти» независимо от ее платформы. Насаждавшаяся враждебность к странам социализма, к большинству компартий мира, с одной стороны, изолировала коммунистов от опыта мирового революционного движения, а с другой — сужала революционную перспективу, лишала пропагандистскую работу партий по разъяснению своих целей конкретного исторического материала, который можно было бы использовать в качестве примера. Попытки взять за образец «уравнительный социализм» положительных результатов не дали и не могли дать. Наконец, вульгаризация некоторых основных положений марксистской науки приводила к дискредитации научного социализма в глазах значительных слоев населения, которое далеко не всегда имело доступ к альтернативным источникам информации.

Все это ослабляло связи партий с массами, подрывало внутреннее единство в них, снижало их боеспособность в борьбе за классовые интересы трудящихся, за коренные национальные интересы своих стран. Подмена марксизма-ленинизма псевдо-революционными концепциями усугубляла предрасположенность к тем болезням и негативным тенденциям, которые порождались сложной и противоречивой социальной средой, окружавшей компартии.

На VI съезде *Коммунистической партии Индонезии* в 1959 г. справедливо указывалось, что основные задачи, поставленные предыдущим съездом (1954), полностью сохраняют свою актуальность. Это, во-первых, создание единого национального антиимпериалистического фронта на базе союза пролетариата и крестьянства во главе с рабочим классом и, во-вторых, строительство в масштабах страны массовой партии, сплоченной в идеологическом, политическом и организационном отношении⁶².

На съезде отмечалось, что задачи национального освобождения и демократических преобразований в Индонезии не выполнены и страна остается полукolonиальной и полуфеодальной⁶³. Заявив о готовности поддерживать прогрессивные инициативы правительства, партия оставила за собой право вы-

ступать против тех его шагов, которые сочтет демагогическими или реакционными. Выражая поддержку системе «направляемой демократии», коммунисты одновременно требовали предоставления народу и его организациям широких демократических свобод, отмены законов и постановлений, ограничивающих права рабочего класса и крестьянства, уважения статуса и прав парламента, демократизации общественных институтов⁶⁴.

Линия VI съезда в целом соответствовала потребностям развития индонезийского общества на демократическом этапе революции, позволяла сочетать борьбу за общенациональные задачи с защитой классовых интересов трудящихся. Но, как позже указывалось в тезисах индонезийских коммунистов «60 лет Коммунистической партии Индонезии», в руководстве КПИ «постепенно взяли верх мелкобуржуазные взгляды, оппортунистические концепции, сводившиеся к так называемой индонезианизации марксизма-ленинизма и утверждению примата национальных интересов над классовыми. Эта болезнь, сочетавшая в себе одновременно черты левого и правого оппортунизма, проистекала из двух причин — недостаточной бдительности в отношении мелкобуржуазной идеологии внутри страны и механического восприятия псевдореволюционных, антиленинских, антисоциалистических концепций»⁶⁵.

В Индонезии, как нигде в то время, эти левацкие по форме концепции обернулись своей правой ипостасью, в особенности в том, что касалось оценки государственной власти, выработки своего отношения к ее политике. Заметим, что руководство КПИ правильно уловило еще в конце 50-х годов новые социальные процессы в недрах индонезийского общества — возникновение прослойки бюрократической буржуазии в результате сращивания военного и административного аппарата с предпринимательством. Растаскивание государственного сектора, злоупотребление властью, коррупция стали одним из источников первоначального накопления капитала: Коммунисты справедливо предвидели, что по мере своего упрочения эта антинародная прослойка, опираясь на позиции в госаппарате и армии, предъявит претензии на политическую власть.

В стране сложилась ситуация, когда обуржуазивание общества протекало под покровом национал-народнической харизмы президента Сукарно и возглавляемого им режима личной власти. В документах КПИ содержалось указание на двойственный характер социально-политической ситуации в Индонезии, однако конечный вывод — о наличии двух аспектов государственной власти, пронародного и антинародного — был достаточно уязвимым. Выступая в Высшей партийной школе при ЦК Компартии Китая в сентябре 1963 г., председатель ЦК Коммунистической партии Индонезии Д. Н. Айдит говорил: «Государственная власть Республики Индонезии, рассматриваемая как единое противоречивое целое, представляет собой противоречие между

двумя противоположными аспектами. Первый из них представляет интересы народа, второй олицетворяет интересы врагов народа. Первый аспект воплощается в позициях и прогрессивной политике президента Сукарно, поддерживаемого КПИ и другими народными силами. Второй аспект воплощается в позициях и политике правых или твердолобых кругов, представляющих собой старые силы, цепляющиеся за свое существование. Сейчас пронародный аспект является *основным* и играет определяющую роль в государственной власти Индонезии, т. е. определяет направление ее политического развития»⁶⁶.

Тремя годами позже это положение подвергнется ожесточенной критике со стороны всех течений в коммунистическом подполье, представители которых пытались разобраться в причинах тяжелейшего поражения партии в конце 1965 г. В момент же его появления оно не привлекло к себе критического внимания, возможно, потому, что в нем не было ничего нового — оно лишь содержало в себе формулу той политики, которую руководство компартии фактически проводило с начала 60-х годов. Основной упор при этом делался на вестеронное сотрудничество с президентом Сукарно, подчеркивание революционных потенций, организацию массовой поддержки его порой весьма противоречивых и неоднозначных политических акций.

В принципе союз между коммунистами и мелкобуржуазной демократией, возглавлявшейся Сукарно, был в условиях Индонезии того времени не только допустимой, но, вероятно, и единственно возможной тактикой. Курс на форсированное взятие власти со стороны КПИ был бы не только опасным, но и самоубийственным. Однако, как впоследствии подчеркивалось во многих документах компартии, исследованиях советских и некоторых зарубежных авторов, в осуществлении линии на сотрудничество с Сукарно КПИ зашла слишком далеко. Она перешагнула границу, за пределами которой утрачивала свою организационную, политическую и идеологическую самостоятельность, против чего так настойчиво и убедительно предупреждал В. И. Ленин еще на заре существования Коминтерна.

Мелкобуржуазная демократия во главе с Сукарно не являлась ключевым элементом, основой государственной власти, и, во всяком случае, не она определяла ход событий в стране. Были основания скорее говорить, что левая идеологическая оболочка режима личной власти Сукарно использовалась набравшей силы военной и гражданской бюрократической буржуазией в качестве временного прикрытия своих классовых интересов и стратегических целей.

Сукарно, человека талантливого, образованного, блестящего оратора, окружал ореол отца независимости, борца против империализма. Наряду с этим ему были свойственны такие качества мелкобуржуазного лидера национал-народнического толка, как инстинктивная боязнь классовых противоречий, стремление,

уклоняясь от разрешения острых социально-экономических проблем, впадать в рассуждения о единстве нации и индонезийской самобытности, подменять истинно политическую инициативу масс их перманентным политическим возбуждением сверху, против внешнего противника. Порождавшийся этим экономический хаос, политическая напряженность, чрезмерное усиление роли армии и ее обуржуазившейся верхушки постепенно размывали социальную опору, авторитет Сукарно и возглавлявшегося им режима с его левой социальной фразеологией. Но эта фразеология со временем начинала стеснять бюрократическую буржуазию, стремившуюся к полноте власти и к ничем не ограниченной свободе эксплуатации своих сограждан.

Преувеличив личные революционные потенции Сукарно и заняв позицию безоговорочной поддержки президента и его режима, руководство КПИ утратило возможность влиять на последнего, стимулировать его идейно-политическую радикализацию, выступать с альтернативными программами и лозунгами, апеллировать к массам, последовательно выступать в защиту интересов трудящихся. Под давлением правых кругов была свернута борьба за осуществление аграрной реформы. Оказались фактически запрещенными под предлогом антиимпериалистического единства забастовки, введены жесткие ограничения на критику государственного, особенно военного аппарата.

Опыт коммунистического движения в Индонезии первой половины 60-х годов дает еще одну иллюстрацию исторически доказанного факта — оппортунистические ошибки левых движений не только не смягчают остроты классовых противоречий, но и несколько не снимают политического антагонизма между партией рабочего класса и ее буржуазными оппонентами. Разраставшаяся бюрократическая буржуазия и армейская верхушка, ставшая ее политическим авангардом, правые группировки в националистическом и мусульманском движениях продолжали видеть в коммунистах своих классовых врагов, рассматривали нанесение удара по КПИ как неперемное условие захвата всей полноты власти.

В стране сложилась обстановка, для которой была характерна конфронтация двух блоков. Сукарно поддерживали компартия и группировки его сторонников из числа руководителей других политических партий, а также патриотически настроенные слои офицерства. Противостояли ему правый генералитет и гражданские политические круги, отражавшие интересы бюрократической буржуазии, прозападного чиновничества, крупных по масштабам Индонезии предпринимателей и землевладельцев. Последний блок был временным и противоречивым, составлявшие его группировки и классы объединяло лишь стремление ликвидировать компартию как политическую силу, покончить с левонационалистическим режимом Сукарно.

В этих условиях роковым образом проявила себя трансформация, которую претерпела утвержденная съездами КПИ пар-

тийная линия на создание единого фронта сил, выступающих с позиций антиимпериализма и прогрессивных социальных преобразований. Вместо ее осуществления началась борьба за превращение в жизнь сформулированной Сукарно концепции НАСАКОМ — единства трех основных течений в индонезийской политической жизни — националистического, религиозного и коммунистического.

В первоначальной трактовке эта концепция была близка идее Единого фронта. Но по мере эволюции политики самого Сукарно ее осуществление все больше сводилось к формальному сотрудничеству на уровне партийных лидеров, где коммунисты, будучи в меньшинстве, при некоторой поддержке левых националистов противостояли буржуазно-помещичьему блоку, до поры до времени терпевшему левую фразеологию, но сплоченно встававшему на пути любых попыток прогрессивных преобразований.

Компартия, оказавшись пленником системы, созданной Сукарно, все-таки надеялась примирить непримиримое. Не располагая свободой действий, коммунисты вынуждены были делить с лидерами буржуазных партий ответственность за экономический упадок, за ограничение демократии и за другие действия бюрократическо-буржуазной клики, которая все энергичнее приспособлялась к существующий режим к своим интересам. Между тем блок правых сил рвался к власти. Основным препятствием на его пути оставалась только КПИ в союзе с Сукарно и его ближайшим окружением.

В этой сложной обстановке президенту стало известно о наличии правого заговора в высших кругах армейского командования, направленного против главы государства, прогрессивных организаций и поставившего перед собой цель коренным образом изменить внутри- и внешнеполитическую ориентацию страны. Сукарно принял решение упредить заговорщиков и нанести превентивный удар силами верных ему частей дворцовой гвардии и армии.

Руководство КПИ, посвященное в намерения президента, решило их поддержать, чтобы нейтрализовать угрозу справа. Но в этих сложных условиях лидеры крупнейшей партии, насчитывавшей в своих рядах 3,5 млн. человек, имевшей многомиллионные массовые организации, не обратились ко всем коммунистам и трудящимся с призывом выступить на защиту завоеваний национальной революции, они заняли подчиненное положение в планах президента и его окружения, утратили самостоятельность в принятии решений и в выборе форм и методов борьбы⁶⁷

Разгромив плохо подготовленные в военном и политическом отношении подразделения сторонников президента, генералитет обрушил всю мощь удара на КПИ и другие левые организации с твердым намерением быстро решить основную задачу — устранить коммунистическое движение как политическую силу на-

ционального масштаба. Около полумиллиона коммунистов были убиты, 1,5 млн. человек брошены в тюрьмы по фальшивому обвинению в попытке осуществить государственный переворот. Жестокость расправы свидетельствовала о том, что компартия, хотя и ослабленная вследствие ошибок руководства, рассматривалась классовым врагом как грозный противник, способный при определенных условиях изменить соотношение сил в пользу трудящихся. Деятельность КПИ, все формы пропаганды научного социализма были законодательно запрещены.

Тяжелое поражение партии породило бурные дискуссии в сохранившихся и перешедших на нелегальное положение организациях. Часть оставшихся на свободе членов руководства КПИ выступила в 1966 г. с развернутым документом «Самокритика Политбюро ЦК КПИ», в котором источник всех бед усматривался в том, что еще в 50-е годы, после мадиунских событий, партия не пошла по пути вооруженной партизанской борьбы за власть. Другую причину поражения они видели в том, что КПИ не порвала связей с большинством компартий международного коммунистического движения и не провозгласила «идеи Мао Цзэдуна» своей идеологией. Документ призвал немедленно развернуть вооруженную крестьянскую аграрную революцию под руководством рабочего класса, перенести в сельскую местность центр тяжести партийной работы⁶⁸.

Во исполнение этой политической линии значительная часть уцелевших кадровых работников и активистов КПИ была стянута на Восточную Яву, где летом 1968 г. начались партизанские действия и предпринята попытка создать освобожденный район. Но движение было малочисленным; плохо вооруженные партизаны, не получив реальной поддержки со стороны запуганных белым террором крестьян, были без особого труда разгромлены регулярными армейскими частями. Сотни дисциплинированных и отважных борцов заплатили свободой и жизнью за то, что в тяжелое для партии время не решились выступить против навязанного им гибельного курса.

В 1967 г. с документом «За правильный путь индонезийской революции» впервые выступила марксистско-ленинская группа КПИ. В нем и в последовавших позже документах «Насущные задачи коммунистического движения в Индонезии» (1969), «За демократию, социальную справедливость и благосостояние народа» (1975), а также в ряде других материалов марксисты-ленинцы Индонезии проанализировали ошибки, приведшие к поражению партии, наметили пути возрождения КПИ как революционного авангарда трудящихся масс. Компартия выдвинула лозунг создания Фронта национального единства с целью проведения демократических и антиимпериалистических преобразований.

В статье секретаря Заграничного комитета КПИ Т. Синурая в связи с 60-й годовщиной партии (1980) отмечалось, что индонезийские коммунисты в результате активной деятельно-

сти марксистско-ленинской группы и правильной политической линии, сформулированной в партийных документах, добились серьезных успехов в идейной и организационной областях. налажен выпуск партийного журнала «Текад ракьят» («Решимость народа»). За пределами Индонезии члены КПИ, солидаризовавшиеся с марксистско-ленинскими документами, создали в мае 1969 г. Заграничный комитет КПИ, сыгравший, в частности, важную роль в восстановлении и расширении интернациональных связей КПИ⁶⁹.

Индонезийским коммунистам приходится действовать в условиях суровых преследований со стороны государственного аппарата, массовой антикоммунистической кампании, ведущейся практически всеми пропагандистскими органами. Но, как признают официальные лица в Индонезии, идеи научного социализма продолжают сохранять притягательную силу в глазах трудящихся страны.

Компартия Малайи в конце 50-х годов находилась в чрезвычайно сложном положении: тактика вооруженной борьбы, которой она придерживалась в течение более 10 лет, явно исчерпала себя, попытки договориться с правительством о легализации КПМ успеха не имели. Руководство Компартии Малайи не переставало подчеркивать, что главный враг партии не национальное правительство, а английские колонизаторы и поэтому гражданская война носит антиколониальный характер. «Компартия Малайи призывает народ, включая и патриотов в коалиционном правительстве, объединиться и создать широкий патриотический Национальный фронт для борьбы за разгром колонизаторов, пытающихся путем продолжения антинародной войны увековечить колониальные порядки в Малайе»⁷⁰, — говорилось в одном из документов партии в 1959 г. Однако, как уже отмечалось, обстановка в стране складывалась не в пользу левых сил, и правительство, не желая в этих условиях идти на компромисс, делало упор главным образом на насильственные методы решения проблемы.

КПМ выступила против создания в 1963 г. Федерации Малайзии, куда кроме Малайи вошли Сингапур и бывшие британские колонии на Калимантане Саравак и Сабах (двумя годами позже Сингапур вышел из Федерации).

Традиционно КПМ всегда связывали тесные узы с Компартией Китая, что объяснялось рядом причин исторического, политического, а также этнического характера. Это не мешало, однако, — в меру объективных возможностей — малайским коммунистам в течение многих лет поддерживать интернациональные связи с международным коммунистическим движением. В приветствии КПМ XXI съезду КПСС в феврале 1959 г. подчеркивалось: «Народы Малайи гордятся тем, что они имеют такого верного друга, как Советский Союз. Они считают победы советского народа своими победами. Каждый успех советского народа в строительстве социализма и коммунизма явля-

ется мощной поддержкой и огромным воодушевлением для народов Малайи в их борьбе за полную национальную независимость»⁷¹.

Во внутривластном плане руководство КПМ проявляло первоначально осторожность и не торопилось провозглашать маоизм вершиной марксистской мысли. Однако в 1967—1968 гг. положение изменилось. В документе ЦК КПМ, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции (1967), выражалась солидарность с маоизмом по всем основным линиям⁷². В июне того же года ЦК КПМ опубликовал заявление в связи с 20-й годовщиной антианглийской национально-освободительной борьбы⁷³. В нем говорилось, что «международная обстановка превосходна», и предсказывалось начало «новой революционной бури» в Малайзии и Сингапуре. ЦК призвал развертывать упорные и затяжные наступательные действия.

Руководство КПМ сделало вывод, что по-прежнему вооруженная борьба должна быть главной формой борьбы, а армия — главной формой организации. Другие формы массовой организации и массового движения должны непосредственно и косвенно сочетаться с вооруженной борьбой. Следовательно, центр тяжести революционных действий должен находиться в сельских районах и поэтому необходимо укреплять и расширять опорные базы в деревне. Лидерам КПМ не пришлось приводить свою линию в соответствие с маоистскими воззрениями. Скорее наоборот, эти последние стали апологией реально проводившегося курса.

Принятый в апреле 1970 г. программный документ ориентировал сторонников КПМ исключительно на вооруженную борьбу (боевые отряды, находившиеся под руководством партии в 1971 г., насчитывали, по разным источникам, до 2 тыс. человек, дислоцированных на севере страны в районе границы с Таиландом. Они делились на три полка, один из которых состоял преимущественно из малайцев и тайцев и находился под командованием Рашида Майдина⁷⁴. Примерно в это же время в прессе появились сообщения о том, что партизанские формирования Компартии Малайи объединили свои действия с повстанцами, действовавшими на юге Таиланда)⁷⁵.

В радиопередаче радиостанции «Голос малайской революции» 31 января 1974 г., посвященной 25-й годовщине создания Малайской национально-освободительной армии, сообщалось: «Твердо придерживаясь курса на окружение города людьми из деревень и на захват государственной власти вооруженной силой, МНОА продвигается на юг, создавая новые базы и партизанские районы». И лишь несколько слов в конце передачи — «высоко поднимем знамя единства в борьбе»⁷⁶ — были намеком на истинное положение дел. В 1974 г. достигли своего апогея разногласия внутри КПМ, начавшиеся четыремя годами раньше. По проникшим в печать сообщениям, руководство партии

отдало приказ под предлогом борьбы с вражеской агентурой уничтожить физически всех, кто присоединился к КПМ в течение последних 10—12 лет⁷⁷. Непосредственно после этой директивы от партии откололась группировка, назвавшая себя «Революционной фракцией» КПМ. За ней последовала другая фракция, оформившаяся в 1974 г. как «Компартия Малайи (марксистско-ленинская)»⁷⁸. Все эти группировки ожесточенно нападали друг на друга, а в ряде случаев дело доходило и до вооруженных столкновений между их воинскими формированиями.

При внимательном изучении документов названных фракций можно обнаружить некоторые различия в их тактических установках. Так, в материалах группировки «Революционной фракции» делается упор на развертывание борьбы в городах. Общим же в установках фракций являются взаимные обвинения в неспособности воплотить в жизнь «идеи Мао Цзэдуна», примат вооруженной борьбы над любыми формами движения и ожесточенные нападки на «современный ревизионизм».

Как представляется, раскол в КПМ был вызван двумя основными причинами. Первая из них состоит в том, что почти четверть века партизанской войны в джунглях не принесли желаемых результатов. Значит, нужно было либо пересмотреть комплекс тактических установок и ряд идейно-теоретических выводов (в частности, тезис о наличии «превосходной революционной ситуации» и о том, что только винтовка рождает власть), либо заявить, что эти установки до сих пор претворялись в жизнь неверно. Лидеры отколовшихся фракций пошли по второму пути.

Другая причина относится к числу более сложных. Раскол отразил замешательство в рядах повстанцев в связи с тем, что в политике руководства КНР намечались определенные коррективы в отношении стран Юго-Восточной Азии, а именно поворот в сторону нормализации межгосударственных отношений. Сама мысль о возможности установить нормальные межгосударственные отношения между Китаем и странами Юго-Восточной Азии была совершенно несовместима с духом и буквой ультрареволюционной концепции и вызывала глубокое замешательство в умах рядовых членов КПМ, воспитанных на этой пропаганде⁷⁹.

Прорвавшийся наружу кризис еще более углубился в результате обострившихся отношений между КНР и СРВ. Вьетнамский народ, который под руководством компартии вел героическую борьбу против колониализма и американской агрессии, завоевал огромный авторитет в мире. И, надо полагать, партизанам КПМ было нелегко примириться с теми нападками, которым подвергался Вьетнам. Проявлением этого кризиса стала, в частности, сдача властям в конце 1980 г. председателя Компартии Малайи Мусы Ахмада и его жены, проживших почти 25 лет в Пекине.

Шестидесятые годы на Филиппинах характеризовались подъемом общественной активности, направленной против империализма и местных эксплуататоров. Росло недовольство народных масс в связи с засильем американского империализма в экономике и политике страны; ширилось забастовочное движение в городах, возрождалось организованное крестьянское движение⁸⁰. Характерным для Филиппин становилось широкое и активное участие в общественной жизни молодежи и студентов.

В начале 60-х годов правительство Филиппин фактически отменило закон 1957 г. о подрывной деятельности, что создало определенные предпосылки для легализации Коммунистической партии Филиппин. Руководство КПФ пришло к выводу о нецелесообразности ориентации исключительно на вооруженную борьбу. Оно приступило к разработке нового курса, в котором делался акцент на работу в массах и завоевание их на свою сторону, на создание широкой базы коммунистического движения, объединение антиимпериалистических и антифеодалных сил в борьбе за подлинную независимость и демократию⁸¹.

Но процесс коррекции политического курса натолкнулся на сопротивление части старых хуков, выступавших на первых порах вместе с молодыми членами руководства партии, пришедшими из молодежного движения (прежде всего здесь упоминается имя Х. М. Сисона). Последним было свойственно преувеличение революционности момента, радикализма общественного движения в начале 60-х годов. Это «революционное нетерпение» нашло идейное оформление в маоистских концепциях. В мае 1967 г. Х. М. Сисон и его сторонники выступили с заявлением от имени Политбюро ЦК КПФ, в котором сообщалось о намерении вести вооруженную борьбу за власть силами «единого национального фронта под руководством рабочего класса»⁸².

Руководство КПФ осудило акцию Х. М. Сисона и его сторонников и охарактеризовало их как «мелкую и безответственную антипартийную группировку», которая ищет международного признания, призывает немедленно взяться за оружие без учета объективных и субъективных условий на Филиппинах⁸³. Однако Х. М. Сисон, исключенный в 1967 г. за фракционную деятельность из партии, и его сторонники продолжали раскольническую деятельность. В конце 1968 г. они провели свой съезд, провозгласив создание «Компартии Филиппин идей Мао Цзэдуна», а в марте 1969 г. была создана «Новая народная армия» (ННА). Принятая на съезде «программа народно-демократической революции на Филиппинах» представляет определенный интерес, поскольку в ней наиболее ярко отразились некоторые положения и слабости, характерные для левацких движений.

Это прежде всего декларация о наличии «превосходной революционной ситуации» без необходимого анализа внутренней

обстановки, уровня политического сознания масс, социальной сущности массового движения и его целей. Это, далее, декларативное заявление о новом этапе революционного процесса, когда на повестку дня становится свершение народно-демократической революции нового типа под руководством рабочего класса, выступающего в союзе с крестьянством. Политической формой такого союза должен стать Единый национальный фронт, который, по мнению авторов «программы», может существовать при опоре только на союз рабочих и крестьян. А этот союз, в свою очередь, возможен лишь тогда, когда создан для вооруженной борьбы. «В тесном союзе с массами беднейшего крестьянства и батраков рабочий класс развертывает аграрную революцию, вооруженную борьбу и создает революционные освобожденные районы в качестве прочной основы народной демократии»⁸⁴.

Характерно, что, сформулировав общую политическую и социальную программу для деревни, маоисты фактически не рассматривали положение рабочего класса, не выдвигали каких-либо требований по рабочему вопросу. Они априорно исходили из того, что пролетариат в состоянии возглавить вооруженную борьбу крестьян и что крестьянство готово принять руководство со стороны пролетариата. Нигде серьезно не ставится вопрос о необходимости для рабочего класса подтвердить возложенную на него историческую миссию практической борьбой за интересы трудящихся, включая крестьян. Фактически под руководящей ролью пролетариата понималось руководство движением со стороны компартии. Лозунг союза рабочего класса и крестьянства в этих условиях терял свое содержание, а партия, называвшая себя пролетарской, — связь со своим классом.

Вообще в подходе к вопросу о роли и месте партии в борьбе трудящихся маоисты заняли двойственную позицию. Признавая на словах, что компартия возглавляет вооруженную борьбу, авторы «программы» выдвинули на первый план армию (вспомним, что это был период расцвета «культурной революции» в КНР). Так, в документах группы Х. М. Сисона на армию возлагалась задача участвовать в перестройке партии, формировании фронта национального единства, антифеодалного Единого фронта в деревне, в создании местных партийных организаций, комитетов и массовых организаций⁸⁵. Таким образом, содержащиеся в тех же документах указания о том, что ННА подчиняется партии, оставались декларациями.

Действия группировки Х. М. Сисона нанесли серьезный ущерб прогрессивному движению на Филиппинах — в ряде национально-патриотических организаций, где влияние КПФ было значительным, ей удалось вызвать раскол, увлечь за собой часть членов. Это особенно сказалось на студенчестве. Существовавшие крестьянские организации в целом сохранили имевшиеся связи с КПФ⁸⁶, однако в среде неорганизованного крестьянства группировка Х. М. Сисона нашла определенную под-

держку. По заявлениям филиппинских официальных лиц, численность ННА в 1970—1972 гг. составляла от 2 тыс. до 10 тыс., а сочувствующих ей — от 40 тыс. до 100 тыс. человек⁸⁷. Поэтому неправильно было бы недооценивать привлекательность радикализма и ультраревOLUTIONизма для мелкобуржуазных слоев переходного общества, переживающего сложную, противоречивую стадию своего развития.

Руководство Компартии Филиппин, дав принципиальную оценку действиям раскольников, заняло гибкую и дальновидную позицию по отношению к рядовым революционерам, увлеченным левацкой фразеологией. В документах VII съезда КПФ говорилось, что многие из них — «это молодые, честные и патриотически настроенные люди, которых, однако, совлекли с правильного пути борьбы. В интересах антиимпериалистического движения в стране необходимо завоевать на свою сторону честных членов маоистского движения и вернуть их на правильный путь борьбы»⁸⁸.

Коммунистическая партия Филиппин дала трезвую оценку своего положения и обстановки в стране. Анализируя причины поражения вооруженной борьбы в 1950—1956 гг., она указывала на ошибочное утверждение о наличии революционной ситуации на Филиппинах, недооценку ряда форм борьбы, кроме вооруженной, что, несомненно, помешало создать объединенный антиимпериалистический фронт. Сказались также беззаботность в вопросах безопасности партии (как следствие переоценки своих сил) и, наконец, изоляция национально-освободительного движения на Филиппинах от объективных союзников на международной арене⁸⁹.

В августе 1969 г. ЦК КПФ одобрил «Тезисы о положении в стране», в которых говорилось, что стратегическая цель компартии на данном этапе — это полное освобождение от империалистической эксплуатации и политического господства США, уничтожение пережитков феодализма и политической власти феодалов, установление национально-демократического строя с социалистической перспективой⁹⁰.

VI съезд партии (1973) выдвинул лозунг борьбы за легализацию партии, курс на осуществление союза демократических и патриотических сил против гнета иностранных монополий. Партия имела в виду возможность включить в этот фронт также национально-патриотические элементы внутри правящего режима⁹¹. При выработке и проведении в жизнь своей политической линии КПФ учитывала новые тенденции в жизни страны. Ф. Маркос, избранный на пост президента в 1965 г., выступил с комплексом лозунгов и программ, которые в случае их последовательного проведения в жизнь могли способствовать известному укреплению политической независимости и экономической самостоятельности страны, повышению жизненного уровня ее населения. КПФ решила поддержать позитивные элементы программы президента.

В 1974 г. в результате переговоров между представителями партии и правительства было достигнуто соглашение о выходе КПФ из подполья. Генеральный секретарь ЦК КПФ Ф. Макапагал позже писал: «Когда в 1974 г. наша партия заключила политическое соглашение с правительством, она подчеркивала, что делает это ради того, чтобы способствовать проведению социально-экономических и политических реформ в интересах трудящихся... Для нас самое главное — усиливает или ослабляет правительство контроль империалистов над Филиппинами, расширяет или сужает участие народа в управлении обществом»⁹².

Перейдя к легальным формам деятельности, КПФ подтверждала сохранение идеологической независимости, классового подхода к оценке действий правящего режима. Как явствует из документов КПФ, прежде всего ее съездов, партия видела определенные позитивные потенции в национализме президента Ф. Маркоса и считала необходимым способствовать их развитию. К тому же следует учитывать, что наиболее мощная оппозиция политике президента в тот период исходила справа — от прозападных кругов местной буржуазии и феодально-помещичьих группировок, обеспокоенных проектом реформы и покушениями президента на автономию их латифундий.

Наряду с этим КПФ в полной мере видела непоследовательность государственной власти, ее боязнь активности масс, склонность к компромиссу с оппонентами справа, а также с монополиями.

В документах VIII съезда партии (1980) указывалось, что многие реформы, провозглашенные правящим режимом, остались на бумаге или пошли на пользу лишь ограниченным слоям населения, в том числе и земельная реформа, считавшаяся «краеугольным камнем» программы президента Ф. Маркоса⁹³. Партия выступила за радикальные преобразования в направлении антиимпериализма и подлинной демократии. «Осуществление этих перемен не может быть оставлено узкому кругу правительственных технократов или маленьким группкам вооруженных революционеров... Мобилизация народа под лозунгами антиимпериализма представляет собой первейшую необходимость»⁹⁴.

В соответствии с этим партия предлагала откровенный диалог всех сил и группировок, выступающих против империализма и искренне стремящихся к серьезным изменениям в обществе, — рабочих, крестьян, безземельной деревенской бедноты, христиан, мусульман, интеллигенции, молодежи, национальных промышленников. «Первоочередная задача, стоящая перед филиппинским обществом сегодня, — указывалось в программе, — состоит в том, чтобы активизировать участие масс в антиимпериалистической борьбе, помочь осознать корни стоящих перед ними проблем, превратить их в организованную антиимпериалистическую силу»⁹⁵.

Для освободительного движения в несоциалистических странах Юго-Восточной Азии характерно тесное переплетение различных моментов борьбы: социально-классовых, антиимпериалистических (антимонополистических), борьбы за демократические свободы, национальное равноправие, против военной опасности, поскольку сам регион и прилегающие к нему районы бассейна Тихого и Индийского океанов стали ареной активных военно-политических приготовлений американского империализма. Ускоренная капиталистическая модернизация с неизбежно сопутствующими ей имущественной и социальной дифференциацией, разрушением традиционных норм и обычаев способствует возникновению широкой гаммы течений и группировок в общественных движениях — от экстремистски левых до экстремистски правых, обострению идеологической борьбы.

Пролетариат, леводемократические силы, находясь на переднем крае этой политической и идейной борьбы, в то же время являются объектом жестоких преследований со стороны международного империализма и местной реакции. Буржуазные государства, опираясь на собственный и международный классовый опыт, видят наибольшую опасность для своих классовых интересов в соединении рабочего движения с марксизмом-ленинизмом. Именно поэтому основные усилия карательных органов и пропагандистской машины направлены на то, чтобы не допустить превращения такой возможности в реальность.

Однако ограничение политических прав и свобод населения в целом, как неизбежное следствие политики антикоммунизма, затрагивает интересы не только трудящихся классов, но и других слоев населения. Оно задерживает духовный рост нации, модернизацию общества и в конечном счете рост производительных сил. Поэтому в борьбе за демократизацию общественной жизни марксисты-ленинцы стран ЮВА видят платформу для сплочения всех сил общества, способных выступить затем за ограничение всевластия ТНК, за социальный прогресс.

Глава VI

ЮЖНАЯ АЗИЯ

История коммунистического движения Южной Азии насчитывает многие десятки лет. В ряде стран, прежде всего в Индии, оно добилось значительных успехов.

Комдвижение в Южной Азии считается одним из наиболее развитых и влиятельных на всем афро-азиатском континенте. Это обусловлено рядом факторов: относительно высоким уровнем экономического и социально-классового развития, благодаря чему в Индии еще в довоенные годы появились фабрично-заводской и сельскохозяйственный пролетариат, широкая прослойка современных средних слоев, в том числе интеллигенции; давно сформировавшимися традициями массовых антиимпериалистических, антиколониальных выступлений, боевыми делами демократического и профсоюзного движения; тем, что в течение продолжительного времени компартии Индии, Шри-Ланки могли действовать легально, развивать связи с международным комдвижением. И конечно же, в целом правильной стратегией и тактикой компартий, которые, как будет показано, хотя и допускали ошибки, порой весьма серьезные, в конечном счете их исправляли, на каждом новом этапе классовой борьбы корректировали свой курс.

В истории компартий Южной Азии немало общего, что, несомненно, предопределено не только схожестью судеб народов этого субконтинента, но и тем, что до раздела бывшей британской Индии в 1947 г. на Индию и Пакистан большинство действующих ныне компартий было частью одной партии — Коммунистической партии Индии. Компартия Пакистана создана в 1948 г., а с 1954 г. запрещена и с тех пор действует в подполье. Коммунистическая партия Бангладеш, основанная также в 1948 г. на базе организаций КПИ в Восточной Бенгалии, отошедших к Пакистану, до апреля 1971 г. (т. е. до образования Бангладеш) называлась Коммунистическая партия Восточного Пакистана. Таким образом, история Компартии Индии времен колониализма — это в то же время история Компартий Бангладеш и Пакистана.

Что касается Компартии Шри-Ланки, то она была создана позже, в годы второй мировой войны. Однако рабочее и проф-

союзное движение этой страны в течение длительного периода испытывало на себе благотворное воздействие международного революционного рабочего движения, в том числе влияние революционных традиций рабочего класса соседней Индии, находившейся, как и Шри-Ланка, в цепях британского колониализма.

За годы национально-независимого развития дифференциация между странами Южной Азии значительно усилилась, углубилась страновая специфика. И связано это в первую очередь с особенностями их политического и социально-экономического развития.

В Индии, например, за годы независимости достигнуты очевидные успехи в подъеме экономики, получил развитие государственный сектор, создана тяжелая промышленность, имеются существенные сдвиги в аграрном секторе. Все это вызвало значительные изменения в социально-классовой структуре общества. В условиях страны таких масштабов, как Индия, даже сравнительно невысокие темпы экономического роста способны привести к появлению новых миллионов промышленных и сельскохозяйственных рабочих, а создание технологически современных производств — к возникновению многочисленных отрядов нового поколения высококвалифицированных, образованных рабочих, к резкому увеличению прослойки технической интеллигенции, технократии, служащих всех категорий. Свою лепту в социально-классовые сдвиги внесли, несмотря на ограниченность, аграрные реформы, «зеленая революция»¹.

Шри-Ланка к моменту достижения независимости с точки зрения социально-экономических отношений была более развитой, чем другие страны Южной Азии, большинство государств зарубежного Востока вообще. Наемные работники составляли большинство экономически активного населения, а рабочий класс — не менее его трети. Однако ланкийский пролетариат был представлен главным образом транспортными и сельскохозяйственными (плантационными) рабочими, поскольку промышленность была развита слабо. Основной контингент рабочих был сосредоточен в Коломбо и прилегающих к нему районах (главным образом транспортные рабочие, включая докеров) и в глубинных, горных областях (в основном плантационные рабочие). На остальной территории острова (в том числе в северных и северо-восточных областях, населенных преимущественно так называемыми ланкийскими тамилами — потомками тамиллов, переселившихся в Шри-Ланку из Индии еще в глубокой древности) рабочий класс был малочислен.

За годы независимости получила развитие национальная промышленность и соответственно увеличилась прослойка фабрично-заводского пролетариата, выросла доля рабочих среди населения северных и северо-восточных («тамильских») областей Шри-Ланки; сельскохозяйственный пролетариат стал включать в себя не только лиц, занятых на плантациях, но и

рабочих других отраслей сельскохозяйственного производства; увеличилась прослойка промышленной буржуазии; резко возросла численность бюрократии.

Бангладеш, напротив,— одна из наименее развитых стран Южной Азии и зарубежного Востока в целом. Причем низкие темпы роста производства в Бангладеш в послеколониальный период, как в составе Пакистана, так и после выхода из него, при высоком естественном приросте населения усугубили отставание этого государства от других стран азиатского региона. В промышленности, где имеются пока только зачатки современных высокотехнологических производств, создается лишь 8—9% валового внутреннего продукта (ВВП). Рабочий класс по масштабам страны малочислен, прослойка фабрично-заводского пролетариата относительно невелика. В силу медленного экономического и особенно индустриального развития процесс количественного и качественного роста пролетариата идет медленно. Основная масса самостоятельного населения занята в сельском хозяйстве. Но отличительными чертами бангладешской деревни, для которой характерно абсолютное аграрное перенаселение, являются наличие огромной армии безземельных крестьян (свыше 50%), пауперизация крестьянства, преобладание в составе формирующегося сельского пролетариата наемных работников докапиталистического и раннекапиталистического типа. Другая отличительная особенность социально-классовой структуры деревни Бангладеш — чрезвычайно тонкая эксплуататорская прослойка, не превышающая, по некоторым данным, 4% сельского населения.

Эти объективные условия социально-экономического развития стран Южной Азии, а также серьезные отличия политического, религиозного и иного характера, несомненно, накладываяют свой отпечаток, подчас глубокий, на деятельность в них компартий, на их стратегию и тактику. Впрочем, даже до раздела бывшей Британской Индии было немало своеобразия в деятельности коммунистов в различных районах страны, включая нынешние Пакистан и Бангладеш.

Индия

Коммунистическая партия Индии представляла собой значительную силу еще накануне достижения страной независимости (1947). Она насчитывала около 100 тыс. членов, располагала заметными позициями в рабочем и крестьянском движении в ряде важных районов страны.

КПИ создана в 1925 г. из групп революционеров-патриотов, которые обратились к марксизму-ленинизму в период подъема массовой антиимпериалистической, национально-освободительной борьбы, возглавлявшейся Индийским национальным конгрессом под руководством М. К. Ганди. К этому времени в стране

стал набирать силу индийский пролетариат, появившийся в результате развития фабрично-заводской промышленности, транспорта, принадлежавших главным образом иностранному капиталу.

Создание КПИ, рост ее влияния явились результатом объективных условий внутрииндийской и международной жизни. Как подчеркивалось в документе Центрального исполкома Национального совета КПИ «Коммунистическая партия Индии. Пятьдесят лет борьбы и движения вперед. 1925—1975», «КПИ родилась из слага боевого антиимпериалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, борьбы за национальную свободу и классовой борьбы за социализм»².

Исключительно важным для понимания условий деятельности Компартии Индии, особенно в первые годы после ее создания, является тот факт, что ко времени появления КПИ на политической арене в стране уже действовала мощная политическая партия национальной буржуазии — Индийский национальный конгресс (ИНК). В результате массовой борьбы против британского господства, особенно в 1919—1922 гг., ИНК под руководством М. К. Ганди стал основной партией, пользовавшейся большим влиянием как в городе, так и в деревне.

Особо следует отметить роль КПИ в борьбе индийского народа против британского господства. Несмотря на известную непоследовательность в проведении своей линии на отдельных этапах этой борьбы, Компартия Индии была одной из наиболее активных сил национально-освободительного движения. Коммунистам принадлежит заслуга в выдвижении лозунга борьбы за полную независимость страны. Он был провозглашен в 1921 г. еще до объединения в компартию в манифесте, обращенном к 36-й сессии Индийского национального конгресса, которая состоялась в Ахмадабаде³. И хотя это требование руководством Конгресса тогда было отклонено, коммунисты продолжали настойчивую работу по пропаганде и популяризации лозунга о полной независимости до тех пор, пока он не был принят ИНК в 1929 г. Это была большая победа левого крыла в Конгрессе, частью которого являлась тогда КПИ. Национально-освободительное движение вступило в новый этап боевых действий против британского колониализма.

Действуя в рамках Конгресса, коммунисты выдвинули широкую программу антиимпериалистической и антифеодальной демократической революции. Речь шла о таких важных требованиях, как отмена помещичьего землевладения, национализация транспорта, шахт, установление государственного контроля над крупной промышленностью, введение всеобщего избирательного права, созыв Законодательного собрания для выработки конституции Индии и т. д.

Компартия сыграла выдающуюся роль в распространении в стране идей научного социализма, пытаясь применить их в индийских условиях. Эти идеи встретили поддержку многих рево-

люционных демократов, борцов за национальную независимость, включая видных деятелей Индийского национального конгресса, среди которых возвышалась фигура Джавахарлала Неру.

Большой вклад внесла КПИ в дело развития движения рабочего класса, в создание профсоюзов, в том числе одного из боевых отрядов рабочего класса — бомбейского профсоюза текстильщиков Гирни Камгар. По призыву руководимых коммунистами профсоюзов в конце 20-х годов прошли мощные забастовки рабочих текстильных фабрик в Бомбее, Канпуре, Мадураи, Коимбаторе, джутовиков в Калькутте, железнодорожников, а также плантационных рабочих. Укрепление образованного в 1920 г. крупнейшего профсоюзного центра — Всеиндийского конгресса профсоюзов, который стал затем главной массовой организацией индийского рабочего класса, было важным достижением коммунистов, всех левых и демократических сил страны⁴.

Компартия уделяла большое внимание работе среди крестьян, что нашло свое отражение в создании в 1936 г. Всеиндийского крестьянского союза. Его деятельность способствовала внесению в национально-освободительное движение элементов активной борьбы против феодального угнетения.

КПИ проводила линию на единство левых и демократических сил в борьбе против британского империализма, хотя и допускала ошибки в этом вопросе⁵. Особенно большое значение имело ее сотрудничество в эти годы с Национальным конгрессом — как с руководством партии, так и с массами. Оно находило свое выражение, в частности, в том, что многие лидеры КПИ избирались членами Всеиндийского комитета Конгресса — руководящего органа ИНК.

Коммунисты внесли большой вклад в создание Конгресс-социалистической партии (1934) и играли заметную роль в ее деятельности одновременно с представителями левого крыла в Конгрессе (Джавахарлалом Неру, Субхасом Чандрой Босом, Ачарьей Нарендра Девой и др.). Деятельность Конгресс-социалистической партии способствовала радикализации лозунгов национально-освободительного движения, во главе которого стоял ИНК.

Компартия, со своей стороны, использовала возможность широкого сотрудничества с левым крылом ИНК для активной пропаганды в нем идей научного коммунизма, единства действий левых и демократических сил в антиимпериалистической борьбе.

КПИ успешно укрепляла свою независимую массовую базу среди рабочих и трудового крестьянства. В компартию вступило значительное число социалистов и революционеров-подпольщиков, которые под влиянием идей научного социализма отказались от практики индивидуального террора. КПИ укрепляла свои связи с представителями национально-революционных антиимпериалистических групп и организаций, в частности таких, как Социалистическая республиканская ассоциация Индостана и партия Гадар. Многие из них впоследствии вступили в Ком-

партию Индии, став ее видными руководителями (например, Аджой Гхош).

Активное участие коммунистов в национально-освободительной борьбе вызвало жестокие гонения и репрессии со стороны британских колонизаторов. Была проведена серия судебных процессов над коммунистами по обвинению их в заговорах с целью свержения власти английской короны. Процессы в Пешаваре (1922), Канпуре (1924) и особенно в Мируте (1929—1931) были направлены на то, чтобы обезглавить коммунистическое и левое движение в стране, задушить его в зародыше. В 1934—1942 гг. компартия вынуждена была действовать в условиях подполья, постоянных преследований со стороны британских властей. Многие коммунисты прошли трудную, полную испытаний школу борьбы профессиональных революционеров, провели долгие годы в тюрьмах и ссылках.

После начала второй мировой войны и объявления британскими властями Индии воюющей стороной без консультации с представителями ее народа КПИ совместно с другими антиимпериалистическими силами в национально-освободительном движении дала этой войне оценку как империалистической, т. е. войне между империалистическими державами за передел мира в их интересах. Коммунисты и левые силы в ИНК выдвинули лозунг массовой борьбы против империалистической войны. КПИ принимала активное участие в этой борьбе. По ее инициативе 90 тыс. рабочих Бомбея провели 2 октября 1939 г. антивоенную забастовку. В марте 1940 г. состоялась 40-дневная забастовка 175 тыс. текстильщиков Бомбея, за которой последовали забастовки 20 тыс. текстильщиков Канпура, 20 тыс. муниципальных служащих Калькутты, рабочих джутовых фабрик Бенгалии, нефтяников Дигбоя в Ассаме, шахтеров Дханбада и Джхария, металлургов Джамшедпура (Бихар).

Активную роль в борьбе против империалистической войны вела в этот период руководимая коммунистами Всеиндийская студенческая федерация. Разумеется, участие коммунистов в антиимпериалистической борьбе было ограничено рамками их влияния среди населения. Как отмечал один из руководителей Коммунистической партии Индии, М. Фаруки, в работе «Борьба Индии за свободу и Коммунистическая партия Индии», «было очевидно, что левые силы не могли развернуть *массовую борьбу по всей стране* против империализма *сами*, т. е. без Гандиджи»⁶.

И тем не менее колониальные власти не могли оставить без внимания растущее влияние коммунистов и левых сил в Национальном конгрессе. Они нанесли первый удар именно по коммунистам. В январе 1941 г. среди 700 арестованных властями и задержанных без суда 400 были коммунистами или их активными сторонниками. Газеты компартии «Нэшнл фронт» и «Кранти» были запрещены. К маю 1941 г. свыше 20 тыс. участников национально-освободительного движения, главным обра-

зом левые, оказались в тюрьмах и концентрационных лагерях. Среди них было много коммунистов⁷.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз характер второй мировой войны, как известно, изменился. Из войны империалистической она превратилась для стран антигитлеровской коалиции в войну антифашистскую. Руководство ИНК объявило на сессии Всеиндийского комитета конгресса в январе 1942 г. о своей солидарности с Советским Союзом и другими странами, подвергшимися нападению фашистской Германии и милитаристской Японии. Оно заявило об «условной поддержке» войны против сил фашизма и потребовало создания в Индии национального правительства для защиты страны. Колониальные власти отказались удовлетворить это требование, после чего руководство ИНК выдвинуло лозунг «Вон из Индии!» (август 1942 г.). Началось массовое движение, направленное на изгнание колонизаторов из страны и установление национальной политической власти. Руководители Конгресса были арестованы. Однако движение стихийно распространилось на многие районы страны. О размахе антианглийских выступлений и жестоком их подавлении можно судить по характеру репрессий колониальных властей. Так, до конца 1942 г. около 80 тыс. человек было арестовано, 940 человек погибли в результате применения оружия полицией и войсками.

Компартия, рассмотрев ситуацию, сложившуюся после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, охарактеризовала войну как антифашистскую и народную. Она заявила, что борьба народов Индии за освобождение должна быть тесно увязана с действиями других народов против фашизма. При этом подчеркивалось, что только победа Советского Союза и других антифашистских сил может эффективно помочь делу национального освобождения Индии. КПИ указывала, что Индия в борьбе за свою свободу нуждается в союзниках, в поддержке антиимпериалистических сил. Но такая поддержка может быть обеспечена только в том случае, если индийское национально-освободительное движение выступит на стороне антифашистских сил.

Многие видные лидеры национально-освободительного движения хорошо понимали значение победы Советского Союза и других сил антигитлеровской коалиции над фашизмом для судеб Индии и других колониальных стран. Среди них были М. К. Ганди и Дж. Неру. Когда в трудные для Советского государства дни — летом 1942 г. — М. К. Ганди сказали, что положение Советского Союза очень тяжелое, он заявил: «Нет! Россия не может проиграть войну. Если она ее проиграет, то кто же позаботится об интересах бедняков на земле? Россия не должна проиграть войну»⁸. В свою очередь, Дж. Неру во всей своей повседневной деятельности подчеркивал солидарность с борьбой Советского Союза против фашизма. Об этом же говорит его активное участие в работе общества «Друзья Советского Союза», основанно-

го сразу же после нападения фашистской Германии на СССР.

Что касается коммунистов, то, выдвинув лозунг о ведении антифашистской войны, они стремились одновременно слить воедино борьбу против фашизма с борьбой за независимость родины. Именно поэтому КПИ активно поддержала борьбу индийского народа за национальное единство под лозунгом «За национальное правительство во имя национальной обороны!», провозглашенным на Всеиндийской сессии Национального конгресса в январе 1942 г.⁹

Оценивая линию поведения партии в тот период, Центральный Исполнительный Комитет Национального совета Коммунистической партии Индии заявил: «Компартия Индии, базируясь на твердом фундаменте антиимпериалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, выступая против британского империалистического угнетения и выдвигая платформу национального единства и новой фазы борьбы за освобождение, не побоялась временно пойти против течения и завоевала любовь и уважение сотен тысяч людей своей твердостью, бескорыстным служением обездоленным людям в самых разных формах на низовых уровнях. Без сомнения, существовали ошибки в тактическом осуществлении этой правильной общей линии антифашистской народной войны, в недопонимании патриотических мотивов многих из тех, кто был не согласен с линией компартии и встал на иной путь — таких, как Субхас Чандра Бос и многие другие участники движения 1942 г. „Вон из Индии!“», в том, что не был использован более гибкий подход к массовой борьбе после того, как был пройден поворотный пункт в антифашистской борьбе».

Одновременно руководство КПИ подчеркивало: оно «гордится тем, что правильно оценило значение всемирной антифашистской войны и славной роли в ней Советского Союза для нашей освободительной борьбы и для национально-освободительной антиимпериалистической борьбы в мировом масштабе»¹⁰.

Недостатки и ошибки в осуществлении тактической линии партии повлекли за собой ослабление ее позиций в массах. Было бы, однако, неверно представлять дело так, что в деятельности Компартии Индии в тот период преобладали ошибки и недостатки. После того как в июле 1942 г. КПИ впервые с момента ее основания вышла из подполья и стала действовать в качестве общепризнанной политической партии (наравне с другими, в том числе Индийским национальным конгрессом), ей удалось добиться значительных успехов в борьбе за интересы трудящихся, за укрепление своих позиций. К этому времени в рядах партии состояло 4400 человек¹¹. КПИ вела активную кампанию за создание национального правительства, настойчиво боролась за освобождение арестованных лидеров Наиконгресса. Она заслужила признание самоотверженной работой во время голода в Бенгалии в 1943 г., унесшего до 3 млн. человеческих жизней.

В короткий срок после легализации КПИ провела работу по созданию разветвленной партийной структуры в провинциях и дистриктах (районах). В Бомбее был создан партийный центр КПИ, а в мае—июне 1943 г. там состоялся I съезд. К моменту его созыва в партии состояло уже 15 563 коммуниста.

После съезда активизировалась деятельность массовых организаций, руководимых КПИ. В 1943—1945 гг. число членов Всеиндийского конгресса профсоюзов увеличилось с 300 тыс. до 500 тыс., Всеиндийского крестьянского собрания — с 300 тыс. до 825 тыс. человек. Активно действовала женская организация, в которой состояла 41 тыс. членов (1943). В тот же период партия создала свое издательство — «Пиплз паблишинг хаус», в Бомбее выходили в свет пять еженедельных изданий. Широкую популярность завоевала руководимая КПИ Индийская ассоциация народного театра¹².

Компартия стала заметной силой в политической жизни страны. В период, предшествовавший завоеванию Индией независимости, КПИ наращивала свое влияние в массах. Этому способствовало ее сотрудничество с демократическими силами, особенно в Конгрессе. Как отмечало руководство КПИ, компартия «заняла по отношению к ИНК позицию совместной борьбы против империализма в сочетании с критикой и борьбой против классовой ограниченности доминирующей группы руководства Нацконгресса, которая шла на компромисс с врагом, тормозила массовую революционную борьбу и оказалась неспособной добиться в полной мере необходимого национального единства. Сотрудничая с Национальным конгрессом на основе ленинской линии единства и борьбы, КПИ, борясь одновременно против правого реформизма и левого сектантства, укрепила свою независимую политическую базу, особенно среди рабочих и трудящихся крестьян»¹³.

Победа Советского Союза и его союзников над фашистской Германией сопровождалась революционным подъемом во всем мире. В Индии развернулась борьба против британского империализма. Массовые демонстрации солидарности в защиту солдат и офицеров Индийской национальной армии (ИНА), основанной С. Босом, состоялись во многих городах страны. КПИ активно участвовала в выступлении моряков Королевского индийского флота в 1946 г., которые выразили свою солидарность с борьбой индийского народа за независимость. В тот же период компартия играла видную роль в организации забастовок в промышленных центрах и государственных учреждениях, направленных против британского господства.

Важное место в истории борьбы КПИ за интересы тружеников занимает ее участие в крестьянском движении тебхага в Бенгалии в 1946 г. В ходе этого движения деревенская беднота потребовала от помещиков предоставления ей $\frac{2}{3}$ выращенного ею урожая.

Под руководством коммунистов проходила вооруженная

борьба крестьян в Теленгане (1946—1951). Она носила ярко выраженный антифеодалный характер. Около 4 тыс. деревень было освобождено от гнета низама (правителя) княжества Хайдарабад, беднейшие крестьяне получили до 1 млн. акров земли, принадлежавшей ранее низаму. В результате заметно усилилось влияние КПИ в стране. В борьбе за национальное освобождение Индии коммунисты выступали под лозунгом единства национально-патриотических сил, особенно широких масс индусов и мусульман.

После получения Индией политической независимости КПИ не сразу сориентировалась в новой сложной ситуации. Впоследствии руководство партии отмечало, что «в результате преобладания левосектантских и догматических взглядов в КПИ ей потребовалось определенное время, чтобы осмыслить основные характерные черты нового периода после обретения страной независимости. В течение трех лет она проводила ошибочную линию авантюризма и изолированной борьбы сначала в городах (1948—1950), а затем в деревне (1950—1951). Несмотря на героизм наших товарищей, эта линия нанесла огромный ущерб партии, буквально выкосила ее членов, разрушила ее массовые организации, ослабила связи с массами, сделала ее неспособной объединить патриотические и демократические силы»¹⁴.

На основе субъективистского анализа сложившейся обстановки и соотношения классовых и политических сил руководство партии пришло к ошибочному выводу, что обретенная независимость «фальшива»¹⁵. В частности, II съезд КПИ (февраль—март 1948 г.) сделал неверный вывод о том, что провозглашение независимости Индии не положило конец британскому господству, а лишь изменило его форму, что индийской буржуазии была передана доля государственной власти, чтобы она «утопила национально-демократическую революцию в крови»¹⁶. На съезде было заявлено, что индийская буржуазия и ее партия Национальный конгресс перестали играть прогрессивную роль и превратились в реакционную силу, сотрудничающую с империализмом. Отмечалось также, что если в прошлом буржуазия и представлявшее ее национальное руководство находились в оппозиции к империализму, то после 15 августа 1947 г. они отказались от этой роли и стали откровенно коллаборационистскими и реакционными¹⁷.

По мнению избранного на II съезде нового руководства партии, революционная борьба на том этапе должна иметь целью выступление против правительства Конгресса, отстранение его от власти. В принятом после этого съезда документе Политбюро ЦК КПИ «О народной демократии» утверждалось, что действия индийской буржуазии во всех сферах жизни являются реакционными. По всем вопросам интересы трудящихся якобы вступают в конфликт с интересами буржуазии, создавая «беспрецедентный антагонизм» между пролетариатом и буржуазией. Поэтому, подчеркивалось в документе, осуществление демократиче-

ской революции в Индии обязательно должно иметь антикапиталистический характер, а «ближайшей целью революции является свержение буржуазии, устранение ее политической власти». Средством для достижения этой цели объявлялась политическая борьба, в ходе которой буржуазии должен быть нанесен «фронтальный удар», гарантирующий ее полное поражение¹⁸.

Авторы документа имели в виду, что после поражения конгрессистского правительства к власти должен прийти «блок пролетариата с непролетарскими элементами, т. е. демократическая диктатура рабочих и крестьян». А затем эта государственная форма в общем контексте «мировой социалистической революции и прямой борьбы против господства капитала... неизбежно и быстро переросла бы в диктатуру пролетариата». Одновременно утверждалось, что борьба за «подлинную независимость» связана с «нанесением поражения капиталу» в Индии и выходом последней из капиталистической системы¹⁹.

В документах II съезда КПИ фактически утверждалось, что в стране существует революционная ситуация. Сравнивая положение в Индии тех дней с ситуацией в России в 1917 г., руководство КПИ считало, что Индия «уже прошла этап февральской буржуазно-демократической революции, но еще не вступила в этап Великой Октябрьской социалистической революции», поскольку КПИ «пока не в состоянии немедленно выдвинуть лозунг диктатуры пролетариата» из-за сложившихся условий в стране. Однако допускалось, что в ходе борьбы может открыться прямая дорога к диктатуре пролетариата²⁰.

Исходя из этого ошибочного и субъективистского анализа положения в стране и соотношения классовых и политических сил после августа 1947 г., КПИ начала осуществлять тактическую линию, которая нанесла огромный ущерб коммунистическому и рабочему движению, подорвала влияние партии в массах. Как указывал впоследствии генеральный секретарь КПИ Аджой Гхosh, «левосектантская политика, тактика и лозунги вместе с бюрократическими методами их применения... внесли разброд и замешательство в партийные организации, что, в свою очередь, привело к затяжному и глубокому кризису внутри партии и фактически деморализовало ее на долгий период времени»²¹.

Позднее в документах Компартии Индии отмечалось также, что провозглашенная на II съезде КПИ «революционная борьба» против конгрессистского правительства была, по существу, «революцией на бумаге», поскольку левым силам так и не удалось организовать сколько-нибудь значительные выступления трудящихся. Однако выводы съезда о необходимости свержения правительства Индии дали последнему повод для обвинения КПИ в подготовке вооруженного восстания и осуществления репрессий против партии. Деятельность ряда партийных организаций была запрещена, издания КПИ закрыты, многие члены партии арестованы. Особенно сильно пострадала западнобенгальская организация КПИ, объявленная вне закона; тысячи ее

членов были брошены в тюрьмы. Все учреждения КПИ в Западной Бенгалии были закрыты, прекратился выпуск газеты «Свадхината». Оставшиеся на свободе руководители и члены партии ушли в подполье²². Всего в Индии было арестовано 25 тыс. членов партии и сочувствующих ей, 50 тыс. находилось под судом и следствием²³. КПИ оказалась фактически оторванной от масс, ее влияние резко упало. Число членов партии сократилось с 89 тыс. (начало 1948 г.) до 20 тыс. в 1951 г.²⁴

Таким образом, политическая практика наглядно показала всю ошибочность линии II съезда КПИ. Сравнительно скоро в партии начались поиски путей преодоления левосектантского подхода. Это был длительный и мучительный процесс, в ходе которого происходило постепенное освобождение от груза ошибок 1948 г. Заметным этапом на этом пути стала партийная конференция (октябрь 1951 г.), которая проводилась в Калькутте в условиях подполья. Она наметила отход от прежней сектантской линии КПИ по ряду важных вопросов. Так, в принятой на конференции программе партии был сделан важный вывод о том, что КПИ должна участвовать в парламентских и иных выборах с целью «мобилизации широких слоев населения и защиты их интересов»; указывалось на необходимость установления сотрудничества демократических, антифеодалных и антиимпериалистических сил. Однако в документах этой конференции по-прежнему присутствовали ошибочные положения, в том числе неправильная оценка роли индийской национальной буржуазии и ее правительств как коллаборационистского и проимпериалистического²⁵

И только на V съезде КПИ в Пальгхате (1956) был сделан вывод о том, что индийская национальная буржуазия, за исключением представителей крупного и монополистического капитала, может сыграть прогрессивную роль в решении социально-экономических задач независимой Индии. Исходя из этого, коммунисты взяли курс на единство действий со всеми прогрессивными национально-патриотическими силами страны. В результате активной борьбы за жизненные интересы и права трудящихся Коммунистическая партия Индии добилась больших успехов.

Отход от левосектантской линии II съезда, в частности участие партии в выборах, способствовал расширению ее влияния в массах. Новый курс КПИ дал положительные результаты на первых же всеобщих выборах (1952). За ее кандидатов в парламент проголосовало около 3,5 млн. человек (3,3% избирателей). На следующих выборах (1957) влияние компартии среди избирателей еще более возросло. Она собрала 10,8 млн. голосов (8,9%) и стала главной оппозиционной партией в парламенте страны, получив в нем 27 депутатских мест²⁶. Кроме того, КПИ завоевала большинство депутатских мандатов в Законодательном собрании штата Керала и при поддержке нескольких независимых депутатов сформировала свое правительство. Комму-

нисты смогли стать главной оппозиционной партией также в штатах Андхра-Прадеш и Западная Бенгалия.

Опыт деятельности коммунистического правительства в штате Керала (1957—1959) имел большое значение для левого и демократического движения, для политического и общественного развития в штате и стране. Это правительство, несмотря на ограниченные возможности в рамках буржуазной структуры власти и краткий срок деятельности, смогло осуществить ряд прогрессивных мероприятий в интересах трудящихся. Самые значительные из них затрагивали сферу аграрных отношений.

Первое коммунистическое правительство в Керале разработало проект закона об аграрной реформе, направленный на защиту интересов деревенской бедноты²⁷. Впервые в истории Индии обсуждение проекта закона об аграрных преобразованиях проходило на массовых сходках крестьян. 30 марта 1958 г. накануне рассмотрения законопроекта в Законодательном собрании штата состоялась огромная демонстрация крестьян в его поддержку²⁸.

Усилия коммунистического правительства Кералы, направленные на то, чтобы добиться принятия закона об аграрной реформе, встретили ожесточенное сопротивление буржуазной оппозиции. Она опасалась, что его утверждение в качестве «закона страны» и последующее осуществление на практике могло бы привести к изменению соотношения классовых и политических сил в деревне в пользу бедноты и к дальнейшему укреплению позиций коммунистической партии в штате. Поэтому оппозиционные буржуазные партии начали «освободительную борьбу» против коммунистического правительства сразу же после утверждения законопроекта в Законодательном собрании штата Керала в июне 1959 г.²⁹. В июле того же года коммунистическое правительство от власти было отстранено³⁰.

На внеочередных выборах 1960 г. коммунисты получили на 1200 тыс. голосов больше, чем в 1957 г. Но буржуазные партии, объединившись, все же обеспечили себе, хотя и с трудом, большинство мест в собрании штата и сформировали правительство.

В последующие годы взвешенная, зрелая оценка коммунистами положения в стране, а также расстановки классовых и политических сил принесла ощутимые плоды: компартия усилила свое влияние в массах, выросла численность ее рядов. К концу 50-х годов партия насчитывала уже 300 тыс. человек. Однако внутри ее вновь обострились разногласия по ряду важных проблем. Главным из них был вопрос об отношении коммунистов к индийской национальной буржуазии и правящей партии Индийский национальный конгресс. Именно об этом развернулись основные споры на VI съезде партии (1961). А. Гхош указал в докладе, что многие руководители и члены партии вели агитацию только по таким вопросам, по которым следовало отмежеваться от позиций ИНК и его правительства. Их «не вдохновляют,— сказал он,— проблемы, по которым у компартии имеется

общая позиция с членами партии Индийский национальный конгресс, проблемы, которые не дают больших возможностей для осуждения позиций правительства»³¹.

Наряду с этим в документах съезда отмечалось наличие внутри компартии «тенденций хвостизма и реформизма», которые проявились, в частности, в недооценке работы по созданию независимой политической и массовой базы; указывалось на малую активность партии в деле организации и укрепления крестьянских союзов и союзов сельскохозяйственных рабочих, на слабые стороны в ее работе среди пролетариата — борьба рабочего класса, в том числе тех его слоев, которые находились под влиянием коммунистов, носила преимущественно экономический характер.

Компартия самокритично признавала, что, хотя ее влияние в ряде штатов и усилилось, оно все еще оставалось ограниченным в масштабах такой огромной страны, как Индия. Поэтому для успеха в борьбе против сил правой реакции, за проведение прогрессивных социально-экономических преобразований недостаточно было усилий только одной КПИ или даже всех левых партий. Требовалось вовлечение в эту борьбу широких народных масс, идущих за Национальным конгрессом. При этом в документах съезда указывалось, что внутри ИНК есть силы, которые могут стать союзниками коммунистов в борьбе против реакции, а сама КПИ «должна проводить тактику единства и борьбы» в отношении правящей партии.

Многие из решений VI съезда КПИ, однако, не были реализованы. Обострившиеся в руководстве партии разногласия по главному вопросу — об отношении к индийской буржуазии, а также по ряду других проблем привели в 1964 г. КПИ к расколу на две партии — Коммунистическую партию Индии и параллельную партию — Коммунистическую партию Индии (марксистскую). Вследствии КПИ(м) претерпела еще один раскол: ее покинули довольно многочисленные группировки левых экстремистов. Они не согласились с тем, что руководство этой партии в конце 60-х годов стало широко использовать парламентские методы борьбы. Итак, в стране стали действовать две коммунистические партии, а также более десятка мелких лево-экстремистских, авантюристических группировок, считавших, что Индия уже «созрела» для социалистической революции.

Раскол нанес огромный ущерб коммунистическому движению Индии, демократическому движению страны в целом. Число коммунистов резко снизилось. На первом после раскола VII съезде Компартии Индии (декабрь 1964 г.) делегаты представляли всего 134 тыс. членов, на VII съезде Компартии Индии(м) в ноябре 1964 г. — 118 тыс. членов. Съезды КПИ и КПИ(м) приняли новые программы. Вкратце рассмотрим их.

В 1947 г., указывается в программе КПИ, Индия добилась политической независимости, что явилось частью общего подъема сил социализма и национально-освободительного движения.

Программа КПИ характеризовала индийское государство как орган классового господства национальной буржуазии в целом. Отмечалось, что крупная буржуазия оказывает «значительное влияние» на формирование правительственной политики, а национальная буржуазия идет на компромисс с помещиками. КПИ считала, что установление буржуазно-демократического государства в Индии было историческим завоеванием по сравнению с предшествовавшим «империалистическо-бюрократическим господством» в стране³².

КПИ считала, что внутри национальной буржуазии нарастет борьба за власть между различными течениями по мере того, как высшие монополистические группы все более обособляются от остальной буржуазии; иностранные монополии, пользующиеся влиянием в стране, поддерживают обычно те индийские монополистические группы и феодальные круги, которые выступают за облегчение доступа иностранного капитала в страну, за свертывание государственного сектора³³.

В программе КПИ выдвигался «альтернативный путь» развития Индии, он означал прежде всего отказ от происходящего ныне развития капитализма, «хотя это не будет означать немедленной ликвидации всех капиталистических отношений». Это «промежуточная стадия», которая «может быть определена как стадия некапиталистического пути развития» и «создания предпосылок для перехода страны на путь социализма»³⁴.

КПИ сделала вывод, что завершение антифеодальной, антиимпериалистической, демократической революции в Индии невозможно на пути капиталистического развития. Поэтому ставилась задача замены «власти Национального конгресса или любой другой формы буржуазной власти правительством, состоящим из антиимпериалистических, антифеодальных и антимонополистических классов и групп, способных и преисполненных решимости осуществить революционные преобразования, остановить нынешний процесс развития капитализма»³⁵.

По мнению КПИ, таким правительством может быть «правительство национальной демократии, которое смогло бы направить движение страны по некапиталистическому пути»³⁶. Имелось в виду, что правительство национальной демократии придет к власти в результате деятельности единого национально-демократического фронта, в котором должны объединиться патриотические силы страны: рабочий класс, крестьянство, включая зажиточных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, а также монополистическая национальная буржуазия. Правительство национально-демократического фронта должно стать своеобразной государственной формой «переходного» типа, в которой власть будет осуществляться «совместно» всеми классами, выступающими против империализма, монополий и полуфеодальных отношений в деревне.

КПИ считала, что в этом «классовом союзе» «еще не будет безраздельного господства рабочего класса, хотя уже не будет

безраздельного господства и буржуазии»³⁷. Одновременно подчеркивалось, что рабочий класс, как «сознательный инициатор и создатель национально-демократического фронта», будет укреплять свое влияние в этом широком союзе классовых сил и определять его политику в интересах подавляющего большинства индийского народа. Позже, на VIII съезде в 1968 г., компартия уточнила, что руководство в национально-демократическом фронте должно «принадлежать стойким антиимпериалистическим силам»³⁸. В результате последующего изменения соотношения сил в пользу союза рабочих и крестьян рабочий класс постепенно займет руководящие позиции в государстве и, таким образом, будут созданы условия для перехода к социализму³⁹.

Выступая с критикой деятельности Конгресса, КПИ придерживалась той точки зрения, что индийскую национальную буржуазию нельзя рассматривать как нечто однородное, что внутри этого класса имеются противоречия, особенно между монополистической буржуазией и другими его группами.

Что касается программы КПИ(м), то в ней указывалось, что 15 августа 1947 г. политическая власть в Индии была передана лидерам Конгресса, и «таким образом закончилось политическое господство Англии в Индии». Британские империалисты, отмечалось далее, надеялись, что они смогут, используя свои позиции в экономике страны, «превратить нашу независимость в формальную». Однако надежды империалистов не сбылись — Индия добилась политической независимости⁴⁰.

Относительно характера индийского государства в программе КПИ(м) утверждалось, что оно является буржуазно-помещичьим во главе с крупной буржуазией, которая сотрудничает с иностранным капиталом в целях развития страны по капиталистическому пути⁴¹. Одновременно отмечалось, что у индийской буржуазии, как класса в «неразвитой, недавно освобожденной стране», существуют конфликты и противоречия с империализмом, а также с феодальными и полуфеодальными слоями⁴².

КПИ(м) выдвинула в программе требование создать государство народной демократии на основе леводемократического фронта. Указывалось, что установление национальной демократии и развитие Индии по некапиталистическому пути «нереально». По мнению авторов программы КПИ(м), ядром леводемократического фронта должен стать прочный союз рабочего класса и крестьянства, в котором сельскохозяйственные рабочие и бедные крестьяне будут «основным союзником» рабочего класса, а середняки — только «верным союзником». Зажиточные крестьяне в программе также рассматривались как союзники в народно-демократической революции. Что касается средних городских слоев, то и они должны быть союзниками рабочего класса и крестьянства в демократической революции. Широкие слои немонополистической национальной буржуазии, не имеющие прочных связей с иностранными монополиями, также «могут найти свое место» в народно-демократическом фронте.

В силу двойственного характера национальной буржуазии ее участие в антифеодальной, антиимпериалистической, демократической революции, отмечается в программе КПИ(м), будет зависеть от конкретных условий, от соотношения классовых сил, глубины противоречий между этой частью национальной буржуазии и крупной, а также монополистической буржуазией. В свою очередь, крупная и монополистическая индийская буржуазия, считает КПИ(м), является по своему характеру антинародной, антикоммунистической силой и решительно выступает против народно-демократического фронта⁴³.

Компартия Индии(м) исходила в своей программе из понятия «переходного этапа» в развитии революции, который определялся ею как «народная демократия». В этой связи в программе говорилось: «Коммунистическая партия ставит перед народом как непосредственную цель установление народной демократии, которая опиралась бы на коалицию всех подлинных антифеодальных и антиимпериалистических сил, руководимых рабочим классом. Это требует замены нынешнего буржуазно-помещичьего государства и правительства государством народной демократии и правительством, руководимым рабочим классом на основе прочного союза рабочего класса и крестьянства»⁴⁴.

В программах обеих компартий Индии много сходных черт. Например, конкретные социально-экономические преобразования, выдвигавшиеся КПИ, фактически не отличались от преобразований, намеченных КПИ(м). Вместе с тем, как мы видели, были и расхождения в первую очередь по вопросам классового характера индийского государства и нынешнего этапа социально-политического развития страны. В программе КПИ(м) в какой-то степени прослеживалось возрождение ряда положений программы единой КПИ 1951 г., которые позднее были расценены ею как сектантские и догматические.

Подчеркивая свою самобытность и независимость, КПИ(м) взяла резкий курс влево. Это также во многом объясняется тем, что в начальный период своего становления КПИ(м) находилась под сильным влиянием левоэкстремистских группировок, действовавших изнутри.

Эти экстремисты, по сути дела, повторяли левосектантские, догматические ошибки единой прежней КПИ, которые в свое время были отвергнуты. Так, определяя классовый характер индийского государства, они объявили, что оно представляет собой «неоколониальное государство с марионеточным режимом, обслуживающим в основном империалистов и феодалов». Далее левые экстремисты заявляли, что в Индии прямое господство империализма сменилось косвенным, крупная местная буржуазия выступает в качестве «младшего партнера» империалистов, а место «старшего партнера», принадлежавшее раньше Англии, теперь якобы занято империализмом США. Крупная индийская буржуазия характеризовалась как компрадорская, как лакей и марионетка американского империализма⁴⁵.

Левые сектанты считали, что ход развития страны за два десятилетия был направлен в первую очередь на укрепление позиций иностранного капитала, феодального и полуфеодального лендлордизма и индийской крупной компрадорской буржуазии, отрицая при этом факт развития национальной промышленности и сельского хозяйства. Они подчеркивали также, что буржуазия как класс, опасаясь угрозы революции, перешла на сторону империализма. В результате главным стало противоречие между нацией, с одной стороны, и американским империализмом и индийской крупной компрадорской буржуазией — с другой. Отсюда следовал вывод, что в развитии индийской революции начался новый этап, суть которого сводится к «народной войне», «вооруженной революции» и «национально-освободительной войне» против империализма США и его индийских «марионеток». Левые сектанты возражали против пункта программы КПИ(м), в котором говорилось о возможности завоевания власти мирным путем, и в связи с этим обвиняли руководство партии в ревизионизме⁴⁶.

Некоторые из экстремистских групп призывали создать «освобожденные крестьянские районы при помощи крестьянской революции», что должно было, по их замыслу, заложить основы «новой народно-демократической Индии»⁴⁷

Сначала руководство КПИ(м) вело ограниченную политическую кампанию против «авантюристов», критикуя их на страницах партийной прессы и общих собраниях коммунистов. При этом считалось нецелесообразным предпринимать в отношении их организационные шаги, поскольку «ревизионизм продолжал оставаться главной опасностью, и поэтому авантюристы могли вызвать лишь сочувствие к себе»⁴⁸.

Когда же КПИ(м) в результате всеобщих выборов 1967 г. вошла в состав правительства Объединенных фронтов в Западной Бенгалии и Керале, левые экстремисты подняли «бунт» против «парламентаризма» своей партии, против ее участия в правительствах совместно с буржуазными партиями.

Участие КПИ(м) в выборах в парламент и Законодательные собрания штатов, а также в деятельности правительств Объединенных фронтов левых и демократических сил в Керале и Западной Бенгалии — всего через три года после раскола единой КПИ — привело руководство КПИ(м) к серьезной переоценке ряда своих позиций. Это нашло выражение в документе ЦК КПИ(м) «Новая ситуация и задачи партии», который был опубликован сразу же после выборов.

Анализируя положение, сложившееся к этому времени, руководство КПИ(м) подчеркивало, что «углубляющийся экономический кризис перешел также в сферу политики». Вместе с тем оно отмечало, и это служило исключительно важным аргументом в борьбе руководства КПИ(м) против левых экстремистов в партии, что этот кризис находится лишь «в начальной стадии». По его мнению, «любая попытка зависеть или преуве-

лчить степень глубины этого кризиса и его зрелости привела бы к огромной недооценке тех *больших* резервов, которые до сих пор имеются у класса крупной буржуазии и помещиков. Столь неверная и упрощенная оценка чревата опасностью для нашей партии и других демократических сил, поскольку она может подтолкнуть их к ошибочным действиям и, таким образом, сыграть на руку нашим врагам»⁴⁹.

Одновременно руководство КПИ(м) пришло к выводу, что политическая сознательность трудящихся масс, их организованность находятся на низком уровне. Что касается пролетариата, то, как отмечалось в документе, его классовая сознательность «находится на плачевно низком уровне, а коммунистическая партия (КПИ(м).— *Ред.*) чрезвычайно слаба и подвергается угрозе ревизионизма, который обрел организационные формы в лице правой коммунистической партии (т. е. КПИ.— *Ред.*)». Подчеркивалось, что «единство пролетариата с трудящимися массами, особенно с крестьянством, еще не сложилось даже в зачаточной форме»⁵⁰.

Важным шагом в борьбе КПИ(м) против левого экстремизма в своих рядах стал пленум ЦК партии по идеологическим вопросам, состоявшийся в апреле 1968 г. в Бурдване (Западная Бенгалия). На пленуме руководство КПИ(м) довольно резко выступило против левого уклона в партии. В принятом решении подчеркивалось, что КПИ(м) «не может игнорировать или легко относиться к определенным сектантским, догматическим и авантюристическим тенденциям, которые обнаружились в некоторых партийных кругах». Выразители этих тенденций ставили под сомнение принципиальные положения программы партии, выступали против ее политической и тактической линии, нацеленной на участие в выборах и леводемократических правительствах в штатах. Более того, они выдвигали авантюристические лозунги о вооруженной борьбе, открыто нарушали нормы партийной дисциплины и принцип демократического централизма.

Некоторые из левых экстремистов характеризовали идеологическую и политическую линию КПИ(м) как «неоревизионистскую». В этой связи руководство КПИ(м) заявило на пленуме, что «беспощадное разоблачение и жестокая борьба с такими тенденциями, в защиту программы партии, ее политической линии являются элементарными обязанностями каждого сознательного коммуниста и всей партии»⁵¹.

Если до бурдванского пленума руководство КПИ(м) пыталось достичь компромисса, умиротворить левых экстремистов, а те стремились, в свою очередь, добиться признания их превосходства в партии, то после него положение круто изменилось. Оказавшись в изоляции, левацкие элементы повели дело к расколу партии. В мае 1968 г. они созвали в Калькутте сепаратное совещание, на котором создали Всеиндийский координационный комитет коммунистических революционеров. Вновь

созданный Комитет обратился с призывом к членам КПИ(м) выйти из партии и присоединиться к новой группировке⁵². Но создать единую партию левозэкстремистам не удалось.

Между тем обстановка настоятельно требовала единства действий левых сил. Раскол произошел в момент, когда широкие народные массы особенно нуждались в руководстве со стороны левых партий, поскольку в середине 60-х годов усилилась борьба трудящихся за свои права; она обострилась в связи с ухудшением их положения и в результате экономической стагнации, роста дороговизны и инфляции.

Состоявшиеся в 1967 г. выборы в парламент и законодательные собрания штатов показали, что позиции ИНК в центре и особенно в штатах несколько ослабли. В 9 из 17 штатов Национальный конгресс не смог сформировать свои правительства. Выборы привели к усилению позиций правой партии «Джан сангх», особенно в хиндиязычных штатах страны. Упрочила свои позиции созданная в 1959 г. Сватантра — партия помещиков и предпринимателей, которая стала главной оппозиционной партией в парламенте. Произошло усиление влияния местных партий — ДМК в Тамилнаде и «Акали дал» в Пенджабе.

Что касается коммунистов, то обе компартии добились на выборах 1967 г. примерно равных результатов. Кандидаты КПИ и КПИ(м) на парламентских выборах получили соответственно 4,5 и 4,4% голосов (23 и 19 мест), а в законодательные собрания штатов — 4,2 и 4,8% (122 и 127 мест). Наряду с этим в отдельных штатах положение компартий оказалось различным. КПИ получила 4% голосов и более (что необходимо для регистрации в качестве самостоятельной политической партии) в 8 штатах (Андхра-Прадеш, Ассам, Бихар, Керала, Махараштра, Орисса, Пенджаб, Западная Бенгалия), а КПИ(м) — в 4-х штатах (Керала, Западная Бенгалия, Андхра-Прадеш, Мадрас). Позиции КПИ были более сильными в Ассаме, Бихаре, Махараштре, Ориссе и Уттар-Прадеше. КПИ(м) оказалась сильнее в Керале, Западной Бенгалии и Мадрасе. В Пенджабе и Андхра-Прадеше влияние партий оказалось почти равным⁵³.

Результаты выборов наглядно продемонстрировали, насколько большой ущерб коммунистическому движению нанес раскол его рядов. Они убедительно показали необходимость сплочения левых демократических сил. Анализируя итоги выборов, руководство Компартии Индии пришло к выводу, что появилась возможность укрепить единство коммунистического движения⁵⁴.

Большинство неконгрессистских правительств, сформированных в 9 штатах представителями разных политических партий, включая правые, вскоре распалось. Лишь в штатах Керала и Западная Бенгалия леводемократические коалиционные правительства, в которых основные позиции занимали представите-

ли КПИ и КПИ(м), провели ряд прогрессивных мероприятий в интересах трудящихся.

Неудачное выступление Конгресса на выборах 1967 г. еще более усугубило внутрипартийную борьбу в нем. В 1969 г. ИНК раскололся на две партии. Одну из них, сохранившую прежнее название, возглавила И. Ганди, другую, получившую название Организация конгресс (ОК), — М. Десаи.

В результате раскола ИНК лишился большинства в нижней палате парламента. Однако благодаря поддержке независимых депутатов и некоторых партий, в том числе КПИ и КПИ(м), он остался у власти. Конгрессистское правительство осуществило в этот период ряд социально-экономических преобразований в интересах широких слоев населения, включая национализацию 14 крупных частных банков, большого числа угольных шахт, текстильных фабрик и основной части экспортной торговли.

В середине 70-х годов политическая борьба в Индии заметно активизировалась вследствие обострения экономических трудностей, дальнейшего роста безработицы, повышения цен, особенно на товары повседневного спроса. Попытки правительства осуществить некоторые прогрессивные мероприятия в интересах широких слоев населения блокировались крупными землевладельцами, оптовиками-торговцами, а также монополистическими кругами буржуазии. Так, они выступили, в частности, против принятого в 1973 г. правительственного решения о передаче контроля над оптовой закупкой зерна и его продажей в руки государства. В результате правительство Индии вынуждено было отказаться от проведения этого важного мероприятия, объективно направленного на улучшение положения трудящихся.

В этих условиях заметно усилилась борьба рабочего класса. Крупнейшим выступлением пролетариата стала забастовка железнодорожников в 1974 г.: в ней приняло участие свыше 1 млн. человек.

Буржуазные оппозиционные партии решили воспользоваться возникшими трудностями в своих интересах. Они развернули массовое движение, которое возглавил Дж. П. Нарайян. Некоторые из его лозунгов — борьба с коррупцией, демократизация общественной и политической жизни и ряд других — встретили отклик у неискушенной в политике молодежи, студенчества, а также средних городских слоев. Руководители этого движения провозгласили своей целью проведение «тотальной революции», которая понималась как создание неких параллельных органов власти, действующих против и вопреки существующей администрации. На деле это означало призыв образовать единую консервативно-буржуазную оппозицию правящему ИНК как в штатах, так и в центре. Постепенно эта оппозиция стала принимать конкретные политические формы. Так, весной 1975 г. на выборах в Законодательное собрание штата Гуджарат бур-

жуазные антиконгрессистские партии и группировки образовали «Джаната фронт» («Народный фронт»), в который вошли «Джан сангх», «Бхаратия лок дал», Организация конгресс, социалисты. «Джаната фронт» при содействии местной «Кисан маздур лок пакша» («Народная крестьянско-рабочая партия») одержала верх над Конгрессом и сформировала свое правительство в штате.

Это вдохновило консервативно-буржуазную оппозицию, которая усилила свой натиск. Именно в это время Высокий суд г. Аллахабада принял решение, по которому премьер-министр И. Ганди обвинялась в нарушении правил проведения избирательной кампании в округе Рае-Барели штата Уттар-Прадеш. От этого округа она была избрана в 1971 г. в парламент. Буржуазные оппозиционные партии выступили с требованием отставки премьер-министра, несмотря на то что решение аллахабадского суда было опротестовано в высшей судебной инстанции — Верховном суде Индии.

Отставка премьер-министра не состоялась, и 26 июня 1975 г. в стране было объявлено чрезвычайное положение, в условиях которого многие руководители оппозиционных партий были арестованы; правительство запретило деятельность ряда религиозно-общинных и левозкстремистских группировок. Одновременно оно опубликовало программу прогрессивных социально-экономических мероприятий (программа 20 пунктов), направленных на улучшение положения трудящихся, особенно городской и деревенской бедноты⁵⁵.

Как отмечалось в Отчетном политическом докладе Национального совета КПИ XI съезду партии (1978), программа 20 пунктов была встречена с большим энтузиазмом сельскохозяйственными рабочими и беднотой. Она принесла пользу там, где деревенские низы были организованы и вели борьбу за свои права, где КПИ и другие демократические организации возглавили их. Заинтересованная в осуществлении этой программы Компартия Индии и руководимые ею массовые организации провели по всей стране в течение двух месяцев, начиная с апреля 1976 г., падаятры (пешие походы). В этой массовой кампании участвовало 230 тыс. членов КПИ, она охватила около 50 тыс. деревень в 270 дистриктах страны. В результате влияние компартии на деревенскую бедноту заметно усилилось⁵⁶.

Проведение прогрессивных преобразований в деревне вызвало недовольство помещиков и других крупных земельных собственников. Программа 20 пунктов осталась в значительной части не выполненной из-за сопротивления деревенской верхушки, которая действовала в союзе с реакционными силами и чиновничеством. В результате прогрессивная по своей сути программа была отодвинута на задний план, и ее осуществление практически прекратилось. Вместо нее стала пропагандироваться и повсеместно проводиться в жизнь так называемая программа из 5 пунктов, в которой большое внимание уделя-

лось «добровольной стерилизации», которая осуществлялась в северных штатах страны нередко с применением насилия. Это вызывало массовые протесты, хотя в индийских общественных кругах и признается необходимость проведения мероприятий, направленных на сдерживание роста численности населения.

Фактическое свертывание программы 20 пунктов сопровождалось наступлением на жизненные интересы трудящихся. Значительно урезаны были права профсоюзов, в результате чего рабочие и государственные служащие столкнулись с серьезными трудностями в организации забастовок и других движений в защиту их прав. Была прекращена также выплата надбавок на дороговизну, отменены традиционные ежегодные премии и т. д.

Все это привело к росту недовольства широких слоев населения политикой Национального конгресса и способствовало его поражению на внеочередных выборах в парламент (1977).

Во время чрезвычайного положения (1975—1977) Компартия Индии выступила в поддержку программы 20 пунктов, потребовав проведения дальнейших демократических реформ. Одновременно она предупредила о возможности использования чрезвычайного положения в своих целях бюрократией и другими реакционными силами правящих классов⁵⁷. КПИ, в частности, осуждала крайности чрезвычайного положения, в том числе принудительные меры при проведении кампании по планированию семьи.

Анализируя положение в стране и деятельность КПИ в тот период, генеральный секретарь Национального совета партии Р. Рао в отчетном политическом докладе Нацсовета КПИ XI съезду указывал, что «чрезвычайное положение, острое которого поначалу было направлено против реакции, вскоре стало использоваться для борьбы с левыми и демократическими партиями и силами, в том числе в самом Конгрессе»⁵⁸. XI съезд КПИ пришел к выводу, что «наша поддержка чрезвычайного положения с самого начала была ошибкой», она «не могла помочь нам защитить интересы народа и содействовать организации массового сопротивления силам правой реакции»⁵⁹.

Пришедшее к власти после парламентских выборов 1977 г. правительство коалиционного блока Джаната не смогло решить сложные социально-экономические проблемы, стоящие перед страной. По оценке КПИ, деятельность этого правительства показала, что его экономическая политика «не способствует решению общенациональных задач или защите национальных интересов страны от нового неокOLONиалистского наступления империализма, что она лишь обостряет кризисный процесс, ослабляет борьбу за укрепление экономической независимости...»⁶⁰.

На основе анализа создавшегося положения в стране Компартия Индии пришла к выводу, что «кризис капиталистического пути развития и буржуазной классовой политики углубился

настолько, что ни одна буржуазная партия не в состоянии вывести из него страну или спасти народ от угрозы авторитаризма и попрания демократических прав»⁶¹.

В этой связи, как отмечалось ранее, КПИ выдвинула лозунг создания левой и демократической альтернативы буржуазному правлению, объявив «центральной политической задачей в предстоящий период борьбу за осуществление такой перспективы». Одновременно было признано, что ввиду «сложности и неустойчивости» обстановки «решение задачи создания левой и демократической национальной альтернативы будет трудным и длительным процессом объединенной массовой борьбы, массовых движений и политической борьбы»⁶².

Компартия Индии указала также, что в сложившейся политической обстановке особое значение приобретает единство левых сил страны, организация, в частности, массовых выступлений и установление более тесных отношений между КПИ и КПИ(м)⁶³. Наряду с этим подчеркивалось, что «ни единство КПИ и КПИ(м), ни единство всех левых партий не позволит само по себе решить все проблемы, учитывая исключительную сложность существующей обстановки. Требуются объединенные усилия всех левых и демократических сил»⁶⁴. Р. Рао отмечал: «Необходимо также понять, что создание левого и демократического единства — это сложный процесс, который будет по-разному развиваться в различных штатах и в различные периоды. Ни один из аспектов этого процесса не должен противопоставляться другим его аспектам, равно как не должно противопоставляться единство левых сил единству демократических сил, и наоборот»⁶⁵.

На следующем, XII съезде (1982) Компартия Индии сделала новый шаг в разработке концепции единства левых и демократических сил. Она указала на особую важность единства КПИ и КПИ(м) для создания и пропаганды идеи левой и демократической альтернативы буржуазному правлению в стране, которая, по ее мнению, является «стратегической задачей» и может быть осуществлена в ходе «длительного и сложного процесса трудной политической, идеологической и массовой борьбы»⁶⁶. Одновременно на съезде было указано, что «строительство коммунистического и левого единства требует терпеливой, настойчивой, упорной политической и идеологической борьбы как составной части работы по созданию широкого единства левых и демократических сил»⁶⁷.

Названы были на съезде и конкретные вопросы, по которым «возможно и необходимо сотрудничество между нашей партией, другими левыми партиями и некоторыми буржуазными партиями, включая Национальный конгресс (И)». Среди них такие ключевые задачи, как вопросы войны и мира, борьба против империализма, защита национального суверенитета и целостности страны, светского характера государства, борьба против сепаратистских сил, религиозно-общинной розни и т. д.⁶⁸.

Что касается Компартии Индии (м), то ее позиция в этот период сводилась к следующему. После введения чрезвычайно-го положения ее руководство заявило, что правящий ИНК превратился в авторитарную партию, которая стремится к «однопартийной диктатуре». Отсюда делался вывод о необходимости наладить сотрудничество между КПИ(м) и оппозиционными Конгрессу партиями. В КПИ(м) неоднократно обсуждался вопрос о единых действиях с партиями, находящимися вне рамок традиционного левого фронта, прежде всего с буржуазными оппозиционными партиями. При этом подчеркивалось, что члены партии «ощущали необходимость установления все более широких союзов для того, чтобы успешно сопротивляться репрессиям и бороться против них». По мнению руководства КПИ(м), ее борьба не могла бы быть успешной, если бы партия «строго придерживалась концепции левого и демократического единства», поскольку условия, в которых приходилось ей действовать, «вынуждали ее искать более широкие союзы», чем предусматривалась концепцией левого и демократического фронта, иногда даже «отказываясь временно от союза с той или другой левой партией»⁶⁹. Такая линия поведения руководства КПИ(м) по вопросу о союзниках в борьбе с Национальным конгрессом вызывала непонимание со стороны части ее членов, порождала разногласия в партии. Они были настолько серьезны, что на состоявшемся в апреле 1978 г. X съезде КПИ(м) этой проблеме было уделено особое внимание. В документах съезда отмечалось, что «переоценка роли буржуазных оппозиционных партий встретила упорное сопротивление со стороны части партийного руководства»⁷⁰, а пленум ЦК КПИ(м) по организационным вопросам (декабрь 1978 г.) вынужден был указать на имевшую место «внутреннюю борьбу по этому вопросу в Политбюро и ЦК»⁷¹. Причина разногласий состояла в том, что лозунг о сотрудничестве левой, а тем более коммунистической партии с силами, которые она сама же оценивала как правые, реакционные и антикоммунистические, содержал в себе труднопримиримые противоречия. Кроме того, консервативно-буржуазные оппозиционные партии, объединившиеся в период, предшествовавший чрезвычайно-му положению, в движении во главе с Дж. П. Нарайяном, сами неохотно шли на сотрудничество с КПИ(м), причем только в том случае, если оно было выгодно им.

Давая общую оценку влияния левodemократических сил в стране в конце 70-х годов, КПИ(м) указывала на то, что «организованные левые и демократические партии очень слабы и сильно разобщены»⁷². В этой связи отмечалось, что прогрессивные и демократические круги рассматривают созданные в 1977 г. правительства левых сил в Западной Бенгалии и Трипуре как своеобразный «центр», вокруг которого может строиться левая и демократическая альтернатива⁷³, связываемая с борьбой за создание в будущем народно-демократического

фронта. КПИ(м) рассматривала эту борьбу как часть усилий, направленных на то, чтобы изменить соотношение классовых сил, покончить с положением, при котором «народ может выбирать только между двумя буржуазно-помещичьими партиями»⁷⁴.

Разрабатывая в дальнейшем эту важную проблему, КПИ(м) на XI съезде (январь 1982 г.) поставила перед собой задачу «стремиться к объединению в ближайшее время всех классов и интересов, которые могут стать оплотом народно-демократического фронта в будущей борьбе против авторитаризма». Одновременно она подчеркивала, что борьба за реализацию целей народно-демократической революции — это сложный и длительный процесс. По мнению КПИ(м), она началась в условиях, когда коммунистическая партия [т. е. КПИ(м)] и рабочий класс не являются пока руководящей силой и рассматриваются другими партиями в лучшем случае как «партнеры»; влияние в массах рабочего класса в будущем будет, несомненно, возрастать, но еще «очень далеко до того времени, когда он станет руководящей силой», и произойдет это, по-видимому, при «совершенно иной расстановке классовых и политических сил»⁷⁵.

КПИ(м) вновь подтвердила важное положение своей программы о том, что «борьба за реализацию целей народно-демократической революции путем революционного единства патристических и демократических сил, сердцевинной которого должен быть союз рабочих и крестьян, является сложным и длительным процессом. На каждой его стадии должны выработаться переходные лозунги и платформы для мобилизации народа. В этом будет состоять подготовка к созданию народно-демократического фронта, который постепенно и поэтапно реализуется в результате борьбы»⁷⁶.

Важной частью деятельности индийских коммунистов начиная со второй половины 60-х годов было их участие в коалиционных, левodemократических правительствах в штатах Керала, Западная Бенгалия, а также в Трипуре. К тому, что об этом было сказано в предыдущих главах, добавим следующее: создание этих правительств на более широкой социально-классовой и партийно-политической основе, чем первое коммунистическое правительство в Керале в 1957—1959 гг., больше соответствовало общественно-политическому уровню развития страны, соотношению классовых и политических сил. В результате эти правительства оказались жизнестойкими и способными, несмотря на многочисленные трудности, осуществить весьма важные социально-экономические мероприятия в интересах широких слоев трудящихся, даже в рамках буржуазной структуры власти.

Левodemократические правительства в Керале, Западной Бенгалии и Трипуре представляли собой многопартийные правительственные коалиции, в состав которых входили как левые, в том числе коммунистические, так и буржуазно-демокра-

тические партии, отражавшие интересы национальной, преимущественно местной, буржуазии.

Следует подчеркнуть, что руководящая роль в этих коалициях принадлежала коммунистам. Занимая в правительствах прочные позиции, они выступали как наиболее последовательные защитники интересов трудящихся. Это было важным фактором дееспособности леводемократических фронтов, на базе которых создавались эти правительства.

Состав Объединенных фронтов (ОФ) левых и демократических сил в названных штатах менялся по мере политического развития. Изменялось и соотношение сил между отдельными компонентами фронтов. Одно было в них постоянным — это участие коммунистов — представителей одной или обеих компартий Индии.

Изменения в составе правительств левых и демократических партий не мешали им сохранять преемственность: каждое последующее правительство ОФ опиралось в своей деятельности на опыт предыдущего правительства и развивало его.

Несмотря на большие трудности, связанные с коалиционным характером этих правительств, с наличием разногласий между его составными частями, между этими правительствами и центром, где у власти находились буржуазные партии, правительства Объединенных фронтов смогли осуществить ряд прогрессивных социально-экономических мероприятий в интересах трудящихся, и особенно беднейших слоев деревни.

Наиболее богатый опыт проведения различных мероприятий в интересах масс был накоплен правительствами во главе с коммунистами в Керале. Самые крупные из них касались сферы аграрных отношений. Опыт деятельности леводемократических правительств в Керале показал также, что их успехи были бы более значительными, если бы не разногласия между входившими в них партиями, в том числе между КПИ и КПИ (м).

Деятельность правительства левых и демократических сил во главе с коммунистами в Западной Бенгалии во многом напоминала то, чем занимались подобные правительства в Керале. Происходило это потому, что в состав обоих правительств входили коммунисты, а уровень общественно-политического развития этих штатов был относительно высокий.

Естественно, что были и серьезные различия в деятельности правительств Кералы и Западной Бенгалии. Они обусловлены спецификой их исторического, общественно-политического и экономического развития, что находило отражение, в частности, в составе коалиционных правительств левых и демократических сил, а также в соотношении социально-классовых и политических сил внутри и вне объединенных фронтов.

Опыт деятельности правительств Объединенных фронтов в Керале, Западной Бенгалии и Трипуре показал всю важность и необходимость установления единства действий левых и де-

мократических сил для успешного осуществления мероприятий в интересах широких народных масс. Он подтвердил правильность и реальность выдвинутого коммунистами лозунга о возможности сотрудничества с отдельными слоями национальной буржуазии при проведении антифеодалных, общедемократических преобразований.

Деятельность леводемократических правительств во главе с коммунистами убедительно продемонстрировала также, что на современном этапе политического развития страны выполнение многих задач антифеодалного, демократического характера возможно только на базе широкого объединения левых и демократических сил.

* * *

В последние годы внутривнутриполитическая обстановка в Индии заметно осложнилась. В октябре 1984 г. в результате злодейского покушения была убита премьер-министр Индира Ганди. Ее трагической гибели предшествовала интенсивная деятельность сепаратистских, раскольнических и террористических сил в Пенджабе, поддерживаемая извне и направленная на раскол страны. Убийство И. Ганди стало высшей точкой враждебной кампании. На выборах 1984 г. ИНК(И) одержал самую крупную победу за годы независимости. Он завоевал 401 место в парламенте, набрав рекордное число голосов избирателей (49,2%)⁷⁷.

ИНК(И) добился огромного преимущества над политическими противниками, поскольку в ходе предвыборной кампании он настойчиво призывал к укреплению единства и территориальной целостности Индии. Этот призыв был ответом на события в Пенджабе, связанные с действиями сикхских экстремистов, требовавших создания независимого государства «Халистан», а также на усиление антииндийской деятельности в соседних с Индией странах. Выборы показали, что избиратели, серьезно озабоченные проблемой единства страны, отдали голоса ИНК(И), а не разрозненной буржуазной оппозиции.

В ходе выборов в парламент 1984 г. консервативные партии потерпели серьезное поражение. Четыре буржуазные партии, составлявшие в 1977—1979 гг. основу правительственного коалиционного блока Джанаты, — Бхаратия джаната парти (БДП), Далит мазгур кисан парти (ДМКП — бывшая Лок дал), Джаната и ИНК (с) — получили всего 19 мест в парламенте, хотя и выдвигали 629 кандидатов.

Волна настроений в пользу правящего ИНК(И) не обошла и левые партии. Представительство коммунистов и других левых партий в парламенте снизилось с 56 до 34 мест (КПИ(м) — 22, КПИ — 6, Революционно-социалистическая партия — 3, Форвард блок — 2 и Рабоче-крестьянская партия — 1). Однако сокращение числа мест в парламенте не помешало левым пар-

тиям сохранить свое влияние среди избирателей. Так, КПИ(м) получила 6,0% голосов (в 1980 г.— 6,2%), КПИ — 2,6% (в 1980 г.— 2,6%)⁷⁸.

Оценивая результаты выборов 1984 г., Национальный совет Компартии Индии указал, что успех партии ИНК(И) был «неожиданным» для политических наблюдателей в свете событий последних двух лет, показавших, что ее политическая база явно подверглась процессу «эрозии». Нацсовет КПИ подчеркнул, что стремление народа к национальному единству оказало мощное воздействие на общественное мнение. Это привело к резкому увеличению числа голосов в пользу Конгресса, который рассматривался как самый надежный защитник безопасности и целостности страны.

Компартия Индии заявила, что приход к власти правительства во главе с Радживом Ганди пробудил новые надежды среди широких слоев населения. Правительство получило мандат от народа на решение проблем Пенджаба и Ассама, перестройку отношений между центром и штатами, на улучшение условий жизни индийских трудящихся.

Руководство КПИ подчеркнуло, что Компартия Индии будет поддерживать все позитивные меры правительства, направленные на укрепление единства, целостности и безопасности страны, на защиту мира во всем мире. Вместе с тем оно отметило, что компартия будет играть роль левой оппозиции и намерена выдвинуть конкретную «альтернативную» социально-экономическую программу, которая отвечала бы чаяниям народов страны. В процессе выработки такой программы она будет стремиться к сотрудничеству с другими левыми партиями, особенно с КПИ(м)⁷⁹.

На XIII съезде (март 1986 г.) Компартия Индии подтвердила вывод о том, что ни ИНК(И), ни другие буржуазные партии не могут эффективно решать проблемы, стоящие перед страной. В этой связи была выдвинута задача развить массовую борьбу трудящихся против монополий и помещиков и на этой основе шаг за шагом укреплять союз промышленных и сельскохозяйственных рабочих и крестьян совместно с другими демократическими слоями. Большую роль должны сыграть единые действия КПИ и КПИ(м)⁸⁰.

Что касается Коммунистической партии Индии (марксистской), то она указала, что широкие народные массы связали приход к власти правительства ИНК(И) во главе с Р. Ганди с надеждами на улучшение своего положения. Население страны приветствовало, в частности, подписание соглашений по нормализации ситуации в Пенджабе⁸¹. Вместе с тем, как отмечалось на XII съезде КПИ(м) в декабре 1985 г., экономический кризис в стране существенно обостряет конфликт между народом и «буржуазно-помещичьим правительством», который Национальный конгресс пытается разрешить при помощи «укрепления авторитаризма». Поэтому КПИ(м) выдвинула на бли-

жайший период задачу борьбы против этой «угрозы» в сочетании с трудной борьбой в защиту «национального единства, независимой экономики, за укрепление политики неприсоединения, против империалистических планов дестабилизации Индии». Главным рычагом в этой борьбе КПИ(м) считает активную политическую деятельность широких масс⁸².

Вместе с тем, по мнению КПИ(м), успешная массовая борьба невозможна без единства левых и демократических сил, в которой особое место принадлежит левым партиям. Укрепление левого единства, считает КПИ(м), является важнейшей политической задачей. Имеется в виду сличение всех левых партий — КПИ(м), КПИ, а также Форвард блока, Революционно-социалистической партии, Рабоче-крестьянской партии и других левых групп⁸³.

* * *

Коммунистическое движение Индии развивается в чрезвычайно сложной и зачастую противоречивой обстановке, которая характеризуется противоборством различных классово-политических сил, включая религиозно-общинные, региональные, сепаратистские. Правильный выбор при этом своей позиции с учетом классовых интересов — далеко не простая задача, которую приходится решать индийским коммунистам. Их путеводной звездой служит постоянная приверженность борьбе за права и интересы индийских трудящихся, за развитие Индии по пути социального прогресса и демократии, за единство и целостность страны, против сил реакции и сепаратизма. Индийские коммунисты последовательно и настойчиво выступают за проведение Индией антиимпериалистического, антинеоколониалистского, миролюбивого курса во внешней политике, за дружбу и сотрудничество с Советским Союзом, другими социалистическими странами.

За годы независимости коммунистическое движение Индии стало заметной политической силой, с которой вынуждены считаться все партии страны. Наметившееся в последние годы сближение Компартии Индии и Компартии Индии (марксистской) по наиболее важным вопросам политической и массовой борьбы за интересы трудящихся способствует укреплению позиций всех левых и демократических сил в Индии.

Шри-Ланка

Созданная 3 июля 1943 г. в условиях колониального режима, Коммунистическая партия Шри-Ланки (КПШЛ) буквально с первых дней своего существования включилась в активную борьбу за завоевание политической независимости. Она стремилась к объединению левых, демократических сил страны в

единый фронт в интересах более успешной борьбы против колониализма и реакции, за экономический и социальный прогресс.

Важное место в деятельности КПШЛ заняла популяризация среди широких масс ее целей и задач, разъяснение основных принципов марксизма-ленинизма с учетом этапа национально-освободительного движения и революционной борьбы. Партия ставила перед собой долговременную цель — добиваться постоянного расширения своего влияния в массах. При решении этой задачи руководство КПШЛ придавало первостепенное значение созданию партийной печати. Уже в начале 1944 г. компартия издавала три еженедельные газеты на местных языках (сингальском, тамили и малаялам), а с августа 1944 г. — еженедельную газету «Форвард» на английском языке. Эта газета и по сей день остается одним из основных печатных органов партии.

Компартия повела работу по завоеванию и укреплению позиций в профсоюзах и массовых общественных организациях. Она возглавила деятельность Цейлонской федерации профсоюзов — крупнейшего профсоюзного объединения страны, созданного еще в 1940 г. прогрессивными деятелями, коммунистами по мировоззрению, С. А. Викремасингхе, М. Дж. Мендисом и др.

Под руководством компартии Цейлонская федерация профсоюзов стала боевым профцентром, объединившим в своих рядах рабочих, государственных служащих и работников сферы обслуживания. В настоящее время в нее входят 24 отраслевых профсоюза, насчитывающих около 150 тыс. членов.

Компартия образовала свои молодежные и женские организации. I съезд Компартии Цейлона, состоявшийся в апреле 1945 г., организационно закрепили создание партии на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Приверженность партии этим принципам получила подтверждение, когда она проводила широкую кампанию солидарности с Советским Союзом, борющимся против фашизма. По инициативе компартии было создано «Общество друзей Советского Союза», организован сбор средств в фонд помощи Красной Армии. По призыву коммунистов цейлонские докеры вне очереди обрабатывали советские суда.

После завоевания Шри-Ланкой политической независимости в 1948 г. компартия сосредоточила усилия на борьбе за ликвидацию остатков колониализма, за достижение экономической самостоятельности, улучшение материальных и социальных условий трудящихся. Она считала, что важнейшей предпосылкой решения этих задач является единство всех левых, демократических сил страны.

В те годы у власти находилась Объединенная национальная партия (ОНП), отражавшая интересы в основном крупной национальной буржуазии и плантаторов. Компартия выступила с резкой критикой экономической политики ОНП, направленной на предоставление приоритета крупной ланкийской буржуазии,

поощрение капиталовложений в экономику страны империалистическими монополиями, наступления на политические, социальные и демократические права трудящихся, в том числе запрещение создавать профсоюзы, ограничения прав на забастовки и демонстрации. Коммунисты организовали и провели под флагами Цейлонской федерации профсоюзов ряд крупных забастовок и стачечных выступлений в жизненно важных отраслях экономики (железные дороги, городское хозяйство и др.). В стачечную борьбу, в выступления против ущемления политических и социально-экономических прав трудящихся вступили плантационные рабочие, крестьяне. Поддержанные другими профсоюзными объединениями, эти выступления трудящихся Цейлона превратились в самые массовые и решительные за всю историю национального рабочего движения.

Компартия выдвинула программу ликвидации тяжелого колониального наследия, в том числе в экономической области. Она потребовала национализации ключевых отраслей промышленности, принадлежащих иностранному капиталу. Компартия внесла предложение создать широкий фронт левых, демократических, патриотических сил. Однако в начальный период эта инициатива коммунистов не встретила поддержки других оппозиционных сил. Левые и демократические организации Шри-Ланки, не имея опыта совместной политической борьбы, действовали разобщенно. Ситуация изменилась лишь несколько лет спустя. В 1955 г. отколовшаяся от Объединенной национальной партии группа патриотической, радикально настроенной национальной буржуазии, в основном средней и мелкой, создала Партию свободы (ПСШЛ), которая при поддержке ряда национально-демократических партий образовала в том же году Объединенный народный фронт (ОНФ). Он одержал в 1956 г. победу на выборах и сформировал правительство во главе с лидером ПСШЛ Соломоном Бандаранаике.

Компартия активно поддержала прогрессивные преобразования, начатые правительством С. Бандаранаике как во внутренней жизни, так и на международной арене. Коммунисты приветствовали провозглашение политики мира и дружбы, нейтралитета и неприсоединения в качестве основных принципов внешнеполитического курса Шри-Ланки, политики дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, другими социалистическими странами, а также поддержку национально-освободительной борьбы народов.

Правительство ОНФ приняло меры по ликвидации на острове английской военной базы, установило в 1957 г. дипломатические отношения с СССР, подписало в 1958 г. советско-ланкийские соглашения об экономическом, техническом и культурном сотрудничестве. Компартия все эти шаги правительства, естественно, поддержала. Она одобрительно отнеслась также к прогрессивным преобразованиям во внутренней жизни страны, в частности к осуществлению аграрной реформы в интересах

крестьянства, к строительству государственных промышленных предприятий, к мерам в области рабочего законодательства и социального обеспечения трудящихся, планированию экономики и координации развития государственного и частного секторов.

В то же время компартия подвергала критике непоследовательность политики как правительства С. Бандаранаике⁸⁴, так и других правительств ПСШЛ в процессе осуществления мер, направленных на ликвидацию тяжелого колониального наследия.

В 1965 г. к власти вновь пришла Объединенная национальная партия. При правительстве ОНП основная часть созданных трудящимися богатств присваивалась имущими слоями города и деревни, а материальное положение широких масс непрерывно ухудшалось. Наряду с этим в стране усиливалась зависимость национальной экономики от империалистических государств и националируемых ими международных финансовых организаций. Коммунисты развернули критику этого правительства, отражавшего интересы главным образом крупной буржуазии.

Таким образом, в постколониальной Шри-Ланке довольно четко наметились подходы двух основных буржуазных партий — Объединенной национальной партии и ПСШЛ — к решению социально-экономических и иных проблем; компартия, с одной стороны, решительно боролась против курса ОНП на неограниченное «свободное предпринимательство» и широкое привлечение иностранного капитала в национальную экономику, курса, отвечавшего интересам эксплуататорского меньшинства. С другой стороны, она поддерживала те мероприятия правительства ПСШЛ, которые, хотя и осуществлялись в рамках капиталистического развития, объективно способствовали подъему национальной экономики, улучшению материального и социального положения трудящихся (развитие госсектора, проведение аграрных реформ в интересах трудящегося крестьянства, усиление государственного контроля над деятельностью иностранного и местного частного предпринимательства и др.), и в то же время подвергала критике правительство за непоследовательность в проведении такого рода политики.

Важной вехой в деятельности Компартии Шри-Ланки, в частности в ее стремлении добиться единства левых и демократических сил для решения насущных проблем в интересах широких масс, было создание в 1968 г. Объединенного фронта (ОФ) в составе Партии свободы, Социалистической и Коммунистической партий. Общая программа ОФ провозглашала осуществление важных социально-экономических преобразований в стране, укрепление ее независимости, суверенитета, единства и территориальной целостности.

На парламентских выборах 1970 г. ОФ одержал убедительную победу⁸⁵ и сформировал правительство во главе с Сири-

маво Бандаранаике — лидером ПСШЛ, вдовой покойного Соломона Бандаранаике. П. Кейнеман, являвшийся в то время генеральным секретарем ЦК КПШЛ, занял в правительстве пост министра.

С приходом к власти нового правительства был осуществлен ряд антиимпериалистических мер, направленных на укрепление политической и экономической независимости страны. В числе важнейших достижений правительства Объединенного фронта следует назвать принятие в 1972 г. новой конституции, провозгласившей Цейлон свободной, суверенной и независимой Республикой Шри-Ланка. Конституция декларировала в качестве основной цели государства построение социалистического общества.

В области внешней политики правительство Объединенного фронта заявило о проведении политики нейтралитета и неприсоединения, поддержке освободительной, антиколониальной и антиимпериалистической борьбы народов, установило дипломатические отношения с ГДР, ДРВ, КНДР, приостановило дипломатические отношения с Израилем, потребовало от него выполнения резолюции Совета Безопасности ООН о выводе его войск с оккупированных арабских территорий. Из страны был выдворен пресловутый американский «корпус мира». Деятельность правительства ОФ, придерживавшегося принципов неприсоединения, антиимпериализма и антиколониализма, значительно повысила престиж Шри-Ланки на международной арене.

Правительство ОФ осуществило ряд важных социально-экономических преобразований. В области экономики был взят курс на расширение государственного сектора и ограничение деятельности частного капитала. Было начато проведение аграрной реформы, ограничившей размеры частного землевладения 25 акрами, занятыми под рисом, и 50 акрами — под другими культурами и предусматривавшей распределение излишков земли среди безземельных крестьян, сельскохозяйственных кооперативов и государственных корпораций. В стране были национализированы плантации, принадлежавшие иностранному и местному капиталу. В результате резко возросла роль государственного сектора, которому теперь принадлежали наиболее продуктивные чайные и каучуковые плантации. Правительство ОФ национализировало графитовые рудники, собственность ряда крупных, в том числе иностранных, компаний, серьезно ограничило частное домовладение, расширило роль государства во внешней торговле. Оно установило минимум заработной платы для рабочих и служащих, повысило налоги на имущие слои населения, ввело твердые цены на многие потребительские товары, расширило политические и профсоюзные права рабочих и других слоев трудящихся.

Однако в 1974—1975 гг. в ОФ и его правительстве стали обостряться противоречия между КПШЛ и СПШЛ, с одной стороны, и правым крылом ПСШЛ, занимавшей доминирую-

щие позиции в правящей коалиции,— с другой. Как явствует из документов КПШЛ и публикаций руководящих деятелей компартии, основная причина противоречий заключалась в том, что перечисленные выше прогрессивные шаги правительства ОФ в политической и социально-экономической областях не всегда доводились до конца. Быстрыми темпами росли в стране безработица и дороговизна, что негативным образом сказывалось на положении трудящихся масс.

Непоследовательность и нерешительность ОФ в осуществлении декларированных им политических и социально-экономических преобразований объяснялись главным образом изменениями в положении и политике той части национальной буржуазии, в основном мелкой и средней (или «малой буржуазии», как ее иногда называли), которая задавала тон в ПСШЛ. В 50-е и даже в начале 70-х годов у этой части ланкийской буржуазии обострились противоречия с иностранным капиталом, пытавшимся укрепить свои позиции в ряде отраслей экономики Шри-Ланки, а также с крупной национальной буржуазией. По этой причине «малая буржуазия», интересы которой в правительстве представляла ПСШЛ, вынуждена была идти на сотрудничество в рамках ОФ с рабочим классом и крестьянством. Однако к середине 70-х годов, когда она заметно обогатилась и окрепла, пошла на контакт с крупной буржуазией, внутренний рынок для «малой буржуазии» стал узким, и она начала поэтому активно сотрудничать с иностранным капиталом. Естественно, что в этих условиях интересы «малой буржуазии» вступили в острые противоречия с интересами рабочего класса, крестьянства, вообще трудящихся Шри-Ланки. Они-то как раз и отразились на деятельности правительства ОФ.

В результате ПСШЛ, по-прежнему доминировавшая в правительстве Объединенного фронта, отказалась от доведения до конца декларированных Фронтом политических и социально-экономических преобразований в интересах трудящихся масс, начала осуществлять меры, направленные на укрепление позиций крупного местного капитала, причем нередко в сотрудничестве с иностранным капиталом. Правительство ОФ под давлением правого крыла ПСШЛ стало, по существу, проводить политику, ущемляющую интересы широких трудящихся масс.

Руководство КПШЛ впоследствии признало, что оно не смогло вовремя верно оценить изменения в расстановке классовых и политических сил в стране. «Если бы мы приняли указанные явления во внимание,— писал П. Кейнеман,— КПШЛ следовало бы проводить гораздо более наступательную тактику. Мы же считали, что сдвиги внутри национальной буржуазии не так велики. Субъективные оценки превалировали над научным классовым анализом. В этом была одна из серьезных ошибок»⁸⁶.

Другая серьезная ошибка КПШЛ в период ее вхождения в ОФ, как отмечается в документах партии, состояла в недо-

оценке важности сохранить независимую роль партии, продолжать борьбу за укрепление связей с массами, организовать массовые выступления против антинародных шагов правого крыла ПСШЛ, определявшего политику правительства Объединенного фронта в 1974—1977 г. КПШЛ ограничила свою деятельность в основном рамками правительства и руководства ОФ. В результате массы не всегда могли уяснить разницу между политикой КПШЛ и политикой ПСШЛ.

Нельзя сказать, что в период пребывания в ОФ и его правительстве КПШЛ предала забвению одно из важнейших положений деятельности марксистско-ленинского авангарда — всегда и при всех обстоятельствах отстаивать самостоятельную роль партии как выразителя интересов трудящихся масс. Об этом свидетельствуют документы съездов КПШЛ и пленумов ЦК КПШЛ. Так, в принятой впервые в истории компартии на IX съезде КПШЛ (1975) программе отмечалось: «Развитие массовых движений снизу будет не только способствовать изменению соотношения сил внутри Объединенного фронта в пользу рабочего класса, крестьянства и радикальных демократов, но и приведет к трансформации Объединенного фронта в Национальный демократический фронт, а также сделает возможным последовательное возрастание роли рабочего класса, подготавливая тем самым условия для перехода к социализму...»⁸⁷. И далее: «Коммунистическая партия в борьбе за достижение экономической независимости и продвижения к социализму стремится сочетать парламентские и внепарламентские формы работы. Мы исходим из того, что путем расширения массового движения, завоевания большинства в парламенте и поддержки этого большинства посредством выступлений масс рабочий класс и его союзники сумеют преодолеть сопротивление реакции и сделать парламент инструментом, при помощи которого они смогут осуществить фундаментальные преобразования в экономической, социальной и государственной структурах...»⁸⁸. Однако эти правильные программные положения не претворялись в жизнь. В результате влияние КПШЛ в массах оказалось значительно ослабленным.

В 1977 г. руководство КПШЛ пришло к выводу: компартия, продолжая участвовать в ОФ и его правительстве, больше не в состоянии отстаивать интересы широких народных масс; к тому же ее деятельность стала ассоциироваться с антинародной политикой правых лидеров ПСШЛ. В связи с этим на пленуме ЦК Коммунистической партии Шри-Ланки, состоявшемся в январе 1977 г., было принято решение выйти из коалиции ПСШЛ — КПШЛ⁸⁹. «Коммунистическая партия принимает такое решение для того, чтобы получить полную возможность действовать в нынешней сложной политической обстановке независимо и без всяких ограничений проводить политику, направленную на создание нового единства прогрессивных сил, которое могло бы противостоять правой реакции, воз-

главляемой Объединенной национальной партией, и повести прогрессивные силы по пути развития»⁹⁰.

На состоявшихся в мае 1977 г. парламентских выборах победу одержала ОНП, получившая 139 мест из 168. Партия свободы довольствовалась лишь 8-ю местами. Компартия не получила ни одного места. (На дополнительных выборах в 1980 г. КПШЛ получила одно место.)

Опыт участия в правительстве Объединенного фронта КПШЛ подвергла анализу на X съезде (1978). В резолюции съезда отмечалось, что в деятельности партии в период существования ОФ проявился правый уклон. Это «нашло политическое выражение в следующем:

— в неумении правильно использовать тактику „единства и борьбы“ по отношению к руководству ПСШЛ;

— в ошибочном отождествлении коалиционного правительства ПСШЛ — СПШЛ — КПШЛ с Объединенным фронтом, к созданию которого призывал съезд партии для того, чтобы осуществить и завершить задачи антиимпериалистической и национально-демократической стадии революционного процесса в Шри-Ланке. *На практике это привело к тому, что мы стали рассматривать защиту и сохранение правительства Объединенного фронта как главный вопрос на всех стадиях*, даже тогда, когда возникли противоречия и конфронтация между правительством ОФ и массовым движением;

— в запоздалом решении нашей партией вопроса о выходе из правительства. Нам следовало бы решить его еще в момент внесения в парламент проекта бюджета на 1976 г., когда стало ясно, что усилия, направленные на восстановление единства Объединенного фронта, уже бесполезны и что правые элементы в руководстве ПСШЛ упрочили свои позиции. Вместо этого мы необоснованно ждали конца 1976 г., прежде чем поступили так»⁹¹.

Итоги своего участия в правительстве ОФ Компартия Шри-Ланки рассматривала также на XI съезде (1980). Съезд выработал новую политическую линию партии. В качестве первоочередной задачи было намечено создание леводемократической альтернативы правящей правобуржуазной Объединенной национальной партии, а на длительный срок — образование Объединенного левого фронта.

Съезд принял решение, что для выполнения этих задач необходимо:

а) призвать рабочий класс, крестьянство, всех трудящихся к совместной борьбе против эксплуататорской политики правящей партии и местной буржуазии, пользующейся поддержкой ТНК Запада;

б) крепить единство левых сил;

в) бороться за демократические права и жизненные интересы трудящихся;

г) крепить единство партии, умножать ее ряды, расширять

связи с массами как одно из главнейших условий осуществления перечисленных задач.

XI съезд указал, что альтернативой капитализму, насаждаемому правящей Объединенной национальной партией, и углубляющемуся экономическому и социальному кризису является социалистическая ориентация. Задача борьбы за некапиталистическое развитие, или социалистическую ориентацию, поставлена в программе Компартии Шри-Ланки. В ней, в частности, подчеркивается необходимость бороться за завершение антиимпериалистической, демократической революции, за переход к некапиталистическим формам развития и продвижения страны к социализму, минуя стадию развитого капиталистического общества». Ведущую роль в достижении этой цели, говорится в программе, призван сыграть широкий национально-демократический фронт, ядро которого должны составить рабочие и крестьяне, поддерживаемые другими патриотическими силами.

На XI съезде было подчеркнуто, что в борьбе за достижение единства левых сил не следует рассчитывать на быстрые результаты — потребуется длительная, напряженная, повседневная агитационно-пропагандистская работа. В результате марксистско-ленинский авангард должен превратиться в сильную партию с прочными корнями в рабочем классе, среди широких трудящихся масс.

Пришедшее к власти правительство ОНП взяло курс на всемерное поощрение развития частного предпринимательства, широко раскрывало двери перед иностранным капиталом. Займы и кредиты, полученные на Западе, стали играть ключевую роль в расходах правительства. Попав в зависимость от Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР), правительство неоднократно сокращало размеры бюджетных ассигнований на социальные нужды, вводило новые прямые и косвенные налоги. В результате обострились экономические трудности, ухудшилось состояние платежного баланса, а галопирующая инфляция привела к дальнейшему снижению жизненного уровня трудящихся.

В целях укрепления своих позиций, подрыва основ демократических и левых сил правительство ОНП пошло на беспрецедентный шаг. В декабре 1982 г. в условиях чрезвычайного положения, введенного осенью того же года, оно навязало избирателям страны референдум по вопросу о целесообразности проведения очередных парламентских выборов в 1983 г. И хотя из 8,1 млн. граждан, имевших право голоса, только 3,1 млн. человек поддержали это предложение (в референдуме приняло участие 70% избирателей, из которых 54,66% высказались за предложение правительства, а 45,34% — против), парламент, в котором ОНП располагает решающим большинством голосов, одобрил итоги референдума и перенес очередные выборы на 1989 г. Все оппозиционные партии оценили ре-

ферендум как антидемократический акт, лишивший народ на длительный срок избирательных прав. Ранее, в том же, 1982 г., в условиях раскола оппозиции, состоялись досрочные президентские выборы. Победу одержал лидер ОНП Дж. Р. Джаявардене, что дало ему возможность оставаться на этом посту до 1989 г.

За годы пребывания у власти правительство ОНП неоднократно принимало репрессивные меры в отношении оппозиционных партий и профсоюзов. Во внешнеполитической сфере оно все больше делает упор на укрепление сотрудничества с США, Великобританией, Японией и другими капиталистическими странами. Курс на неприсоединение и развитие дружественных отношений со всеми государствами, в том числе со странами социалистического содружества, проводившийся в 1970—1977 гг. правительством ОФ, претерпел значительные изменения. Шри-Ланка стала откровенно солидаризироваться с капиталистическим Западом по важнейшим международным проблемам. Так, на состоявшейся в Дели в марте 1983 г. VII конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран делегация Шри-Ланки занимала прозападную позицию практически по всем вопросам, в том числе по Афганистану и Кампучии, а также по проблеме превращения Индийского океана в зону мира. Такую же позицию занимала Шри-Ланка на VIII конференции.

В условиях обострения внутривнутриполитической обстановки вследствие усугубления затянувшихся экономических трудностей, а также крупных столкновений (июль 1983 г.) между основными этническими общинами страны — сингалами и тамилами⁹² — деятельность компартии серьезно осложнилась.

Соперничество и столкновения между сингалами и тамилами имели место и раньше, но с приходом к власти правительства ОНП они стали более частыми. События июля 1983 г. превзошли по тяжести последствиям все предыдущие⁹³. В прогрессивных общественно-политических кругах Шри-Ланки существует твердое убеждение, что эти столкновения были подготовлены и спровоцированы реакционными шовинистическими кругами для того, чтобы направить недовольство трудящихся Шри-Ланки резким снижением жизненного уровня, нерешенностью многих социально-экономических проблем против тамильского меньшинства и одновременно, нанося удар по левым, демократическим силам, использовать ситуацию во внешнеполитических целях.

Действительно, власти обвинили Компартию Шри-Ланки, а также другие левые партии (Народный фронт освобождения и Новую социалистическую партию) в причастности к беспорядкам, связанным с этническим конфликтом, и даже в их организации с целью дестабилизировать внутривнутриполитическое положение в стране. 30 июля 1983 г. деятельность этих трех партий была запрещена, а ее лидеры, включая генерального секретаря

ря ЦК и трех членов Политбюро ЦК КПШЛ, арестованы. В стране была развернута разнузданная кампания против Индии и Советского Союза, которые обвинялись в поддержке тамильских экстремистов, выступающих за создание на территории Шри-Ланки независимого государства Тамил Илам. На страницах реакционных газет появились сообщения, что Индия намерена вторгнуться в Шри-Ланку для защиты тамильского меньшинства, этнически однородного с населением индийского штата Тамилнад. Наиболее реакционными деятелями ОНП и правительства выдвигались требования обратиться за помощью к Западу, и в первую очередь к США.

Безосновательность указанных обвинений была настолько очевидной, что правительство вынуждено было вскоре заявить о непричастности к сингало-тамильским столкновениям каких-либо иностранных государств. Под давлением ланкийской и мировой общественности руководители КПШЛ были освобождены, а запрет на деятельность компартии снят. Попытки правительства ОНП переложить вину на межобщинные столкновения на левые силы, в частности на коммунистов, и тем самым нажать политический капитал потерпели провал.

В такой сложной обстановке был созван XII съезд КПШЛ (январь 1984 г.). В числе вопросов, обсуждавшихся на нем, были прежде всего сингало-тамильский конфликт, социально-экономические проблемы, партийное строительство и др. В документах съезда отмечалось, что решение этнической проблемы КПШЛ видит в признании права тамиллов на самоопределение и осуществление этого права в рамках ланкийского государства. Делегаты съезда подвергли резкой критике проводимую правительством ОНП политику «открытой экономики», которая ведет к подрыву национального суверенитета, обострению кризиса народного хозяйства, снижению уровня жизни трудящихся масс и усилению зависимости страны от империализма. Этот курс, отмечается в документах съезда, ставит под угрозу завоевания рабочего класса и других патриотических сил страны, которые были достигнуты в ходе упорных классовых боев в период после получения политической независимости. Борьбе за мир было уделено особое внимание. В выступлениях делегатов отмечалось, что широкие массы народа в Шри-Ланке еще не вполне осознали реальную опасность ядерной войны и антивоенное движение в стране поэтому еще не достигло необходимого размаха. В этой связи съезд поставил перед партией задачу активизировать пропагандистско-агитационную и организационную работу среди населения с таким расчетом, чтобы в ближайшее время изменить сложившееся положение. Было принято решение предпринять шаги для придания возможно более широкого характера антивоенным кампаниям. Съезд дал высокую оценку мирным инициативам КПСС и Советского правительства, стран социалистического содружества.

При обсуждении вопросов партийного строительства съезд

указал, что ключевой задачей КПШЛ является дальнейшее политическое, организационное и идеологическое укрепление партии, и наметил проведение конкретных мероприятий в этой области. Была особо подчеркнута необходимость добиться соответствия между организационными возможностями партии и ее политическим влиянием в стране. Иначе говоря, речь идет о повышении уровня организационно-массовой работы до уровня политического влияния и авторитета коммунистов в стране.

Съезд призвал к укреплению массовой базы партии, к проведению на высоком организационном уровне массовых политических кампаний и выступлений, подчеркнул важность изучения коммунистами марксистско-ленинской теории. Он поставил перед коммунистами задачу путем активной разъяснительной и организаторской работы среди населения мобилизовать широкие народные массы на защиту мира, национального суверенитета, демократических свобод, на борьбу против наступления на жизненный уровень трудящихся. Делегаты призвали членов партии к новым усилиям по организации совместных действий прогрессивных, демократических и левых сил.

Было отмечено также, что КПШЛ имеет все возможности стать ведущей политической партией левых сил, а ее влияние и авторитет позволяют решить задачу сплочения этих сил на общей политической платформе. В этих целях партия должна, согласно решениям съезда, прежде всего усилить свое влияние и укрепить позиции среди рабочего класса, активнее вовлекать передовых рабочих в свои ряды.

Была подчеркнута необходимость активизировать работу среди крестьянства, интеллигенции, молодежи, студенчества и национальных меньшинств. Таким образом, XII съезд поставил перед партией ряд важных и актуальных задач, наметил конкретные пути и методы решения важнейших проблем стратегии и тактики, имеющих долговременный характер. XIII съезд КПШЛ (март 1987 г.) подтвердил линию XII съезда.

* * *

Коммунисты Шри-Ланки в нелегких условиях сегодняшней действительности развертывают в стране борьбу за решение крупных задач общедемократического и классового характера. По-прежнему компартия уделяет большое внимание решению тамило-сингальской проблемы, которая остается одной из самых острых, укреплению национального единства; она выступает с инициативой проведения совместных действий левых и радикальных сил (в частности, Социалистической партии, Фронта народного единства и Народной партии Шри-Ланки) по защите демократии и национального суверенитета, материальных и социальных интересов народных масс. КПШЛ усиливает работу среди трудящихся, особенно рабочего класса, в свете поставленной XII—XIII съездами задачи в области укрепления массовой базы партии.

Коммунистическая партия Бангладеш (КПБ) в начале своей деятельности была достаточно крупной политической организацией, объединявшей свыше 12 тыс. коммунистов. Сохраняя верность революционным традициям индийского коммунистического движения, восточнобенгальские коммунисты считали главным в своей деятельности защиту прав эксплуатируемых и угнетенных, борьбу за национальные интересы своего народа.

В обнародованном в июне 1950 г. проекте программы партии указывалось, что коммунисты выступают за улучшение условий жизни и труда рабочих, национализацию основных отраслей промышленности и установление рабочего контроля на предприятиях, проведение радикальной аграрной реформы, включая конфискацию помещичьих земель и распределение их среди крестьян, демократизацию общественно-политической жизни и предоставление автономии Восточному Пакистану.

Большое внимание коммунисты уделяли работе среди промышленных рабочих, вовлечению их в борьбу за насущные интересы путем прежде всего активизации стачечной борьбы. В 1948 г. на предприятиях Восточного Пакистана, в основном в промышленном поясе Дакка — Нараянгандж и в Читтагонге, было проведено 27 стачек, в 1949 г. — 53 стачки, в которых суммарно приняло участие около 50 тыс. человек. Эти же годы отмечены крупными крестьянскими выступлениями с участием коммунистов в округах Джессур, Силхет, Кхулна и особенно Маймансингх. В ряде случаев волнения перерастали в повстанческие движения, сопровождаясь захватом помещичьих земель и передачей их безземельным и малоземельным крестьянам.

Находившееся у власти правительство партии Мусульманская лига сразу же после основания КПБ, опираясь на законы, введенные еще английскими колонизаторами, обрушило на коммунистов волну репрессий. В 1948—1951 гг. было брошено в тюрьмы свыше 3 тыс. членов КПБ, многие из которых получили длительные сроки тюремного заключения. Почти 100 коммунистов погибли в те годы в тюремных застенках. Тяжелое положение, в котором оказалась КПБ в результате террора властей, усугублялось левым уклоном в ее политике. Внутри партии в этот период доминировала субъективистская точка зрения, суть которой сводилась к утверждению о наличии в стране революционной ситуации и необходимости немедленно заменить буржуазно-помещичье правительство властью народа. Лозунги, взятые партией на вооружение, по сути своей лево-сектантские, объективно находились в противоречии с реальной действительностью: они не соответствовали уровню зрелости и сознательности масс, их готовности вести решительную борьбу, не учитывали сложившегося соотношения политических и классовых сил. Как уже отмечалось, подобного рода ошибки

были допущены в тот период также рядом других компартий стран Востока.

Состоявшаяся в партии дискуссия привела к пересмотру политики КПБ. В 1951 г. на II партийной конференции левосектантский политический курс был отвергнут: Продолжая считать своей главной целью социалистическое переустройство общества, партия с учетом конкретных социально-экономических условий выдвинула в качестве неотложной задачи борьбу за осуществление антиимпериалистической, антифеодальной революции и создание фронта всех национально-патриотических сил, заинтересованных в развитии страны по пути демократии и прогресса.

Следуя новому курсу, партия усилила работу в профсоюзах, среди текстильщиков и железнодорожников, создала ряд новых массовых организаций, в частности Молодежную лигу и Союз студентов. В 1953 г. при непосредственном участии коммунистов в Восточном Пакистане был образован Объединенный фронт ряда оппозиционных политических партий, потребовавших предоставления провинции полной автономии во внутренних вопросах. На состоявшихся в марте 1954 г. выборах в Законодательное собрание провинции Объединенный фронт нанес поражение правящей Мусульманской лиге.

Получив 24 депутатских мандата из 309, коммунисты подтвердили, что являются одной из влиятельных сил Восточного Пакистана. Однако правящие круги страны не допустили к власти избранное демократическим путем правительство Объединенного фронта и ввели в мае 1954 г. в Восточном Пакистане чрезвычайное положение. 5 июля 1954 г. деятельность компартии пакистанскими властями была запрещена, и вплоть до 1971 г. коммунисты находились на нелегальном положении.

Оказавшись в труднейших условиях подполья, коммунисты старались сосредоточить главные усилия на борьбе за единство левых, демократических сил на основе программы-минимум, предусматривавшей совместную борьбу за национальные права и демократию, против сил реакции и империализма. Проведенная в 1956 г. в нелегальных условиях III партийная конференция подтвердила правильность избранного курса.

Не без участия коммунистов в конце 50-х — начале 60-х годов в Восточном Пакистане активизировалось демократическое движение, в ходе которого развивалось и укреплялось сотрудничество компартии с двумя наиболее влиятельными демократическими партиями Восточного Пакистана — Народной лигой и Национальной народной партией. Компартия поддержала выдвинутую в 1966 г. председателем Народной лиги Муджибур Рахманом программу из 6 пунктов, ставшую позже знаменем борьбы восточнобенгальского народа за национальное освобождение.

Деятельность коммунистов серьезно осложняли раскольнические, левацкие действия, вдохновлявшиеся внешними силами..

Начиная с 1963 г. левацкие элементы стремились подорвать единство партийных рядов. В декабре 1966 г. группа раскольников была исключена из партии. В результате раскола пострадала партийная работа среди трудящихся масс.

В октябре 1968 г. в Дакке в нелегальных условиях состоялся I съезд компартии, который обсудил и принял ряд важных партийных документов, определивших политическую линию коммунистов на последующие годы. В частности, одобренная съездом новая программа партии нацеливала трудящихся Восточного Пакистана на борьбу за социализм. Для достижения этой цели, подчеркивалось в программе, необходимо идти по пути некапиталистического развития⁹⁴. В политической резолюции съезда в качестве первоочередной задачи коммунистов провозглашалось создание в Восточном Пакистане Объединенного фронта демократических сил для борьбы против диктаторского режима М. Айюб-хана, пришедшего к власти после военного переворота в 1958 г., и замены его демократическим коалиционным правительством.

В конце 1968 г. при активном участии коммунистов усилились массовые выступления трудящихся, требовавших улучшения жизненных условий. Эти выступления к весне 1969 г. вылились в массовое народное движение, приведшее к отставке М. Айюб-хана и к переходу власти в руки генерала А. М. Яхья-хана.

На состоявшихся в декабре 1970 г. первых в истории Пакистана парламентских выборах компартия выступала под лозунгами единства демократических сил в борьбе против реакции, за создание патриотического, демократического правительства. Анализируя итоги выборов, на которых убедительную победу одержала партия Народная лига, ЦК КПБ в опубликованном заявлении указал, что «вердикт народа в пользу программы из 6 пунктов, выдвинутой Народной лигой на выборах, отразил дальнейшее развитие национального сознания бенгальцев, их стремление к национальному самоопределению»⁹⁵.

Отказ правящих кругов Пакистана передать власть в стране Народной лиге, завоевавшей большинство депутатских мест в Национальной ассамблее (парламенте), и закрепить в конституции право Восточного Пакистана на региональную автономию привел к всеобщей забастовке, переросшей в кампанию гражданского неповиновения в масштабе провинции. Оценивая обстановку, сложившуюся в тот период, руководство КПБ считало, что развитие событий может перерасти в вооруженную борьбу. Поэтому ЦК КПБ 9 марта 1971 г. принял решение о создании боевых отрядов добровольцев и об их подготовке к вооруженным действиям.

25 марта 1971 г., когда пакистанский военный режим путем широких репрессивных действий попытался подавить массовые выступления восточнобенгальского народа, в Восточном Пакистане вспыхнула вооруженная борьба за независимость. КПБ

приняла активное участие в ней. В заявлении ЦК КПБ подчеркивалось, что весь восточнобенгальский народ, за исключением небольшой части религиозно-общинных сил, поднялся на борьбу за независимость родины. Десятки тысяч патриотически настроенных бенгальских военнослужащих, студентов, рабочих и крестьян вступили в армию освобождения, включились в борьбу за национальную независимость. В рядах борцов за освобождение была значительная прослойка коммунистов и сторонников КПБ.

После завоевания независимости Бангладеш в декабре 1971 г. и легализации деятельности компартии последняя выдвинула в качестве главной задачи «мобилизацию творческих сил народа для восстановления разрушенной войной экономики страны и улучшения положения трудящихся масс». Коммунисты поддержали объявленную в 1972 г. правительством Народной лиги во главе с Муджибур Рахманом программу социально-экономических преобразований, которая, по мнению КПБ, носила «антифеодальный, антимонополистический и антиимпериалистический характер»⁹⁶. Национализация основных отраслей промышленности, банков, страховых компаний, крупных транспортных и торговых предприятий, установление контроля над внешней торговлей, отмена налога с малоземельных крестьян и установление «потолка» земельных владений, запрещение деятельности религиозно-общинных партий, принятие демократической конституции и некоторые другие меры были расценены коммунистами как преобразования прогрессивного характера. Они создавали благоприятные условия для укрепления независимости, восстановления и подъема хозяйства, улучшения жизни трудящихся масс. По мнению коммунистов, в успешной реализации этой программы было заинтересовано большинство населения, что создавало хорошую основу для единства национально-патриотических сил страны.

В марте 1973 г. состоялись первые парламентские выборы в Бангладеш. В опубликованной КПБ предвыборной декларации отмечалось, что, несмотря на открывшуюся перед страной перспективу прогресса, правительство и правящая партия Народная лига не смогли справиться с решением ряда актуальных социально-экономических проблем, в результате чего страна оказалась на пороге острого кризиса. Коммунисты предложили конкретную программу действий на ближайшие пять лет, направленную на обеспечение социально-экономического развития страны и преодоление кризиса.

Победа на выборах Народной лиги, давшая ей возможность сформировать однопартийное правительство во главе с Муджибур Рахманом, не приостановила развитие кризиса в стране. Учитывая сложность обстановки, Муджибур Рахман обратился ко всем национально-патриотическим силам с призывом объединиться в борьбе за решение насущных проблем страны. Коммунисты поддержали этот призыв, и в октябре 1973 г. было

объявлено о создании Фронта народного единства (ФНЕ), в который вошли Народная лига, Национальная народная партия и компартия. В принятой совместной декларации подчеркивалось, что основой их сотрудничества должна быть борьба за укрепление политической независимости страны, за социально-экономический прогресс, против реакции, за секуляристский характер государства, демократию и за интересы широких народных масс. В декларации указывались также ближайшие задачи ФНЕ — установление законности и порядка в стране, прекращение терроризма и грабежей, осуществление мер, направленных на повышение эффективности производства, борьба со спекуляцией, контрабандой и коррупцией, чистка государственного аппарата от разложившихся проимпериалистических и антинародных элементов. Участие коммунистов в работе Фронта, получившей в первое время активное развитие, и работа по претворению в жизнь принятой ими декларации — таковы были основные направления деятельности КПБ в последующий период.

Состоявшийся в декабре 1973 г. II съезд КПБ определил главную задачу партии на том этапе — борьба за укрепление независимости Бангладеш, экономический подъем и улучшение жизненных условий трудового народа. Для успешного решения этой задачи, указал съезд, необходимы поддержка коммунистами основных положений программы социально-экономических преобразований, провозглашенной правительством Муджибур Рахмана в 1972 г., и борьба за их последовательную реализацию в интересах широких трудящихся масс. Одновременно съезд подчеркнул важность борьбы КПБ за создание условий для активного участия рабочих, трудового крестьянства и патристически настроенной интеллигенции во всех сферах государственного управления, за превращение госсектора в ведущий сектор национальной экономики, реорганизацию сельского хозяйства на кооперативной основе, экспроприацию земель помещиков-феодалов и ликвидацию феодальных пережитков и эксплуатации со стороны сил империализма.

Характеризуя внутривнутриполитическую обстановку, съезд пришел к выводу, что в Бангладеш идет процесс глубокого социально-политического расслоения, обостряется борьба между силами прогресса и реакции. Критическая оценка была дана съездом деятельности правительства и Народной лиги. Обострению обстановки в стране, как отметил съезд, способствовал ряд просчетов и ошибок со стороны правящей партии, приведших экономику к кризисному состоянию, рост стяжательства и коррупции части деятелей Народной лиги и чиновничества. Большой ошибкой правительства, по мнению съезда, было использование старого, оставшегося от прежнего пакистанского режима административно-управленческого аппарата в ходе выполнения программы социально-экономических преобразований.

Выход из кризисной ситуации КПБ видела в укреплении

единства действий всех национально-патриотических сил страны, эффективной работе Фронта народного единства и в претворении в жизнь его декларации. Однако деятельность Фронта уже в начале 1974 г. пошла на убыль. Саботаж со стороны влиятельных кругов Народной лиги и чиновничества, непосредственно замешанных в злоупотреблении властью; нежелание ряда руководителей правящей партии сотрудничать с коммунистами; возникшие в руководстве Народной лиги опасения, что активное участие коммунистов и других прогрессивных сил в работе Фронта может привести к усилению их влияния в массах, а также давление извне — все это в конечном счете торпедировало деятельность ФНЕ.

В условиях растущего недовольства народных масс социально-экономическими трудностями, в частности резким взлетом цен на товары первой необходимости (что существенно снизило жизненный уровень населения) и увеличением безработицы, Муджибур Рахман произвел в начале 1975 г. перестройку государственно-политической структуры: все политические партии были распущены и объявлено о создании однопартийной системы в стране. В состав ЦК новой партии — Крестьянско-рабочей народной лиги Бангладеш (БАКСАЛ) — вошли практически все бывшие руководители Народной лиги, министры, ряд чиновников государственного аппарата, а также представители других политических партий, в том числе оппозиционных. Председателем новой партии стал Муджибур Рахман, получивший полную свободу действий в определении ее политической линии.

Решение Муджибур Рахмана о введении однопартийной системы поставило КПБ в трудное положение, чрезвычайно осложнив ее деятельность. Руководство КПБ, рассмотрев всесторонне сложившуюся ситуацию, согласилось на участие коммунистов в новой партии, надеясь прежде всего на проведение в ее рядах работы по практическому осуществлению провозглашенной в 1972 г. программы социально-экономических преобразований в интересах народных масс. Вступление коммунистов в БАКСАЛ сохраняло для КПБ возможность, хотя и весьма ограниченную, участвовать в решении актуальных внутриполитических проблем и в той или иной степени воздействовать при сотрудничестве с другими леводемократическими силами на общую направленность деятельности новой партии и контролируемых ею массовых общественных организаций.

Деятельность Крестьянско-рабочей народной лиги Бангладеш, по существу, так и не вышла за рамки организационного оформления. 15 августа 1975 г. в Бангладеш произошел государственный переворот, в ходе которого Муджибур Рахман трагически погиб. Пришедшие к власти правые силы ввели в стране военное положение, распустили партию БАКСАЛ и запретили всякую партийную деятельность. Наряду с этим активизировались религиозно-общинные, а также левоэкстремистские эле-

менты, развязавшие при покровительстве властей антикоммунистическую кампанию.

В сложнейших политических условиях, не поддавшись на провокации сил реакции, сохранив выдержку и проявив тактическую гибкость, КПБ сумела в октябре 1976 г. возобновить открыто свою деятельность.

Политическая линия КПБ была определена с учетом изменившейся обстановки в стране после государственного переворота. По оценке коммунистов, в Бангладеш усилилась дифференциация социально-классовых сил, возросло политическое размежевание, что стало особенно заметно в условиях усугубившихся экономических трудностей. Этот процесс сказался прежде всего на деятельности партии Народная лига, из которой вышли отдельные группы, образовавшие самостоятельные партии. В целом же Народная лига оставалась одной из наиболее влиятельных политических сил в стране. В общественной жизни Бангладеш значительно возросла роль правых, религиозно-общинных партий и организаций, деятельность которых была запрещена при правительстве Муджибур Рахмана, и легализована в 1976 г. Деятельность этих сил, отмечалось в резолюции пленума ЦК КПБ в октябре 1976 г., направлена на ликвидацию положительных итогов борьбы за освобождение и национальную независимость, против принципов национализма, социализма, демократии и секуляризма, заложенных в конституции страны, против национализации промышленности, против прогрессивной и антиимпериалистической политики⁹⁷

В партийных документах, принятых ЦК КПБ в 1976—1977 гг., основной упор был сделан на общедемократические задачи партии, что облегчало возможность ее сотрудничества с другими левыми и демократическими кругами в борьбе против сил реакции и «левого» экстремизма, за подлинную независимость Бангладеш. КПБ выступила за неотложное осуществление конкретных социально-экономических преобразований в интересах трудящихся масс, стремясь вывести страну из глубокого, всеохватывающего кризиса.

В октябре 1977 г. власти под явно надуманным предлогом причастности коммунистов к попытке государственного переворота запретили деятельность компартии, арестовав ее ведущих руководителей. Эта мера была принята властями, несмотря на суровое осуждение партией попытки осуществить переворот. «Нет сомнения,— отмечалось в заявлении КПБ,— что это произошло при подстрекательстве империалистических и реакционных кругов, выступающих против нашей независимости и суверенитета»⁹⁸.

Запрещение КПБ и арест ее руководителей вызвали резко отрицательную реакцию прогрессивной общественности в стране и за ее пределами. Развернувшаяся в Бангладеш кампания протеста против репрессивных акций, массовый сбор подписей с требованием отменить запрет на деятельность компартии за-

ставили власти к ноябрю 1978 г. легализовать деятельность КПБ и освободить из тюрьмы ее руководителей.

В феврале 1979 г. КПБ приняла участие в парламентских выборах, выставив своих кандидатов в 11 из 300 избирательных округов. Она получила около 80 тыс. голосов. Победу на выборах одержала Националистическая партия, созданная президентом страны Зиаур Рахманом в 1978 г. на базе объединения ряда разнородных, в том числе правых и левацких, националистических партий Бангладеш.

Новым важным этапом в деятельности коммунистов стал III съезд КПБ, состоявшийся в феврале 1980 г. В отчетном докладе ЦК КПБ съезду генеральный секретарь ЦК партии Мохаммед Фархад дал анализ крайне сложной политической и социально-экономической обстановки в стране. В сельском хозяйстве, основной отрасли экономики Бангладеш, господствуют докапиталистические уклады, и поэтому оно не удовлетворяет потребностей быстро растущего населения и развивающейся промышленности. В деревне усилилось классовое расслоение, более половины крестьянских семей не имеют земли. До сих пор существует такой феодальный пережиток, как издольщина, охватывающая 17% обрабатываемых земель. Зависимость Бангладеш от империалистических государств все возрастает. 73% государственного бюджета формируется за счет займов и помощи извне. В стране ощущается хронический дефицит продовольствия, постоянно растут цены, увеличивается безработица, которой охвачено 30% трудоспособных. 70% населения живет в нищете и бедности.

В качестве первоочередной задачи съезд призвал демократические силы развернуть широкое массовое движение под лозунгом: «Продовольствие, одежду, землю, работу — народу!» Партия выдвинула требование обеспечить прожиточный минимум рабочим и их семьям, ввести в действие закон, ограничивающий размеры арендной платы для крестьян, снизить и стабилизировать цены на продовольствие и товары первой необходимости, осуществить полную национализацию внешней торговли джутом — главным экспортным товаром страны, повести решительную борьбу с коррупцией, разработать меры по трудоустройству безработных.

Съезд КПБ обсудил и принял новую программу партии «Путь Бангладеш к социализму». В документе подчеркивается, что главная цель партии — борьба за создание социалистического общества в стране. Однако движение к этой цели осуществляется постепенно, с учетом соотношения классовых сил и посредством выполнения задач национально-демократической революции. В их числе — защита национального суверенитета, преодоление зависимости от империализма, полная ликвидация помещичьего землевладения, издольщины, ростовщичества, проведение радикальной земельной реформы в интересах крестьянства, укрепление государственного сектора в качестве ключево-

го сектора экономики, осуществление на практике основных демократических прав народа, ликвидация социальной отсталости.

В области внешней политики в программе содержатся требования добиваться установления добрых отношений со всеми странами мира — большими и малыми, независимо от их социального строя — на основе взаимного уважения суверенитета, равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга; проводить политику, направленную на укрепление мира и мирное сосуществование государств с различными социальными системами, на разрядку, достижение полного и всеобщего разоружения; вести борьбу против империализма, колониализма, неоколониализма, гегемонизма, расизма и сионизма; выступать в поддержку национально-освободительной борьбы угнетенных наций и народов.

Учитывая сильное влияние религии среди населения страны, партия разработала свой подход к этой проблеме. «Народ нашей страны религиозен,— говорится в программе.— Подавляющее большинство населения исповедуют ислам. Кроме того, имеются последователи индуизма, буддизма, христианства и др. Ислам говорит о мире, гуманизме, равенстве, братстве. Компартия не выступает против религии. Коммунисты борются за осуществление принципов народного благополучия, за мир, гуманизм, равенство, братство, о чем говорит и религия. Реакционные группы используют религию для того, чтобы остановить прогрессивное развитие. Партия поможет народу осознать такое злоупотребление религией»⁹⁹.

Этот тезис и вся практическая деятельность КПБ свидетельствуют о том, что коммунисты на деле уважают религиозные чувства населения. В то же время они стремятся разоблачать антинародную сущность таких реакционных сил, как «Джамаат-и-ислами» и Мусульманская лига, спекулирующих на религии.

Используя предрассудки и суеверия, бытующие среди народных масс, в том числе в отношении коммунистов, эти организации пытаются под прикрытием религии достичь своих узкоэгоистических политических целей.

На основе определенной съездом политической и социально-экономической платформы бангладешские коммунисты в последние годы сумели продвинуться вперед в своей деятельности, укрепить связи с массами, поднять авторитет партии в стране. Стремясь подавить активность КПБ, власти вновь развязали репрессии против коммунистов. В апреле 1980 г. были арестованы и брошены за решетку генеральный секретарь ЦК КПБ М. Фархад и около 50 других руководителей партии, которых власти обвинили в «антигосударственной, подрывной деятельности». Бандитскому нападению дважды подвергалось помещение ЦК КПБ. В качестве повода для репрессий были использованы проведение компартией массовых мероприятий в защи-

ту афганской революции, а также поддержка коммунистами забастовочного движения, широко охватившего страну.

Настойчивая борьба КПБ и других левых, демократических сил Бангладеш, активно поддержанная международной общественностью, привела в июле 1981 г. к освобождению из тюрьмы М. Фархада и других арестованных коммунистов. Однако в марте 1982 г. деятельность бангладешских коммунистов вновь серьезно осложнилась. Неспособность правительства Националистической партии решить стоящие перед страной сложные социально-экономические проблемы привела к новому военному перевороту. Пришедшая к власти военная администрация во главе с генералом Х. М. Эршадом ввела в стране военное положение, приостановила действие конституции, резко ограничив деятельность всех политических партий.

Несмотря на исключительную сложность обстановки и огромные трудности в работе, КПБ продолжает вести борьбу за насущные интересы трудящихся масс, настойчиво добиваясь реальных перемен к лучшему в жизни народа Бангладеш.

Защищая подлинно национальные интересы Бангладеш, КПБ не отделяет чувство долга перед своим народом от задач международной солидарности. Пролетарский интернационализм был и остается для бангладешских коммунистов надежным источником силы, оптимизма, уверенности в успехе своего правого дела. Верная этому принципу, КПБ неизменно солидарна с освободительной революционной борьбой других народов, с созидательным трудом народов Советского Союза, других стран социалистического содружества в строительстве социализма и коммунизма.

Братские отношения, скрепленные общностью целей в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс, стремлением к упрочению сплоченности международного коммунистического движения на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, сложились между КПСС и КПБ. Представители КПБ присутствовали на XXIV—XXVII съездах КПСС, делегация КПСС — на II съезде КПБ.

За прошедшие после образования КПБ почти четыре десятилетия бангладешские коммунисты, ведя борьбу в труднейших условиях, накопили богатый и разнообразный опыт работы как по содержанию, так и по форме. Этот опыт — доказательство того, что верность принципам марксизма-ленинизма является надежным оружием, позволяющим коммунистической партии Бангладеш с честью выходить из самых тяжелых испытаний.

В январе 1984 г. военный режим снял основные ограничения на деятельность политических партий в стране, и КПБ вновь активно включилась в политическую борьбу. КПБ, Народная лига, Национальная народная партия и ряд других левых и демократических организаций образовали союз 15 партий, ставший основной политической силой страны в борьбе за отмену

военного положения, восстановление демократических прав и свобод, удовлетворение жизненных интересов трудящихся, проведение независимой, миролюбивой внешней политики. Наряду с союзом 15 партий был создан альянс 7 правых и консервативных партий во главе с Националистической партией, выступивший с лозунгами борьбы за отмену военного положения и проведение парламентских выборов. Новым действенным фактором, оказавшим влияние на развитие обстановки в стране, явилось усиление сплоченности рабочего класса и других трудовых слоев населения. Мощные общенациональные забастовки, организованные в 1984—1986 гг. Комитетом солидарности рабочих и служащих, включающим 16 основных профсоюзных объединений Бангладеш, заставили военную администрацию пойти на некоторые уступки трудящимся. Важная роль в усилении борьбы рабочего класса за свои коренные права принадлежала руководимым коммунистами профсоюзам, насчитывавшим в 1985 г. свыше 200 тыс. человек. Большое внимание КПБ уделяла работе среди сельскохозяйственных рабочих, являющихся самой бесправной частью бангладешского населения. Созданная по инициативе коммунистов Ассоциация сельскохозяйственных рабочих, численность которой к началу 1986 г. составила около 300 тыс. человек, сумела путем активной борьбы добиться от властей принятия на себя ряда обязательств об улучшении условий жизни и труда этой значительной (4 млн. человек) прослойки трудящихся масс Бангладеш.

Активная деятельность КПБ среди трудящихся страны способствовала успешному выступлению коммунистов на парламентских выборах в мае 1986 г. Выступив в союзе с левыми и демократическими силами страны, КПБ впервые в истории независимой Бангладеш завоевала 6 депутатских мандатов.

Успехи КПБ в расширении ее влияния в массах подчеркивались в ходе работы IV съезда партии, который проходил в апреле 1987 г. IV съезд подтвердил решения III съезда КПБ.

Глава VII

ЗАПАДНАЯ АЗИЯ

Коммунистическое движение в Иране и Турции возникло значительно раньше, чем во многих других афро-азиатских странах. И важную роль в этом сыграло то, что революционное движение развивалось здесь под сильнейшим воздействием событий в соседней России. Это прежде всего революция 1905—1907 гг. и, конечно же, Великая Октябрьская социалистическая революция. Обе революции оказали огромное влияние на развитие как революционного рабочего, так и национально-освободительного движения в Иране и Турции.

Но развитие коммунистического движения в этих странах столкнулось с невероятными трудностями. И дело не только в том, что его зарождение пришлось на период, когда национальный рабочий класс был еще слаб, сильное влияние на трудящиеся массы оказывали религия и национализм. В названных странах длительно существовали реакционные или антидемократические режимы, которые стремились задушить движение по возможности на ранних этапах его развития. На коммунистов то и дело обрушивались суровые репрессии; местные охранки, получавшие «щедрую помощь» от империалистических спецслужб, внедряли в компартии своих агентов, которым удавалось в ряде случаев пробираться в их руководящие органы, что приводило к тяжелейшим последствиям для партий. Потеря опытных кадров, исключительно трудные условия работы в глубоком подполье, когда, как правило, затруднены постоянные и широкие связи с массами, особенно с рабочим классом и беднейшим крестьянством, объективно способствовали созданию обстановки, в которой партиям не всегда удавалось принимать правильные решения по принципиальным вопросам, поэтому в них появились как левые, так и правые уклоны.

Следует также учитывать, что коммунистическое движение в Западной Азии сталкивалось с такими же трудностями, как и в других странах Востока: это проблема определения этапа революции, правильное определение коммунистами своего отношения к антиимпериалистическим силам, в частности к национальной буржуазии; это тактика единого фронта, его состав и роль в нем различных политических сил, включая партию

пролетарского авангарда; это работа в массовых организациях и т. д. Ошибки левосектантского, доктринерского характера, которые проявлялись в комдвижении стран Востока на протяжении довольно длительного времени, особенно в конце 20-х — начале 30-х годов, а также в послевоенный период, не обошли стороной и комдвижение стран Западной Азии¹.

И то, что компартии Ирана и Турции после тяжелейших потерь каждый раз восстанавливали свои ряды и продолжали героическую борьбу за свои идеалы, говорят как о мужестве коммунистов, так и о том, что их идеи находят все новых сторонников в широких массах трудящихся.

Иран

Идеи марксизма стали распространяться в Иране еще в ходе буржуазной революции 1905—1911 гг., начавшейся под непосредственным воздействием первой русской революции. Процесс зарождения и формирования национального рабочего класса протекал в основном на южных окраинах бывшей Российской империи, поэтому в распространении марксистских идей в стране большую роль сыграли иранские рабочие-отходники, отправлявшиеся на заработки в Россию. В 1904 г. только в Баку насчитывалось около 7 тыс. иранских рабочих, или почти одна четвертая часть пролетариата этого города. В 1911 г. из Ирана на заработки в Россию ушло почти 200 тыс. человек. Под влиянием революционной борьбы российского пролетариата росло классовое самосознание иранских рабочих. В 1904 г. в Баку была создана социал-демократическая группа «Гуммет», работавшая под руководством большевиков. В ее состав входили иранские рабочие, тесно связанные с революционерами, действовавшими в Иране подпольно.

Во время революции 1905—1911 гг. в ряде крупных городов Ирана возникли социал-демократические группы, которые впоследствии положили начало образованию социал-демократической партии «Эджтемайуне—Амиюн». Важную роль в ее создании сыграл известный иранский революционер Гейдар-хан Амуоглы. В 1916 г. возникла рабочая организация «Адалат» («Справедливость»), на базе которой позднее сформировалась Иранская коммунистическая партия.

Большую политическую и организационную помощь иранским революционерам оказали большевики Закавказья, особенно Г. К. Орджоникидзе. По решению Бакинского комитета большевиков осенью 1909 г. он был направлен на работу в Иран. Становлению коммунистического движения в Иране содействовали и такие выдающиеся революционеры, как Н. Нариманов, А. Джапаридзе, М. Азизбеков. По инициативе В. И. Ленина VI Пражская (Всероссийская) конференция РСДРП в январе 1912 г. приняла резолюцию, в которой выражалось

«полное сочувствие борьбе персидского народа и, в частности, борьбе персидской с.-д. партии»².

Мощный импульс распространению идей марксизма-ленинизма в Иране придала победа Великого Октября. В условиях, когда почти весь Иран был оккупирован английскими войсками, этот процесс проходил на фоне нарастания массового антиимпериалистического и антифеодального национально-освободительного движения.

В резолюции I съезда Иранской коммунистической партии (июнь 1920 г.), на котором была создана ИКП, отмечалась необходимость «бороться с мировым империализмом совместно с Советской Россией, поддерживать в Персии все силы, которые выступают против англичан и шахского правительства, толкать их на более решительную борьбу, вовлекая рабоче-крестьянские массы в активную борьбу»³. В этих целях в решениях съезда предусматривалось создание Единого фронта борьбы против английского империализма и феодальной реакции.

Однако ввиду ошибки левосектантского толка реализовать политику единого фронта не всегда удавалось. Это относится, в частности, к избранному на I съезде партии ЦК ИКП, который в конце 1920 г. был переизбран; во главе его встал Гейдар-хан Аму-оглы.

Новое руководство ИКП развернуло широкую агитационно-пропагандистскую работу среди всех слоев иранского населения. Партия выступала за расширение и углубление национально-освободительного движения, призывала к борьбе против феодально-помещичьих кругов и засилья в стране английского империализма, высказывалась за создание органов народного самоуправления — областных и городских энджуменов, независимого национального правительства и меджлиса (парламента), способных осуществить коренные реформы в интересах широких народных масс. Партийный орган — газета «Хакикат» («Правда») выходила большим тиражом, что говорило о ее популярности в стране. Компартия активно сотрудничала в культурно-просветительных обществах, в женских и молодежных организациях, принимала участие в создании и укреплении иранских профсоюзов. О значительном росте влияния ИКП среди иранского рабочего класса в конце 20-х — начале 30-х годов свидетельствовали многочисленные забастовки под руководством коммунистов.

Чтобы помешать дальнейшему росту влияния ИКП в массах, деспотический режим Реза-шаха Пехлеви обрушил на компартию жестокие репрессии. В 1931 г. иранский меджлис принял антикоммунистический закон. Большинство организаций компартии было разгромлено. В этих условиях майский (1931) пленум ЦК ИКП обратился к другим демократическим силам Ирана с призывом «организовать общие подпольные комитеты для борьбы против режима Пехлеви, за свободу слова, печати, союзов и собраний». Работая в нелегальных условиях, иранские

коммунисты выдвинули программу совместных действий всех демократических сил, вели агитацию за национализацию Англо-Иранской нефтяной компании, аннулирование иностранных концессий и за амнистию политических заключенных.

Яркую страницу в историю коммунистического движения в Иране вписали Таги Эрани и его соратники, которые объединились вокруг основанного ими в 1934 г. журнала «Донья» («Вселенная»), пропагандировавшего идеи марксизма-ленинизма. Через полтора года журнал был запрещен, а в апреле 1937 г. Т. Эрани арестован. В ноябре 1938 г. иранская реакция организовала судебную расправу над Т. Эрани и его единомышленниками. Выступив на процессе с защитительной речью, он разоблачил антинародную сущность шахского режима и его зависимость от чужеземных эксплуататоров, сумел превратить суд в трибуну защиты идей коммунизма. В январе 1940 г. шахские палачи злодейски убили Т. Эрани в тюрьме. В 30-е годы Коммунистическая партия Ирана понесла тяжелые потери: часть коммунистов погибла, многие другие оказались в тюрьмах или в эмиграции.

Наследником и продолжателем дела Иранской коммунистической партии стала Народная партия Ирана (Туде), созданная 2 октября 1941 г. вышедшими из шахских тюрем, а также вернувшимися из эмиграции после падения режима Рёза-шаха Пехлеви коммунистами и другими демократически настроенными прогрессивными деятелями⁴. Она объединила в своих рядах представителей рабочего класса, прогрессивной интеллигенции, студенчества, ремесленников, крестьян, выступавших за проведение демократических реформ и независимого внешнеполитического курса, отвечающего национальным интересам Ирана.

Первый съезд Народной партии Ирана (НПИ) состоялся в Тегеране (август 1944 г.). В принятой на нем программе партии говорилось, что НПИ добивается ликвидации засилья в стране иностранных монополий, осуществления ряда демократических реформ, предоставления трудящимся таких гражданских прав, как свобода слова, печати, собраний, установления 8-часового рабочего дня, принятия закона о безвозмездной передаче земли крестьянам.

С первых дней своего существования НПИ развернула большую работу по мобилизации трудящихся масс на борьбу за жизненные права. В 1944 г. по ее инициативе был создан Центральный объединенный совет профсоюзов Ирана, в рядах которого тогда насчитывалось около 400 тыс. человек. Энергично отстаивая права рабочих в борьбе с предпринимателями, он добился принятия закона о труде.

Народная партия Ирана выступила за безвозмездное наделение безземельных и малоземельных крестьян землей за счет земель крупных помещиков и государства. Это вызвало к ней симпатии в рядах трудового крестьянства, составлявшего боль-

шинство населения страны. Работавший под руководством НПИ Крестьянский союз объединял до полумиллиона крестьян.

НПИ уделяла большое внимание созданию молодежных и женских организаций прогрессивного характера. Она явилась инициатором образования «Фронта свободы» — объединения нескольких десятков газет демократического направления. Орган ЦК НПИ — газета «Рахбар» («Вождь»), издававшаяся тиражом 10 тыс. экземпляров, была в то время крупной газетой страны.

К концу второй мировой войны НПИ превратилась в массовую политическую партию страны. В организованных ею первомайских демонстрациях 1946 г. участвовало свыше 700 тыс. человек. Авторитет партии в массах был настолько велик, что в состав правительства Кавам эс-Салтане, сформированного в августе 1946 г., вошли три члена ЦК Народной партии Ирана.

В конце 40-х годов иранская реакция — шахский двор, группирующаяся вокруг него бюрократическая и военная элита, полуфеодалские помещики, черносотенные и клерикально-националистические организации, — напуганная ростом демократического движения в стране, перешла в наступление против прогрессивных сил. В первую очередь репрессии обрушились на НПИ. Воспользовавшись в качестве предлога покушением на шаха в феврале 1949 г., к которому НПИ не имела никакого отношения (оно было организовано спецслужбами США и Англии), власти Ирана объявили НПИ вне закона. Представители партии были выведены из правительства, партийные организации разгромлены, газеты закрыты, а многие руководители и активисты партии арестованы. В этих условиях она вынуждена была уйти в подполье. 13 руководителей НПИ были заочно приговорены шахскими властями к смертной казни.

К началу 50-х годов Народная партия Ирана сумела восстановить свои организации и влияние в массах, в 1951—1953 гг. она была в первых рядах антимонархической борьбы. В этот период власть в стране находилась в руках Национального фронта во главе с Мосаддыком, выступавшим за национализацию иранской нефти и ограничение власти монархии. Но взаимоотношения НПИ с Национальным фронтом складывались непросто. Одно время в подходе некоторых руководящих деятелей партии к вопросу о возможности сотрудничества с Мосаддыком и его движением преобладала значительная пастороженность. Она объяснялась как ссылками на непоследовательность действий иранской национальной буржуазии в борьбе против иностранного засилья, так и нежеланием правительства Мосаддыка оградить НПИ от нападков со стороны военно-полицейского аппарата шаха. После того как выступления Мосаддыка против Англо-Иранской нефтяной компании, в защиту национальных интересов Ирана стали более последовательными и получили поддержку народных масс, руководство НПИ внесло в свою позицию в отношении Национального

фронта соответствующие коррективы. Но создать Единый фронт антиимпериалистических, демократических сил так и не удалось, что объективно было на руку реакции.

В августе 1953 г. ЦРУ США при опоре на местную реакцию во главе с шахом организовало в Иране военный переворот. В результате правительство Масаддыка было свергнуто, а национально-освободительное движение в стране жестоко подавлено. На НПИ и другие прогрессивные организации, в которых правящие круги видели вдохновителей и организаторов антиимпериалистического, демократического движения в стране, обрушилась новая волна репрессий: подверглись аресту многие члены ЦК и активисты НПИ, были закрыты газеты, разгромлены типографии. На долгие годы в Иране установился антидемократический режим шахской монархии, зависимый от империализма США и безжалостно подавлявший всякую оппозицию, особенно левые организации. Партия понесла огромные потери, тысячи членов и сторонников Народной партии Ирана были замучены в шахских застенках, погибли в тюрьмах и ссылке. Имя пламенного борца за счастье иранских трудящихся, члена ЦК НПИ Хосрова Рузбеха, умерщвленного шахскими палачами, стало символом мужества и героизма для всех иранских патриотов. Он стал национальным героем. Шахская охранка САВАК стремилась искоренить любую оппозицию в стране.

В тяжелейших условиях глубокого подполья НПИ продолжала действовать как политически организованная сила иранских трудящихся, она вела упорную борьбу против шахского режима. Руководство партии вынужденно оказалось в эмиграции, но связей с партийными кадрами внутри страны не прерывало.

Состоявшийся в 1971 г. XIV пленум ЦК НПИ поставил перед партией задачу создать в стране единый антиимпериалистический фронт. В 1975 г. НПИ первой из всех оппозиционных партий и организаций призвала иранский народ развернуть широкую борьбу за свержение шахского режима.

XV пленум ЦК НПИ (июль 1975 г.) утвердил новые программу и устав партии. В программе подчеркивалось, в частности, что «Народная партия Ирана — партия нового типа рабочего класса Ирана», ее мировоззрение — марксизм-ленинизм; она является защитником интересов рабочего класса и других трудящихся классов и слоев иранского общества. Партия выдвинула задачу добиваться свержения реакционного монархического строя и последующего слома его государственного аппарата, ликвидации засилья крупных капиталистов и землевладельцев; власть должна быть передана национально-демократическому фронту в составе рабочих, крестьян, мелкой буржуазии (ремесленников и мелких торговцев), прогрессивной, патриотически настроенной интеллигенции и национальной буржуазии, что будет означать образование национально-демократической республики.

Важнейший этап в деятельности НПИ начался в период нарастания и победы в Иране антимоноархической, антиимпериалистической революции, которая привела к свержению шахского режима в 1979 г. Народная партия Ирана приняла в ней самое активное участие⁵. Члены партии находились в первых рядах участников массовых забастовок и демонстраций, сражались на баррикадах в дни вооруженного восстания. Одновременно партия крепла организационно — создавались новые и восстанавливались старые партийные организации в столице и провинциях. В марте 1979 г. в Тегеране был созван XVI пленум ЦК НПИ, который принял Обращение к трудящимся с призывом создать Единый народный фронт для защиты революции. В нем содержалась развернутая программа действий всех отрядов революционных сил, выступающих за освобождение страны от иностранной зависимости и обеспечение демократических прав и свобод для трудящихся.

В марте 1979 г. ЦК НПИ объявил о возобновлении партийной легальной деятельности. В страну возвратились из эмиграции руководящие деятели НПИ, из тюрем были освобождены многие члены партии, прошедшие в заключении по 25 лет и более. В Тегеране стали издаваться орган ЦК НПИ — газета «Мардом» («Народ»), теоретический журнал «Донья», а также ряд молодежных и женских газет и журналов.

Сразу же после победы антишахского вооруженного восстания НПИ заявила о поддержке тех положений социально-политической программы лидера иранской революции аятоллы Хомейни, которые объективно имели прогрессивный характер (ограничение крупного национального капитала и крупных помещичьих землевладений, ликвидация зависимости Ирана от империалистических государств). Партия поддержала провозглашение Ирана Исламской Республикой 1 апреля 1979 г., приняла активное участие во всенародном обсуждении проекта новой конституции, причем внесла значительное число предложений, усиливающих ее демократическую направленность.

Поддерживая позитивные мероприятия нового режима, НПИ в то же время критиковала правительство за непоследовательность в осуществлении мер по дальнейшему развитию революции. Она обращала внимание иранских трудящихся на усиление активности контрреволюции, угрожавшей существованию республиканского строя, и призывала противодействовать попыткам крупных капиталистов и землевладельцев подавить движение трудящихся масс за свои права. Такая позиция студентов вызвала острую реакцию со стороны правых сил.

Хотя Народная партия Ирана действовала легально, в рамках конституции Исламской Республики Иран, правоконсервативная часть правящего в Иране шиитского духовенства и представители прозападно настроенной крупной буржуазии с середины 1981 г. стали оказывать на НПИ растущий нажим. Штаб-квартира партии и редакция газеты «Мардом» неоднократно

подвергались нападению со стороны реакционных, черносотенных элементов.

Следует подчеркнуть, что в первые годы после свержения шахского режима в стране наблюдалась быстро меняющаяся, чрезвычайно противоречивая политическая обстановка. Противоречивы были и действия мусульманского духовенства. В связи с этим перед НПИ встало много сложных проблем, требовавших подчас немедленного решения. В какой мере их решение отвечало задачам дня, интересам развития революционного процесса в стране, непосредственным и перспективным целям марксистско-ленинской партии? Высказываются различные точки зрения. В обсуждении этого вопроса принимают участие и сами иранские коммунисты. Но мы хотели бы подчеркнуть здесь главное: партии приходилось действовать в исключительно сложных, более того, в беспрецедентных условиях.

Вот, например, как оценивали обстановку в Иране в тот период ученые Института востоковедения АН СССР: «Особый характер революционных процессов в Иране не просто в том, что они развернулись под знаменем ислама. В этом нет ничего нового. История знает много подобных примеров. Специфика заключается в том, что под покровом религии в Иране скрываются самые различные общественные тенденции и движения, вступившие между собой во временный компромисс: если буржуазные или демократические силы не смогли единолично возглавить народную антишахскую революцию и вынуждены были встать под знамена ислама, то и фундаменталистские и ортодоксальные исламские силы ни на одном этапе революционного процесса не смогли обойтись без блокирования с неортодоксальными буржуазными и демократическими силами. Даже после победы над шахом они пошли на временный союз с частью либеральной буржуазии в лице Базаргана, затем фундаменталисты из „Исламской республиканской партии“ вынуждены были долгое время сотрудничать с бывшим президентом Банисадром (за которым в то время стояли выразители мелкобуржуазных эгалитаристских устремлений и радикальных модернизаторских тенденций), несмотря на серьезные противоречия между ними. Да и в самом „чисто“ исламском движении все отчетливее дают себя знать противоречия между теми фундаменталистами, которые осознают необходимость умеренной модернизации, и безусловно ретроградными ортодоксальными исламскими кругами»⁶. И далее: «Если прогрессивные силы не сплотятся на основе позитивной и конструктивной платформы глубоких демократических общественных преобразований до того, как контрреволюционные группировки консолидируются, поражение иранской революции станет неминуемым»⁷.

Сплочения левых, демократических сил, как известно, не произошло, оппозиционные режиму Хомейни силы беспощадно подавлялись. В ночь на 6 февраля 1983 г. были арестованы руководители НПИ, а затем волна арестов прокатилась по всей

стране. 4 мая 1983 г. иранские власти объявили о роспуске НПИ. Тысячи членов и сторонников НПИ были брошены в тюрьмы. Им были предъявлены абсурдные обвинения в «заговоре с целью свержения исламского режима» и даже в «шпионаже» в пользу стран «Восточного блока». В январе 1984 г. по приговору исламского трибунала были казнены 10 участников «военной организации НПИ», а несколько десятков человек приговорены к длительным срокам тюремного заключения.

Этому периоду деятельности НПИ, надо полагать, будут посвящены специальные работы иранских коммунистов. Но уже сейчас очевидно, что недооценка правой опасности, исходившей от правящего в Иране мусульманского духовенства, дорого обошлась партии. Иранской реакции, однако, не удалось полностью разгромить НПИ. Уйдя в подполье, она была вынуждена перестроить свою организационную структуру, перейти к новым формам борьбы. Избежавшие ареста члены и кандидаты в члены ЦК НПИ провели в декабре 1983 г. XVIII пленум ЦК партии, наметивший конкретную программу действий НПИ в изменившихся условиях. Вновь стал выходить в свет печатный орган ЦК НПИ — газета «Намее мардом» («Народный вестник»).

Народная партия Ирана в труднейших условиях подполья продолжает борьбу за создание Единого народного фронта, в котором объединились бы все прогрессивные силы иранского общества, выступающие за мир, демократию и социальный прогресс.

Турция

Как не раз подчеркивали турецкие коммунисты, «Октябрьская революция, под влиянием которой разгорелось пламя национально-освободительной борьбы, способствовала распространению идей и принципов марксизма-ленинизма в Турции, прежде всего среди рабочих и интеллигенции. По всей стране стали возникать первые коммунистические ячейки»⁸.

Многочисленные турецкие коммунистические группы и организации начали появляться в стране в 1918 г. Среди них были созданная в 1919 г. в Стамбуле Рабоче-крестьянская социалистическая партия, в руководство которой входил один из основателей будущей Коммунистической партии Турции (КПТ), Э. Нежат, группы в Анкаре, Измире, Зонгулдаке, Эрегли, Трабзоне, Ризе, Эскишехире, Самсуне, Сивасе и других провинциях Турции. В июле 1920 г. 12 организаций пролетарского авангарда Анатолии (восточной части Турции) образовали Народно-коммунистическую партию. Другим влиятельным отрядом турецкого коммунистического движения стала заграничная марксистско-ленинская организация во главе с Мустафой Субхи. Группа М. Субхи вела работу среди тысяч турецких военнопленных в

России, воевавших во время первой мировой войны в султанской армии на стороне Германии. Турецкие коммунисты во главе с М. Субхи не только вели пропаганду идей марксизма-ленинизма среди соотечественников-военнопленных, выпускали на турецком языке газеты, брошюры, но и с оружием в руках участвовали в защите Советской власти, сражаясь на различных фронтах гражданской войны. В этом выразилось конкретное проявление пролетарского интернационализма турецких коммунистов.

Руководители коммунистических групп понимали необходимость их объединения в партию рабочего класса для того, чтобы эффективнее бороться за интересы трудящихся. В сентябре 1920 г. по инициативе трех ведущих организаций — стамбульской, анкарской и заграничной — был проведен съезд, провозгласивший создание Коммунистической партии Турции. Председателем КПТ был избран Мустафа Субхи. Таким образом, в истории турецкого революционного движения был сделан важнейший шаг по сплочению разрозненных коммунистических групп в единую политическую партию, поставившую в качестве ближайшей задачи борьбу за изгнание из страны империалистов, уничтожение султаната, создание демократической республики, ликвидацию феодализма, за коренные интересы трудящихся. Стратегической целью партии принятая на съезде программа КПТ ставила уничтожение капиталистической эксплуатации и построение социалистического общества.

Хотелось бы подчеркнуть: влияние идей Великого Октября на развитие коммунистического движения в Турции не отменяло национального характера этого движения, как пытаются представить некоторые буржуазные исследователи. Турецкая социалистическая мысль зародилась в Турции, там же возникли и первые коммунистические группы. Из 75 делегатов I съезда КПТ (из-за запрета властей он не мог состояться в Турции и вынужденно проходил за границей, в Баку) 51 человек, т. е. подавляющее большинство, представляли различные коммунистические организации Стамбула и турецкой Анатолии. И что важно: КПТ все годы своей деятельности последовательно отстаивала интересы родины, права и свободы турецких трудящихся. Так, члены партии участвовали в национально-освободительной войне турецкого народа 1918—1923 гг., боролись за сохранение и укрепление национальной независимости страны, за ее освобождение от гнета империализма и т. д.

Коммунистов сразу же после образования партии ждали суровые испытания. КПТ уже в начале 1921 г. потеряла лучших своих сынов: М. Субхи, Э. Нежат и еще 13 руководящих деятелей партии, стоявших у истоков ее создания, были зверски убиты реакционерами. С 1922 г. партия была запрещена. Массовые аресты коммунистов происходили в 1922, 1925, 1927, 1929, 1932, 1943, 1946, 1951, 1952 гг. Сотни коммунистов оказались в тюрьме вследствие широкой кампании арестов в 1981—1982 гг.

Удары, нанесенные КПТ в результате репрессий, и прежде всего аресты среди ее руководящего звена, являлись причиной нарушения стабильности как в кадровом составе партии, так и в работе в целом, возникновения время от времени периодов спада в ее деятельности. Многие турецкие коммунисты проявили подлинное мужество и героизм: выстояв под пытками, отдав жизнь, они не выдали своих товарищей.

Но не только удары реакции обрушивались на партию. Ей пришлось вести напряженную борьбу с разного рода оппортунистическими течениями и уклонами, возникавшими в ее рядах и в левом движении под воздействием буржуазного террора и репрессий, а также вследствие относительной слабости пролетариата, наличия значительной мелкобуржуазной массы среди его союзников. Так, в 20-е годы в руководстве партии возникло откровенно ликвидаторское течение. Один из его представителей, Шевкет Сурейя, выступая на суде, заявил о недопустимости существования в Турции нелегальной партии, а другой, Ведат Недим Тор, оказался предателем и выдал полиции всех руководящих деятелей КПТ.

В 40-е годы была сделана попытка вывести партийные кадры из подполья, включить их в легальную партию. Но это привело лишь к новым потерям. В 70-е годы в период активизации работы партии в ней возникла левооппортунистическая группировка, обвинив руководство партии в «меньшевизме», объявила о наличии в Турции революционной ситуации и призвала народ «на баррикады».

В борьбе с оппортунистами и ликвидаторами, сектантами и раскольниками, правыми ревизионистами и любителями «левой» фразы крепло политическое единство партии, она очищалась от мелкобуржуазных и неустойчивых элементов.

Перед турецкими коммунистами вставали сложнейшие проблемы стратегии и тактики: пути и методы работы в массах, в первую очередь среди рабочего класса, его профессиональных организаций; поиски союзников, создание единого фронта национально-демократических сил; проблема единства левого движения. Компартия уделяла большое внимание острой для Турции национальной проблеме, она разрабатывала такой крайне актуальный для партий, действующих в подполье, вопрос, как сочетание нелегальных и легальных форм борьбы. КПТ все прошедшие годы была активной силой на международной арене, борясь за единство и сплочение международного коммунистического движения, выступая за мир, за предотвращение угрозы новой мировой войны. Остановимся на этом подробнее.

Турецкие коммунисты всегда вели активную работу среди национального пролетариата. Однако в первые годы после создания КПТ ее деятельность в рабочей среде наталкивалась на большие трудности. Турецкий рабочий класс еще только зарождался, был малочислен и слабо организован. Постоянные репрессии властей против коммунистов делали задачу КПТ по-

укреплению своего влияния в пролетарской среде очень сложной. Тем не менее ее усилия по расширению социальной базы коммунистического движения, претворение в жизнь лозунга «Фабрики и заводы должны стать бастионами партии» привели к росту политического сознания значительных слоев рабочего класса и к укреплению пролетарского характера самой партии.

КПТ всегда придавала большое значение работе в профсоюзном движении страны. Коммунисты явились инициаторами создания в 1919 г. «Рабочего союза» в Стамбуле, «Конфедерации красных профсоюзов» в Мерсине, «Всеобщего профсоюза турецких рабочих» (1924) и других профсоюзных организаций. В 40-е годы турецкие рабочие ряда отраслей вышли из проправительственных профсоюзов и по инициативе коммунистов развернули массовое движение за право на забастовку. Особенно активную работу по укреплению своего влияния в профсоюзном движении КПТ вела во второй половине 70-х годов. Исходя из своего опыта, партия сделала вывод, что «от того, насколько разветвлены и глубоки связи между коммунистами, руководящими политической борьбой трудящихся, и профсоюзами, организующими борьбу масс за конкретные, прежде всего социально-экономические, требования, зависят верная ориентация и эффективность рабочего движения в капиталистических странах»⁹

К концу 70-х годов около 60% членов КПТ являлись рабочими или выходцами из рабочих¹⁰. Стремясь к расширению социальной базы коммунистического движения и общедемократической борьбы в целом, Компартия Турции уделяла и уделяет большое внимание работе в массах, привлечению союзников к этой борьбе. Она ведет активную работу среди крестьянства, средних слоев, молодежи и женщин. Коммунисты стараются вовлечь в общедемократическое движение борьбу многомиллионного курдского населения за свои национальные права.

С целью мобилизации всех демократических, патриотических сил на борьбу против реакции, империализма, за мир, демократию и социальный прогресс КПТ выступает с момента возникновения за создание в стране Единого фронта национально-демократических сил. Конкретные цели такого фронта видоизменялись в зависимости от ситуации. Так, в годы второй мировой войны коммунисты вели активную работу по сплочению всех сил для борьбы против фашизма.

Деятельность КПТ по созданию Единого фронта прогрессивных, демократических сил получила новый импульс после восстановления боеспособности партии в конце 70-х годов. Турецкие коммунисты исходят из того, что объединение всех антиимпериалистических, антиимпериалистических сил позволило бы добиваться решения задач общедемократического характера, в чем заинтересованы широкие слои населения. Задача создания единого фронта стала особенно актуальной после военного переворота в Турции 12 сентября 1980 г. В принятой пленумом ЦК КПТ в 1983 г. (в развитие решений пленумов ЦК партии 1981

и 1982 гг.) программе действий КПТ «За мир и национальную демократию», получившей дальнейшее развитие и конкретизацию в документах V съезда партии (1983) и последующих пленумов ЦК КПТ, ставится цель сплотить в широком национально-демократическом фронте антиимпериалистические, антимонополистические, демократические и патриотические силы страны¹¹.

С усилиями по реализации задачи образования широкого национально-демократического фронта смыкается борьба турецких коммунистов за единство левodemократических сил. Проблема единства левых сил стоит сейчас перед многими компартиями, причем не только развивающихся, но и развитых капиталистических стран. Выше уже рассматривалось, как этот вопрос ставят ныне коммунисты Индии, Шри-Ланки и других стран Востока. Перед турецкими коммунистами данная проблема стоит остро вдвойне. Раздробленность левых сил, отсутствие их единства — характерная черта турецкого рабочего и демократического движения на протяжении многих лет. Компартия Турции фактом своего создания из нескольких разрозненных коммунистических организаций внесла вклад в процесс единения турецких революционных сил. Однако постоянные репрессии властей, а также воздействие мелкобуржуазных радикальных течений, слабость в те или иные периоды пролетарского авангарда приводили к возникновению в левом движении новых партий и организаций.

Исходя из того, что раздробленность левodemократических сил, и прежде всего рабочих партий, мешает их эффективной, целенаправленной борьбе за интересы трудящихся, компартия в течение длительного времени предпринимает усилия по обеспечению их единства.

Пленум ЦК КПТ 1981 г. отмечал, что во многом из-за отсутствия единства левodemократических сил не удалось в конце 70-х годов превратить глубокое недовольство турецких трудящихся в активные действия и тем самым предотвратить военный переворот 1980 г.¹² Но и после переворота процесс сплочения политических организаций турецкого рабочего класса шел медленно, встречая на своем пути значительные трудности, причем большей частью субъективного порядка.

Постепенно, однако, наметилась тенденция к согласованным выступлениям турецких левodemократических сил, действующих в западноевропейских странах. В декабре 1984 г. шесть левых партий, руководство которых после военного переворота было вынуждено эмигрировать, объявили о создании «Левого единства Турции и Турецкого Курдистана» и опубликовали «платформу демократического единства сил». Она содержала основные политические, экономические и социальные требования, для реализации которых они образовали единый фронт. Участники «Левого единства» призвали присоединиться к нему самые широкие демократические и миролюбивые силы страны. Непосред-

ственная задача «Левого, единства» — борьба за устранение диктаторского режима и установление демократии в Турции.

Видное место в деятельности КПТ занимает национальный вопрос, поскольку в стране проживает около 7 млн. курдов, подвергаемых жестокому гнету. Партия неизменно отстаивает лозунг самоопределения наций, борется за предоставление равных прав курдскому народу, за прекращение насильственной ассимиляции курдов. Заявив, что «национальный вопрос в Турции может быть решен только в результате завоевания курдским народом права самому решать свою судьбу», и подчеркнув, что право на самоопределение включает и право на отделение и создание самостоятельного государства, КПТ считает, что с точки зрения интересов рабочего класса страны в конкретных условиях Турции лучше было бы, если бы «курды использовали свое право на самоопределение в направлении совместного проживания с турками в составе демократического государства». Приемлемой формулой для этого могло бы стать, по мнению КПТ, предоставление курдам территориальной автономии¹³.

Исходя из того, что у турецкого и курдского народов общий враг — местная реакция и империализм, КПТ на всех этапах своей истории боролась «за братский союз между трудящимися национальных меньшинств и турецкими рабочими и крестьянами»¹⁴. В 80-е годы она продолжает усилия, направленные на то, чтобы «подавляющее большинство турецких курдов выступало в качестве «составной части национально-демократического фронта»¹⁵.

И еще одна проблема — совершенствование методов работы в подполье, сочетание легальных и нелегальных форм борьбы. Эта проблема актуальна практически для всех партий пролетарского авангарда, действующих в нелегальных условиях. Для КПТ как старейшей партии Востока она имеет особое значение. Исключая первые два года своего существования, партия свыше 60 лет действует нелегально. Более того, как отмечалось, она несла серьезные потери в результате многократных арестов ее руководителей. Это осложняло нормальное функционирование партии, облегчало проникновение в ее ряды провокаторов и полицейских агентов.

Налаживая в трудных условиях нелегальную работу, КПТ старалась использовать также имеющиеся легальные возможности. В 20-е годы коммунисты активно работали в профсоюзах и в других массовых организациях; в 40-е годы они создали легальную Социалистическую рабоче-крестьянскую партию (СРКП); в 70—80-е годы коммунисты завоевали значительный авторитет в рабочих профсоюзах, молодежных, женских и других массовых организациях. Благодаря использованию легальных форм борьбы КПТ расширяла массовую базу, укрепляла свои позиции в широких слоях трудящихся.

Были, конечно, в этой области и недостатки, и ошибки. Среди них такие, например, как вывод из подполья нелегальных

кадров после создания СРКП, что облегчило властям массовые аресты коммунистов в 50-е годы, недостаточно четкое разграничение нелегальной и легальной сфер деятельности и обязанностей кадров, работавших там в 70-е годы, что тоже привело к арестам многих членов КПТ. Партия на основе глубокого анализа собственного опыта сделала вывод, что турецкие коммунисты должны непременно сочетать нелегальные и легальные формы борьбы, но «успех легальной работы в основе своей зависит от наличия крепких нелегальных партийных организаций»¹⁶.

Коммунистическая партия Турции, верная принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, выступает за сплочение коммунистического движения, развивает связи с братскими партиями. Впитав в себя традиции турецких коммунистов, защищавших с оружием в руках Советскую власть от белогвардейцев, КПТ на протяжении всей своей истории связана узами дружбы и солидарности с КПСС, с Советским Союзом. Коммунисты Турции неоднократно подчеркивали, что отношение к КПСС и СССР является «самым верным критерием пролетарского интернационализма»¹⁷.

КПТ последовательно выступает за развитие и укрепление дружественных отношений между турецким и советским народами. В годы второй мировой войны партия, несмотря на ожесточенную антисоветскую пропаганду реакционных пантуркистских кругов, стремившихся к сближению Турции с гитлеровской Германией, активно вскрывала и разоблачала реальную опасность, которую представляли для турецкого народа фашизм и планы гитлеровцев. Коммунисты убеждали турецкие массы в необходимости установить отношения дружбы с СССР, поскольку «политика Советского Союза помогает турецкому народу защищать кровные интересы независимого национального существования»¹⁸.

В послевоенные годы, последовательно выступая за дружбу между турецким и советским народами, КПТ через свою партийную печать знакомит турецких трудящихся с достижениями социализма, с созидательной внутренней и миролюбивой внешней политикой социалистических стран, решительно разоблачает антисоветские и антикоммунистические домыслы буржуазной пропаганды. По убеждению партии, «борьба с ревизией марксизма-ленинизма, с любыми проявлениями враждебности к социалистическим странам — это не только теоретический, но и жизненно важный для успешной борьбы за мир вопрос, непосредственно касающийся судеб всего человечества»¹⁹.

КПТ активно поддерживает СССР, страны социалистического содружества, прогрессивные и миролюбивые силы в их борьбе за недопущение термоядерной катастрофы. Борьба за мир, против военной угрозы — одно из важных направлений деятельности коммунистов Турции, которая входит в агрессивный блок НАТО. Еще в 40-е годы коммунисты прилагали большие усилия по мобилизации турецкого народа сначала во время вто-

рой мировой войны на борьбу против гитлеровского фашизма, а позже — на борьбу за мир и национальную независимость, против реакции и попыток развязывания новой войны. Коммунисты активно участвовали в движении сторонников мира, развернувшимся в Турции в 70—80-е годы.

В связи с нагнетанием американской администрацией международной напряженности КПТ с новой силой включилась в 80-е годы в борьбу против военной опасности. На пленуме ЦК КПТ (1981) партия отметила, что в условиях, когда человечество столкнулось с альтернативой «быть или не быть», борьба за мир выдвигается как первоочередная задача и для турецкого народа. В условиях военного режима Турции борьба за мир тесно увязывается с общенародным движением за демократию, служит фундаментом для широкого единства действий²⁰.

Пленум ЦК КПТ (1983) поставил задачу способствовать защите международного мира, не допустить уничтожения Турции в ядерной войне, сорвать планы американского империализма, направленные на превращение ее в жандарма региона²¹.

Осенью 1983 г. после перерыва, длившегося более 50 лет, в течение которых господствующие классы Турции всячески старались уничтожить компартию и каждого коммуниста, состоялся V съезд КПТ. Он показал, что, несмотря на преследования, аресты и пытки коммунистов, партия живет, и нет силы, которая смогла бы оторвать ее от народа, от рабочего класса. Съезд принял новые программу и устав партии, избрал руководящие органы. Всесторонне проанализировав современную международную обстановку, политическое и экономическое положение в стране, состояние дел в КПТ, а также стратегические и тактические задачи партии, съезд призвал коммунистов организовать всенародную борьбу за приход к власти правительства национально-демократических сил. Съезд подтвердил позицию партии по вопросу о борьбе за мир, против военной угрозы, против превращения Турции в плацдарм американского империализма и НАТО на Среднем Востоке. Съезд принял решения, направленные на всемерную активизацию деятельности КПТ по укреплению ее позиций и влияния в массах, на сплочение левых сил и создание широкого Национально-демократического фронта. Ряд решений съезда касается вопросов совершенствования работы самой партии, ее структуры, защиты коммунистов от полиции, строжайшего соблюдения партийной дисциплины и т. д. Съезд стал важнейшим этапом в организационно-политическом укреплении КПТ, в ее становлении как боевого авангарда турецкого рабочего класса.

Компартия Турции, пережившая трудный период застоя после массовых арестов 50-х годов, значительно активизировала свою деятельность с середины 70-х годов. Ее работа шла по следующим основным направлениям:

— укрепление партийных рядов, создание в стране сети парторганизаций, прежде всего среди фабрично-заводского про-

летариата, воспитание профессиональных революционеров, раз-
вертывание партийной пропаганды и агитации;

— расширение связей партии с массовыми демократически-
ми движениями, завоевание позиций в профсоюзах, демократи-
ческих организациях, стремление объединить широкие антиим-
периалистические, антимонополистические силы в едином нацио-
нально-демократическом фронте.

Подвергшись широкомасштабным полицейским репрессиям
после последнего военного переворота, партия тем не менее
выстояла. Как подчеркивает генеральный секретарь ЦК Ком-
партии Турции Хайдар Кутлу, «благодаря усилиям и самоотвер-
женности своих членов КПТ сумела залечить раны. Ее идеоло-
гическое, политическое и организационное единство становится
прочнее»²².

Несмотря на тяжелые условия глубокого подполья, в кото-
рых протекает деятельность коммунистов Турции, они высоко
несут знамя в борьбе за справедливость, за жизненные интере-
сы трудящихся, за предотвращение ядерной войны.

Глава VIII

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА

Коммунистические партии арабских стран действуют в Северной Африке и Юго-Западной Азии, где находится 21 арабское государство. В странах Арабского Востока и Запада проживает свыше 200 млн. человек. Здесь в острейшей форме проявляется противоборство между империализмом и национально-освободительным движением, между прогрессивными и реакционными силами. Стратегическое положение этого района на стыке трех континентов, а также на перекрестке мировых коммуникаций в непосредственной близости от стран социалистического содружества делает его объектом глобальной стратегии империализма, который тщится взять «социальный реванш» за поражения, понесенные им в зоне национально-освободительного движения в последние десятилетия. Империализм, прежде всего американский, стремится втянуть страны региона в свои военно-политические планы, навязать им путь зависимого капиталистического развития, установить контроль над их природными ресурсами.

В последние годы антиимпериалистическая борьба народов Арабского Востока все теснее переплетается с классовой борьбой трудящихся масс, усложняются условия, в которых действуют арабские коммунисты, возникают новые проблемы.

Но коммунисты Арабского Востока подготовлены к решению этих задач. Они прошли через труднейшие испытания, накопили богатый опыт борьбы против колониализма, за достижение национального суверенитета, борьбы как за общенациональные, общедемократические интересы, так и за жизненно важные интересы трудящихся масс. Своей неутомимой, самоотверженной, связанной нередко с огромными лишениями и даже жертвами борьбой за национальный и социальный прогресс, за демократию коммунисты завоевали авторитет в массах, превратились в реальный фактор политической жизни своих стран, в важный отряд мирового коммунистического движения.

Возникновение коммунистического движения

Возникновение коммунистического движения на Арабском Востоке неотделимо от процессов революционного обновления

мира, в том числе его колониальной периферии, вызванных Великой Октябрьской социалистической революцией. Начавшийся в 1917 г. переход к социализму в мировом масштабе оказал огромное влияние на подъем арабского национально-освободительного движения, которое, в свою очередь, стало составной частью общемировой борьбы против империализма, за социальное освобождение человечества.

К началу 20-х годов раздел Арабского Востока между империалистическими государствами практически завершился. В результате первой мировой войны в этом районе укрепились Англия и Франция в ущерб интересам Германии. Османская империя распалась, и бывшие турецкие владения были оккупированы британскими и французскими войсками, в них создавалась колониальная администрация.

На Аравийском полуострове возникли два самостоятельных государства — Йемен и Саудовская Аравия. В остальных районах Арабского Востока достижение странами политической независимости оставалось делом будущего. Первые патриотические организации, возникшие во второй половине XIX в., занимались в основном легальной просветительской деятельностью. Создавались они преимущественно из представителей зажиточных слоев населения, а идеи национального освобождения выражались ими нередко в апелляциях к историческому прошлому арабов, в частности к былому величию Халифата. По причине социально-экономической отсталости и связанной с ней слабой классовой дифференциации стремление к национальному освобождению проявлялось в формах традиционного сознания, в частности в религиозной форме. В то же время передовая часть арабского общества еще до первой мировой войны познакомилась с социалистическими идеями, влияние которых ощущалось в политической жизни таких стран, как Сирия и Египет. Однако эти идеи еще только начинали проникать в сознание народных масс и воспринимались поначалу лишь незначительной частью патриотического движения.

В 20-е годы на Арабском Востоке наблюдается мощный подъем национально-освободительной борьбы. Огромное влияние оказала на него Великая Октябрьская социалистическая революция. Выдвинутые ею принципиально новые решения в области национальных и социальных отношений нашли глубокий отклик в арабских странах. Помимо вдохновляющей силы примера Великий Октябрь обусловил также изменения в соотношении общемировых сил, создавшие гораздо более благоприятную, чем прежде, обстановку для успешной антиколониальной борьбы.

Повсюду в арабских странах начались крупные выступления против колонизаторов, перераставшие нередко в национальные восстания. К их числу относятся восстание 1920 г. в Ираке, вооруженная борьба сирийского народа в 1922 и 1925—1927 гг. В Марокко в 1921 г. племена области Риф создали независимую

Рифскую республику, успешно сражавшуюся против колонизаторов и павшую в мае 1926 г. под ударами объединенных сил французской и испанской армий.

Хотя подъем арабского национально-освободительного движения в 20-е годы и не привел к ликвидации колониализма в этом районе мира, он заставил империалистические державы маневрировать, пересмотреть некоторые цели и средства своей политики на Арабском Востоке. В отдельных случаях метрополии пошли на создание формально независимых государств, привязав их к себе кабальными договорами. Так, в 1922 г. в Египте, а в 1930 г. в Ираке возникли феодально-монархические режимы, политика которых направлялась фактически иностранными советниками. Создание таких режимов в ряде арабских стран было связано также с попытками обеспечить внутреннюю поддержку колониальной политики наиболее реакционной частью общества — феодалами и компрадорской буржуазией.

С подъемом национально-освободительного движения, накоплением им опыта борьбы, а также вследствие определенных экономических и социальных изменений и по ряду других причин происходили сдвиги в расстановке сил внутри движения. Наиболее отчетливо они проявились, во-первых, в том, что на смену традиционным лидерам освободительной борьбы (феодальные элементы, племенные вожди) пришли представители новых патриотических течений, как правило национально-буржуазных, и, во-вторых, в возникновении и становлении пролетарского течения в национально-освободительном движении в лице организаций рабочего класса, прежде всего коммунистических партий.

Большинство коммунистических партий Арабского Востока образовалось в период между двумя мировыми войнами. Первыми возникли Компартия Палестины (КПП, 1919), Компартия Египта (КПЕ, 1922), Сирийская и Ливанская коммунистические партии (СКП и ЛКП, 1924)¹. В 30-е годы были созданы Иракская коммунистическая партия (ИКП, 1934), компартии Алжира и Туниса. Во время второй мировой войны и сразу же после нее образовались коммунистические партии в Иордании, Марокко и Судане.

Зарождение коммунистического движения на Арабском Востоке происходило в условиях обострения противоречий между империализмом и народами арабских стран, в ходе углубления национально-освободительной борьбы и размежевания в лагере ее участников. К числу внутренних причин, вызвавших появление коммунистического движения, необходимо отнести острые конфликты в общественной жизни арабских стран, в том числе на классовой почве. Эксплуатируемое население не ограничивалось выступлениями против иноземных колонизаторов-поработителей и оказывало сопротивление также местным эксплуататорам, выдвигая задачи социального освобождения. Объективно развитию классовой борьбы способствовал переход на сторону империалистов части местных эксплуататорских слоев, особенно из

стана феодальной и клерикальной реакции, а также крупной торговой буржуазии, стремившихся к компромиссу с колониальной державой. Насаждение проимпериалистических феодально-монархических режимов в ряде арабских стран, таких, как Ирак и Египет, объективно содействовало тому, что национально-освободительная борьба приобретала глубокий социальный смысл, наполнялась антифеодальным, демократическим содержанием. Кроме того, сама колониальная эксплуатация с ростом экономической экспансии империализма на Арабский Восток способствовала обострению классово-борьбы. Сильнее, чем другие общественные классы и слои арабских стран, испытывал на себе национальный и социальный гнет рабочий класс.

На Арабском Востоке рабочий класс в период между первой и второй мировыми войнами был малочислен. Внутренне он был разнороден, крепко связан с непролетарскими слоями населения и испытывал на себе влияние их психологии и политических симпатий. Для роста боевности и сознательности, повышения его роли в национально-освободительной борьбе и превращения в самостоятельную классовую силу большое значение имело то обстоятельство, что национальный и классовый аспекты борьбы пролетариата за свои права тесно переплетались, начиная с первых выступлений. Рабочее движение возникало прежде всего на базе антагонизма с иностранным капиталом. Поэтому на предприятиях иностранных компаний и появились первые рабочие организации — портовиков Басры, Бейрута и Александрии, железнодорожники и строительные рабочие в Ираке и Египте.

Стихийный рост протеста пролетариата сочетался с выступлениями других эксплуатируемых слоев населения арабских стран — беднейшего крестьянства, интеллигенции, городской полупролетарской и непролетарской бедноты, подталкиваемых на это нищетой, голодом.

Рабочий класс, эксплуатируемые слои города и деревни составили основную социальную базу коммунистических партий на Арабском Востоке. VI конгресс Коминтерна (1928) констатировал: «Возникновение и рост городского пролетариата проявляются в волне массовых забастовок, которые впервые прокатились через Палестину, Сирию, Тунис и Алжир. Постепенно, хотя и чрезвычайно медленно, в борьбу вовлекается также крестьянство этих стран»². Проникновение в сознание левого крыла массового патриотического движения социалистических идей привело к образованию коммунистических партий. Из этого с очевидностью вытекает несостоятельность концепций, отрицающих национальный характер арабского коммунистического движения, пытающихся представить его в качестве чужеродной силы³.

Благодаря созданию коммунистических партий и групп в арабских странах возрастало значение и роль рабочего класса в национально-освободительной борьбе, проявлялась его политическая самостоятельность. Конечно, на этапе возникновения и

становления компартий задача превращения их в авангард антиколониального движения была отнюдь не простой. Партии были малочисленны. Например, в Египте в 1924 г. было 700, а в Палестине только 100 коммунистов⁴. Давали себя знать трудности роста, в частности леваческие и сектантские тенденции, попытки «перескочить» через этап национального освобождения, вести борьбу сразу за пролетарскую революцию⁵. Вставала задача преодоления этих негативных тенденций, идейного и организационного укрепления компартий, усиления их связей с массами. Кроме того, подавляющее большинство компартий арабских стран сразу же после своего создания подверглось жесточайшему террору и полицейским преследованиям.

Большую роль в пропаганде идей научного социализма в странах региона и в усилении арабского коммунистического движения сыграл Коминтерн. От него исходили общие стратегические установки, которые послужили основой для ряда конкретных политических программ арабских компартий, способствовали идейно-политическому и организационному укреплению молодых коммунистических организаций, помогали воспитанию кадров пролетарских революционеров. Школу Коминтерна прошли многие коммунисты, ставшие впоследствии видными деятелями арабского коммунистического движения. Положению на Арабском Востоке и задачам арабских компартий уделяли большое внимание такие видные деятели и руководители Коминтерна, как Г. Димитров, О. Куусинен, Ван Мин и др. Некоторые их советы и рекомендации актуально звучат и сегодня, показывая пример творческого применения в своеобразной действительности бывших колоний и полуколоний общих принципов марксистско-ленинской стратегии и тактики. Характерна, например, постановка проблемы арабского единства в выступлении Ван Мина на VII Конгрессе Коминтерна (1935). В частности, он указывал: «...несмотря на то, что отдельные страны Арабского Востока находятся под властью различных империалистических держав, все они связаны между собой географическим положением, общностью языка, истории и революционных традиций. Отсюда вытекает, что арабские коммунисты, ведя работу по созданию народного антиимпериалистического фронта в каждой из этих стран, в то же время должны объединять свои усилия и добиваться координации антиимпериалистической борьбы во всех этих странах, должны стремиться к установлению народного антиимпериалистического фронта во всеарабском масштабе. Арабские коммунисты должны выработать такую программу требований, которая могла бы послужить платформой для объединения всех антиимпериалистических сил арабских стран»⁶.

В создании и становлении компартий арабских стран наряду с Коминтерном важную роль сыграли отдельные коммунистические партии западных метрополий. Они способствовали формированию коммунистического авангарда национально-освободительного движения в колониальных владениях. Так, Француз-

ская компартия создала в 1920 г. свои секции в Алжире и Тунисе, из которых соответственно в 1936 и 1939 гг. образовались самостоятельные партии.

Арабское коммунистическое движение стояло перед необходимостью определить главную стратегическую цель борьбы рабочего класса региона, а также характер предстоящего этапа революции. После известных левацких перегибов в трактовке этого вопроса, выразившихся, в частности, в выдвигании лозунгов «рабоче-крестьянского правительства» и требования осуществления социальной революции до завоевания национальной независимости, а также в сектантском отношении к возможности совместных действий и коалиций с национальной буржуазией, арабские коммунисты заложили прочные программно-теоретические основы своей борьбы⁷ В феврале 1936 г. состоялась конференция представителей арабских компартий — членов Коминтерна. В принятой на ней резолюции указывалось, в частности: «Компартии арабских стран должны понять, что борьба против империалистического гнета и за национальную независимость является доминирующим вопросом во всей их деятельности и показателем их политического веса в стране и что от правильного подхода к этому вопросу и активности в борьбе за национальную независимость зависит судьба самих компартий в арабских странах... Компартии должны радикально изменить свое отношение к национал-революционным организациям и партиям и свою тактику и подход к национал-реформистам. Коммунистам арабских стран необходимо обеспечить тесное сотрудничество с национал-революционерами, добиваться совместных выступлений с национал-реформистскими организациями, поддерживать требования этих организаций, направленные против позиций империализма»⁸.

Осуществляя совместно разработанные стратегические установки, ряд арабских коммунистических партий сумел существенным образом перестроить свою работу, консолидироваться в идейно-политическом и организационном плане, освоить новые формы и методы деятельности и укрепить свои связи с массовым национально-освободительным движением и его различными течениями.

Так, в середине 30-х годов происходит резкий подъем национально-освободительного движения Сирии и Ливана. Активной силой в этом движении стала компартия. Совместно с представителями других партий коммунисты занимались организацией забастовочного движения, выступлений крестьян и безработных, демонстраций под лозунгами борьбы против колониализма и сионизма, растущей фашистской угрозы. Хотя официальное сотрудничество между коммунистами и национально-буржуазными партиями не было обусловлено, компартии удавалось добиваться единства действий в рамках крестьянских комитетов, комитетов борьбы против сионизма, комитетов в защиту Эфиопии от агрессии итальянского фашизма и в других формах.

Особенно действенным стало антиимпериалистическое единство различных течений в ходе массовой антиколониальной борьбы сирийского народа в середине 30-х годов. В начале 1936 г. в стране вспыхнула всеобщая забастовка, которая продолжалась свыше месяца. В ряде мест произошли вооруженные столкновения масс с колониальными властями. Это вынудило французскую администрацию пойти на уступки. В Сирии было создано правительство из представителей национально-буржуазной партии — Национального блока, а в сентябре 1936 г. подписан франко-сирийский договор, предусматривавший отмену французского мандата. Однако после поражения Народного фронта во Франции этот договор не был ратифицирован. Тем не менее компартия накопила важный опыт массово-политической работы в гибких формах и политического сотрудничества с представителями других течений освободительного движения, который был ею эффективно использован в годы второй мировой войны при создании Лиги борьбы с фашизмом и сионизмом.

В Алжире коммунисты внесли большой вклад в создание антифашистского Народного фронта и оказали поддержку патриотическим течениям, в частности Мусульманскому конгрессу. В октябре 1934 г. они заключили с социалистами соглашение о единстве действий, которое стало зародышем Народного фронта. Деятельность коммунистов по созданию Фронта была тесно связана с подъемом рабочего движения, борьбой против наступления реакции, выразившегося в активизации разного рода фашистских группировок. Победа Народного фронта во Франции позволила перейти к открытой организации массового движения. 7 июня 1936 г. коммунисты Алжира совместно с буржуазно-националистическими организациями образовали Мусульманский конгресс, принявший программу-минимум реформ, подлежащих осуществлению в различных областях. По инициативе конгресса в стране прошли массовые демонстрации против колониального режима и фашистской опасности. Коммунисты, выступив решительно против фашистских союзов, субсидируемых крупными колонистами, стремились координировать деятельность комитетов Народного фронта, в которых объединились прогрессивно настроенные европейские рабочие и представители интеллигенции, с действиями Мусульманского конгресса. Правда, создать прочный союз всех направлений сил национально-освободительного и демократического движения не удалось. Политическая платформа Мусульманского конгресса носила реформистский характер, в ней отсутствовал наиболее важный элемент, который мог бы способствовать сплочению антиколониальных и антифашистских сил алжирского народа, — требование независимости Алжира. В 1937 г. начался распад Конгресса, а после раскола Народного фронта во Франции он самораспустился. Тем не менее активная роль коммунистов в создании Конгресса и в налажива-

нии отношений сотрудничества между различными партиями позволила им заметно расширить свое влияние на патриотическое движение масс. Алжирские коммунисты внесли вклад в борьбу против фашизма, сражаясь в рядах интернациональных бригад в Испании, а позднее — против германского и итальянского фашизма и режима Виши.

Для коммунистического движения Ирака стратегические устанавки VII Конгресса Коминтерна и конференции представителей арабских компартий имели также важное значение. Созданная в 1934 г. Иракская компартия (ИКП) сразу же подверглась ожесточенным атакам со стороны проанглийского феодально-монархического режима. В этих условиях в партии возникли разброд и шатания. Задачу консолидировать партию, укрепить ее идейно и организационно взяла на себя группа коммунистов во главе с одним из основателей ИКП — Юсефом Сальманом Юсефом (Фахидом). Настойчиво добиваясь усиления роли коммунистов в антиимпериалистическом и антифеодальном движении, в деятельности массовых общественных организаций, в том числе рабочих профсоюзов, она выполнила эту задачу. В апреле 1944 г. состоялась национальная партконференция, а в апреле 1945 г. — I национальный съезд ИКП.

Съезд принял устав партии и ее программу — «Национальную хартию». Требования Хартии — завоевание подлинной национальной независимости Ирака и других арабских стран, создание в стране демократического правительства, проведение социально-экономических преобразований прогрессивного характера, решение национального вопроса демократическим путем и т. д. — выражали интересы всех участников патриотического движения в стране. Съезд призвал к сплочению национальных сил, к созданию единого патриотического фронта.

В целом на этом этапе деятельности компартии Арабского Востока активно включились в антиколониальную борьбу и сыграли в ней значительную, а во многих случаях и авангардную роль. Важный итог этого этапа состоит в том, что компартии, несмотря на сильный натиск империалистических и реакционных кругов, преодолевая собственные слабости и ошибки, смогли консолидироваться, твердо встать на позиции рабочего класса, обеспечить его идейное и политическое представительство в освободительном движении⁹. В исторически короткий срок компартии превратились в неотъемлемую часть арабского национально-освободительного движения, хотя и не сумели стать его ведущей политической силой.

Накопленный коммунистами Арабского Востока опыт имел большое значение в послевоенные годы, ознаменовавшиеся мощным размахом национально-освободительного движения, ликвидацией подавляющим большинством стран региона колониальной или полуколониальной зависимости. Послевоенное развитие арабских стран во многом предопределялось изме-

нишимся соотношением сил в мире в пользу социализма, демократии, национального освобождения и прогресса.

В результате усилившейся освободительной борьбы одно за другим возникали самостоятельные государства: в 1946 г. — Сирия и Ливан, в 1952 г. — Ливия, в 1956 г. — Судан, Марокко и Тунис, в 1961 г. — Кувейт, в 1962 г. — Алжир. На послевоенной волне национально-освободительного движения складывались предпосылки для свержения проимпериалистических феодально-монархических режимов. 23 июля 1952 г. патриотическая организация «Свободные офицеры» во главе с Г. А. Насером свергла короля Фарука в Египте. 14 июля 1958 г. пал проанглийский монархический режим в Ираке.

В массовом движении, направленном на завоевание и укрепление национальной независимости арабских стран, коммунисты играли важную роль. В своих программах они четко выражали главные требования этапа национального освобождения и последующего независимого развития. Тем самым коммунисты способствовали радикализации задач всего освободительного движения, росту политического сознания его участников. Самоотверженность коммунистов, их твердость и решимость отстаивать дело национального освобождения арабских народов фактически выдвинули их на позиции авангарда в антиимпериалистическом движении, хотя идейно и политически оно оставалось под контролем непролетарских национально-революционных сил. Отличительная черта деятельности арабских коммунистов в послевоенные годы состоит в том, что они были инициаторами и наиболее последовательными поборниками единства действий патриотических сил региона, выдвигали конкретные программы политического сотрудничества, а нередко добивались и создания национальных фронтов.

Стратегия единых антиимпериалистических действий, которую осуществляли арабские компартии, покоилась на принципиальных установках VII конгресса Коминтерна и богатом довоенном опыте. Наряду с этим она, как правило, применялась творчески, с учетом изменившейся глобальной обстановки и новой расстановки сил в арабском регионе. В частности, она учитывала факт постепенного отхода от участия в патриотическом движении крупной местной буржуазии, которая пришла к власти в союзе с докапиталистическими эксплуататорскими слоями и враждебно относилась к попыткам дальнейшего развития и углубления национально-освободительной революции. Поэтому стратегической целью коммунистов на этом этапе стало создание в арабских странах национально-прогрессивных режимов, опирающихся на патриотические, радикально настроенные слои населения, и изоляция, в том числе от политической власти, сил, теряющих антиимпериалистические потенции. Эта борьба коммунистов увенчалась успехом: в ряде арабских стран, таких, как Ирак, Йордания, Сирия, были созданы единые антиимпериалистические фронты.

В Сирии в конце 40-х — начале 50-х годов в ходе борьбы против империалистической угрозы национальному суверенитету и против продажной, предательской политики крупной местной буржуазии и феодально-помещичьих кругов налаживалось сотрудничество СКП с другими национально-патриотическими и демократическими силами страны. В 1954 г. была свергнута проимпериалистическая военная диктатура Адиба Шишекли и установлен антиимпериалистический буржуазно-демократический режим. В 1956 г. в рамках парламента образовался Национальный блок, в который вошли наряду с компартией Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ), другие демократические партии, а также независимые политические деятели патриотической ориентации. Национальный блок ставил перед собой задачу укреплять независимый курс нового режима, развивать отношения с СССР.

Иракская компартия в борьбе за подлинную независимость страны проводила линию на сплочение антиимпериалистических и демократических сил в рамках Единого фронта. Его основные цели были сформулированы в апреле 1945 г на I съезде ИКП. Они сводились к отмене кабального англо-иракского договора 1930 г. и к обеспечению подлинно национального суверенитета Ирака, выдворению иностранных советников и эвакуации иностранных военных баз, установлению демократического строя путем свержения феодально-монархического режима при отмене репрессивных законов и легализации политических партий.

Однако коммунистам не сразу удалось добиться единства действий с другими, прежде всего национально-буржуазными, партиями, которые в течение ряда лет игнорировали ИКП или выдвигали такие проекты сотрудничества, которые фактически преследовали цель ликвидировать компартию как самостоятельную политическую силу. Подъем национально-освободительного движения в стране, укрепление позиций компартии в массах заставили либерально-буржуазную и мелкобуржуазно-националистическую оппозицию монархическому режиму пойти на установление контактов с ИКП, а затем и на расширение сотрудничества с ней. В 1954 г. при активном участии иракских коммунистов была создана избирательная коалиция, которая получила на парламентских выборах 10 мандатов. Во время национального восстания осенью 1956 г. ИКП выросла не только в авангардную, но и в ведущую, организующую силу иракского антиимпериалистического, общедемократического движения. Политические и тактические выводы, сделанные компартией после поражения восстания, были признаны правильными и взяты на вооружение другими патриотическими партиями.

В марте 1957 г. в Ираке был создан Фронт национального единства (ФНЕ), в который наряду с ИКП вошли Партия арабского социалистического возрождения (Баас), Национально-демократическая партия и Партия независимости (Истик-

ляль). Цели фронта состояли в свержении монархического режима и в установлении республиканского строя, отмене навязанных стране империализмом неравноправных договоров и соглашений и выходе Ирака из Багдадского пакта, в отмене чрезвычайных законов, предоставлении демократических свобод и реабилитации политических заключенных и эмигрантов. Основная часть этих целей была достигнута в ходе революции 14 июля 1958 г., осуществленной движением «Свободные офицеры» совместно с ФНЕ.

В Иордании в 1956 г. также был создан Национальный фронт, включавший Иорданскую компартию, Национальную партию и независимых патриотических деятелей. Национальный фронт выражал интересы широких народных масс, стремившихся к достижению подлинной национальной независимости и демократизации политической жизни в стране. Фронт представлял собой политическую базу правительства Национального единства во главе с С. Набулси, которое, приступив к деятельности в октябре 1956 г., предприняло меры, направленные на ослабление позиций британского империализма в стране. Правительство С. Набулси расторгло неравноправные военно-политические и финансовые соглашения с Великобританией, отказалось от участия в Багдадском пакте и заявило о готовности установить дипломатические отношения с СССР и другими социалистическими странами. Во внутривнутриполитической области оно провозгласило буржуазно-демократические свободы, в частности легализовало политические партии, в том числе ИКП, и начало чистку госаппарата от проанглийских и иных реакционных элементов.

Интересный пример тактики в осуществлении единства антиимпериалистических сил дает деятельность Алжирской компартии (АКП) с конца 40-х годов. В июле 1946 г. пленум ЦК АКП выдвинул лозунг о создании независимой Алжирской Народной Демократической республики и разработал «политику единства», предусматривавшую создание Национально-демократического фронта за свободу, землю и хлеб¹⁰. В числе основных целей Фронта коммунисты выдвигали создание национального правительства и парламента, вывод колониальных войск и ликвидацию французской колониальной администрации, устранение иностранного вмешательства в дела мусульманской религии и признание арабского языка официальным наряду с французским. На этой платформе АКП добивалась сотрудничества с Движением за торжество демократических свобод, Демократическим союзом Алжирского манифеста, Ассоциацией улемов. Требование создать Фронт, как подчеркивал секретарь ЦК АКП А. Муан, не было «маневром временной или просто избирательной тактики. Для нас Алжирский фронт — это прочный союз рабочего класса, крестьян, национальной буржуазии против одного врага: колонизаторов»¹¹

Инициатива коммунистов создать Единый фронт натолкну-

лась на обструкционистскую позицию национально-буржуазных партий, не желавших сотрудничать с АКП. Это была попытка, характерная не только для алжирских национально-буржуазных сил, отстранять при наличии малейшей возможности коммунистов от участия в национально-освободительной борьбе, игнорировать их как национальную политическую силу. Эта тенденция преодолевалась посредством роста влияния компартии в массах, с чем вынуждены были считаться другие партии.

Наряду с этим следует отметить недоверие к коммунистам со стороны национально-революционных организаций, в частности Фронта национального освобождения (ФНО). Оно возникло вследствие недостаточно четкой позиции АКП в отношении ведения национально-освободительной войны против колонизаторов, наличия у части деятелей ФНО антикоммунистических предрубеждений.

Дело в том, что начавшееся в 1954 г. вооруженное восстание алжирского народа под руководством ФНО против французских колонизаторов застало врасплох легальные партии, а также руководство АКП, которое в свое время не рассматривало вопрос о вооруженной борьбе, считая, что победа в Алжире будет достигнута автоматически после свершения демократической революции во Франции¹². Между тем низовые организации АКП в первые же дни восстания включились в борьбу, начали оказывать помощь отрядам Армии национального освобождения (АНО) оружием, медикаментами и продовольствием. Это сотрудничество послужило основой для состоявшихся в 1956 г. переговоров между руководителями АКП и ФНО, в результате которых было достигнуто соглашение о включении боевой организации компартии в состав военных формирований ФНО. ЦК АКП пошел на уступки руководству ФНО, согласившись с требованием, чтобы бойцы-коммунисты не поддерживали связей с АКП до окончания вооруженной борьбы. В то же время ЦК АКП отклонил предложение руководства ФНО о самороспуске партии и об индивидуальном вступлении ее членов во Фронт национального освобождения¹³.

Подъем национально-освободительной борьбы и установление патриотических режимов в ряде арабских стран вызвали глубокое беспокойство международных империалистических кругов, увидевших в этом прямую угрозу для своих позиций в регионе. Империализм попытался силой оружия приостановить этот процесс. В 1956 г. была совершена тройственная англо-франко-израильская агрессия против Египта, в 1958 г. английские войска высадились в Иордании. В середине того же года морская пехота США вторглась в Ливан. Но, как известно, замыслы империализма не удались.

В эти же годы активизировали свою работу коммунисты. Они достигли немалых успехов в распространении идей научного социализма, несмотря на объективные трудности, связан-

ные с неграмотностью большинства населения, и сильное влияние на арабское население традиционных форм общественного сознания, в том числе религии. Продолжалось организационное и идейно-политическое укрепление самих партий; в ряде стран возникли или были воссозданы коммунистические организации. Благодаря политике союзов ширилось влияние коммунистов в массах, возрастала их роль в различных общественных демократических организациях, прежде всего в рабочих профсоюзах, федерациях молодежи и движениях сторонников мира. Значительная часть рабочего класса поддерживала лозунги компартий.

Коммунисты получили возможность активно воздействовать на политику патриотических режимов и движений в арабском мире, поддерживая их прогрессивные и антиимпериалистические шаги. Так, во многом благодаря коммунистам в 50-е годы окрепли и расширились дружественные связи арабских стран с социалистическими государствами, прежде всего с СССР. Отражением влияния компартий в массах стала важная роль коммунистов в антиимпериалистических фронтах, высокий авторитет многих видных деятелей арабского коммунистического движения.

Но, выйдя на новые рубежи в укреплении своих позиций в массах, арабское коммунистическое движение тут же подверглось ударам со стороны сил внешней и внутренней реакции. Следствием развязанного реакцией террора был уход ряда компартий в подполье, многим их руководителям пришлось эмигрировать. От рук реакции погибли видные деятели компартий Арабского Востока: секретарь ЦК КП Сирии и Ливана Фараджалла Хелу, первый секретарь ЦК Иракской компартии Салям Адиль и др. Характерным для антикоммунистической кампании тех лет было то, что реакция предпочитала расправляться с коммунистами подчас руками мелкобуржуазных националистов. Так, она стремилась провоцировать, разжигать разногласия между коммунистами и их союзниками из национально-революционных движений. Часть этих союзников была, в свою очередь, напугана ростом влияния коммунистов и шла ради ликвидации компартий на определенное взаимодействие с махровыми реакционерами, злонамеренно раздувавшими отдельные тактические просчеты и ошибки компартий. Были, например, раздуты разногласия между египетскими коммунистами и сторонниками Насера, что повлекло за собой репрессии против компартии.

В Ираке после победы революции 14 июля 1958 г. Фронт национального единства распался в связи с выходом из него партии Баас; восстановить же ФНЕ коммунистам не удалось из-за обетрукционистской позиции национально-буржуазных партий. В 1959 г. правительство Касема развернуло широкую кампанию преследований коммунистов, вынудив ИКП перейти в 1960 г. на нелегальное положение.

Инициаторам и организаторам похода против коммунистов, однако, не удалось ликвидировать компартии; хотя в ряде стран коммунисты оказались в чрезвычайно трудном положении. Отдельные компартии были серьезно ослаблены, обескровлены, утратили часть союзников по антиимпериалистической борьбе, лишились важных каналов выхода на массы. Так возникла необходимость осуществить организационную перестройку партий с учетом изменившихся конкретных условий, накопить силы и восстановить связи с массовым движением.

Наряду с этим в арабском национально-освободительном движении продолжала набирать силу прогрессивная тенденция. И связана она была с деятельностью как коммунистов, так и революционных демократов. В 60-е годы наблюдался быстрый рост революционно-демократических партий и организаций. В некоторых случаях им удалось взять в свои руки власть, провозгласить курс на социалистическую ориентацию и осуществить ряд глубоких социально-экономических преобразований. В то же время крупная буржуазия, которая в союзе с докapiталистическими эксплуататорскими слоями пыталась взять в свои руки власть на Арабском Востоке, обанкротилась как политическая сила. Таким образом, происходила важная перегруппировка классовых сил в арабском национально-освободительном движении.

Современные социально-политические условия деятельности коммунистического движения

Оценивая изменения в расстановке классовых сил на Арабском Востоке, участники Совещания коммунистических и рабочих партий арабских стран в апреле 1978 г. отмечали: «Арабское национально-освободительное движение обогатилось глубоко прогрессивным содержанием. Это связано с происшедшей внутри него перегруппировкой социальных сил, когда рабочий класс и массы трудящихся, революционная интеллигенция и широкие слои мелкой буржуазии города и деревни начали занимать все более передовые позиции в ходе современного общественного развития»¹⁴. В этом важном выводе правильно указывается на главную тенденцию в динамике социально-политического развития стран Арабского Востока после достижения ими независимости, в то же время арабские коммунисты истолковывают данное положение с учетом неравномерности экономического и социально-политического развития стран региона. Общее направление социальных сдвигов в арабских странах с начала 70-х годов можно обозначить как размывание, разложение традиционных, докapiталистических общественных структур и формирование классов и слоев, опирающихся на современные экономические уклады. Этот процесс оказывает непосредственное и достаточно противоречивое влияние на фор-

мирование массовой базы антиимпериалистического движения и расстановку сил в нем, на условия деятельности коммунистических партий.

Видимую и статистически легко улавливаемую часть изменений составляет значительный перелив сельского населения в города. Он происходит в результате расслоения крестьянства и пауперизации части его, распада общинных отношений. Однако, как уже ранее отмечалось, далеко не все выходцы из деревни, попадая в город, находят там работу. Многие пополняя ряды деклассированного городского населения, не приобретая ни определенного социального статуса, ни прочной экономической основы для существования. Прозябание на грани нищеты вызывает у них острую неудовлетворенность своим положением, которая перерастает порой в бурный протест против существующих порядков.

Важнейшим результатом сдвигов в социально-классовой структуре стран Арабского Востока стал количественный рост рабочего класса. По оценкам, в начале 80-х годов его численность составила в Египте более 2 млн. человек, в Ираке и Алжире — около 1 млн., в Сирии — 750 тыс., в Тунисе — до 600 тыс. человек. Изменяется и внутренняя структура рабочего класса: в нем формируется кадровое ядро, растет удельный вес квалифицированных рабочих, увеличивается доля занятых в современном, технически передовом промышленном производстве. Одновременно наблюдается замедленное преодоление внутренней неоднородности рабочего класса из-за разнообразия социальных источников, из которых пополняются его ряды, и отраслевой неравномерности его роста. Так, опережающими темпами растет численность рабочего класса сферы услуг. По-прежнему высока доля рабочих, занятых на мелких и мельчайших предприятиях.

Показателен в этом отношении пример Иордании, где в 1980 г. насчитывалось 1085 предприятий с 5 рабочими каждое, 4057 предприятий — менее чем с 5 занятыми, причем свыше половины этих предприятий входило в сферу услуг¹⁵. Значительную часть рабочего класса образуют поденные и сезонные рабочие, а также пограничные с непролетарской массой слои. Среди рабочих стран Арабского Востока высок уровень неграмотных. Все это тормозит рост классового сознания рабочих, отрицательно сказывается на возможностях охвата рабочих профессиональными организациями.

Немаловажные последствия для развития рабочего класса имеют миграционные процессы, вызванные появлением в ряде стран региона избыточной рабочей силы при ее существенной нехватке в других, главным образом нефтедобывающих, странах, переживавших промышленный и строительный бум. В 70-х — первой половине 80-х годов миграция шла в основном по двум направлениям: из арабских стран, в частности стран Магриба, в Западную Европу и из арабских, а также ряда ази-

атских стран — в арабские нефтедобывающие государства Персидского залива.

Некоторые арабские страны постоянно «выбрасывают» за свои пределы значительную часть активного населения. Так, в начале 80-х годов примерно на 600 тыс. рабочих и 170 тыс. безработных тунисцев приходилось около 300 тыс. работающих за границей — в арабских и европейских странах. Число эмигрантов из ЙАР составляет около 1,2 млн. человек. Это в основном крестьяне, которые в подавляющем большинстве выступают за пределами страны в качестве наемных рабочих. Следует заметить, что миграция имеет социально-политические последствия как для стран, которые экспортируют рабочую силу, так и для тех, кто импортирует ее. Активизация египетской эмиграции, например, в Саудовскую Аравию и другие страны Персидского залива в 70-х — начале 80-х годов привела к известному усилению пробуржуазных настроений в тех слоях египетского общества, которые составляли костяк движения, возглавлявшегося Г. А. Насером. Отъезд на временные заработки затронул значительную массу египетского крестьянства, а также студенчества, интеллигенции, городской молодежи. Политические позиции многих эмигрантов, возвращающихся на родину, модифицируются в связи с новыми аспектами в их социальном положении, которые появляются при использовании ими накопленных денежных средств. По мнению палестинского журнала «Аль-Хадаф», «наличие за границей четырех миллионов египтян, кормящих четыре миллиона семей внутри страны, непосредственно способствует сглаживанию остроты классовой борьбы в Египте... С другой стороны, присутствие этого громадного количества людей в нефтяных государствах и получение ими сравнительно высоких окладов помогает распространению и укоренению политики „инфитаха“ (открытых дверей) и потребительских тенденций»¹⁶.

Валютные поступления за счет эмигрантов составляют значительный источник государственного бюджета, ввиду чего экспортирующие рабочую силу арабские государства начинают выказывать повышенное внимание к эмигрантам и пытаются регулировать их политические настроения.

В то же время в ряде случаев арабские рабочие в период пребывания за границей, прежде всего в странах Европы с развитым комдвижением, имеют возможность познакомиться с боевым опытом местного пролетариата и отчасти перенять его, получить наглядные уроки классовой организации и международной солидарности.

Что касается стран, куда направляется поток миграции, то в них она заметно влияет на социально-политические условия формирования антиимпериалистического и демократического движения. Доля иностранцев в числе занятых в некоторых из стран весьма значительна. Так, в начале 80-х годов она составила в Катаре 81,1%, в ОАЭ — 84,8, в Кувейте — 69,3 и в Сау-

довской Аравии — 43%. На Бахрейне в 1971—1981 гг. численность иностранных рабочих возросла с 22 тыс. до 31 тыс. человек, их доля в рабочем классе страны увеличилась соответственно с 37 до 57%¹⁷.

Во многом характерна для этой группы стран ситуация, сложившаяся в рабочем движении Бахрейна. В частности, арабская коммунистическая печать отмечает фактическое неучастие половины рабочего класса в различных формах классовой борьбы, трудность охвата иностранных рабочих профессиональными организациями и их разобщенность ввиду наличия представителей более 40 различных национальностей. Такое положение используется предпринимателями и властями для установления контроля над рабочим классом, его ослабления как политической силы и в целях консервации архаичных общественных отношений¹⁸. Естественно, что в подобных условиях повышение уровня классового сознания, возрастание роли рабочего класса в обществе непропорционально его количественному росту.

Под влиянием указанных факторов складываются некоторые специфические черты организованного рабочего движения. В большинстве стран Арабского Востока оно включает в себя далеко не всех рабочих, а, как правило, лишь занятых в государственном секторе и в крупных частных компаниях. Персонал мелких частных предприятий, составляющий нередко почти половину общего числа рабочих в этих странах, обычно не организован.

В самом профсоюзном движении сохраняются, а кое-где и усиливаются социал-реформистские тенденции. Социальной средой для них служат выходцы из мелкобуржуазных слоев населения и привилегированная часть рабочих, формирующаяся не без воздействия определенной политики предпринимателей, направленной на разобщение пролетариата и насаждение в его рядах своей агентуры наподобие европейской «рабочей аристократии» начала XX в. Реформистские настроения получают поддержку со стороны социал-реформистских профсоюзов развитых капиталистических стран, которые усилили внимание к деятельности Международной конфедерации арабских профсоюзов (МКАП). Западноевропейская социал-демократия непосредственно и через Социнтерн также стремится к развитию связей с партиями и организациями социал-демократического и буржуазно-реформистского толка в арабских странах.

Определенный урон боевитости рабочих профсоюзов наносит то обстоятельство, что в большинстве стран региона профсоюзы формируются не по классовому, а по отраслевому признаку, при этом включают в себя наряду с рабочими представителей технической интеллигенции и административного персонала предприятий, а иногда и предпринимателей. В ряде стран происходит огосударствление профсоюзов: они либо курируются государственными учреждениями, либо включены в государст-

венный аппарат. В некоторых странах рабочие профсоюзы находятся под запретом, а профсоюзные деятели подвергаются репрессиям.

Но, несмотря на все эти трудности, рабочее движение все в большем числе арабских стран превращается в самостоятельную политическую силу. Ширится забастовочная борьба рабочего класса под лозунгами, отражающими насущные интересы рабочих и патриотические устремления широких народных масс к освобождению своих стран от неокOLONиальной зависимости.

Разумеется, не всегда выступления рабочих бывают зрелыми. На них отражаются особенности этапа развития арабских стран, для которого характерны еще не преодоленные архаичные социальные отношения, неразвитые формы общественного сознания и выражения политического и социального протеста. Примечательна в этом смысле противоречивость в характере массовых выступлений населения Восточной провинции Саудовской Аравии, проявившаяся в ноябре 1979 г., когда конфессиональная форма движения прикрывала его антимонархическое содержание.

В ряде стран Арабского Востока рабочее движение с середины 70-х годов защищало главным образом прогрессивные завоевания, достигнутые в предшествующий период. Рабочий класс стойко сопротивлялся попыткам отменить законодательство, принятое в свое время в интересах трудящихся, выступал в защиту государственного сектора экономики, за сохранение завоеванных социальных прав. Прошедшие классовые бои показали расширившиеся возможности рабочего класса как самостоятельной силы, способной стать преградой на пути реакции. В Египте, например, пролетариат сопротивлялся актам денационализации, проводившейся Садатом, выступал против антинационального кэмп-дэвидского курса, направленного на усиление связей страны с империализмом и на сотрудничество с Израилем. Достижению возможно более ощутимых результатов в этой борьбе помешала недостаточная согласованность действий рабочего класса АРЕ в общенациональном масштабе.

Яркий пример сочетания национальных и социальных требований дает борьба палестинского рабочего класса на территориях, оккупированных Израилем в 1967 г. В конце 70-х — начале 80-х годов там прокатилась мощная волна демонстраций и забастовок арабского населения, в которой рабочий класс показал себя самостоятельной силой в борьбе за национальное освобождение и независимость, за политическое и социальное равноправие.

В целом можно констатировать, что современное социально-политическое развитие стран Арабского Востока демонстрирует количественный и качественный рост пролетариата, усиление его самостоятельной роли в жизни общества. Это, несомненно, создает определенные предпосылки для укрепления позиций партий рабочего класса.

Ряд важных черт современной социально-политической ситуации в странах Арабского Востока проявляется в результате углубившейся классовой дифференциации, затронувшей как мелкобуржуазные слои города и деревни, так и традиционные феодальные верхи общества. Одной из сторон процесса дифференциации стал в последние годы ускорившийся рост различных фракций буржуазии — сельской, бюрократической, паразитической и даже монополистических и государственно-монополистических буржуазных элементов, тесно связанных с международным монополистическим капиталом и в силу этого обстоятельства образующих слой «неокомпрадоров». Анализируя предварительные итоги еще не завершившегося процесса проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство арабских стран, французский исследователь А. Греш констатирует возникновение в арабской деревне новых аспектов острой классовой борьбы, которая «противопоставляет друг другу бедных крестьян и новую буржуазию... Богатые крестьяне захватывают в свои руки рычаги управления аграрной реформой, устанавливая контроль над кооперативами, обходят законы, ограничивающие размеры собственности, и вступают в союз с бывшими феодалами»¹⁹.

Постепенное обуржуазивание наблюдается и в господствующих слоях феодальных монархий нефтедобывающих государств Персидского залива. В Саудовской Аравии, по сути дела, правящий королевский клан превращается постепенно в часть международного класса монополистической буржуазии. По мнению В. Озолинга, в современной ситуации капиталистического развития нефтедобывающих стран Аравии государственно-капиталистический сектор (подчас в своеобразной феодальной оболочке) занял господствующие позиции; но, став капиталистическим по содержанию, он «все еще остается не совсем буржуазным по форме»²⁰.

Как известно, в стратегии экономического развития капиталистически ориентированных нефтедобывающих стран Персидского залива важнейший элемент — идея «партнерства» с иностранным капиталом, курс правящих верхов на расширение прямых связей между местным капиталом и ТНК. В результате, отмечает В. Озолинг, местная буржуазия, особенно ее верхушка, приобретает компрадорский характер, занимает в целом подчиненное положение по отношению к западному монополистическому капиталу, империализму вообще. Это «тормозит и частично нейтрализует естественное в капиталистических странах стремление буржуазии к самостоятельности, контролю над политической властью, уменьшению зависимости от иностранного капитала»²¹.

Этим же определяется нейтральное, а зачастую и враждебное отношение «новой» арабской буржуазии к общенациональному движению, направленному против империализма и сионизма, на укрепление политической независимости и экономи-

ческой самостоятельности, на проведение демократических преобразований. Соответственно резко сокращаются возможности привлечения ее к участию в этом движении в какой-либо форме.

Другая сторона процесса классовой дифференциации связана с пауперизацией значительной части мелкобуржуазной массы населения и ее сближением с пролетарскими и полупролетарскими слоями города и деревни. Тем самым расширяется социальная база как для революционно-демократических, так и для патриархально-коммуналистских, право- и левоэкстремистских тенденций в политической жизни арабских стран.

Социальная дифференциация оказала свое воздействие и на арабский национализм, который долгие годы являлся наиболее широким и влиятельным идейно-политическим течением в освободительном движении арабских народов. В последнее десятилетие процесс политического размежевания внутри арабского национализма еще больше усилился под влиянием ускорившейся социальной дифференциации, новой расстановки сил в регионе. Если буржуазное направление арабского национализма переживает, на наш взгляд, глубокий кризис, в нем происходит смещение центра тяжести в сторону реакционных черт его идеологии и политической практики, то для мелкобуржуазных течений характерны иные процессы. Очень важным, хотя и не единственным и не однозначным результатом идейно-политической эволюции как правящих, так и неправящих мелкобуржуазных партий и организаций стал переход части из них на позиции восприятия, в той или иной мере конечно, теории научного социализма.

Показателен в этом отношении путь формирования Йеменской социалистической партии в НДРЙ, где основные революционные организации южнойеменского освободительного движения достигли принципиального согласия об объединении на базе научного социализма. В ходе процесса объединения возрастал удельный вес позитивных, прогрессивных сторон и традиций антиимпериалистической борьбы, осуществлялся переход новой организации с национально-революционных на классовые позиции. Одновременно с этим интернационализм как принцип идеологии и политики постепенно приходил на смену национализму.

Сходные с этим процессы характерны и для эволюции Народного фронта освобождения Омана, Организации коммунистического действия в Ливане, Демократического и Народного фронтов освобождения Палестины. Правда, в различных случаях наблюдается разная степень завершенности такого процесса, да и протекает он противоречиво, в острой борьбе.

Позитивная эволюция некоторых течений арабского национализма объективно не только привела к усилению антикапиталистических, прогрессивных тенденций в освободительном движении региона, но и открыла перспективы широкого поли-

тического сотрудничества коммунистов с другими патриотическими отрядами этого движения, единства действий с ними на длительной стратегической платформе.

Поэтому коммунисты Арабского Востока, отмечая сохранение влияния национализма на массы, а порой и усиление его, в том числе как стихийной реакции непролетарских слоев населения на империалистическое давление и обострение внутренних социальных конфликтов, стремятся выявить, что скрывается за общими националистическими лозунгами, установить классовое содержание различных течений арабского национализма, соотношение в них прогрессивных, демократических, антиимпериалистических тенденций, с одной стороны, и реакционных, антикоммунистических — с другой.

Именно такого подхода, как показывает опыт, требуют интересы единства действий сил, различных по идейно-политическим установкам, но имеющих общую или сходную патриотическую, демократическую платформу; именно такой подход необходим для создания союза с целью успешной борьбы за укрепление национальной независимости и социальный прогресс.

Сложные процессы социальной дифференциации и сопровождающее их обострение классовой борьбы находят отражение и в таких своеобразных формах активности масс, как религиозные движения. В 70—80-е годы в странах Арабского Востока отмечен рост мусульманских политических движений, которые обязаны своим влиянием социальной и культурной отсталости широких слоев населения и прочности укоренившейся религиозной традиции. Внешним стимулирующим фактором для них, несомненно, послужила исламская революция в Иране.

Здесь, как и в случае с арабским национализмом, можно вычленил течения различной, нередко противоположной социально-политической ориентации. Решающим критерием, лежащим в основе отношения к этим течениям, коммунисты считают конкретное политическое содержание, которое вкладывается в те или иные исламские лозунги. Анализ попыток обращения к исламу показывает методологическую плодотворность этой точки зрения. Например, за исламизацией политического режима в Судане в 1983—1984 гг. стояло стремление привлечь на сторону теряющего влияние в массах реакционного режима Нимейри мусульманских традиционалистских лидеров и тем самым стабилизировать политическое положение в стране, закрепить ее консервативный курс.

Среди исламских политических тенденций, проявившихся в последние годы, заметна консервативно-реформистская тенденция. Ее носители нередко пытаются смягчить остроту назревающих в обществе конфликтов апелляцией к первоначальным ценностям ислама, выдвинуть их в противовес распространяющимся демократическим взглядам в сочетании с проведением реформ в сфере распределения.

Одновременно среди исламских политических течений можно выделить патриотическое, демократическое направление. Оно выражает социальный протест трудящихся масс, настроениям которых созвучны некоторые эгалитаристские идеи ислама. На этой основе, например, возникли мусульманские организации патриотического толка в Египте. Усиление консервативных, ретроградных аспектов исламских политических течений создает дополнительные трудности для их сотрудничества с выразителями патриотических, прогрессивных сил арабских стран, и прежде всего коммунистов.

Не ставя перед собой цель исследовать здесь проблему отношения коммунистов к религии, отметим лишь, что В. И. Ленин учил сочетать принципиальное отношение марксистов к религии, вытекающее из их мировоззрения, с доброжелательным, чутким отношением к массам верующих, в том числе мусульман. Широко известно также ленинское указание, что коммунисты должны уделять главное внимание практическому развитию революционного движения масс независимо от степени их религиозности. «Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса,— писал В. И. Ленин,— за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе»²².

Анализируя некоторое оживление исламских политических течений в арабских странах, коммунисты видят социальную подоплеку явления, его истоки в объективных процессах общественного развития, связанных с быстрой, нередко драматической ломкой традиционных общественных структур, и в попытках правящих кругов ряда стран решать сложные проблемы их экономики, социальных отношений, культуры и нравственности на путях буржуазной модернизации и вестернизации образа жизни. Это сопровождается бурным ростом имущественной дифференциации, когда на одном полюсе концентрируются огромные материальные богатства, а на другом — усиливается нищета широких слоев трудящегося населения, осознающих происходящее нередко как следствие отказа от привычного уклада жизни, покушения на традиции, складывавшиеся веками. В документах III съезда Партии прогресса и социализма Марокко (ППС) указывалось, например, что распространению традиционалистских, религиозных политических течений способствует «смятение некоторых кругов мелкой буржуазии, задавленных социально-экономическим кризисом, напуганных внезапными переменами в обществе, сущность, глубинные причины и пути выхода из которых они не понимают...»²³.

Таким образом, религия — а в арабском мире это прежде всего ислам — нередко выступает как форма выражения социального протеста масс. Однако очевидна ее историческая ограниченность. «Традиция как язык массового социального протеста не содержит в условиях современного мира программы позитивных преобразований»²⁴, — отмечает Г. Ф. Ким. Но вы-

ступеня под флагом традиции могут стать промежуточной ступенью в процессе созревания классового самосознания трудящихся масс, о чем в известной мере свидетельствует происходящее размежевание исламских политических течений. Партии пролетарского авангарда в арабском мире активно ищут возможности для ускорения этого созревания путем учета конкретных социальных требований верующих, уважения их религиозных чувств, вовлечения их в борьбу за насущные интересы широких народных масс, против империализма и его агрессивной политики. Тем самым создается основа и для сотрудничества пролетарских революционеров с теми исламскими политическими кругами, линия которых действительно выражает чаяния трудящихся масс.

Уровень общественного развития и происходящие социальные перемены не могут не сказываться на характере политических систем в арабских странах. В 70—80-е годы в них заметно усилилась тенденция к дифференциации. Соответственно разнятся и конкретные условия деятельности коммунистических партий. С той или иной степенью легальности действуют Партия прогресса и социализма Марокко, компартии Туниса, Ливана, Сирии и Судана. Деятельность остальных марксистско-ленинских партий протекает в нелегальных условиях; некоторые из них подвергаются постоянным репрессиям, включая физические расправы над их членами. Политические ограничения деятельности коммунистов преследуют цель изолировать их от масс, помешать работе среди рабочего класса, молодежи и в армии, не допустить сотрудничества марксистов-ленинцев с другими левыми, патриотическими и прогрессивными силами, препятствовать дальнейшему распространению социалистических идей в массах трудящихся.

Но ни уровень экономического и социально-классового развития арабских стран, ни степень поляризации политических сил, ни характер государственного и политического устройства еще не предопределяют сами по себе условий деятельности коммунистов. Они — слагаемое многих факторов, именно этим можно объяснить, например, факт легальной деятельности марксистов-ленинцев в условиях конституционной монархии и нелегальной — в странах с прогрессивным режимом. Социально-политическое развитие многих арабских стран, по-видимому, еще не достигло той стадии, на которой отношение правящих кругов к коммунистам решающим образом определяется степенью остроты антагонистических противоречий между буржуазией и пролетариатом. Сильнейшее давление на компартии в 70—80-е годы исходило подчас от тех социально-классовых и политических сил, для которых пролетариат и его партия — объективные союзники в борьбе против империализма, за проведение в жизнь демократических преобразований. Нередко в таких случаях, как уже отмечалось, сказывается негативное воздействие прошлых взаимоотношений, боязнь политического

соперничества, стремление монополюно представлять все общество, что вообще характерно для мелкобуржуазных политических сил.

Обратим внимание читателя на еще один важный момент. Расстановка политических сил в арабских странах в 80-е годы не может быть правильно понята без учета фундаментального противоречия между арабским освободительным движением и империализмом. Вопросы антиимпериалистической, освободительной борьбы не только не снимаются с повестки дня, но приобретают для будущего многих стран Арабского Востока решающее значение. Неоколониалистская экспансия империализма в этом районе, его военно-политическое давление на арабские страны, в том числе при опоре на агрессивную политику израильских правящих кругов, представляют собой главную опасность для независимого развития арабских народов. Противодействие империалистической агрессии и борьба против империалистической агентуры внутри арабских стран являются, как справедливо считают арабские коммунисты, важными и неотделимыми друг от друга сторонами революционного движения в регионе.

Подытоживая анализ социально-политических условий деятельности компартий стран Арабского Востока, можно констатировать: несмотря на всю сложность и противоречивость ситуации, обнаруживаются новые возможности для усиления влияния и укрепления позиций коммунистического движения в арабских странах. Они связаны прежде всего с обострением классовых противоречий в арабских странах капиталистического пути развития и неспособностью правящих кругов их разрешить, с укреплением позиций социальных сил, на которые опираются в своей деятельности коммунисты. Эти возможности вырастают из усилившейся в 70—80-е годы политической активности народных масс Арабского Востока и Запада, все решительнее выступающих в защиту своих жизненных интересов, в особенности рабочего класса, который, как подчеркивалось, все более активно проявляет себя в качестве революционного класса общества²⁵.

Коммунистическое движение в 70—80-е годы: основные проблемы стратегии и тактики

Общие основы стратегии и тактики компартий арабских стран представляют собой творческое приложение марксистско-ленинских научных принципов политики коммунистов к конкретным социально-политическим условиям нынешнего этапа революционного процесса в регионе. Совещание коммунистических и рабочих партий арабских стран в 1978 г. определило его как «этап национально-демократической революции, протекающей в новой обстановке, когда задачи национального осво-

бождения и социального прогресса смыкаются друг с другом, причем их решение становится более насущным и сложным в условиях обострения классовой борьбы»²⁶.

Вывод, сделанный совещанием,— результат коллективного анализа положения в арабских странах. Он отражает наиболее общие черты развития региона. Его содержание вытекает из характера объективно стоящих перед арабским освободительным движением задач, из оценки основных тенденций в расстановке классовых сил и из определения реальных путей социального прогресса с учетом закономерностей общественного развития в современную эпоху.

Мы уже рассматривали вкратце вопрос о том, как видоизменяется стратегия национально-демократической революции применительно к условиям конкретных стран. Что касается Арабского Востока, то национально-демократическая революция в одних странах прошла начальные этапы и продолжает успешно развиваться; в других она по тем или иным причинам замедлилась, приостановилась либо даже несколько отступила; в третьих еще только начинается подход к свершению национально-демократической революции; наконец, в ряде стран предстоит еще упорная борьба за то, чтобы приблизить ее перспективу. Соответственно и соотношение национальных и демократических задач, стоящих конкретно в каждой стране, выглядит по-разному в зависимости от того, как шло в ней социально-политическое развитие.

Коммунисты Арабского Востока соотносят задачи национально-демократической революции с реальным положением в конкретно взятой стране и формулируют их в соответствии с этим. Так, в программе Палестинской компартии, принятой I съездом партии (конец 1983 г.), указывается, что «палестинский народ, в отличие от других народов региона, не смог до настоящего времени... достичь своих национально-освободительных целей... Национально-освободительная революция для палестинского народа есть неизбежный путь к национально-демократической революции и осуществлению ее целей»²⁷.

В некоторых случаях изменение обстановки делало необходимым вносить коррективы в поставленные перед партией задачи. Например, Ливанская компартия (ЛКП) на III съезде (1972) сформулировала главную цель своей борьбы как решение задач национально-демократической революции и создание национально-демократической власти, которая откроет путь к социализму²⁸. Годы, прошедшие после съезда, ознаменовались многими важными событиями. Это и усиление давления империализма и сионизма на Ливан, особенно с конца 70-х годов, с целью вовлечения его в «кэмп-дэвидский мирный процесс» на Ближнем Востоке. Это и обострение внутривнутриполитической обстановки в стране в связи с вооруженными столкновениями между различными ливанскими группировками. С учетом всех этих обстоятельств IV съезд ЛКП (1979) выдвинул на первый

план такие национальные, общерабские задачи, как решение палестинской проблемы и укрепление арабской антиимпериалистической солидарности. Указав, что борьба за дело палестинцев и единство патриотов арабского мира, за подъем антиимпериалистического движения в каждой арабской стране должна подчиняться положениям единой революционной стратегии, IV съезд отметил: «...в нашу эпоху, когда задачи национального освобождения полностью переплетаются с целями социальной революции, осуществление задач национально-демократической революции и ориентация на строительство социализма — неотъемлемое условие окончательного решения палестинской проблемы в интересах нашего народа»²⁹.

После израильской агрессии против Ливана в июне 1982 г. сложилась новая ситуация: оккупация Израилем значительной части ливанской земли, агрессивные действия империализма США вплоть до вооруженного вмешательства во внутреннюю борьбу в стране, реальная угроза потери Ливаном национального суверенитета и расчленения его на карликовые «мини-государства» под контролем международных и внутренних реакционных кругов. В этих условиях руководство ЛКП уточнило ближайшие задачи. В заявлении ЦК партии сформулированы задачи национально-освободительной революции. Эта революция, указывалось в заявлении, развивается «на основе слияния потока национально-освободительной борьбы, целью которой является изгнание израильских оккупантов, с потоком национально-освободительной борьбы, направленной на избавление от американского господства, и потоком демократической борьбы...»³⁰.

Таким образом, определение характера современного стратегического этапа борьбы сделано арабскими коммунистами на основе обобщения развития революционного процесса в регионе. Применительно же к страновой ситуации задачи этапа конкретизируются, дополняются и уточняются. Принимается во внимание диалектически противоречивое, чаще всего непрямолинейное продвижение к осуществлению задач национально-демократической революции, не всегда со ступени на ступень, от более простых задач к более сложным или от задач национальных к задачам социальным.

Жизнь заставляет арабских коммунистов возвращаться иной раз к таким задачам, которые, казалось бы, уже решены на предыдущих стадиях борьбы. Это происходит, например, с задачами национально-освободительного характера, которые в 80-е годы вновь заняли видное место в стратегии компартий в связи с резким наращиванием империалистического военного присутствия на Арабском Востоке — размещением военных контингентов, усилением флотов, созданием военных баз на территории ряда арабских стран и т. д.³¹

Вместе с тем задачи национального характера выходят на передний план в странах Арабского Востока в изменившейся

социально-политической обстановке, при ином соотношении внутренних и внешних факторов революционного процесса, классовых и политических сил. В заявлении коммунистических и рабочих партий арабских стран, принятом по итогам встречи представителей этих партий в июне 1984 г., подчеркивалась тесная взаимосвязь между национально-освободительной и социальной борьбой; при этом отмечалось, что защита жизненных требований народа, обеспечение демократических прав и свобод — основной фактор в отстаивании национального суверенитета и в отражении империалистического натиска³¹.

Обстановка потребовала от компартий арабских стран уделить первостепенное внимание борьбе за мир. В целом эта борьба имеет целью объединение усилий коммунистов Арабского Востока с усилиями международного коммунистического движения, массовых антивоенных движений всех стран и континентов, направленных на сохранение мира на Земле и недопущение ядерной катастрофы. В то же время борьба имеет конкретно-региональную особенность. Арабские коммунисты считают главным в борьбе за мир противодействие агрессивной политике империализма, в первую очередь США, а также Израиля, в регионе, добиваются ликвидации кэмп-дэвидской сделки и ее последствий, выступают против попыток навязать арабским народам неоколониалистские варианты решения жизненно важных проблем, в том числе опираясь на пресловутый план Рейгана и т. д.

Арабское коммунистическое движение накопило в 70-х — первой половине 80-х годов ценный опыт борьбы за национальную независимость и социальный прогресс, опыт работы в массах, опыт политического сотрудничества с различными отрядами освободительного движения. Поэтому и стратегия арабских компартий на данном этапе не представляет собой повторения стратегии 50—60-х годов.

Компартии дают оценку сложившемуся за последние полтора десятилетия соотношению классовых сил, определяя социально-политический спектр национально-демократической революции, состав контрреволюционного лагеря и т. д. Например, V съезд СКП выделил две основные тенденции, от исхода борьбы между которыми зависит будущее Сирии. Первая — прогрессивная, носителями которой являются рабочий класс, крестьянство, другие трудящиеся слои, выступающие за сохранение и углубление прогрессивных преобразований. Вторая — реакционная, олицетворяемая крупными торговцами, землевладельцами, подрядчиками, бюрократической буржуазией, представителями иностранных компаний. Эти силы получают поддержку со стороны арабской реакции и мирового империализма³². Поэтому главным направлением борьбы в Сирии является борьба против империализма и сионизма, а также перечисленных контрреволюционных сил внутри страны³³. В программе Египетской компартии расстановка политических

сил в регионе характеризуется следующим образом: с одной стороны — рабочий класс и его союзники (мелкая буржуазия, полупролетариат, революционная интеллигенция, бедное и среднее крестьянство, а также патриотическая часть технократии и бюрократии), а с другой — империализм, Израиль и местные проимпериалистические круги (паразитическая буржуазия, остатки феодалов, верхушка бюрократической и технократической буржуазии, связанная с монополистическим капиталом крупная буржуазия в промышленности, торговле и сельском хозяйстве)³⁴.

В программе Палестинской компартии в числе движущих сил национально-освободительной революции палестинского народа названа лишь патриотическая часть буржуазии. В отношении прочих ее слоев говорится так: «Крупная палестинская буржуазия, связанная с крупной арабской буржуазией, а также ее слои, экономически связанные с израильским противником, представляют собой потенциальных врагов национальной революции; хотя некоторые фракции буржуазии, особенно на оккупированных землях, настроены против захватчиков, они проявляют колебания в вопросе о национальной независимости и создании самостоятельного палестинского государства. Как общественный класс крупная буржуазия повсюду представляет собой социальную базу для урегулирования „по-американски“, осуществления различного рода компромиссов с империализмом, Израилем и арабской реакцией»³⁵.

В документах компартий стран Арабского Востока, в которых разрабатывается стратегия современного этапа, отмечается не столько изменившийся характер объективно стоящих задач, сколько новые моменты в расстановке классовых сил в ходе борьбы за их решение в 80-е годы. В документах подчеркивается, в частности, что стратегия должна строиться с учетом отхода части участников антиимпериалистического движения от борьбы за прогрессивные изменения, за закрепление достигнутого, а также усиления их склонности к компромиссам с империализмом и местной реакцией, готовности пойти на прямой сговор с ними.

На основе определения задач стратегического этапа, оценки расстановки классовых сил и направления главного удара компартии арабских стран, так же как и другие марксистско-ленинские партии афро-азиатского региона, выдвигают идею широкого антиимпериалистического, демократического единства различных классов и социальных слоев и — как выражение его — сотрудничества соответствующих политических партий и организаций. Это союз рабочего класса, трудового крестьянства, революционной интеллигенции, городской мелкой буржуазии, вокруг которого могут сплачиваться все патриотически настроенные классы и слои общества. Он опирается на платформу национально-демократических требований, соответствующих переживаемому этапу революции. Следовательно, широкий

антиимпериалистический, демократический фронт — это средство осуществления задач национально-демократической революции. Не случайно его называют иногда национально-демократическим фронтом.

К образованию такого фронта призывают, в частности, компартии Иордании, Египта, Ирака, Судана. Партия прогресса и социализма Марокко видит осуществление поставленных национально-демократических задач в достижении «активного национального согласия». Его основой может стать единый фронт прогрессивных партий и организаций, «способный мобилизовать рабочий класс, трудовое крестьянство и мелкую буржуазию на завоевание необходимых экономических и социальных реформ, равно как и на позитивное развитие демократического процесса»³⁶.

Не углубляясь в перечисление деталей, которыми каждая компартия дополняет формулу национально-демократического фронта в соответствии с конкретными условиями ее страны, выделим ряд характерных черт, присущих концепции национально-демократического фронта в понимании арабских коммунистов.

Во-первых, платформа фронта включает в себя наряду с национальными задачами требования коренного демократического переустройства общества, ведущего в перспективе к построению социализма.

Во-вторых, предполагается, что в социальную базу такого фронта, как правило, не должна входить национальная буржуазия, которая рассматривается не как союзник рабочего класса и других трудящихся слоев, а лишь как их временный попутчик. В-третьих, исключительное внимание уделяется укреплению политического сотрудничества революционных авангардных сил.

И наконец, еще один крайне важный элемент стратегии арабского коммунистического движения — это роль рабочего класса как социально-политической силы, его место среди других участников широкого антиимпериалистического движения. Стратегическая установка компартий Арабского Востока на обозримый период состоит в том, чтобы добиваться превращения рабочего класса в ведущий отряд освободительного движения, в руководителя борьбы всех прогрессивных и патриотических сил.

Такая установка связана прежде всего с перспективами дальнейшего развития национально-демократической революции. Ведь переход к осуществлению социалистических преобразований, несомненно, потребует превращения рабочего класса в ведущую силу массового движения. Например, в программе СКП переход Сирии к строительству социализма прямо связывается с ростом влияния рабочего класса в общественной жизни страны³⁷.

На необходимость повышения политической роли рабочего

класса указывается и в связи с борьбой за национальное освобождение. В частности, об этом говорится в программе Палестинской компартии³⁸. Вместе с тем реальное положение в расстановке классовых сил в арабских странах в 80-е годы не дает оснований утверждать, что руководство рабочего класса в массовом антиимпериалистическом движении — близкая и легкодостижимая цель. Так, в программе ЕКП указывается, что «руководство революционным процессом со стороны рабочего класса в Египте до сих пор еще не достигнуто. Оно и не может стать реальностью искусственно или произвольно, в силу какого-то решения независимо от существующего соотношения сил, равно как и посредством перескакивания через поставленные задачи... Это руководство завоевывается в ходе целого исторического процесса, через непрерывную и упорную борьбу, которая направлена на то, чтобы обеспечить создание соответствующих объективных и субъективных предпосылок³⁹.

Иначе говоря, действительное осуществление руководящей роли рабочего класса по отношению к массовому движению в арабских странах требует укрепления единства рядов рабочего класса, повышения уровня его классового сознания и активности, упрочения его связей с другими патриотическими классами и слоями общества.

Таким образом, сопоставляя основные стратегические установки компартий стран Арабского Востока, мы видим в них наличие общей линии на осуществление национально-демократической революции. Она, совпадая с общей стратегической линией комдвижения афро-азиатского мира, вытекает из объективных задач борьбы народов региона против империализма, сионизма и реакции, за мир и независимое, прогрессивное развитие арабских стран, из классовых интересов широких слоев трудящихся.

Наряду с этим по мере накопления отличительных черт в социально-политическом развитии отдельных государств региона в стратегии каждой партии повышается удельный вес страновой специфики. Это получает отражение при уточнении задач этапа национально-демократической революции, путей достижения стратегических целей, трактовки проблемы широкого антиимпериалистического и демократического единства, а также форм и методов работы коммунистов.

* * *

Рассмотрим теперь некоторые проблемы, возникающие при осуществлении стратегии и тактики коммунистических партий стран Арабского Востока. Известно, что Иракская и Сирийская коммунистические партии накопили в 70—80-е годы большой опыт борьбы в ходе реализации прогрессивных преобразований в своих странах и политического сотрудничества с различными силами, в том числе с правящими партиями Арабского соци-

алистического возрождения в рамках объединенных фронтов. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Как известно, Иракская компартия внесла значительный вклад в прогрессивное развитие страны. Политическая ситуация в Ираке к началу 70-х годов определялась новой расстановкой социально-классовых сил в пользу демократии и социального прогресса. В этой обстановке пришедшая к власти в стране в июле 1968 г. партия Баас была вынуждена изменить прежнюю тактику и встать на путь решения ряда актуальных задач социально-экономического и политического развития Ирака. В результате практической деятельности баасистского руководства в стране развернулись важные социально-экономические преобразования; произошли сдвиги в решении курдской проблемы; заметно улучшились отношения Ирака с СССР и другими социалистическими странами. Оценив с учетом этих факторов характер происшедших перемен, ИКП заявила о готовности сотрудничать с Баас в том, что касается демократического развития Ирака. В 1972 г. начался политический диалог между ИКП и Баас, завершившийся год спустя выработкой совместной политической платформы — Хартии национальных действий. На ее основе, как указывалось ранее, был создан Прогрессивный национально-патриотический фронт (ПНПФ).

Компартия, получив признание в качестве национальной силы, начала активно вести легальную работу, вошла в правительство, приняла участие в деятельности общественных организаций, опираясь при этом на свою партийную печать. Но такое развитие событий в Ираке встревожило империализм и внутренние силы, испугавшиеся масштабов прогрессивных социальных преобразований. Они развернули ожесточенную антикоммунистическую кампанию, стремясь разрушить достигнутое в ПНПФ сотрудничество, предотвратить превращение фронтов в действенный союз борьбы за осуществление национально-демократической революции. Естественно, все это привело к ограничению деятельности ИКП. Ей было запрещено вести работу в армии, в молодежных и женских организациях, где компартия располагала прочными позициями; не допускалась деятельность ИКП в рабочих профсоюзах и крестьянских ассоциациях.

В марте 1978 г. пленум ЦК ИКП в тактичной форме высказался о состоянии сотрудничества ИКП и Баас в ПНПФ. Материалы пленума ЦК ИКП вызвали в стране большой интерес, что было расценено определенными кругами как усиление влияния компартии. После этого против ИКП были предприняты репрессивные меры, вплоть до казни большой группы иракских коммунистов, а также других демократов. Попытки руководства компартии добиться нормализации отношений с Баас путем переговоров результатов не дали. С мая 1979 г. компартия находится в этой стране на нелегальном положении⁴⁰.

В Сирии в конце 60-х годов правящая ПАСВ также взяла

курс на осуществление радикальных социально-экономических преобразований, был сделан ряд шагов в направлении демократизации общественной жизни. Таким образом, создались благоприятные условия для сотрудничества компартии с правящей ПАСВ. В 1970 г. СКП официально вошла в правительство, а в марте 1972 г. в Сирии был создан Национальный прогрессивный фронт (НПФ), участниками которого наряду с СКП и ПАСВ стали также Арабский социалистический союз, Партия арабских социалистов и Партия социалистов-юнионистов.

Развитие Сирии в 70-е годы шло неоднозначно. Наряду с прогрессивными мерами в интересах трудящихся отмечались процессы роста капиталистических отношений, приводившие к распространению в общественной жизни ряда негативных явлений. В официальных документах СКП с обеспокоенностью указывалось на факты торможения социального прогресса, рост численности паразитической и бюрократической буржуазии, на распространение взяточничества и коррупции, активизацию деятельности правых кругов⁴¹.

Несмотря на это, а также на трения, возникавшие время от времени во взаимоотношениях между СКП и ПАСВ, сотрудничество в рамках НПФ удалось сохранить. Линия на его укрепление была подтверждена V съездом СКП, а также последующими пленумами ЦК СКП.

Участие коммунистов в работе ПНПФ в Ираке и НПФ в Сирии дало ценный опыт арабскому коммунистическому движению, который вместе с тем нуждается в дальнейшем осмыслении. Ведь впервые речь идет о политическом сотрудничестве коммунистов с правящими непролетарскими революционными партиями на платформе социалистической ориентации. Вступая в единый фронт с партиями, уже пришедшими к власти, коммунисты не могли рассчитывать (и не рассчитывали) на их отказ от своего доминирующего положения. Наряду с этим между партнерами по союзу были значительные различия идейно-политического характера. Все это не могло не приниматься во внимание при решении вопроса о целесообразности создания подобных фронтов, об их способности достичь поставленных целей. При рассмотрении этого вопроса иногда утверждалось, что участие во фронте на подобных условиях равносильно «отказу от принципа руководящей роли рабочего класса», «хвостизму» и т. п. Однако жизнь отвергла такую точку зрения.

Годы сотрудничества коммунистов с мелкобуржуазными революционерами в рамках национально-прогрессивных фронтов явились периодом важных преобразований социально-экономического и политического характера, активной антиимпериалистической борьбы. Кроме того, участие компартий во фронтах, несмотря на встречавшиеся ограничения, давало и дает им возможность открыто высказать свои взгляды, проявить себя в качестве последовательного защитника народных интересов.

В связи с функционированием национально-прогрессивных

фронтов особое значение приобретал вопрос о путях укрепления доверия между союзниками при одновременном сохранении самостоятельности компартии в разработке политики и осуществлении практической деятельности. Случалось, что проблема самостоятельности трактовалась как «проблема гарантий» для компартии и сводилась к узкоюридическим, формальным вопросам. Опыт работы коммунистов Ирака и Сирии показал, что суть проблемы не в этом. Главное состоит в том, как уменьшить возможный урон сотрудничеству вследствие колебаний или неподсказательности союзника, каковы реальные возможности для проявления самостоятельности при заведомом неравенстве сил, а также условия для работы в массах. Очень ценен в этом отношении опыт СКП. Он показывает, что сотрудничество пролетарских и непролетарских революционеров может приносить позитивные результаты. СКП проводит гибкую линию, не исключая компромисса в том случае, если он соответствует интересам освободительного движения, сохранения его боевности и сплоченности. В то же время СКП за полтора десятилетия сотрудничества с ПАСВ не утратила своего политического лица. В ряде случаев она выступала с особыми позициями и оценками, выдвигая их, однако, не как предлог для разрыва отношений, а как точку зрения, которая должна стать предметом конструктивного обсуждения. Участие коммунистов в ПНПФ и НПФ продемонстрировало также исключительную важность работы компартий в массах как для сохранения своей самостоятельности, так и для укрепления союза в целом.

Большим своеобразием отличается деятельность алжирских коммунистов в рядах Партии социалистического авангарда. На протяжении длительного периода они выступают за сотрудничество с правящей партией Фронт национального освобождения на платформе совместной борьбы за осуществление задач социального прогресса. Однако добиться такого сотрудничества пока не удается.

Как ранее отмечалось, Алжирская компартия внесла значительный вклад во всенародную борьбу за достижение национального суверенитета. После обретения национальной независимости в 1962 г. и принятия ФНО Алжирской хартии (апрель 1964 г.), наметившей перспективу развития страны по пути социального прогресса, руководство АКП призвало коммунистов вступать в ряды ФНО. Практически это означало самороспуск АКП (следует подчеркнуть, что практика последних десятилетий лишь подтвердила ту истину, что самороспуск партий пролетарского авангарда под давлением непролетарских революционеров не способствует развитию революционного процесса. Более того, он тормозит его). Переход власти в июне 1965 г. в руки Революционного совета во главе с Х. Бумедьеном первоначально получил отрицательную оценку со стороны алжирских коммунистов, причем многие из них подверглись тогда

преследованиям. В январе 1966 г. на базе Алжирской компартии была создана Партия социалистического авангарда (ПСА), поставившая перед собой в качестве главной задачи ведение борьбы за развитие и углубление национально-демократической революции⁴².

В условиях, когда Революционный совет АНДР встал на путь осуществления важных прогрессивных преобразований, ПСА их активно поддерживала; в конце 1968 г. она предложила провести переговоры с ФНО о единстве действий. В 70-е годы алжирские коммунисты поддерживали курс правительства, направленный на ускоренный подъем экономики страны, осуществление аграрной реформы и социальных мероприятий в интересах трудящихся, ограничение развития капиталистических элементов. ПСА последовательно выступала за сплочение рядов сторонников социалистической ориентации на основе Национальной хартии 1976 г., наметившей курс на прогрессивные преобразования в различных областях.

Вместе с тем руководство АНДР проводит линию на существование в стране лишь одной партии — ФНО. На практике это вылилось в отстранение в 1981—1982 гг. от деятельности в профсоюзах, в женских и других общественных организациях ряда прогрессивных деятелей⁴³. ПСА призвала к созданию широкого антиимпериалистического фронта, что, по мнению коммунистов, могло бы способствовать одновременно упрочению позиций ФНО как революционно-демократической партии. На президентских выборах в начале 1984 г. ПСА, будучи нелегальной, поддержала кандидатуру президента Ш. Бенджедида. Тем самым была продемонстрирована еще раз конструктивная позиция алжирских коммунистов в отношении правящей партии.

В последние годы ПСА проявляет гибкий и позитивный подход к политике правящей партии, осуществляемым ею преобразованиям с целью развития производительных сил, укрепления государственного сектора, справедливого распределения национального дохода, усиления антиимпериалистической борьбы и движения за мир. Коммунисты не ставят социалистический выбор непременным условием этих инициатив и практических шагов, подчеркивает первый секретарь ПСА С. Хаджерес, — главное, чтобы они отвечали общенациональным чаяниям, объективно совпадали с устремлениями трудящихся.

Примером такого курса партии является ее отношение к новой редакции Национальной хартии, которая, по мнению ПСА, в идеологическом отношении отмечена противоречиями. Используя их, приверженцы любого общественного движения, даже антисоциалистического, могут оправдать свою позицию. Тем не менее ПСА призвала голосовать на референдуме в январе 1986 г. за нее, считая, что сплочение патриотических и прогрессивных кругов важнее, нежели обострение разногласий в идейном плане.

Важный вопрос стратегии и тактики арабского коммунистического движения 80-х годов — это особенности деятельности компартий в качестве легальной оппозиции. Его постановка связана прежде всего с деятельностью Партии прогресса и социализма Марокко и Тунисской коммунистической партии (ТКП), сумевших добиться легализации.

Компартия Марокко была создана в ноябре 1943 г. После завоевания страной национальной независимости в 1956 г. коммунисты развернули активную борьбу за проведение аграрной и других социально-экономических реформ, за демократизацию политической жизни и укрепление национальной независимости. В 1960 г. на деятельность МКП был наложен запрет. В конце 60-х — начале 70-х годов королевский режим под давлением растущей оппозиции стал проводить ряд мер антиимпериалистического характера (национализация крупной земельной собственности, иностранного капитала, «марокканизация» экономики). Тогда же были осуществлены буржуазно-парламентские реформы, способствовавшие преобразованию абсолютной монархии в монархию конституционную.

В этих условиях коммунисты воссоздали партию в 1968 г. под названием Партия освобождения и социализма (ПОС), а затем, после ее запрещения, добились разрешения на создание Партии прогресса и социализма (ППС), которая была основана в августе 1974 г. как продолжатель дела МКП и ПОС. В 1975 г. состоялся I съезд ППС, который принял программу и устав партии. В программе было уделено наибольшее внимание проведению важнейших реформ в различных областях жизни. Последовательная борьба против неокOLONиализма, за демократизацию государственного и политического устройства страны, решение социально-экономических проблем в интересах трудящихся позволили ППС сравнительно быстро добиться влияния в массах, повысить свой авторитет в различных слоях населения.

В результате на парламентских выборах в июне 1977 г. ППС получила 2,3% голосов, а генеральный секретарь ППС Али Ята был избран в парламент. Этот успех партии был закреплен на следующих парламентских выборах в сентябре 1984 г., когда ППС провела в парламент уже двух депутатов. Выступая в конце сентября 1984 г. на пленуме ЦК ППС, посвященном анализу итогов выборов, Али Ята подчеркнул, что ППС одержала большую победу; выдвижение 159 кандидатов в 80% избирательных округов во всех провинциях страны свидетельствует о силе и возросшем влиянии партии. Наметив задачи на будущее, Али Ята указал на необходимость более тесно увязывать деятельность партии с повседневными проблемами трудящихся, расширять численный состав ППС, совершенствовать партийную учебу, подготовку кадров и пропагандистскую работу, укреплять организационную структуру, продолжая активную борьбу во имя демократии и прогресса⁴⁴.

Прошедший в марте 1983 г. III национальный съезд ППС уделил главное внимание путям борьбы за превращение партии в массовую. Он выдвинул лозунги «демократической альтернативы» правительственному курсу и создания единого фронта прогрессивных партий и организаций. В целях активизации борьбы за массы III съезд выделил несколько актуальных направлений работы. Среди них — борьба за дальнейшую демократизацию политической системы в стране и отпор любому посягательству на демократические завоевания народа; преодоление раскола в профсоюзном и студенческом движениях; усиление идеологической работы и укрепление рядов самой партии⁴⁵.

Работа съезда показала, что ППС самокритично оценивает свою деятельность и наряду с несомненными успехами видит в ней и недостатки. «Несмотря на реальный и значительный прогресс партии в политическом и организационном отношении, — указывалось в тезисах к съезду, — существует еще большой разрыв между общей политической линией и конкретной деятельностью партийных организаций... Мы еще страдаем от недостатка инициативы и действия, которых настоятельно требуют условия жизни граждан. Мы еще недостаточно внимания уделяем повседневным связям с народными массами, их проблемам, которые ежеминутно возникают у трудящихся, мелких торговцев, кустарей, студентов, преподавателей и т. д. Нам еще не удается полностью преодолеть тенденцию к замыканию внутри своих ячеек, собрания которых становятся временами скудной обязанностью»⁴⁶.

Подводя итоги работы в массах, съезд отметил, что ППС добилась значительных успехов, но еще не исчерпала своих возможностей, не реализовала в политическом плане того влияния, которым она пользуется в массах. Съезд указал на необходимость активизировать усилия ППС в целях достижения сотрудничества с другими левыми силами, развивать практику обмена мнениями, особенно с Социалистическим союзом народных сил (ССНС)⁴⁷, расширять совместные с ними действия.

Конечно, на этом пути лежит немало трудностей, возникающих, в частности, из-за противоречий в рядах мелкобуржуазных организаций, а также во взаимоотношениях между ними. Самой надежной основой сближения позиций левых сил, как отметил съезд, является налаживание единства их действий на уровне массовых организаций по конкретным вопросам⁴⁸. Летом 1987 г. намечается проведение IV съезда ППС.

Обстановка во второй половине 70-х годов в Тунисе характеризовалась углублением экономических трудностей и ухудшением материального положения трудящихся. Под воздействием массового недовольства, активизации политических сил ускорился процесс формирования нелегальных оппозиционных партий и организаций. В этой обстановке на первый план вы-

двинулись вопросы повышения жизненного уровня трудящихся и демократизации общественной жизни.

Тунисская компартия в октябре 1978 г. предприняла инициативу, направленную на то, чтобы, выражая насущные требования масс, выработать платформу для совместных действий демократических и патриотических сил страны. В опубликованном ТКП «Разъяснении представителей руководства тунисских коммунистов» в такую платформу предлагалось включить следующие пункты: борьба за демократические свободы, освобождение политических заключенных, восстановление профсоюзных лидеров в их законных правах, легализация оппозиционных движений, включая ТКП, а также принятие мер с целью повышения жизненного уровня населения.

На базе этих требований ТКП сумела установить контакты с рядом течений внутри правящей Социалистической дестуровской партии (СДП), с Движением демократов-социалистов (ДДС), сформировавшимся на основе вышедшей из СДП группы А. Местифи, Движением народного единства (ДНЕ), организациями арабских националистов и тунисских баасистов, а впоследствии и с организацией мусульман-интегрисов, созданных в июле 1981 г. Движением исламской тенденции (ДИТ).

Тактику ТКП в данном вопросе отличало прежде всего стремление придать налаживающемуся сотрудничеству конкретный характер. Партия участвовала в организованных оппозицией выступлениях в поддержку ДДС, ДНЕ и ДИТ под флагом демократизации и удовлетворения социальных требований масс, развивала сотрудничество в общественных организациях, стремилась к свободному обмену мнениями. Все это создало благоприятные условия для развития процесса демократизации политической жизни и выхода ряда организаций, прежде всего ТКП, из подполья. После легализации в 1981 г. у компартии появились дополнительные возможности для увеличения численности своих рядов, усиления влияния в массах, для защиты интересов рабочего класса и трудящихся, ведения пропаганды в партийной печати. Активное участие ТКП в общедемократической борьбе, особенно против империализма и неокOLONиализма, твердость в отстаивании коренных требований трудящихся и гибкая тактика способствовали превращению ТКП в заметный фактор политической жизни страны.

На очередном, IX съезде, который планируется провести летом 1987 г., ТКП предполагает принять новые программные документы. Однако деятельность ТКП продолжает протекать в нелегких условиях. Власти время от времени приостанавливают выпуск ежедневной газеты «Ат-Тарик аль-Джадид» (Новый путь), активисты партии на местах испытывают постоянное давление.

Важной проблемой стратегии и тактики марксистско-ленинских партий Арабского Востока, многие из которых работают в подполье, является проблема сочетания легальных и нелегаль-

ных методов борьбы. В числе нелегальных, как известно, действует Компартия Египта, которая, будучи одной из наиболее рано созданных партий на Арабском Востоке (1921), прошла в своем развитии сложный путь. До июльской революции 1952 г. коммунисты действовали в глубоком подполье. После свержения монархии ЕКП активизировала свою работу, однако не смогла наладить отношения с режимом Г. А. Насера. В 1965 г. в условиях прогрессивного развития Египта было объявлено о самороспуске компартии, члены которой стали работать в рамках правящей партии страны — Арабский социалистический союз. После смерти Г. А. Насера и отхода установленного Садатом режима от прогрессивного курса во внутренней и внешней политике страны началась работа по воссозданию ЕКП. Она была направлена на то, чтобы заложить идейные и политические основы партии, объединить на ее платформе марксистские группы, действовавшие после самороспуска ЕКП, создать организационную структуру и перейти к массовой работе. С 1975 г. ЕКП вновь развернула деятельность в нелегальных условиях. Ее становление проходило в обстановке злобной антикоммунистической кампании, постоянных репрессий со стороны властей.

Несмотря на это, египетские коммунисты подготовили и провели в нелегальных условиях I съезд партии. Принятые на нем документы — программа и устав — закрепили основные стратегические и тактические установки партии на осуществление в стране национально-демократической революции и ее возврат к проведению антиимпериалистического, прогрессивного курса во внутренней и внешней политике.

Еще в 1980 г. было объявлено о создании Египетского патриотического фронта, включавшего кроме ЕКП последователей Г. А. Насера, а также независимых деятелей, стоявших в оппозиции к режиму Садата. После убийства последнего в стране наметились определенные перемены. Они выразились, в частности, в активизации ряда политических течений и некоторых шагах правительства в сторону либерализации общественной жизни. В стране началась перегруппировка политических сил. В этих условиях перед ЕКП встала задача поиска возможных легальных форм борьбы, открывающих дополнительные возможности для усиления ее влияния в массах, для совместных действий с другими оппозиционными силами, выступающими с требованиями демократического и патриотического характера.

После 1981 г. возросло значение средств борьбы, которые открылись благодаря существованию в стране ряда легальных политических партий и общественных организаций. ЕКП усилила работу в рабочем и профсоюзном движении, поставив перед собой цель укрепить единство рабочего класса, повысить уровень его политического сознания, упрочить его связи с трудовым крестьянством, другими трудящимися. Выполнение этой задачи, подчеркивается в программе ЕКП, возможно лишь

при условии кропотливой работы партии в массах, активной борьбы за реализацию насущных требований рабочих, в том числе за решение национальных и общедемократических задач. В разделе программы ЕКП, посвященном правам рабочих, указывается, что компартия выступает за создание новой системы зарплат, учитывающей реальную стоимость жизни, 7-часовой рабочий день, снижение пенсионного возраста, социальное страхование под контролем профсоюзов, запрещение использовать женский и детский труд на вредных производствах и физически тяжелых работах, рабочий контроль на предприятиях (с числом занятых свыше 50 человек), за свободу профсоюзной деятельности во всех ее формах⁴⁹.

Компартия стремится использовать в борьбе за национальные и общедемократические цели те общественные организации, которые образовались в Египте в 70—80-е годы на базе сотрудничества различных партий (Фронт защиты демократических свобод, Комитет защиты национальной культуры, Фронт защиты госсектора и некоторые другие). Одновременно ЕКП старается налаживать политические контакты с такими оппозиционными легальными партиями, как Национально-прогрессивная (НПП) и Социалистическая партия труда (СПТ). В основу сотрудничества коммунисты положили достижение ближайших целей, которыми они считают: восстановление полного национального суверенитета; удовлетворение насущных экономических требований народных масс; осуществление всестороннего развития демократического процесса.

До недавнего времени в условиях подполья работала Суданская компартия. В 60-х годах она добилась впечатляющих результатов в борьбе за массы, завоевала прочные позиции в различных слоях населения. Этому способствовали относительно высокий уровень зрелости суданского рабочего класса, активность его профсоюзов, в которых СКП приобрела большое влияние, а также тактическая гибкость компартии в отношении традиционных слоев населения, тщательный учет специфических форм общественного сознания, политических настроений масс. Расширению и укреплению позиций Суданской Коммунистической партии в массах на первых стадиях национально-демократической революции, т. е. до событий 1971 г.⁵⁰, способствовало и то обстоятельство, что она уже на этом этапе выступала в качестве единственного защитника народных интересов, что, конечно, немало содействовало росту ее популярности.

Однако неизбежно возникающее в стране с высоким удельным весом непролетарских слоев революционно-демократическое течение, которое в условиях Судана формировалось главным образом в армии, среди патриотически настроенного офицерства, оказалось в относительной изоляции от других национальных и демократических сил, и прежде всего от компартии и возглавляемого ею массового движения. События июля 1971 г. стали удобным поводом для развертывания реакции

широкой антикоммунистической кампании репрессий с целью ослабления, а в конечном счете и ликвидации СКП.

После понесенного компартией урона в правящих кругах Судана укрепились позиции буржуазно-националистических сил. Вскоре четко обозначилась тенденция перерождения национально-демократического режима в военно-бюрократическую диктатуру президента Дж. Нимейри. Характерными чертами этого процесса стали закрепление зависимости страны от империализма, усиление антидемократической практики режима и его растущее сотрудничество с местными феодальными и религиозными реакционными кругами. В этих условиях происходила активизация различных оппозиционных сил. Среди них и социальные движения, отражающие протест трудящихся масс против ухудшения условий жизни, и движение на Юге под лозунгами, требующими национального равноправия и автономии Юга, и «традиционные», в том числе исламские, движения, которые отражают социальный протест наиболее отсталых в политическом отношении масс. Результатом стали глубокий кризис реакционного режима Дж. Нимейри и его свержение весной 1985 г.

В сложной обстановке глубокого подполья действует компартия Саудовской Аравии, созданная в 1975 г. на базе Фронта национального освобождения страны. В августе 1984 г. состоялся II съезд КПСА. В заключительном коммюнике указывалось, что его созыв свидетельствует о возросшей силе партии, ее жизнеспособности, идеологической, политической и организационной сплоченности. Съезд одобрил отчетный доклад ЦК КПСА, обсудил и принял программу и устав партии, избрал руководящие органы. Съезд отметил, что, несмотря на трудности нелегальной работы, компартия играет важную роль в развертывании антиимпериалистического, демократического движения в стране, в распространении идей марксизма-ленинизма⁵¹.

Среди практических проблем в деятельности арабских компартий важное место занимает уже затронутый ранее вопрос о сочетании национальных и социальных факторов революционной борьбы. Его решение получило отражение и в постановке конкретных задач, и в ходе осуществления политического сотрудничества коммунистов с другими антиимпериалистическими силами.

Интересен в этом отношении опыт Ливанской компартии в период резкого обострения внутривнутриполитической обстановки в стране с середины 70-х годов и израильской агрессии в 1982 г. Взяв на III съезде курс на создание национально-демократического фронта, ЛКП в короткий срок сумела добиться ощутимых результатов. Укрепились ее позиции в рабочем профсоюзном движении, в массовых общественных организациях. Получили дальнейшее развитие связи ЛКП с другими прогрессивными и патриотическими организациями, прежде всего с Прогрес-

сивно-социалистической партией (ПСП). В ходе совместных действий удалось установить регулярное сотрудничество с помощью созданного Центрального политического совета (ЦПС) национально-патриотических сил (НПС). В него вошли ЛКП, ПСП, Организация коммунистического действия и ряд других патриотических партий и организаций. Учитывая роль в Ливане Палестинского движения сопротивления (ПДС), ЛКП всемерно развивала свои контакты с палестинскими организациями, особенно революционно-демократическое направления.

К началу 80-х годов наиболее актуальными стали задачи сохранения национального суверенитета и территориальной целостности страны. В этих условиях ЛКП взяла курс на создание широкого антиимпериалистического единства. В ходе израильской агрессии 1982 г. возникли условия для вовлечения в освободительное движение представителей буржуазно-консервативных кругов, которые стояли до того в стороне. Обстановка продиктовала решение о роспуске осенью 1982 г. Центрального политического совета НПС. В июле 1983 г. в Ливане был создан Фронт национального спасения, в который наряду с представителями национально-патриотических сил вошли буржуазно-либеральные деятели. В заявлении ЦК ЛКП от 29 февраля 1984 г. подчеркивалось в этой связи, что «национально-освободительная революция ливанского народа включает широкие общественные круги и различные политические силы»⁵². В октябре 1984 г. в Ливане начал действовать Национально-демократический фронт, объединяющий основные национально-патриотические силы страны.

Одновременно ливанские коммунисты считают возможным создание платформы совместных действий, нацеленных на осуществление таких демократических преобразований, как ликвидация политического конфессионализма, реформа народного представительства, реорганизация государственного аппарата. Такая постановка вопроса диктуется тем, что, по убеждению ЛКП, общедемократические проблемы приобретают в Ливане характер общенациональных.

Своеобразно сочетаются национальные и социальные моменты в практической деятельности Палестинской компартии, которая работает в весьма специфических условиях. Поле ее борьбы — оккупированные Израилем арабские земли, а также места проживания изгнанных с родины палестинцев. Политическая особенность движения, в котором активно действует ПКП — его чрезвычайно пестрый социальный состав и подверженность влияниям политической ситуации различных арабских стран. Одно из последствий такого положения заключается в усиливающейся дифференциации отрядов ПДС. В то же время объективная база совместных действий участников движения сохраняется. Линия ПКП нацелена на то, чтобы добиваться сохранения единства ООП на антиимпериалистической, патриотической платформе, всемерно укреплять сотрудничество

левых, демократических и революционных сил палестинского народа.

* * *

Действуя в крайне сложной обстановке, компартии арабских стран успешно изыскивают возможности для того, чтобы укреплять свои позиции в массах, принимать активное участие в антиимпериалистической и общедемократической борьбе. Они выступают в первых рядах борцов за мир, против угрозы мировой войны. Коммунисты Арабского Востока ищут и находят новые пути к массам, творчески разнообразят формы и методы своей работы применительно к конкретным ситуациям. Отражением интенсивного поиска в этом направлении является теоретическая работа компартий. В 80-е годы, в частности, начался углубленный обмен опытом на страницах журнала «Проблемы мира и социализма», а также основанного в 1983 г. совместного теоретического журнала компартий арабских стран «Ан-Нахдж».

Компартии ставят наиболее актуальные вопросы национального и общедемократического характера, участвуют в массовых политических кампаниях демократической общественности. Все это создает предпосылки для дальнейшего роста политического авторитета коммунистов, упрочения их позиций в арабском антиимпериалистическом движении.

В общественной жизни освободившихся стран Азии и Африки происходят глубокие изменения. «Составной частью мирового революционного процесса,— говорится в Программе КПСС,— является **антиимпериалистическая борьба сбросивших колониальное ярмо народов и стран за упрочение своей независимости, за социальный прогресс.** Историческим завоеванием национально-освободительных революций и движений, существенно повлиявшим на соотношение сил в мире, явилось крушение колониальной системы империализма, возникновение на ее руинах десятков самостоятельных государств»¹. Они неоднозначны и противоречивы. Однако в этом диалектическом противоречии отчетливо просматривается ведущая тенденция к социалистическому обновлению, вызванная к жизни объективными законами развития человеческого общества, и в частности борьбой народов этих континентов за ликвидацию колониального наследия, за экономический и социальный прогресс.

Оценивая позитивные изменения в зоне национально-освободительного движения за последние десятилетия как проявление указанной тенденции, будет справедливо отдать должное в этом процессе коммунистам. Роль компартий в странах Азии и Африки непрерывно возрастает. Коммунисты в ряде стран представляют собой влиятельную политическую силу, способную решать крупные задачи общественно-политического характера. Их деятельность оказывает огромное (прямое и косвенное) позитивное воздействие на позиции других революционных, демократических и национально-патриотических сил порабощенных ранее стран.

Следует также иметь в виду, что активными борцами против империализма и капитализма, за переустройство общества на социалистических началах выступают в наши дни и революционные демократы. Речь идет в первую очередь о правящей революционной демократии стран социалистической ориентации, условно называемых советскими обществоведами странами «второго поколения» (вступившими на этот путь в основном в 70-е годы), где движение по пути к социализму осуществляется авангардными революционными партиями, которые все более последовательно руководствуются в своей деятельности теорией научного социализма (демократический Йемен, Эфиопия и др.)².

Начавшийся в конце 70-х годов процесс формирования в рамках революционной демократии политических организаций

нового типа — авангардных партий, берущих на вооружение научно-социалистическую идеологию, принцип пролетарского интернационализма, — ознаменовал собой реальный шаг на пути сближения революционной демократии с научным социализмом, превращения революционно-демократических партий в марксистско-ленинские. Авангардные партии нового типа, или, как их иногда называют, партии трудящихся, партии научного социализма, построены на началах демократического централизма, они принимают в свои ряды в основном представителей трудящихся — интеллигенции, служащих, военных, рабочих, крестьян, ремесленников и т. д. Не только в плане идейно-политических и организационных основ, но и с точки зрения повседневной практической деятельности они многое заимствуют из опыта марксистско-ленинских партий. В современную эпоху, когда в общемировом масштабе совершается переход от капитализма к социализму, когда на путь к социализму в обход капитализма вышло немало освободившихся стран, а идеи марксизма-ленинизма завоевывают новых сторонников в зоне национально-освободительного движения, сближение непролетарских революционных партий с научным социализмом стало закономерным явлением и условием их успешного продвижения к цели при всей неоднозначности и даже противоречивости этого процесса. Теперь очевидно, что оно объективно открывает новые возможности пополнения рядов марксистов-ленинцев в зоне национально-освободительного движения, особенно в слаборазвитых странах, где еще не сформировались партии пролетарского авангарда и сам рабочий класс.

В то же время проблему трансформации авангардных непролетарских революционных партий не следует упрощать. Это сложный и длительный процесс. Ход его зависит от многих обстоятельств. Существуют факторы, не только содействующие сближению революционной демократии с научным социализмом, но и тормозящие этот процесс. Никакая политическая воля не в состоянии заменить те объективные предпосылки, которые созревают в обществе на определенном этапе его развития и которые необходимы для формирования пролетарской партии и успешной ее деятельности. В. И. Ленин во время беседы с делегацией монгольских революционеров в Москве в 1921 г. указал на нецелесообразность переименовывать непролетарскую (аратскую) партию в коммунистическую, на то, что «много еще надо будет поработать революционерам над своим государственным, хозяйственным и культурным строительством, пока из пастушеских элементов создастся пролетарская масса, которая впоследствии поможет „превращению“ народно-революционной партии в коммунистическую»³. Ленин гениально предвидел и опасность таких «превращений» — «простая перемена вывески вредна и опасна»⁴.

Динамично развивающиеся экономические и общественные процессы в освободившихся странах, глубокие сдвиги в их со-

циально-классовой структуре и умонастроениях народных масс, все возрастающее воздействие на эти изменения глобального противоборства двух мировых общественных систем и, как следствие, усложняющееся развитие революционного процесса — все это ставит перед коммунистами, перед подлинными революционерами зоны освободительной борьбы новые задачи, заставляет искать оригинальные пути и средства их решения. В этой обстановке надежным компасом для революционеров являются марксизм-ленинизм — вечно живое, постоянно развивающееся и обогащающееся конкретной революционной практикой учение, творческое использование бесценного опыта революционной борьбы, накопленного международным коммунистическим движением, прежде всего марксистско-ленинскими партиями стран реального социализма.

Трудно представить в полном объеме сложнейшие условия, в которых приходится бороться коммунистам. Быть коммунистом в странах, где компартии ведут работу в глубоком подполье, — значит обречь себя на жизнь, полную лишений, постоянно рисковать собой и судьбой своих близких. Но это значит также быть верным сыном своего народа, глубоко его любить, быть готовым ради него отдать свою жизнь. Это поистине подвиг!

Коммунисты в афро-азиатских странах выступают, по существу, как представители не только национального революционного авангарда, но и всего многомиллионного международного отряда коммунистов, и люди труда видят в них именно полпредов того нового общества, которое идет на смену капитализму в планетарном масштабе. Характерно, что и репрессии против коммунистов реакция обрушивает именно как против представителей международного братства борцов за ликвидацию всех форм угнетения, провозвестников социального обновления мира. Не случайно антикоммунистические акции местная реакция осуществляет нередко по подсказке империализма и его спецслужб.

Реакция ненавидит коммунистов афро-азиатских стран хотя бы только потому, что они зарекомендовали себя последовательными интернационалистами, неотъемлемой составной частью мирового коммунистического движения.

Как было показано в этой монографии, коммунисты Востока проявляли интернациональную солидарность с первой в мире страной победившего социализма в самые тяжелые для нее годы — и в период империалистической интервенции, и в годы второй мировой войны, и на последующих этапах ее справедливой борьбы против империалистических попыток шантажа, провокаций, агрессии и войн. Сегодня коммунисты афро-азиатских стран выступают активными поборниками мира на Земле, ведут широкую разъяснительную работу в массах с целью их мобилизации на борьбу за предотвращение термоядерной катастрофы.

Известен большой вклад коммунистов афро-азиатских стран в борьбу за сплочение международного коммунистического движения на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Коммунисты, конечно же, не застрахованы от ошибок, тем более что им приходится действовать в сложнейших условиях, идти непроторенным путем, решать проблемы, не имеющие прецедента в мировой революционной практике. Но они не боятся признаваться в том, что совершили ту или иную ошибку, и, как неоднократно доказали это, умеют извлекать из ошибок уроки.

Дальнейшие успехи коммунистов стран Востока в немалой степени будут зависеть от того, насколько им удастся сплотить собственные ряды (там, где эта проблема актуальна), а также ряды левых, демократических, вообще национально-патриотических сил в борьбе против империализма и местной реакции, за демократию и мир на земле. При слабости национального пролетариата широкая левая, демократическая коалиция — важнейшее условие успешного развития революционного процесса.

«Сила революционных партий,— говорится в Программе КПСС,— в том, что они твердо отстаивают права и жизненные устремления трудового народа... выдвигают реальную альтернативу эксплуататорскому строю, дают проникнутые социальным оптимизмом ответы на коренные вопросы современности. Они — подлинные выразители и наиболее стойкие защитники национальных интересов своих стран»⁵.

Несомненно, что коммунистическое движение в афро-азиатских странах, преодолевая стоящие на его пути трудности, будет и впредь завоевывать новые позиции. Залог тому — количественный и качественный рост национального пролетариата, повышение его социальной активности и классовой сознательности, а также упрочение позиций мирового социализма и дальнейшее сплочение трех основных потоков революционных сил современности.

Введение

- ¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 180.
- ² Political Thesis (Draft) for the 12-th National Congress. Communist Party of Sri Lanka. August 20—24, 1983. Kalutara, 1983, с. 42.
- ³ Economic Survey 1981—1982. New Delhi, 1983, с. 108—109.
- ⁴ Индонезия. Справочник. М., 1983, с. 170—171.
- ⁵ Подсчитано по: Yearbook of Labour Statistics. Geneva, 1981, с. 103, 131, 153, 168.
- ⁶ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 133.
- ⁷ См.: Зарубежный Восток и современность. Т. I. М., 1980.
- ⁸ См.: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970; 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг., 1920; 3-й всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. М., 1922; 4-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Вып. 1—6. М.—Л., 1925—1929; 5-й всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Ч. 1—2. М.—Л., 1925; 6-й конгресс Коммунистического Интернационала. Тезисы и резолюции. Вып. 1—4. М.—Л., 1928—1929; Резолюции VII всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1936; Коминтерн и Восток. М., 1969; Коминтерн и Восток. Критика критики. М., 1978; Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982.
- ⁹ Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.— Т. 39, с. 329.
- ¹⁰ Ленин В. И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала.— Т. 41, с. 166—167.
- ¹¹ См. подробнее: Резников А. Б. Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. М., 1978.
- ¹² Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала. 19 июля — 7 августа 1920 г.— Т. 41, с. 243.
- ¹³ Второй конгресс Коммунистического Интернационала. М., 1934, с. 495.
- ¹⁴ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., 1933. с. 320 (далее — Коммунистический Интернационал в документах).
- ¹⁵ Там же, с. 321—322.
- ¹⁶ Там же, с. 321.
- ¹⁷ Там же, с. 322.
- ¹⁸ См.: Коммунистический Интернационал в документах, с. 410—411; Коммунистический Интернационал. 1925, № 4, с. 68.
- ¹⁹ Ленин В. И. Беседа с делегацией Монгольской Народной Республики 5 ноября 1921 г.— Т. 44, с. 232—233.
- ²⁰ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 6, с. 137; Вып. 4, с. 18—19.
- ²¹ См.: Коминтерн и Восток. М., 1969; Коминтерн и Восток. Критика критики. М., 1978.
- ²² Коммунистический Интернационал в документах, с. 850.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса здесь и далее даны по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

- ²³ Так назывались в 20—30-е годы буржуазно-националистические партии соответственно Индии и Египта.
- ²⁴ Коммунистический Интернационал в документах, с. 851.
- ²⁵ Резников А. Б. О стратегии и тактике по колониальному вопросу.— Коминтерн и Восток..., с. 160.
- ²⁶ Ульяновский Р. А. Предисловие.— Коминтерн и Восток..., с. 9.
- ²⁷ Коммунистический Интернационал в документах, с. 673.
- ²⁸ Димитров Г. Избранные статьи и речи. М., 1972, с. 164.
- ²⁹ Резолюции VII конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Зарубежный Восток и современность. Т. 1. М., 1980, с. 406.
- ³² Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.— Т. 39, с. 318.
- ³³ Ленин В. И. О брошюре Юниуса.— Т. 30, с. 9.
- ³⁴ См. подробнее об этом в гл. V.
- ³⁵ Nagian Rakiat. Djakarta, 24.04.1952.
- ³⁶ См. подробнее об этом в гл. V и VI.
- ³⁷ Здесь и далее нужна ясность в отношении терминологии, что имеет принципиальное значение. В нашем случае речь идет о «левом» оппортунизме (правильнее было бы даже сказать об оппортунизме, атакующем марксизм-ленинизм «слева»), ультралевачестве как о враждебной марксизму, идеологии, находящейся за рамками подлинной революционности, о псевдореволюционности.
- ³⁸ Ультралевая революционность — действия (как правило, экстремистские по форме) ультралевых, происходящие на крайне левом фланге в лагере революционных сил.
- ³⁹ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Т. 41, с. 15.
- ⁴⁰ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. II, М., 1971, с. 573.
- ⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Т. 4, с. 437.
- ⁴² Там же, с. 459.
- ⁴³ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Т. 41, с. 59.
- ⁴⁴ Там же, с. 7.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Загладин В. В. За права трудящихся, за мир и безопасность народов. М., 1982, с. 202—203.
- ⁴⁸ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. М., 1976, с. 32.

Глава I

- ¹ Правда. 11.08.1982.
- ² См. подробнее: Примаков Е. М. Восток после краха колониальной системы. М., 1982, с. 43—53.
- ³ Ким Г. Ф. Актуальные проблемы национально-освободительного движения.— Международная жизнь. 1984, № 8, с. 47.
- ⁴ Международное коммунистическое движение. М., 1983, с. 127—128.
- ⁵ Политические партии. Справочник. М., 1981, с. 132; Documents of the 12-th Congress of the Communist Party of India. Adhikari Nagar, Varanasi, 22 to 28 March 1982, с. 130.
- ⁶ КПИ(м) возникла в ноябре 1964 г. в результате раскола КПИ. См. об этом гл. VI.
- ⁷ Индийские коммунисты, в частности, считают, что в их рядах могло бы быть больше представителей рабочего класса, чем сейчас, особенно квалифицированных. Жизнь ставит задачу дальнейшей разработки таких вопросов стратегии и тактики, как политика союзов, совершенствование путей, методов и средств работы в различных классах и слоях общества, в массо-

вых организациях трудящихся с учетом опыта социального маневрирования правящего класса, а также все еще сильного влияния традиционно-общинных институтов, религиозно-коммуналистской идеологии и цепкости докапиталистических социальных связей.

⁸ О деятельности индийских коммунистов в указанных штатах см. гл. VI.

⁹ См. подробнее: Политические партии. Справочник, с. 140.

¹⁰ V съезд Сирийской коммунистической партии. М., 1982, с. 46—47.

¹¹ Сирийская компартия на своем V съезде подчеркивала, что «внутренняя политика режима все еще остается довольно непоследовательной. Для нее характерны колебания, стремление удовлетворить противоречивые интересы различных классов. Это относится к практическим мерам, связанным как с возвращением на путь социального прогресса и дальнейшим продвижением по этому пути, так и с предоставлением широкой демократии народным массам, патриотическим, прогрессивным силам и т. п. Иными словами, патриотическому режиму в области внешней политики не сопутствует ясность в области внутренней политики. Отрицательные явления внутренней жизни страны, к которым привел курс правящего режима за последние годы, не преодолены» (V съезд Сирийской коммунистической партии, с. 24—25).

¹² Так, заместитель генерального секретаря ЦК Сирийской компартии Ю. Фейсал пишет: «Последовательный антиимпериализм — это база и стержень всей деятельности СКП, отправная точка нашего подхода к анализу как внешнеполитической обстановки, так и ситуации внутри страны, основной критерий при определении позиции в отношении той или иной партии, политической группировки и правящего режима в целом... Три основополагающих принципа политики СКП: союз с ПАСВ и другими прогрессивными силами, сохранение коммунистами независимой позиции по принципиальным вопросам, борьба за удовлетворение требований народных масс» (см.: Партии научного социализма в Азии и Африке. Прага, 1983, с. 98—99).

¹³ National Democratic Revolution, the Road to Socialism in Bangladesh. Declaration and Programme of the Communist Party of Bangladesh adopted at the 3-rd Congress Held at Dacca from 24 to 28-th February. Dacca, 1980, с. 38.

¹⁴ См. подробнее: *Загладин В. В.* За права трудящихся, за мир и безопасность народов. М., 1982, с. 191.

¹⁵ Bulletin d'information. Prague. Paix et Socialisme, 1981, № 5, с. 34—37.

¹⁶ Это, конечно, не значит, что проблема оценки этапа революционной борьбы решена навсегда. Жизнь показывает, что такие крупные вопросы стратегии и тактики, как определение переживаемого страной этапа революционного процесса, выбор форм и методов борьбы, состава участников единого фронта и соответственно отношения к тем или иным социально-классовым и политическим силам, в частности к национальной буржуазии, национальной (мелкобуржуазной) демократии, вновь и вновь встают перед партиями пролетарского авангарда.

¹⁷ Documents of the 12-th Congress of the Communist Party of India, с. 54—69.

¹⁸ Там же, с. 54—55.

¹⁹ The Road to South African Freedom. The Programme of the South African Communist Party.— African Communist Speak. Moscow, 1970.

²⁰ См. об этом в гл. VIII.

²¹ Цит. по: *Ашхаб Н.* С ответственностью за судьбы родины.— Проблемы мира и социализма. 1984, № 9, с. 32.

²² National Democratic Revolution. The Road to Socialism in Bangladesh, с. 25—33.

²³ Зарубежный Восток и современность. Т. I. М., 1980, с. 417.

²⁴ Н. А. Симония, например, выделяет два типа единого фронта: единый национальный фронт (ЕНФ) и единый демократический фронт (ЕДФ), а в качестве промежуточного — единый национально-демократический фронт (ЕНДФ). См.: *Симония Н.* Концепция единого фронта и проблема единства антиимпериалистических сил.— Азия и Африка сегодня. 1975, № 1, с. 30—32.

²⁵ *Ким Г. Ф.* От национального освобождения к социальному. М., 1982, с. 33.

²⁶ В их числе недооценка роли национальной буржуазии и средних слоев,

включая интеллигенцию, догматические представления о том, что антиколониальная, национально-освободительная революция может победить только под руководством рабочего класса, узкий взгляд на единый фронт как на союз лишь левых сил в противовес национальной буржуазии и под неизменным руководством рабочего класса и его политического авангарда, выдвигание социалистических лозунгов на этапе борьбы за национальную независимость, за общедемократические преобразования при неблагоприятном для пролетариата соотношении сил и т.д.

²⁷ В. И. Ленин — А. М. Горькому от 3/1.11. — Т. 48, с. 13.

²⁸ См. подробнее: Восток: рубеж 80-х годов. М., 1983, с. 103—110.

²⁹ Дело, конечно, не только в размерах капитала, в том, является ли буржуазия крупной или средней. Важны ее генезис, место в общественном производстве, хозяйственные связи и политические устремления. Сирийская компартия, например, считает паразитическую буржуазию (т. е. буржуазию, не связанную с процессом материального производства) одним из наиболее серьезных врагов прогрессивного развития страны, хотя в основном это средняя буржуазия. Так, на V съезде СКП говорилось: «Здесь, на съезде, мы, коммунисты, клянемся, что не дадим передышки паразитической буржуазии, не прекратим борьбы против нее. Свести на нет ее роль — это значит искоренить источники коррупции и взяточничества, разрушить главную опору тех, кто и в дальнейшем в качестве марионетки империализма намерен вести подрывную деятельность в стране, что является заклятым врагом социального прогресса нашей родины» (V съезд Сирийской коммунистической партии, с. 5).

Многое зависит и от этапа революционного процесса. Роль «демократического капитала» может быть одной на этапе борьбы против ТНК, феодалов, крупного предпринимательства и совершенно другой в условиях углубления социального содержания национально-демократической революции.

³⁰ Леводемократическими фронтами (и соответственно правительствами) индийские коммунисты называют те единые фронты (ЕФ), в которых принимают участие и буржуазные партии; левыми же — те, в которые кроме коммунистов входят партии и группировки, считающие своей идеологией марксизм и именующие себя левыми партиями.

³¹ Деятельность правительств ЕФ в Западной Бенгалии и Трипуре направляется КПИ(м), а с марта 1987 г. — и в Керале.

³² См. об этом гл. VI.

³³ См.: Проблемы мира и социализма. 1982, № 7, с. 25.

³⁴ Draft Political Report of the Central Committee on the National Situation. Colombo, 1980, с. 24.

³⁵ Там же.

³⁶ См. подробнее об этом гл. VI.

³⁷ Генеральный секретарь ЦК КПШЛ К. П. Сильва в статье, опубликованной в журнале «Проблемы мира и социализма» (январь 1984 г.), подчеркнул: «Наша партия считает, что сотрудничество с Партией свободы Шри-Ланки (ПСШЛ) возможно и нужно особенно в таких вопросах, как борьба за мир и укрепление национального суверенитета, за демократические права и сдвиги» (Проблемы мира и социализма. 1984, № 8, с. 27).

³⁸ Мировое коммунистическое движение. М., 1984, с. 422.

³⁹ V съезд Сирийской коммунистической партии, с. 163.

⁴⁰ Правда. 28.04.1978.

⁴¹ Правда. 05.07.1981.

⁴² Ульяновский Р. А. Очерки национально-освободительной борьбы. М., 1976, с. 243—244.

⁴³ См.: Ашхаб Н. Народ не сломлен, борьба продолжается.— Проблемы мира и социализма. 1982, № 10; Вильнер М. Разорвать порочный круг кровопролитий.— Проблемы мира и социализма. 1982, № 11; Самхун Р. Ливан между молотом и наковальней.— Проблемы мира и социализма. 1983, № 4; Баррад Ф. Новое в балансе сил на Ближнем Востоке.— Проблемы мира и социализма. 1983, № 5; Самхун Р. Что показала американо-натовская интервенция в Ливане.— Проблемы мира и социализма. 1984, № 1; Ашхаб Н. На трудном, крутом повороте.— Проблемы мира и социализма. 1984, № 3.

- ⁴⁴ См.: Партии научного социализма в Азии и Африке. Прага, 1983, с. 101.
- ⁴⁵ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Т. 41, с. 77.
- ⁴⁶ См., в частности, программы компартий афро-азиатских стран, а также материалы дискуссии по актуальным вопросам коммунистического движения и революционного процесса, опубликованные в журнале «Проблемы мира и социализма».
- ⁴⁷ New Age. 18.11.1984.
- ⁴⁸ Как подчеркивают ланкийские коммунисты, КПШЛ «нуждается в кадрах сведущих, разбирающихся в сложнейших вопросах сегодняшней реальности» (Рабочий класс и его революционный авангард, с. 159).
- ⁴⁹ Сему Пате Гей. Марксизм завоевывает позиции в Африке.— Проблемы мира и социализма. 1984, № 7, с. 69.
- ⁵⁰ Documents of the 12-th Congress of the Communist Party of India..., с. 144.
- ⁵¹ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Т. 41, с. 81.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 7.
- ⁵⁴ См.: Morning Star. L. 16.06.1981.
- ⁵⁵ Проблемы мира и социализма. 1982, № 8, с. 55. Статья подготовлена международной исследовательской группой Комиссии общетеоретических проблем журнала — Э. Кайседо, Э. Пахад, Р. Самхун.
- ⁵⁶ Дайсоко А. Перспективы стали яснее.— Проблемы мира и социализма. 1983, № 7, с. 36.
- ⁵⁷ Потемкин Ю. Тунис: партия после выхода из подполья.— Проблемы мира и социализма. 1982, № 2, с. 35.
- ⁵⁸ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г., с. 20.
- ⁵⁹ Сильва К. П. Отстаивая независимость, демократию, развитие.— Проблемы мира и социализма. 1984, № 8, с. 24—25.
- ⁶⁰ См., например: Documents of the 12-th Congress of the Communist Party of India, с. 110.
- ⁶¹ Сильва К. П. Отстаивая независимость, демократию, развитие, с. 24.
- ⁶² Там же, с. 25.
- ⁶³ Правда. 19.06.1984.
- ⁶⁴ Варрад Ф. Новое в балансе сил на Ближнем Востоке.— Проблемы мира и социализма. 1983, № 5, с. 19.
- ⁶⁵ Билен И. Пути к миру — через сплочение антивоенных сил.— Проблемы мира и социализма. 1983, № 4, с. 23.
- ⁶⁶ Восток: рубеж 80-х годов, с. 94.
- ⁶⁷ Там же, с. 93—122.

Глава II

- ¹ Коммунисты и профсоюзы. М., 1977, с. 240; Мировое коммунистическое движение. М., 1984, с. 398.
- ² Зарубежный Восток и современность. Т. I. М., 1983, с. 340.
- ³ Коммунисты и профсоюзы, с. 240.
- ⁴ Доля наемных работников в странах варьируется. Она составила, по официальным данным, на начало 70-х годов в Индии, Индонезии, Пакистане, Марокко, Турции, Алжире, Тунисе, Иране и на Филиппинах 35—50%, в Египте, Шри-Ланке, Ливане, на Кипре — 50—60, в Судане, Бангладеш, Бирме, и Таиланде — 25—30, в Сенегале, Нигерии и Непале — 10—15%. Подсчитано по: Yearbook of Labour Statistics (далее — YBLS). Geneva, 1979—1985; Рабочий класс стран Африки. М., 1983.
- ⁵ В освободившихся странах действие общемирового процесса сближения рабочих и служащих ограничено и находится в начальной стадии. Подробнее см.: Фридман Л., Воронин С. Наемные работники «третьего» сектора экономики в освободившихся странах.— Азия и Африка сегодня. 1982, № 11.

⁶ Подробнее см.: *Широков Г. К.* Промышленная революция в странах Востока. М., 1981, с. 96, 181—182; Экономика Индии. Общая характеристика. М., 1980.

⁷ См.: *Фридман Л. А., Воронин С. В.* Современный пролетариат освободившихся стран: структура, состав и социальное развитие.— Рабочий класс и современный мир. 1984, № 2.

⁸ Documents of the 12-th Congress of the Communist Party of India. Varanasi, 1982.

⁹ Party Life. 1978, № 4, с. 24—25.

¹⁰ Documents of the 12-th Congress of the Communist Party of India.

¹¹ См.: *Гордон Л. А., Егорова М. Н.* Рабочий класс независимой Индии. М., 1968, с. 42—43.

¹² См.: Draft Programme of the Communist Party of Sri Lanka. Colombo, 1975.

¹³ *Фридман Л. А.* Сельскохозяйственные рабочие в странах Азии и Африки.— Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1982, № 1, с. 20.

¹⁴ Деятельность компартий в среде сельскохозяйственных рабочих и взаимодействие с их организациями рассматриваются в гл. III.

Специфика социальной природы рабочих промышленных полукапиталистических предприятий учитывается афро-азиатскими компартиями (как было показано на примере КПИ) в рамках собственно рабочего класса. Это объясняется тем, что несельскохозяйственное производство главным образом связано с городом, где условия жизни, относительно высокий социокультурный уровень населения способствуют сближению наемных рабочих мелких предприятий с современным пролетариатом. В крупных городах численно преобладающий современный пролетариат вовлекает их в общий поток рабочего движения. В то же время дофабричный пролетариат, в рядах которого немало обитающих в городских трущобах, рассматривается как один из элементов широкой социальной общности, именуемой «городские низы». Поэтому соответствующие проблемы организационно-массовой работы компартий освещены в гл. IV.

¹⁵ См.: *Ленин В. И.* Об условиях приема новых членов в партию.— Т. 45, с. 20.

¹⁶ *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Т. 1, с. 311.

¹⁷ Восток: рубеж 80-х годов. М., 1983, с. 96.

¹⁸ Зарубежный Восток и современность. Т. 1, с. 403—404.

¹⁹ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974, с. 258.

²⁰ См., например: *Bates R. N.* Unions, Parties and Political Development. L., 1971; *Bienen M.* The Politics of Participation and Control. Princeton, 1974.

Подробнее об антимарксистских и немарксистских концепциях рабочего класса в освободившихся странах см.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 7. М., 1985, с. 527—560.

²¹ Восток: рубеж 80-х годов, с. 95.

²² См. подробнее: *Фридман Л., Воронин С.* Индустриализация и пролетариат афро-азиатских стран. Статья первая.— Азия и Африка сегодня. 1980, № 10, с. 7—8.

²³ Подробнее см.: Азия и Африка сегодня. 1980, № 11, с. 6—8; Народы Азии и Африки. 1982, № 5, с. 61—65.

²⁴ *Брутенц К. Н.* Современные национально-освободительные революции. М., 1974, с. 79.

²⁵ Подсчитано по: Yearbook of Industrial Statistics (далее — YBIS). 1974—1981; The Growth of World Industry. 1965—1973; YBIS, 1965—1983.

²⁶ Подсчитано по: YBIS, 1980—1983.

²⁷ *Хамахи Х.* Сирия: укрепляя связи с рабочими.— Рабочий класс и его революционный авангард. Прага, 1983, с. 153.

²⁸ *Синх Г.* Индия: за влияние в рабочей среде.— Как живут и борются партии коммунистов. Прага, 1981, с. 209—210.

²⁹ Восток: рубеж 80-х годов, с. 95.

³⁰ Проблемы мира и социализма. 1984, № 5, с. 69.

³¹ Мировое коммунистическое движение. М., 1984, с. 340.

³² См.: Азия и Африка сегодня. 1985, № 6, с. 4; Рабочий класс и современный мир. 1981, № 1, с. 102, 107.

³³ Мировое коммунистическое движение, с. 399.

³⁴ Подробнее см.: Рабочее движение в освободившихся странах Азии и Северной Африки. М., 1981.

³⁵ В социально-экономической и общественно-политической обстановке развивающихся афро-азиатских стран при относительной малочисленности рабочего класса и «слитности» пролетарских и непролетарских масс этот процесс, способствуя развитию собственно классового политического сознания отдельных (наиболее передовых) отрядов кадрового пролетариата, для подавляющего большинства рабочих влечет за собой главным образом рост их общедемократического сознания преимущественно в «популистских» формах. О генезисе и механизме распространения популистских идейных течений на массовом социально-психологическом уровне см.: *Хорос В. Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980, с. 75—83. О «политической ограниченности» и «революционном потенциале» популизма в рабочем движении см., например: *Sandbrook R.* The Political Potential of African Urban Workers.—*Canadian Journal of African Studies.* 1977, vol. 11, № 3, с. 424—433.

³⁶ *Ленин В. И.* Что делать? — Т. 6, с. 30.

³⁷ Там же, с. 56.

³⁸ Мировое коммунистическое движение, с. 179.

³⁹ *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Т. 41, с. 42.

⁴⁰ Draft Programme of the CPSL, с. 31.

⁴¹ Documents of the 12-th Congress of the Communist Party of India, с. 31.

⁴² V съезд Сирийской коммунистической партии, с. 151—152.

⁴³ Так, Сирийская коммунистическая партия еще в 1932 г. опубликовала документ, который ставил перед коммунистами задачу развертывать широкую деятельность среди рабочих. С тех пор на каждом съезде, в партийных решениях, призывах, аналитических материалах взаимодействию партии с пролетариатом постоянно уделяется внимание (см.: Рабочий класс и его революционный авангард, с. 158).

⁴⁴ *Ленин В. И.* Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций Востока. 22 ноября 1919 г.— Т. 39, с. 329.

⁴⁵ *Ленин В. И.* Беседа с делегацией Монгольской Народной Республики. 5 ноября 1921 г.— Т. 44, с. 233.

⁴⁶ Наиболее активно эти проблемы обсуждаются коммунистами стран с довольно многочисленным пролетариатом. Так, апрельский пленум ЦК Ливанской коммунистической партии (1974) подчеркнул необходимость усилить работу в профсоюзах, придавая первостепенное значение активизации деятельности среди рабочих. Январский пленум ЦК Сирийской коммунистической партии (1981) принял специальное постановление по докладу «Об активизации и совершенствовании деятельности партии в среде рабочих». Коммунистическая партия Индии приняла ряд аналогичных постановлений в 70-е годы. Этим проблемам уделяется внимание и в партийной печати (см.: Проблемы мира и социализма. 1974, № 11, с. 35; Party Life, 1968—1982).

⁴⁷ *Ленин В. И.* Насущные задачи нашего движения.— Т. 4, с. 373.

⁴⁸ Рабочее движение в развивающихся странах. М., 1977, с. 72.

⁴⁹ См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Инструкция делегатам временного центрального совета по отдельным вопросам.— Т. 16, с. 195—196.

⁵⁰ Party Life. 1978, № 4, с. 24.

⁵¹ В последние 10—15 лет в Советском Союзе изданы монографические исследования по проблемам рабочего класса Индии, Египта, Нигерии, Шри-Ланки, Бирмы, Ирана, Туниса, Филиппин, Таиланда, Индонезии и ряда других стран, где действуют коммунистические партии и марксистско-ленинские группы.

⁵² См.: Party Life. 1978, № 4, с. 24—25.

⁵³ Как показывает опыт проведения аналогичных мероприятий коммунистами в развитых капиталистических странах, «для многих рабочих участие

в обследовании условий их собственной жизни и труда нередко оказывается шагом к пониманию сущности капиталистической эксплуатации, приобщением к деятельности коммунистической партии на предприятии» (*Богоград В. А., Матвеев Р. Ф.* Работа коммунистов капиталистических стран в массах. М., 1976, с. 165).

⁵⁴ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Инструкция делегатам временного центрального совета по отдельным вопросам, с. 195.

⁵⁵ Коммунисты и профсоюзы, с. 238—239.

⁵⁶ Рабочий класс и его революционный авангард.

⁵⁷ *Аркадакский Ю. А.* К вопросу о взаимоотношениях между коммунистическими партиями и профсоюзами в странах Азии и Африки.— Рабочее движение в развивающихся странах. М., 1977, с. 72.

⁵⁸ *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Т. 41, с. 33—34.

⁵⁹ *Ghosh A.* On the Work of the Third Congress of the CPI. Delhi, 1954, с. 16.

⁶⁰ Там же, с. 12.

⁶¹ *Mathur T S.* Indian Working Class Movement. Allahabad, 1964, с. 151; Trade Union Record. December 1959; Indian Worker, 17.04.1960.

⁶² 30-th Session of the AITUC (General Report). Janashedpur, 1976.

⁶³ *Ленин В. И.* Доклад о революции 1905 года.— Т. 30, с. 314.

⁶⁴ Подробнее см.: Как живут и борются партии коммунистов, с. 260—261; Международное рабочее движение. М., 1982, с. 167, 248, 251; Рабочий класс стран Африки, с. 182—183.

⁶⁵ См.: *Городнов В. П.* Южно-африканский рабочий класс в борьбе против реакции и расизма. М., 1969.

⁶⁶ Международное рабочее движение, с. 307.

⁶⁷ См.: *Аркадакский Ю. А.* К вопросу о взаимоотношениях между коммунистическими партиями и профсоюзами, с. 75.

⁶⁸ Цит. по: Рабочий класс стран Азии. М., 1985, с. 33.

⁶⁹ См.: CETU 18-th Congress. General Secretary's Report. (Б. м.), 1973, с. 15.

⁷⁰ См.: *Сидорова Л. С.* Коммунистическая партия Индии и рабочий класс.— Коммунистические партии развивающихся стран в борьбе за единый фронт. М., 1976, с. 162.

⁷¹ Working Class and Emergency. New Delhi, 1975, с. 83; Information Bulletin. Prague, 1974, № 8, с. 39.

⁷² Подробнее см.: *Анчикова З. Г.* Всендийский конгресс профсоюзов в борьбе за социально-экономические интересы рабочего класса Индии (дис. канд. истор. наук). М., 1983, с. 93, 97.

⁷³ Мировое коммунистическое движение, с. 163.

⁷⁴ *Ленин В. И.* Что делать?— Т. 6, с. 69.

⁷⁵ West Bengal. Reports of CPI(M) & Its Various Frontal Activities (1982—1985), West Bengal State Committee. CPI(M). Calcutta, 1985, с. 12.

⁷⁶ Подробнее см.: *Сидорова Л. С.* Коммунистическая партия Индии и рабочий класс, с. 149—161.

⁷⁷ XI съезд Коммунистической партии Индии. М., 1979, с. 15. Подробнее см. гл. VI.

⁷⁸ XI съезд Коммунистической партии Индии, с. 8, 11, 12, 19—20, 22; Party Life, 1977, № 23, с. 68.

⁷⁹ Подробнее см. гл. VI.

⁸⁰ См.: Республика Шри-Ланка: экономика и политика. М., 1974, с. 159.

⁸¹ Подробнее см.: *Гидаспов В. И.* Коммунистическая партия Шри-Ланки в борьбе за создание и укрепление единого фронта антиимпериалистических сил.— Коммунистические партии развивающихся стран в борьбе за единый фронт, с. 195.

⁸² Международное рабочее движение. М., 1978, с. 310; см. также: *Гунасекера Д.* Шри-Ланка: акцент на идеологическую и массовую работу.— Рабочий класс и его революционный авангард, с. 157—158.

⁸³ XI съезд Коммунистической партии Индии, с. 115.

⁸⁴ West Bengal. Reports of CPI(M), с. 11.

⁸⁵ 11-th National Congress of the CPSL. Draft Political Report of the National Situation. Colombo, 1980, с. 22.

⁸⁶ Там же, с. 21—22; XI съезд Коммунистической партии Индии, с. 165.

⁸⁷ См.: Хартия Прогрессивного национального фронта. Дамаск, 1972. Введение.

⁸⁸ Багдаш Х. Избранные статьи. М., 1970, с. 13.

⁸⁹ Рабочее движение в освободившихся странах Азии и Северной Африки, с. 131.

⁹⁰ Рабочий класс и его революционный авангард, с. 186.

⁹¹ Коммунисты и профсоюзы, с. 254.

⁹² Мировое коммунистическое движение, с. 160.

Глава III

¹ См.: Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М., 1983, с. 31; 303.

² См.: World Bank. World Development Report. Wash., 1982, 1983; Yearbook of Labour Statistics (далее — YBLS). 1977—1983. Geneva.

³ См.: YBLS, 1960—1983; World Bank. World Development Report 1982—1983.

⁴ YBLS, 1981—1983; World Bank. World Development Report 1982—1983.

⁵ См.: Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс, с. 104—106.

⁶ См. подробнее: Зарубежный Восток и современность. Т. II, гл. III.

⁷ Там же, с. 134.

⁸ Вестник МГУ. Серия: Востоковедение. 1982, № 1, с. 3—20.

⁹ См. также: YBLS, 1977—1983.

¹⁰ См.: Фридман Л. А., Воронин С. В. Пролетариат освободившихся стран: структура, состав и социальное развитие.— Рабочий класс и современный мир. 1982, № 2, с. 139; Рабочий класс стран Азии и Африки. М., 1966; UN Statistic Yearbook 1979—1980. N. Y., 1981; YBLS, 1977—1983.

¹¹ См.: Фридман Л. А. Сельскохозяйственные рабочие стран Азии и Африки.— Вестник МГУ. Серия: Востоковедение. 1982, № 1.

¹² Даже в условиях сравнительно быстрых темпов индустриального роста (6—8% в год) капиталоинтенсивная промышленность стран Азии и Африки не может вовлечь в свою орбиту огромные массы избыточного населения, скопившегося в сельском хозяйстве, мелком городском производстве и в разбухшей сфере обслуживания.

¹³ К началу 80-х годов в сельском хозяйстве развивающихся стран Азии и Африки использовалось почти 1,5 млн. тракторов, 8—10 млн. механических и электроирригационных насосов. См.: FAO Production Yearbook за 1979—1982; Экономика Индии. Отраслевой анализ. М., 1980; Губина Н. К. Сельское хозяйство Индии: рынок средств производства. М., 1982.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Из Парижа в Берлин.— Т. 5, с. 508.

¹⁵ Ленин В. И. Политическое положение и задачи рабочего класса.— Т. 14, с. 207.

¹⁶ См. об этом подробнее: Зарубежный Восток и современность. Т. II, М., 1980, раздел III.

¹⁷ Например, стремительное падение во второй половине 50-х годов в штате Бихар численности руководимого коммунистами Всеиндийского крестьянского союза (в 1955 г.— 100 тыс. членов, в 1957 г.— только 5 тыс.) было вызвано репрессиями правительства штата, первоначальной вспышкой энтузиазма бедноты в отношении движения «бхудан» (пропаганда последователями М. Ганди безвозмездной добровольной передачи земельных излишков безземельным) и вовлечением крестьянства племен в сепаратистское движение (см.: Agrarian Movements in India: Studies on 20-th Century Bihar. L., 1982, с. 22—29). Но главную роль в «деполитизации» крестьян Бахара сыграли все-таки аграрные реформы 50-х годов и вызванные ими социальные сдвиги в деревне.

¹⁸ Краткая и систематическая сводка основных положений аграрных программ компартий дана в работе «Международное коммунистическое движение»

(М., 1983, с. 400—401). Она дополнена нами на основе широкого круга источников и исследовательских работ, среди которых в первую очередь следует отметить партийные документы КПИ и работы ее видных деятелей, которые позволяют проследить динамику возникновения и накопления нового в аграрной программе коммунистов. См., например: *Some Aspects of the Agrarian Question. Resolution Adopted by the National Council, Communist Party of India*. New Delhi, 1958; *Rajeswara Rao C., Bhowani Sen, Krishna Rao Y. V. Problems of India's Agrarian Sector*. New Delhi, 1970; *Sinha I. The Changing Agrarian Scene: Problems and Tasks*. New Delhi, 1980.

¹⁹ См., например: Аграрный вопрос и роль крестьянства на современном этапе национально-освободительной революции. Прага, 1978, с. 263, 310.

²⁰ Наиболее четко эти направления были сформулированы в середине 70-х годов Национальным советом Коммунистической партии Индии (Аграрный вопрос и роль крестьянства, с. 259—260) и в материалах III съезда Коммунистической партии Бангладеш, состоявшегося в 1980 г.

²¹ Особенно большое значение этому направлению в деятельности компартий в деревне придается, естественно, в тех странах, где наиболее остро стоит вопрос о путях становления и судьбах агропромышленных комплексов — будут ли они возникать и развиваться как составная часть госсектора или же станут дополнительным источником укрепления позиций национальных монополий и ТНК. См., например: *Documents of the Eighth Congress of the Communist Party of Philippines, December 1980*. New Delhi, 1981, с. 49.

²² См.: *Зарубежный Восток и современность*. Т. II, с. 120.

²³ Цит. по: *Развивающиеся страны: нарастание классовой борьбы*. М., 1983, с. 33.

²⁴ Подробнее см.: *Second Congress of the Communist Party of Bangladesh*. Dacca, 1974, с. 287—288.

²⁵ *Parti du Progrès et du Socialisme. Pour le changement démocratique en faveur des intérêts de la Patrie et des droits du peuple. Projet de thèses du 3-em Congrès national*. Casablanca, 1983, с. 71.

²⁶ Главным действующим лицом становятся при этом уже не малоземельные крестьяне, а безземельные сельскохозяйственные рабочие, в большинстве случаев борющиеся, как будет показано ниже, не столько за обзаведение «полновесным» земледельческим хозяйством, сколько за повышение своего социального статуса и своей экономической независимости перед лицом нанимателя.

²⁷ Так было в 1970 г., во время общенациональной кампании по захвату земельных излишков в Индии. Тот же принцип в работе партии сохраняется и сейчас, как показывают многочисленные материалы по аграрной тематике, публикуемые в последние годы еженедельником КПИ «New Age» (см., например, серию сообщений об увенчавшейся победой упорной борьбе безземельных штата Андхра-Прадеш под руководством коммунистов за захват земель, незаконно удерживавшихся бывшим раджей Чаллапалли (*New Age*. New Delhi, 13, 27.05; 03.06; 08, 15, 22.07; 05.08.1984), а также материалы Всеиндийского союза сельскохозяйственных рабочих (см., например: *Fifth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union (All India Agricultural Workers Union), Rajgir (Bihar), 16 to 19 October 1981*. New Delhi, 1981, с. 48—59).

²⁸ Подробнее о кодексе и реформе 1963 г. см.: *Барышникова О. Г. Сельское хозяйство Филиппин (генезис и развитие капитализма)*. М., 1972, с. 198—203.

²⁹ *Смирнская Ж. Д. Крестьянство в странах Азии: общественное сознание и общественная борьба*. М., 1979, с. 142—143.

³⁰ Всего в 1963—1972 гг. на фиксированную ренту было переведено 133 тыс. арендаторов, причем 30 тыс. из них приступили к выплате выкупных платежей за арендуемые участки (*Medina J. C. The Philippine Experience with Land Reform since 1972; An Overview.— Land Reform, Land Settlement and Cooperatives*. Rome, 1976, № 1, с. 2).

³¹ *Rajeswara Rao C. Bhowani Sen, Krishna Rao Y. V. Problems of India's Agrarian Sector*, с. 13—14.

³² *Растяжников В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе*. М., 1973, с. 428.

³³ Это было отмечено в резолюции Национального совета КПИ. См.: *Растяников В. Г.* Аграрная эволюция в многоукладном обществе, с. 428.

³⁴ *New Age*. 24.06, 28.10.1984.

³⁵ Подробнее о новых чертах в кампаниях по занятию земельных излишков см.: Fifth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 48—53.

³⁶ *Jacob K. T. Tiller Gets Land in Kerala*. New Delhi, 1970, с. 14—16.

³⁷ *Parakal P. V. Ten Glorious Years of Kerala UF Government*. New Delhi, 1979, с. 7.

³⁸ *Government of Kerala. Economic Review — 1980*. State Planning Board. Trivandrum, 1981, с. 159—160.

³⁹ *Jacob K. T. Tiller Gets Land in Kerala*, с. 19—21.

⁴⁰ *New Age*. 26.03.1967; *Нилов Ф. Н.* Опыт деятельности правительств левodemократических сил в Керале и Западной Бенгалии — Индия 1980. Ежегодник. М., 1982, с. 145—162.

⁴¹ *Government of West Bengal. United Front in West Bengal. The First Year*. Calcutta, 1970.

⁴² *Government of West Bengal. — West Bengal. Calcutta, 1983, 1.07, с. 397; CPI(M). Significant Six Years of the Left Front Government of West Bengal. Calcutta, 1983, с. 44.*

⁴³ *New Age*. 28.06.1981; *People's Democracy*. 28.06.1981; *Government of West Bengal. Land Reforms in West Bengal. Statistical Report — Y, 1981. Calcutta, 1981, с. 4.*

⁴⁴ В целом по штату они составляли 6,5—6,7 млн. га (*Сахаров И. В.* Западная Бенгалия. Л., 1977, с. 145—146).

⁴⁵ Следует заметить, что складывающийся на местах союз деревенской верхушки с представителями нижних и средних звеньев государственно-административного аппарата в той или иной мере делает государство противником крестьян и в антифеодальной борьбе. Равным образом крестьяне осознают необходимость давления на государство как на верховную законодательно-распорядительную силу, без доведения до которой крестьянских требований невозможна победа в антифеодальной борьбе.

⁴⁶ Наше описание этого движения основывается на подробной характеристике, данной ему А. М. Щегловой. См.: *Щеглова А. М.* Социально-экономическая структура и классообразование в деревне Бангладеш (канд. дис.). М., 1984, с. 146—150. Этому же автору принадлежат четкое и фактически обоснованное выделение и классификация антифеодальных выступлений в особую разновидность борьбы крестьян за улучшение условий хозяйственного воспроизводства на современном этапе социально-политического развития восточной деревни.

⁴⁷ Подробнее об этих выступлениях и роли в них Кришак самити см.: *Щеглова А. М.* Социально-экономическая структура и классообразование в деревне Бангладеш, с. 172—175.

⁴⁸ Дальнейшая характеристика движения «за вознаграждающие цены» дается главным образом по материалам разработки этой проблемы А. М. Мельниковым, опубликованным в книге: *Развивающиеся страны: нарастание классовой борьбы*, с. 88—93.

⁴⁹ В 70-е годы систематическое отставание цен на сельскохозяйственную продукцию от цен на промышленные товары ежегодно обходилось аграрному сектору в 30 млрд. рупий (Аграрный вопрос и роль крестьянства на современном этапе национально-освободительной революции. Прага, 1978, с. 257).

⁵⁰ *Развивающиеся страны: нарастание классовой борьбы*, с. 42, 73—74.

⁵¹ Об этих отрядах подробнее см. разд. I данной главы.

⁵² Такой выбор можно считать отчасти вынужденным (потому что деятельность коммунистов в деревне большинства развивающихся стран Востока чаще всего проводится нелегально и может быть охарактеризована лишь в общих чертах), отчасти преднамеренным, поскольку у индийских коммунистов накоплен богатый и хорошо документированный опыт работы с крестьянством.

⁵³ Материал излагается далее в основном по: *Развивающиеся страны: нарастание классовой борьбы*, с. 93—96, 99—104, а также по данным, система-

тически публиковавшимся в еженедельнике КПИ «New Age» за соответствующие годы.

⁵⁴ Развивающиеся страны: нарастание классовой борьбы, с. 22; Fifth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 88.

⁵⁵ Проблемы коммунистического движения. Ежегодник. 1981. М., 1982, с. 299. Соглашаясь в принципе с этим высказыванием, все-таки добавим, что нередко даже организованные рабочие голосуют за ИНК (И) не столько по традиции, сколько под давлением своих нанIMATEЛЕЙ из числа зажиточных крестьян; последние же, контролируя власть на местах, обладают многими способами (от подкупов до прямого насилия) заставить рабочих голосовать за кандидатов буржуазных партий (подробнее см.: *Панарин С. А.* Страны Востока: проблема обнищания крестьянства и попытки ее решения, М., 1985, с. 93—94).

⁵⁶ Развивающиеся страны: нарастание классовой борьбы, с. 96.

⁵⁷ Так, в Пенджабе местное отделение ИССР систематически организует забастовки, приуроченные к моменту пересмотра властями штата минимума зарплаты, и часто добивается успеха, особенно впечатляющего в районах возделывания коммерческих культур. См.: *Master Hari Singh.* Agricultural Workers' Struggle in Punjab. New Delhi, 1980, с. 43—55.

⁵⁸ См., например: Fifth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 29, 34—37.

⁵⁹ См. подробнее: *Выхухолов В.* Отстаивая интересы трудящихся (к 55-летию создания Компартии Индии).— Азия и Африка сегодня, М., 1980, № 12, с. 25.

⁶⁰ Подробнее см.: Fifth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 107—109.

⁶¹ *Кейнеман П.* За сплочение борющихся масс. К итогам X съезда Компартии Шри-Ланки.— Проблемы мира и социализма. Прага, 1978, № 8, с. 25.

⁶² Конечно, уровень политической грамотности коммунистов — выходцев из деревни обычно ниже, чем у горожан, но этот недостаток, устранимый с помощью института партийной учебы, в конечном счете перевешивается тем, что деревенские активисты, являясь «своими» в глазах крестьян, не сковывают их инициативу.

⁶³ Так, если в 1973 г. крестьяне составляли 11,2% общего числа членов Коммунистической партии Бангладеш, то на начало 1980 г. их было уже 19,3%.

⁶⁴ О социальной принадлежности делегатов XII съезда КПИ см.: Report and Resolutions Adopted by the National Council of the Communist Party of India. New Delhi, September 17 to 20, 1983, с. 78—79.

⁶⁵ Цит. по: Зарубежный Восток и современность. Т. II. М., 1980, с. 158.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ В таких, как округ Дарджилинг, где расположена деревня Наксалбари, давшая название наксалитам. См.: например: *Partha Nath Mukherji.* Agrarian Mobilisations and Social Change: Gandhian and Left Perspectives.— Mainstream. New Delhi, 1984, vol. 22, № 25, с. 21—22.

⁶⁸ *Syamalendu Banerjee.* The Legend of Naxalbari.— The Illustrated Weekly of India. Bombay, 30.10.1983, с. 15—16.

⁶⁹ Так, в 1978 г. на первомайском митинге в Стамбуле участвовали представители «Кей кооп» (объединение кооперативов мелких и средних товаропроизводителей) и «Кей дер» (организация малоземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих).— Аграрный вопрос и роль крестьянства, с. 309.

⁷⁰ Юго-Восточная Азия: современное политическое развитие. М., 1984, с. 158.

⁷¹ *Ledesma A. J.* Landless Workers and Rice Farmers: Peasant Subclasses under Reform in Two Philippine Villages. Los Baños, 1982, с. 188—192. Все цифры взяты из официальных источников. Подробнее о филиппинской аграрной реформе см.: *Панарин С. А.* Страны Востока: проблема обнищания крестьянства и попытки ее решения, с. 114—118.

⁷² Philippines: Repression and Resistance. L., 1981, с. 72.

⁷³ Там же, с. 64.

⁷⁴ Так, государственная корпорация по освоению новых земель в конце

70-х годов передала или подготовила к передаче ТНК только на Минданао свыше 100 тыс. га (Documents of the Eighth Congress of the Communist Party of the Philippines. New Delhi, 1981, с. 46—47).

⁷⁵ По оценке МБРР, в 1975 г. 47,5% сельского населения не было обеспечено прожиточным минимумом. По данным филиппинских экономистов, доля плохо питающихся семей в общем числе сельских семей в 1971—1975 гг. даже выросла. См.: Aspects of Poverty in the Philippines: A Review and Assessment. Vol. II. Wash., 1980, с. 8; Philippines: Repression and Resistance, с. 64.

⁷⁶ О самаханг найонах см.: Панарин С. А. Страны Востока: проблема обнищания крестьянства и попытки ее решения, с. 116—117; о бригадах барангаев: Юго-Восточная Азия: современное политическое развитие, с. 156—157; Philippines: Repression and Resistance, с. 159—160.

⁷⁷ См.: Documents of the Eighth Congress of the Communist Party of Philippines, December 1980. New Delhi.

⁷⁸ Например, тезис об объективном возрастании социально-политической роли крестьянства в странах социалистической ориентации хорошо обоснован А. С. Агаджаняном на бирманском материале. См.: Агаджанян А. С. Социально-политическая роль крестьянства в современной Бирме (авторрефер. канд. дис.). М., 1984, с. 10—16.

⁷⁹ Бен Талеб Махмуд. Отстоять прогрессивный выбор.— Проблемы мира и социализма. 1984, № 12, с. 73.

⁸⁰ Разработке данного вопроса особое внимание уделяет Сирийская коммунистическая партия. См., например: V съезд Сирийской коммунистической партии. М., 1982, с. 41—44, 157—158.

Глава IV

¹ См.: Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975; Зарубежный Восток и современность. Т. I. М., 1980, с. 301—302; Восток: рубеж 80-х годов. М., 1983, с. 111—123; Ким Г. Ф. От национального освобождения к социальному. М., 1982, с. 60—101.

² Старченков Г. И. Трудовые ресурсы Турции. Демографический, экономический и социальный аспекты. М., 1981, с. 154.

³ В 1962 г. его численность составляла около 1 тыс. человек, в 1981 г. она возросла до 83 тыс., а в 1985 г., по подсчетам специалистов, число студентов достигло 150 тыс. (Кухарев А. Н. Алжир. Современные средние городские слои. М., 1983, с. 57, 59—60).

⁴ National Democratic Revolution, Road to Socialism in Bangladesh. Дакка, 1980, с. 34.

⁵ Развивающиеся страны в современном мире: единство и многообразие. М., 1983, с. 268.

⁶ См.: Documents of the Eighth Congress of the Communist Party of Philippines, December 1980. New Delhi, с. 62.

⁷ См., в частности: Documents of the 12-th Congress of the Communist Party of India. Varanasi, 1982; National Democratic Revolution, Road to Socialism in Bangladesh. Дакка, 1980; Documents of the Eighth Congress of the Communist Party of Philippines, December 1980. New Delhi; Pour le Changement Démocratique en Faveur des Intérêts de la Partie et des Droits Du Peuple. Projet de theses du 3-e Congres National. [Б. м.], 1983; Political Thesis Adopted by the 12-th National Congress of the Communist Party of Sri Lanka. January 27—29. Colombo.

⁸ III съезд Иракской компартии. Багдад, 4—6 мая 1976 г.— Документы и материалы зарубежных коммунистических и рабочих партий. М., 1977, с. 84.

⁹ Там же, с. 86.

¹⁰ См., например, указанные выше документы Иракской компартии.

¹¹ Источник обогащения лиц, связанных с государственным аппаратом в колониальные времена, а нередко и в постколониальный период, во многих случаях — казнокрадство и взяточничество. Даже мелкие чиновники стремились увеличить свое жалование за счет различных поборов с просителей. В такой обстановке nepotизм, коррупция, взяточничество нередко становятся

нормой повседневного поведения. Бюрократия и примыкающие к ней слои пытаются сохранить свое «особое» положение, упрочить привилегии, воспрепятствовать демократизации общественной жизни. Отсюда стремление чиновничества к «самовоспроизводству», к недопущению в свою среду выходцев из социальных низов.

¹² *Севрогян Р. Э.* О политической роли офицерства в странах современного Востока.— Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975.

¹³ См.: *Кухарев А. Н.* Алжир. Современные средние городские слои. М., 1983, с. 134—135.

¹⁴ *Ленин В. И.* Задачи революционной молодежи. Письмо первое.— Т. 7, с. 343.

¹⁵ Как известно, из студенческой среды вышло немало руководителей и активистов коммунистических, либерально-буржуазных партий, правонационалистических и религиозно-реакционных партий и организаций.

¹⁶ Documents of the 12-th Congress of the Communist Party of India, с. 60.

¹⁷ Там же, с. 95.

¹⁸ Там же, с. 61.

¹⁹ *Ленин В. И.* Задачи революционной молодежи. Письмо первое.— Т. 7, с. 343.

²⁰ См. подробнее: Интеллигенция и социальный прогресс в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1981.

²¹ XI съезд Коммунистической партии Индии. М., 1979, с. 120—121.

²² Составлено и рассчитано по: YBLS, 1980—1982.

²³ См. указанные выше программные документы компартий афро-азиатских стран.

²⁴ См.: Documents in Communist Affairs 1980. L., 1981, с. 50, 56.

²⁵ Türkiye Komünist Partisi Programı. Istanbul, 1978, с. 49.

²⁶ См. подробнее об этом гл. VII.

²⁷ *Дадю Ю.* В борьбе за единство трудящихся, против сил империализма и апартеида.— Партийная жизнь. 1982, № 3, с. 69—70.

²⁸ Коммунисты и женское движение.— Проблемы мира и социализма. 1980, № 3, с. 80.

²⁹ Коммунисты мира о своих партиях. Прага, 1976, с. 150.

³⁰ Documents of the 12-th Congress of the Communist Party of India, с. 61.

³¹ V съезд Сирийской коммунистической партии. М., 1982, с. 29.

³² Nos Analyses, nos Buts, nos Taches. Theses adoptées par le 2-e Congrès National. Casablanca. 23—24—25 février 1979, с. 108.

³³ *Левковский А. И.* Социальная структура развивающихся стран. М., 1978, с. 111.

³⁴ См.: Восток: рубеж 80-х годов. М., 1983, с. 101.

³⁵ См. подробнее об этом в гл. III.

³⁶ Подсчитано по: Patterns of Urban and Rural Growth of World Population. N. Y., 1980.

³⁷ См., в частности: Documents of the 12-th Congress of the Communist Party of India, с. 185—186.

³⁸ Там же.

³⁹ Восток: рубеж 80-х годов, с. 102.

⁴⁰ См., например: V съезд Сирийской коммунистической партии. М., 1982; Documents of the Eighth Congress of the Communist Party of Philippines. New Delhi, 1980; National Democratic Revolution, the Road to Socialism in Bangladesh.

⁴¹ National Democratic Revolution, the Road to Socialism in Bangladesh, с. 26—28.

⁴² Supplement to New Age. 11.11.1979, с. 12.

⁴³ Le Démocratie Nationale, Etape Historique vers le Socialisme. Programme du Parti du Progrès et du Socialisme adopté par le Congrès National des 21, 22, 23 février 1975. Casablanca, с. 121, 122.

⁴⁴ Documents of the Eighth Congress of the Communist Party of Philippines, с. 89.

- ⁴⁵ Там же, с. 120.
⁴⁶ Supplement to New Age. 11.11.1979, с. 12.
⁴⁷ Communist Party of Sri Lanka. Political Thesis (Supplementary) for the 12-th National Congress. January 27—29, 1984. Colombo, с. 12—13.
⁴⁸ People's Democracy. New Delhi, 05.04.1980; New Age 20.01, 14.09.1980.
⁴⁹ Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении.—Т. 30, с. 54—55.

Глава V

- ¹ В данной главе речь идет о ключевых моментах в истории коммунистических партий Индонезии, Малайзии и Филиппин. История развития компартий Бирмы и Таиланда во многом сходна с историей комдвижения рассматриваемых стран, хотя, безусловно, она имеет ряд специфических особенностей.
² Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.—Т. 41, с. 58—59.
³ Губер А. А. Индонезия. Социально-экономические очерки. М., 1933, с. 272—274.
⁴ Левинсон Г. И. Рабочее движение на Филиппинах. М., 1957, с. 8.
⁵ Ленин В. И. Землеустройство и деревенская беднота.—Т. 24, с. 6.
⁶ Резников А. Б. Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. Проблемы теории и истории. М., 1978, с. 231.
⁷ Губер А. А. Основные особенности национально-освободительного движения в Индонезии до второй мировой войны.—Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965). М., 1970, с. 15—16.
⁸ Ленин В. И. Пробуждение Азии.—Т. 23, с. 145.
⁹ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 197.
¹⁰ Вопросы истории КПСС. 1980, № 1, с. 45.
¹¹ Коминтерн и Восток. М., 1969, с. 146—147.
¹² Айдит Д. Н. Краткая история Коммунистической партии Индонезии. М., 1956, с. 18—19.
¹³ Цит. по: Цыганов В. А. Национально-революционные партии Индонезии. М., 1969, с. 26.
¹⁴ Резников А. Б. Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала, с. 220—221.
¹⁵ Там же, с. 233—234.
¹⁶ Brimmel J. H. Communism in South East Asia. A Political Analysis. L., 1959, с. 104, 105.
¹⁷ Miller H. The Communist Menace in Malaya. N. Y., 1954, с. 22—23.
¹⁸ Brimmel J. H. Communism in South East Asia..., с. 95.
¹⁹ Там же, с. 96; Miller H. The Communist Menace in Malaya, с. 29—30.
²⁰ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сборник документов. М., 1975, с. 170.
²¹ Резников А. Б. Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала, с. 237.
²² Там же, с. 241.
²³ Taruc L. He Who Rides a Tiger. The Story of an Asian Guerilla Leader. N. Y.—Wash.—L., 1967, с. 19.
²⁴ Brimmel J. H. Communism in South East Asia, с. 152—153.
²⁵ Miller H. The Communist Menace in Malaya, с. 31.
²⁶ Там же, с. 43—44.
²⁷ Pye L. W. Guerilla Communism in Malaya. Its Social and Political Meaning. Princeton, 1956, с. 69.
²⁸ Brimmel J. H. Communism in South East Asia, с. 203—204.
²⁹ Pye W. Guerilla Communism in South East Asia, с. 87—89.
³⁰ Brimmel J. H. Communism in South East Asia, с. 320—321.
³¹ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.—Т. 41, с. 42.
³² Левтонова Ю. О. История Филиппин. Краткий очерк. М., 1979, с. 233.
³³ Lachica E. Huk. Philippine Agrarian Society in Revolt. Manila, 1971, с. 120—121.
³⁴ Taruc L. He Who Rides a Tiger, с. 27.

- ³⁵ *Симония Н. А.* Путь индонезийской революции.— Азия и Африка сегодня. 1967, № 6, с. 25.
- ³⁶ См.: Коминтерн и Восток, с. 146—147.
- ³⁷ *Ленин В. И.* Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу.— Т. 41, с. 173.
- ³⁸ Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932. М., 1933, с. 765.
- ³⁹ Так называемые мадиунские события — неподготовленное выступление левых, спровоцированное реакцией.
- ⁴⁰ Dokumen-dokumen Kongres Nasional ke-VI PKI.— Bintang Merah Nomor Spesial Djakarta, 1960, с. 95—97.
- ⁴¹ *Aidit D. N.* The Road to People's Democracy for Indonesia. Jakarta 1955, с. 33.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. с. 30
- ⁴⁴ Там же, с. 38.
- ⁴⁵ Пять принципов, включающие религиозность и веротерпимость, гуманизм, национализм, т. е. независимость и единство Индонезии, демократию на основе консультаций и социальную справедливость.
- ⁴⁶ *Ленин В. И.* Наша ближайшая задача.— Т. 4, с. 192.
- ⁴⁷ *Ленин В. И.* Политические партии в России.— Т. 21, с. 276.
- ⁴⁸ *Brimmel J. H.* Communism in South East Asia, с. 324.
- ⁴⁹ *Pye L. W.* Guerilla Communism in Malaya, с. 105; *Miller H.* The Communist Menace in Malaya, с. 213—214.
- ⁵⁰ *Pye L. W.* Guerilla Communism in Malaya, с. 109.
- ⁵¹ *Brimmel J. H.* Communism in South Asia, с. 333—334.
- ⁵² В сентябре того же года правительство федерации заключило с Англией договор об обороне и взаимопомощи, узаконивший присутствие в Малайе войск стран Содружества, продолжавших антипартизанскую войну.
- ⁵³ Проблемы мира и социализма. 1958, № 2, с. 79.
- ⁵⁴ См.: *Starnier F. L.* Communism in Malasia. A Multifront Stuggle.— The Communist Revolution in Asia. Tactics, Goals and Achievements. Berkeley, 1965, с. 241.
- ⁵⁵ *Tarus L.* He Who Rides a Tiger, с. 73—74.
- ⁵⁶ Там же, с. 94.
- ⁵⁷ Волнующий рассказ одного из участников партизанской войны на Филиппинах в 50-х годах представляет собой книга У. Помроя «В чаше лесов», издана на русском языке (М., 1965).
- ⁵⁸ *Левтонова Ю. О.* История Филиппин, с. 236.
- ⁵⁹ *Левинсон Г. И.* Рабочее движение на Филиппинах, с. 82—83.
- ⁶⁰ *Brimmel J. H.* Communism in South East Asia, с. 342—343.
- ⁶¹ См., в частности, высказывания руководителей Компартии Китая во время переговоров с делегацией Компартии Индии (марксистской) в Пекине в апреле 1983 г., где упоминалось о недопустимости абсолютизации революционного опыта той или иной партии (People's Democracy. 29.05.1983, с. 6; 05.06.1983, с. 8).
- ⁶² *Айдит Д. Н.* Краткая история Коммунистической партии Индонезии. М., 1956.
- ⁶³ Там же, с. 620, 658.
- ⁶⁴ Там же, с. 674, 683—684.
- ⁶⁵ The Sixty Years of the Communist Party of Indonesia. Theses.— Tekad Rakyat. [Б. м.]. Vol. 9, 1980, № 5, с. 13.
- ⁶⁶ *Aidit D. N.* Kibarkan Tinggi Pandji Revolusi. Djakarta, 1964, с. 36.
- ⁶⁷ См. подробнее заявление ЦК КПИ: Jawaban PKI kepada KOPKAMTIB Penguasaan Komite Central Partai Komunis Indonesia (Jakarta, Maret 1979).
- ⁶⁸ См. подробнее об идейно-политической борьбе в КПИ в тот период: *Резников А. Б.* Два документа — два курса в коммунистическом движении Индонезии.— Народы Азии и Африки. 1968, № 1, с. 35—50.
- ⁶⁹ *Синурайя Т.* В борьбе за интересы трудового народа Индонезии.— Партийная жизнь. 1980, № 10.

- ⁷⁰ Правда. 02.02.1959.
⁷¹ Там же.
⁷² *Taylor J.* China and Southeast Asia Peking's Relations with Revolutionary Movements. N. Y. 1976.
⁷³ Там же, с. 314.
⁷⁴ Там же, с. 317.
⁷⁵ Working People's Daily. Rangoon. 17.02.1970.
⁷⁶ Peking Review. 1974, № 7, с. 22.
⁷⁷ Pacific Affairs. Vol. 50, 1977, № 2, с. 250.
⁷⁸ Там же.
⁷⁹ Правда. 03.06.1974.
⁸⁰ *Левтонова Ю. О.* История Филиппин, с. 253.
⁸¹ Там же.
⁸² *Taylor J.* China and Southeast Asia. N. Y., 1976, с. 326—327.
⁸³ Там же.
⁸⁴ *Lachika E.* Philippine Agrarian Society in Revolt, с. 285.
⁸⁵ Там же, с. 302—305.
⁸⁶ *Левтонова Ю. О.* История Филиппин, с. 263.
⁸⁷ *Taylor J.* China and Southeast Asia, с. 332, 349.
⁸⁸ Documents of the Seventh Congress of the Communist Party of Philippines. New Delhi, 1979, с. 107—108.
⁸⁹ *Маравилья Х.* Подъем антиимпериалистического движения на Филиппинах.— Проблемы мира и социализма. 1965, № 11, с. 66.
⁹⁰ *Балагас Ф.* Филиппины на перепутье.— Проблемы мира и социализма. 1971, № 11, с. 75.
⁹¹ *Балагас Ф.* Тенденции перемен на Филиппинах.— Проблемы мира и социализма. 1975, № 7, с. 86.
⁹² *Макапагал Ф.* Что мы противопоставляем политике «разделяй и властвуй».— Проблемы мира и социализма. 1981, № 7, с. 46.
⁹³ Documents of the Eighth Congress of the Communist Party of Philippines. New Delhi, 1981, с. 68—70.
⁹⁴ Там же, с. 78.
⁹⁵ Там же, с. 78—79.

Глава VI

¹ Об особенностях социально-классовой структуры современной Индии см.: Экономическое и социально-политическое развитие Индии: итоги, проблемы, перспективы. М., 1986.

² Communist Party of India. Fifty Years of Struggle and Advance. 1925—1975 (Central Executive Committee of the National Council of the CPI). New Delhi, 1975, с. 5.

³ Manifesto to the 36-th Indian National Congress. Ahmedabad, 1921.— Documents of the History of the Communist Party of India. Vol. I 1917—1922. New Delhi, 1971 (далее SPI Documents — 1971), с. 341—354.

⁴ AITUC — Fifty Years. Documents. Vol. I. New Delhi, 1973.

⁵ В изданной Компартией Индии работе «Основные моменты истории Коммунистической партии Индии» говорится, что в 1929—1934 гг. КПИ совершила некоторые ошибки по вопросу об участии в национально-освободительном движении: «левосектантская линия в значительной степени увела нас от растущего национального движения, подорвала профсоюзные организации и даже на время расколола партию». Вместе с тем отмечалось, что даже тогда коммунисты участвовали в национально-освободительном движении и были за это арестованы английскими властями. См.: Guidelines of the History of the Communist Party of India. Issued by the Central Party Education Department. New Delhi, 1974, с. 36, 43.

⁶ *Farooqi M.* India's Freedom Struggle and the Communist Party of India, с. 36.

⁷ Guidelines of the History of the Communist Party of India, с. 59—60.

⁸ *Lal S.* India and the Great October Revolution.— India and World Events. 10.11.1968.

- ⁹ Guidelines of the History of the Communist Party of India, c. 65.
- ¹⁰ Communist Party of India. Fifty Years, c. 8, 9.
- ¹¹ Там же, с. 26.
- ¹² Guidelines of the History of the Communist Party of India, c. 66, 67
- ¹³ Communist Party of India. Fifty Years, c. 10.
- ¹⁴ Там же, с. 13.
- ¹⁵ CPI. Documents of the History of the Communist Party of India. Vol. VII. 1948—1950. New Delhi, 1976 (далее CPI Documents—1976), c. VIII.
- ¹⁶ Political Thesis (adopted at the Second Congress, 28 February to 6 March 1948).— SPI Documents... 1976, c. 40.
- ¹⁷ Там же, с. 49, 50.
- ¹⁸ On People's Democracy.— CPI Documents — 1976, c. 460—461.
- ¹⁹ Там же, с. 462—464.
- ²⁰ Там же, с. 463.
- ²¹ Правда. 21.10.1951.
- ²² West Bengal Accuses. New Delhi, 1959, c. 71—73.
- ²³ CPI Documents — 1976, c. X.
- ²⁴ Там же, с. XIV.
- ²⁵ Guidelines of the History of the Communist Party of India, c. 88, 89.
- ²⁶ Election Commission of India. Report of the Fourth General Election to the House of the People in India 1967 (далее: RGE—IV—1967), c. 64, 65.
- ²⁷ CPI. Truth about Kerala. Central Executive Committee of the Communist Party of India. New Delhi, 1958, c. 11; *Gopalan A. K.* The Amended Kerala Agrarian Relations Bill.— New Age. 1962, № 12, с. 1—14.
- ²⁸ См.: *Юрлов Ф. Н.* О деятельности леводемократических правительств в Керале.— Народы Азии и Африки. 1984, № 1.
- ²⁹ Namboodiripad E. M. S. Kerala Yesterday, Today and Tomorrow. Calcutta, 1967, с. 228, 229.
- ³⁰ *Юрлов Ф. Н.* О деятельности леводемократических правительств в Керале.— Народы Азии и Африки. 1984, № 1, с. 25.
- ³¹ VI съезд Коммунистической партии Индии. М., 1962, № 11.
- ³² CPI. The Programme of the Communist Party of India.— Proceeding of the Seventh Congress of the Communist Party of India. Bombay, 13—23 December 1964, Documents. Vol. I. New Delhi, 1965, с. 25, 26.
- ³³ Там же, с. 27.
- ³⁴ Там же, с. 36.
- ³⁵ Там же, с. 37.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ CPI. Documents Adopted by the Eighth Congress of the Communist Party of India. Patna. 7—15 Feb. 1968. New Delhi, 1968, с. 314.
- ³⁹ Там же, с. 315.
- ⁴⁰ CPI(M). Programme. Adopted at the Seventh Congress of the Communist Party of India at Calcutta. October 31 to November 7, 1964. With the Amendment by the 9-th Congress in Madurai. June 27 to July 2, 1972. Statement of Policy. Adopted at the All India Conference of the Communist Party of India 1951. Calcutta; 1972, с. 1, 2.
- ⁴¹ Там же, с. 23.
- ⁴² Там же, с. 45.
- ⁴³ Там же, с. 44, 45.
- ⁴⁴ Там же, с. 44—45.
- ⁴⁵ CPI(M) Stand on Ideological Issues. Calcutta, 1969, с. 116—119.
- ⁴⁶ CPI(M) Central Committee Information Document. The Growth of Adventurism in West Bengal.— Left Deviation or Left Opportunism Resolution of the Central Committee of the Communist Party of India (Marxist). Nadurai. August 18 to 27, 1967 [далее CPI(M) On Left Deviation — 1967], с. 18—20; Link. 1964. 18.10, с. 11.
- ⁴⁷ CPI(M) On Left Deviation — 1967, с. 42.
- ⁴⁸ Там же, с. 22.
- ⁴⁹ CPI(M) New Situation and Party's Tasks. Political Report. Adopted by

the Central Committee, Communist Party of India (Marxist). Calcutta, April 10 to 16, 1967, с. 3, 50.

⁵⁰ Там же, с. 51.

⁵¹ CPI(M). Ideological Resolution. Adopted by the Central Plenum. Burdwan, April 6—12, 1968, с. 55.

⁵² Liberation. Calcutta, 1968, № 8, June.

⁵³ Подсчитано по: RGE-IV—1967, с. 64, 65, 72, 73, 78, 84, 88, 89, 92, 93.

⁵⁴ CPI. Review of the Fourth General Election. Adopted by the National Council of the CPI. Calcutta, 23—30 April, 1967, с. 41.

⁵⁵ По этому вопросу см.: *Регинин А. И.* Индийский Национальный Конгресс. Очерки идеологии и политики. М., 1978, с. 203—205.

⁵⁶ XI съезд Коммунистической партии Индии. Бхатинда, 31 марта — 7 апреля 1978 г. М., 1979, с. 8, 9, 15, 16.

⁵⁷ Communist Party of India. Fifty Years, с. 25.

⁵⁸ XI съезд Коммунистической партии Индии, с. 11.

⁵⁹ Там же, с. 22, 23.

⁶⁰ Там же, с. 144.

⁶¹ Там же, с. 156.

⁶² Там же, с. 156, 163.

⁶³ Там же, с. 157.

⁶⁴ Там же, с. 161.

⁶⁵ Там же, с. 43—44.

⁶⁶ Documents of the 12-th Congress of the Communist Party of India. Varanasi, 1982, с. 58, 62, 65.

⁶⁷ Там же, с. 63.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ CPI(M). Review of Political—Tactical Line. June 1972—April 1978. Adopted by the Tenth Congress of the Communist Party of India (Marxist). Jullundur, April 2—8, 1978. New Delhi, 1978 [далее CPI(M) Review—1978], с. 27.

⁷⁰ Там же, с. 34.

⁷¹ CPI(M). Report on Organisation. Adopted by the Plenum of the Central Committee. Salkia, Howrah, West Bengal. December 27—31, 1978, с. 37.

⁷² CPI(M) Review—1978, с. 9.

⁷³ Там же.

⁷⁴ CPI(M). Political Resolution. Adopted at the Tenth Congress of the Communist Party of India (Marxist) held from 2-nd to 8-th April 1978 at Jullundur.

⁷⁵ CPI(M). Documents of the Eleventh Congress of the Communist Party of India (Marxist). Vijayavada. January 26—31, 1982, с. 61, 62.

⁷⁶ Там же, с. 62.

⁷⁷ Election 1984. Computerised Analysis. New Delhi, 1984.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ New Age, 27.01.1985.

⁸⁰ CPI. Political Resolution for the 13th Party Congress. Patna. March 12—17, 1986, New Delhi, 1986, с. 23, 24.

⁸¹ CPI(M). Political Resolution of the Twelfth Congress of the Communist Party of India (Marxist), Calcutta, December 25—30, 1985. New Delhi, 1986, с. 29.

⁸² Там же, с. 30, 31, 63.

⁸³ Там же, с. 61.

⁸⁴ Соломон Бандарананке был убит в сентябре 1959 г.

⁸⁵ Из 157 мест в парламенте ПСШЛ получила 91 мандат, СПШЛ — 19 и КПШЛ — 6 мандатов.

⁸⁶ Проблемы мира и социализма. 1978, № 8, с. 22.

⁸⁷ Programme of the Communist Party of Sri Lanka, 9-th Congress, 1975, с. 40.

⁸⁸ Там же, с. 44.

⁸⁹ В сентябре 1976 г. Соцпартия Шри-Ланки была исключена из Объединенного фронта.

⁹⁰ Заявление ЦК КПШЛ. См.: For a new Front and a Radical Programme (Statement of the Central Committee of the CPSL). Colombo, 1977, с. 16.

⁹¹ The Tasks of our Party and the New Political Situation. Thesis of the Central Committee of the 10-th National Congress of the Communist Party of Sri Lanka. March 22 to 26, 1978. Colombo, 1978, с. 10.

⁹² Из 15 млн. человек населения Шри-Ланки 12 млн.—сингалы и 2 млн.—тамилы.

⁹³ В ходе столкновений было убито около 400 человек, 100 тыс. человек лишились крова, полностью были разрушены или существенно пострадали 18 тыс. жилых домов и 100 промышленных предприятий. В результате и без того большую армию безработных пополнили еще 150 тыс. человек.

⁹⁴ Second Congress of the Communist Party of Bangladesh (Documents): Dacca, 1974, с. 208.

⁹⁵ Там же, с. 217—218.

⁹⁶ Там же, с. 256.

⁹⁷ Правда. 30.10.1976.

⁹⁸ Правда. 11.10.1977.

⁹⁹ Declaration and Programme of the Communist Party of Bangladesh. Дacca, 1980, с. 37.

Глава VII

¹ В опубликованном в июле 1935 г. обращении Бюро секретариата ИККИ к VII Конгрессу Коминтерна указывалось, в частности, на то, что Коммунистическая партия Турции была небольшой группой, начавшей работать в легальных профсоюзах только в 1932 г. См.: Коммунистический Интернационал перед VII всемирным конгрессом (материалы). М., 1936. Левацкие перегибы мешали иранским коммунистам занять правильную позицию в отношении правительства Мосаддыка, когда «стали самовольно выдвигаться требования установления режима народной демократии. Это отпугнуло национальную буржуазию, средние слои и Мосаддыка... Отсутствие единого фронта опять повлекло тяжелые последствия...» (30-летие VII Конгресса Коминтерна. Материалы международной встречи в Праге. Прага, 1966, с. 74).

² Ленин В. И. VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП. 5—17 (18—30) января 1912 г.—Т. 21, с. 155.

³ Коммунист. [Баку]. 12.07.1920.

⁴ После падения режима Реза-шаха Пехлеви шахом Ирана был провозглашен его сын Мохаммед Реза Пехлеви, и в стране на какое-то время создались условия для легальной деятельности коммунистов и других левых сил.

⁵ См. об этом: Агаев С. Л. Левые силы и исламский режим в современном Иране.—Революционная демократия и коммунисты Востока. М., 1984.

⁶ Восток: рубеж 80-х годов. М., 1983, с. 161.

⁷ Там же, с. 162.

⁸ Билен И. Шестьдесят лет по пути марксизма-ленинизма.—Партийная жизнь. 1980, № 17.

⁹ Керван К. Первомай, профсоюзы, коммунисты.—Проблемы мира и социализма. 1980, № 5, с. 22.

¹⁰ Проблемы мира и социализма. 1979, № 2, с. 31.

¹¹ См. подробнее: Кутлу Х. Перед лицом диктатуры — за национальную демократию.—Проблемы мира и социализма. 1983, № 11, с. 24.

¹² ТКР МК General Sekreteri I. Bilen Yolda in МК Plenumu'nda okudugu Politik Büro Raporu. Agustos 1981, с. 19.

¹³ См.: Türkiye Komünist Partisi Mustafa Suphi 100. VII. Tezleri, 1983.

¹⁴ Программные документы коммунистических партий Востока. М., 1934, с. 158.

¹⁵ Проблемы мира и социализма. 1980, № 2, с. 16.

¹⁶ ТКР МК General Sekreteri I. Bilen Yolda in МК Plenumu'nda okudugu Politik Büro Raporu. [Б. м.]. Ağustos 1981, с. 55.

¹⁷ Atilim. Haziran, 1980, 1983.

¹⁸ Самая большая опасность. Брошюра КПТ. [Б. м.], 1943.

¹⁹ Проблемы мира и социализма. 1979, № 4, с. 17.

²⁰ ТКР МК General Sekreteri I. Bilen Yolda in МК Plenumu'nda okuduğu Politik Büro Raporu. [Б. м.], Ağustos 1981, с. 8, 11.

²¹ См.: *Кутлу Х.* Перед лицом диктатуры — за национальную демократию. — Проблемы мира и социализма. 1983, № 11, с. 26.

²² Там же, с. 27.

Глава VIII

¹ До 1944 г. СКП и ЛКП действовали в рамках единой компартии Сирии и Ливана (КПСЛ). II съезд в 1944 г. принял решение о разделении ее на Сирийскую и Ливанскую компартии. В 1948 г. они вновь объединились в КПСЛ. В ноябре 1958 г. состоялось окончательное решение о раздельном существовании партий.

² Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932. М., 1933, с. 835.

³ См. по этому вопросу: *Косач Г. Г.* Формирование коммунистического движения на Арабском Востоке (Египет, Сирия, Ливан — 20—30-е годы). — Революционный процесс на Востоке. М., 1982, с. 238—269.

⁴ Internationale Presse-Korrespondenz (Wien). 6 August 1924. Sondernummer, с. 1313; Entwicklung und Kampf der kommunistischen Bewegung in Asien und Africa. В., 1980, с. 31.

⁵ См. подробнее: Коминтерн и Восток. М., 1969, с. 127—173.

⁶ *Ван Мин.* О революционном движении в колониальных и полуколониальных странах и тактике компартий. — Коммунистический Интернационал. 1935, № 25, с. 40.

⁷ Как отмечал впоследствии генеральный секретарь Сирийской коммунистической партии Халед Багдаш, «первоочередной заботой пионеров коммунистического движения было стремление подчеркнуть, что самым верным путем к достижению цели является обязательное занятие позиции левее всех» (*Багдаш Х.* Арабское национально-освободительное движение и борьба за социализм. Дамаск, 1966, с. 15) (на араб. яз.).

⁸ Цит. по: *Пономарев Б. Н.* Актуальные проблемы теории мирового революционного процесса. — XXIV съезд КПСС: единство теории и практики. Сб. Вып. I. М., 1973, с. 367.

⁹ *Багдаш Х.* Избранные статьи. М., 1970, с. 72.

¹⁰ *Ланда Р. Г.* Кризис колониального режима в Алжире. 1931—1954. М., 1978, с. 133.

¹¹ Арабы в борьбе за независимость. М., 1957, с. 92.

¹² *Ланда Р. Г.* Алжир в борьбе за независимость. М., 1983, с. 69.

¹³ Там же, с. 72.

¹⁴ Заявление Совещания коммунистических и рабочих партий арабских стран. 1978, с. 7 (на араб. яз.).

¹⁵ Программа Иорданской коммунистической партии, принятая на II съезде ИКП. Декабрь 1983. [Б. м., б. г.], с. 37 (на араб. яз.).

¹⁶ Аль-Хадаф. 1984, № 735, с. 35.

¹⁷ Ан-Нахдж. 1984, № 3, с. 302.

¹⁸ Там же, с. 306.

¹⁹ Cahiers du communisme. 1983, № 2, с. 83.

²⁰ *Озолинг В. В.* Некоторые особенности социально-экономического развития нефтедобывающих стран Аравии. — Характерные черты социально-политического развития арабских стран в 50—70-е годы. Ер., 1980, с. 157.

²¹ Там же, с. 158.

²² *Ленин В. И.* Социализм и религия. — Т. 12, с. 146.

²³ Parti du Progrès et du Socialisme. Pour le changement démocratique en faveur des intérêts de la patrie et des droits du peuple. P., 1983, с. 108.

²⁴ *Ким Г. Ф.* От национального освобождения к социальному. М., 1982, с. 139.

²⁵ Конечно, имеются и немалые объективные трудности. К их числу относятся усложнившаяся взаимосвязь национального и социального в борьбе арабских народов; незавершенность процессов классовой дифференциации; мо-

значность внутренней структуры антиимпериалистического движения; сохраняющаяся отсталость форм политического противоборства и массового общественного сознания. Но эти трудности не стоят непреодолимой стеной на пути роста и укрепления арабского коммунистического движения. Опыт ряда партий показывает, что точный, научно обоснованный анализ обстановки, гибкая политическая линия с использованием средств и методов пропагандистской, политической и организаторской деятельности коммунистов, смелость в опоре на инициативу масс, их собственный политический опыт помогают коммунистам преодолевать трудности и успешно решать стоящие перед ними задачи.

²⁶ Заявление Совещания коммунистических и рабочих партий арабских стран. 1978, с. 8 (на араб. яз.).

²⁷ Палестинская коммунистическая партия. Программа. «За освобождение оккупированных палестинских земель, за осуществление неотъемлемых прав палестинского народа». — Материалы I съезда ПКП. 1983, с. 13 (на араб. яз.).

²⁸ Ливанская коммунистическая партия и ее борьба в документах. Бейрут, 1972 (на араб. яз.).

²⁹ IV национальный съезд Ливанской коммунистической партии. Отчет Центрального комитета (июль 1979 г.). Бейрут, 1979, с. 185—186 (на араб. яз.).

³⁰ Заявление ЦК Ливанской компартии. Бейрут, 28 февраля 1984 г. — Ан-Нахдж. 1984, № 3, с. 327.

³¹ Заявление коммунистических и рабочих партий арабских стран. Июнь 1984 г. — Ан-Нахдж. 1984, № 4, с. 331.

³² V съезд Сирийской коммунистической партии. М., 1982, с. 134.

³³ Там же, с. 165.

³⁴ Документы I съезда Египетской коммунистической партии. Бейрут, 1981, с. 123—124 (на араб. яз.).

³⁵ Материалы I съезда ПКП, с. 15—16.

³⁶ Parti du Progrès et du Socialisme, с. 93.

³⁷ V съезд Сирийской коммунистической партии, с. 152—153.

³⁸ Материалы I съезда ПКП, с. 15.

³⁹ Документы I съезда Египетской коммунистической партии, с. 121.

⁴⁰ См. подробнее гл. III, а также: *Нечкин Г. Н.* Полвека борьбы и испытаний. — Вопросы истории КПСС. 1984, № 3, с. 135, 139.

⁴¹ V съезд Сирийской коммунистической партии, с. 39.

⁴² Политические партии современной Африки (Справочник). М., 1984, с. 74.

⁴³ Там же, с. 75.

⁴⁴ Аль-Баян. 01.10.1984.

⁴⁵ Parti du progrès et du Socialisme, с. 51—66, 72—79, 99—108.

⁴⁶ Там же, с. 151.

⁴⁷ ССНС — крупная оппозиционная партия социал-демократического толка.

⁴⁸ Parti du progrès et du Socialisme, с. 94.

⁴⁹ Документы I съезда Египетской коммунистической партии, с. 141—145.

⁵⁰ 19 июля 1971 г. группа левонастроенных офицеров, неправильно оценившая обстановку, предприняла попытку государственного переворота, которая закончилась неудачно.

⁵¹ Правда. 18.09.1984.

⁵² Ан-Нахдж. 1984, № 3, с. 327.

З а к л ю ч е н и е

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 134.

² Страны социалистической ориентации «первого поколения» начали развитие по некапиталистическому пути в 60-е годы.

³ *Ленин В. И.* Беседа с делегацией Монгольской Народной Республики. 5 ноября 1921 г. — Т. 44, с. 233.

⁴ Там же.

⁵ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 134.

A team-work, *The Communist Movement and Its Development in the Emergent States of Asia and Africa*, written by scholars from the Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences, is another contribution to the series, "Development Paths for the Emergent Countries of the East" The book has the Introduction, two parts (eight chapters), and the Conclusion.

The Introduction deals with the strategy and tactics the communist parties in the East rely on and which were elaborated by the Comintern back in V Lenin's lifetime. It also outlines the historico-sociological aspects in the activities carried out by the communist parties in the East after World War II. One of the sections here highlights issues most typical of the communist movement in the zone of the national liberation struggle in the above period, defines the current stage of the revolution, its principle antagonists and allies. The communists, the authors argue, have done away with the objective challenges and leftism that confronted them and have formed under new conditions an effective united anti-imperialist front.

Part 1 analyses the currently topical issues of the development of the communist movement in the emergent countries in the 1970s-early 1980s, including the major problems of the strategy and tactics. Chapter 1 examines features in contemporary development of the national liberation movement, which helps the authors specify the actual conditions in which the communist parties operate now and the goals of their struggle. The chapter shows the successes of and challenges to the communist movement in the liberated countries and emphasizes the expedience of giving an adequate evaluation to the authority a communist party has in a specific country. Here the typology of communist parties is basically underlied by socio-political environment in which the communists act (socialism-oriented countries, capitalist countries with bourgeois-democratic or reactionary-dictatorial regimes). It also shows the correlation between socio-class and general national aspects in the policies pursued by the communist parties, the way socio-political coalitions may be set up in the struggle for the general democratic objectives. The authors show how in different countries the goals of the communists in a national democratic revolution take a definite shape (depending on its stage), their approaches towards establishing the united fronts and the experience of Marxist-Leninist parties' alliances in a united front with bourgeois parties and revolutio-

nary democratic organizations. In addition, the chapter discusses the issues of consolidation of the left-wing forces, how the communists in some countries overcome rifts in the communist movement, train Party cadres, and master forms and methods of struggle (both legal and clandestine). Special emphasis is placed on the role the communist parties play in drawing popular masses into the anti-war movement. In conclusion, the chapter raises the issue of struggle to win the minds of the masses.

Chapters 2-4 deal with the communists' policies towards the working class, peasantry and non-proletarian urban strata. Here the authors specify the main features and the socio-political role these classes and strata play in society, analyse factors which help and hinder the organizing, educational and ideological work of the communists among various social milieux, and make an attempt to sum up the experience of the communist parties' activities in the trade union, peasant, student and women's movements.

Part 2 shows how the communist movement develops under specific national conditions. Thus the reader can get a fairly good idea about various aspects of the strategy and tactics used by the communist parties in the liberated countries, their political line, successes, challenges to and prospects for their activities. The book examines problems of the communist movement's development by regions: South-East Asia (Chapter 5), South Asia (Chapter 6), West Asia (Chapter 7), Arab countries (Chapter 8). The authors give an emphatic attention to the Marxist-Leninist parties that currently play a prominent role in socio-political life of their countries, enjoy broad support of the people, and have a rich experience of the class struggle.

The authors analyse difficulties confronting the Marxist-Leninist parties in the liberation movement zone. History shows that vanguard parties of the people should make a strong and protracted effort to educate the broad masses in the spirit of the revolutionary traditions of the proletariat and, on this basis, to increase gradually their authority in the socio-political domain.

In the Conclusion the authors argue that today there are clear historical prospects for the development of the communist movement in the liberated countries. Indubitably, the communist parties of the East will continue correcting their mistakes and overcoming difficulties concurrently consolidating their positions and gains to become a major factor of social life in their countries and an influential detachment of the world communist movement.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
В. И. Ленин и Коминтерн о некоторых вопросах стратегии и тактики компартий стран Востока	12
Изменение внешних и внутренних условий борьбы компартий	22
Коммунисты вырабатывают новую стратегию и тактику	25
Некоторые вопросы борьбы коммунистов с левачеством	30
Часть первая.	
Проблемы стратегии и тактики	37
Глава I. Современный этап развития коммунистического движения афро-азиатских стран (70-е — первая половина 80-х годов)	37
Успехи и трудности сил национального и социального освобождения	37
Коммунисты в первых рядах борцов за интересы трудящихся	41
Стратегия и тактика коммунистов в различных политических и социальных условиях	44
Определение этапа борьбы, проблема единого фронта	48
Некоторые другие вопросы борьбы компартий стран Востока	61
Глава II. Коммунисты и рабочий класс в освободившихся странах	71
Рабочий класс и его общественно-политическая роль	72
Массовая организационная и идейно-воспитательная работа коммунистов	88
Глава III. Коммунисты и крестьянство	109
Трудовое крестьянство как союзник рабочего класса	109
Аграрные программы компартий	122
Организация борьбы за землю	130
Поддержка крестьянских выступлений, направленных на улучшение условий хозяйственного воспроизводства	141
Защита интересов сельскохозяйственных рабочих	146
О некоторых трудностях работы коммунистов в деревне	153
Глава IV. Коммунисты и непролетарские слои трудящихся	163
Средние городские слои	163
Городские низы	179
Часть вторая.	
Деятельность коммунистических партий в национально-специфических условиях	188
Глава V. Юго-Восточная Азия	190
Глава VI. Южная Азия	228
Индия	230
Шри-Ланка	257
Бангладеш	269
Глава VII. Западная Азия	280
Иран	281
Турция	288
Глава VIII. Коммунистическое движение в странах Арабского Востока	297
Возникновение коммунистического движения	297
Современные социально-политические условия деятельности коммунистического движения	310
Коммунистическое движение в 70—80-е годы: основные проблемы стратегии и тактики	320
Заключение	339
Примечания	343
Summary	365

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАНАХ
АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Т. Божко*
Младший редактор *Г. С. Горюнова*
Художник *М. Р. Ибрагимов*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректоры *Л. Н. Дегярева*
и *Л. С. Кузнецова*

ИБ № 15571

Сдано в набор 22.01.87. Подписано к печати 01.06.87. А-09343. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 23,0. Усл. кр.-отт. 23,0. Уч.-изд. л. 26,25. Тираж 2100 экз. Изд. № 6256. Зак. № 48. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

